

РУССКАЯ ИДЕЯ

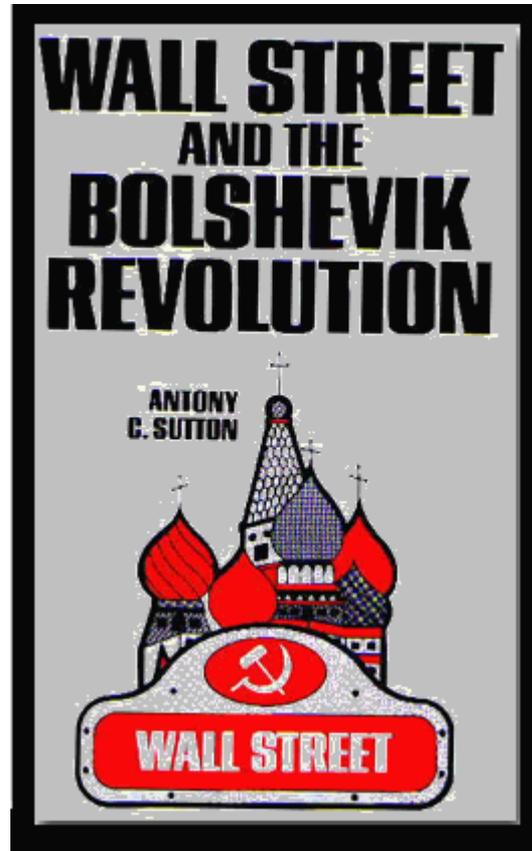
Энтони САТТОН

**УОЛЛ-СТРИТ
И
БОЛЬШЕВИЦКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ**

Уолл-стрит и большевистская революция

Энтони Саттон

Эта книга написана американским патриотом. На основании рассекреченных правительственных архивов США, Канады и Великобритании он подвергает жесткой критике властные круги своей страны за эгоистичную политику, противоречащую интересам американского народа. Но исследование Э. Саттона, вышедшее в 1974 г. в американском издательстве “Арлингтон Хаус”, чрезвычайно важно и для русского читателя. Проф. Э. Саттон документально доказывает: “Без финансовой, дипломатической и политической поддержки, оказанной Троцкому и Ленину их мнимыми “противниками”, а на деле заинтересованными в революции союзниками — капиталистами Уолл-стрита — большевики вполне могли быть сметены”.

Москва «Русская Идея» — 1998

Оглавление

Уолл-стрит и большевистская революция	1	Глава 11. Альянс банкиров и революции	106
Оглавление	3	Приложение 1. Директора крупных банков, фирм и учреждений, упомянутых в этой книге (1917-1918).....	114
Предисловие издательства.....	3	Приложение 2. Теория большевицкой революции, как еврейского заговора ...	118
Об авторе.....	4	Приложение 3. Некоторые документы из правительственных архивов США и Великобритании.....	121
Предисловие автора	5	Избранная библиография.....	135
Глава 1. Актёры на революционной сцене	6	Приложение 4. Меморандум д-ра Гельфанда. Подготовка массовой политической забастовки в России	138
Глава 2. Троцкий покидает Нью-Йорк	9	Приложение 5. Список № 1 лиц, проехавших через Германию во время войны	148
Глава 3. Ленин и германская помощь большевикам	21	Приложение 6. Война Троцкого и Ленина против Церкви.....	153
Глава 4. Уолл-стрит и мировая революция	27	Приложение 7. Обращения русского Зарубежья к Генуэзской конференции	160
Глава 5. Миссия американского красного креста в россии. 1917.	42	За кулисами «русской» революции.	
Глава 6. Консолидация и экспорт революции.....	54	Послесловие издателя	166
Глава 7. Большевики возвращаются в Нью-Йорк	69		
Глава 8. Нью-Йорк, Бродвей 120	77		
Глава 9. «Гаранти Траст» идёт в Россию	90		
Глава 10. Дж. П. Морган слегка помогает и другой стороне.....	102		

Предисловие издательства

Эта книга написана американским патриотом. На основании рассекреченных правительственных архивов США, Канады и Великобритании он подвергает жёсткой критике властные круги своей страны за эгоистичную политику, противоречащую интересам американского народа.

Но исследование Э. Саттона, вышедшее в 1974 г. в американском издательстве «Арлингтон Хаус», чрезвычайно важно и для русского читателя.

Проф. Э. Саттон документально доказывает: «Без финансовой, дипломатической и политической поддержки, оказанной Троцкому и Ленину их мнимыми «противниками», а на деле заинтересованными в революции союзниками — капиталистами Уолл-стрита — большевики вполне могли быть сметены».

История отношений между этими двумя «союзниками-противниками» претерпела в XX веке несколько этапов: совместное разрушение русской православной государственности, стройки пятилеток, военный союз против националистических режимов в Западной Европе; затем — период «холодной войны» и победа в ней Запада, вылившаяся в «совместную российско-американскую революцию» 1990-х годов (выражение Б. Ельцина на встрече с Б. Клинтон в Москве).

Но разобраться во всём этом невозможно без анализа первой «совместной американо-русской революции» 1917 года и закулисных причин победы большевиков в гражданской войне.

Причины эти таковы, что до сих пор ни советская, ни западная историография не были заинтересованы даже в их опубликовании.

Не заинтересована в этом и либерально-розовая историография в посткоммунистической РФ. Однако, не предлагая пока собственных выводов (этому посвящено издательское послесловие), дадим слово проф. Э. Саттону.

Стоит только сразу предупредить русского читателя, что, будучи американцем, республиканцем и не вникая в особенности российской монархической государственности, как и в раскладку сил в нашей гражданской войне 1917-1922, автор допускает в этом отношении суждения, с которыми издатель не всегда может согласиться.

Тем не менее, документальная ценность книги, по нашему мнению, превышает отмеченные проявления непонимания, которые объясняются, прежде всего, более чем столетней искажённой трактовкой облика России за Западе, что не могло не повлиять на выросшего там человека, даже столь доброжелательного к русскому народу.

Все цифровые сноски в книге принадлежат проф. Э. Саттону; кое-где для лучшего понимания исторических реалий под звездочками добавлены примечания редактора альманаха «РИ».

М.Н.

Об авторе

Энтони Саттон родился в Лондоне в 1925 г., учился в Лондонском, Геттингенском и Калифорнийском университетах, получив докторскую степень. Стал гражданином США, где провёл большую часть жизни.

Был профессором экономики университета штата Калифорния в Лос-Анжелесе, затем с 1968 по 1973 гг. занимался исследовательской работой в Гуверовском институте Стэнфордского университета.

Международную известность Э. Саттону принесло написанное им в эти годы трёхтомное научное исследование «Западная технология и советское экономическое развитие» (в 1917-1930, 1930-1945 и 1945-1965 гг.), а также книга «Национальное самоубийство: военная помощь Советскому Союзу».

Главная цель этих работ — показать, как западная техническая помощь Советскому Союзу помогла создать военный аппарат, ставший угрозой некоммунистическому миру.

Однако под давлением Белого дома институт Гувера затруднил работу Саттона, лишив его финансирования.

Заинтригованный мощными силами, стоявшими за этим запретом, Саттон опубликовал в 1970-е годы ещё три исследования — о финансовой и политической поддержке международными банкирами Уолл-стрита трёх вариантов социализма: «Уолл-стрит и большевицкая революция», «Уолл-стрит и приход Гитлера к власти», «Уолл-стрит и Франклин Рузвельт».

В начале 1980-х гг. Саттон написал следующую серию книг: «Введение в Орден», «Как Орден контролирует образование», «Тайный культ ордена», в которых пытается прояснить способы формирования «мировой закулисы» и методы её действий.

Одна из этих книг — «Как орден организует войны и революции» — вышла в 1995 г. в русском переводе в московском издательстве «Паллада».

После вынужденного ухода из Стэнфорда, Саттон стал также издавать ежемесячный информационный бюллетень «Phoenix Letter», а с 1990 г. — бюллетень «Future Technology Intelligence Report» о скрываемых технологиях.

В числе других его книг: «Трёхсторонняя комиссия в Вашингтоне», «Алмазная связь», «Золото против бумаги», «Война за золото», «Энергия и организованный кризис»; в 1990-е годы вышли «Заговор Федерального резервного банка» и «Трёхсторонняя комиссия над Америкой».

Проф. Э. Саттон по убеждениям конституционалист и открыто высказывает критику любых противозаконных действий, всегда основанную на документах и проверенных фактах.

П.В. Тулаев

Посвящается тем неизвестным русским борцам за свободу, называемым «зелёными», которые в 1919 году боролись и против красных, и против белых в попытке добиться свободной России.

Предисловие автора

С начала 1920-х годов многочисленные статьи, брошюры и даже несколько книг пытаются выковать соединительное звено цепи между «международными банкирами» и «большевицкими революционерами».

Редко когда эти попытки основывались на убедительных доказательствах и никогда не аргументировались научными методами. Некоторые из «доказательств», использованных при таких попытках, были ложными, другие не имели отношения к делу, многое вообще нельзя было проверить.

Теоретики тщательно избегали исследования этого вопроса; вероятно, потому, что он нарушает чёткое разделение на капиталистов и коммунистов (каждый, конечно, знает, что они злейшие враги).

А так как очень многое из того, что было написано по этому вопросу, граничит с абсурдом, незапятнанная репутация учёного легко могла быть выставлена на посмешище. Причина достаточная, чтобы избежать этой темы.

К счастью, архив Государственного департамента США, в частности фонд 861.00, содержит обширную документацию об этой предполагаемой взаимосвязи.

И когда доказательства из официальных документов соединяются с неофициальными свидетельствами в биографиях, личных документах и житейских историях, то возникает интересная картина.

Мы обнаруживаем, что действительно существовала взаимосвязь между некоторыми международными банкирами Нью-Йорка и многими революционерами, включая большевиков.

Оказывается, джентльмены банковского дела, названные в книге, были кровно заинте-

ресованы в успехе большевицкой революции и «болели» за неё.

Кто, почему и за сколько — об этом и рассказывается в книге.

Энтони Саттон. Март 1974 г.

Глава 1. Актёры на революционной сцене

«Дорогой г-н Президент, я симпатизирую советской форме правления, как наиболее подходящей для русского народа...»

Из письма президенту США Вудро Вильсону (17 октября 1918 г.) от Уильяма Лоренса Саундерса, президента корпорации «Ингерсолл-Рэнд», директора корпорации «Америкэн Интернэшнл» и вице-председателя правления Федерального резервного банка Нью-Йорка.

Фронтиспис этой книги нарисован в 1911 году карикатуристом Робертом Майнором для «Сент-Луис пост диспэтч». Майнор был талантливым художником и писателем, под личиной которого скрывался большевик-революционер; в 1915 году он был арестован в России по обвинению в подрывной деятельности и позже вызволен видными финансистами Уолл-стрита.

Карикатура Майнора изображает бородатого сияющего Карла Маркса, который стоит на Уолл-стрит с книгой «Социализм» подмышкой и принимает поздравления от финансовых светил: Дж. П. Моргана, его партнёра Джорджа У. Перкинса, самодовольного Джона Д. Рокфеллера, Джона Д. Райана из «Нэшнл Сити Бэнк» и на втором плане — Тедди Рузвельта, заметного своими знаменитыми зубами.

Уолл-стрит украшена красными флагами. Ликующая толпа и взлетающие в воздух шляпы намекают, что Карл Маркс был весьма популярен у финансистов Нью-Йорка.

Были ли это грёзы Роберта Майнора? Совсем нет. Мы увидим, что Роберт Майнор имел солидные основания отразить этот восторженный союз Уолл-стрита и марксистского социализма.

Персонажи карикатуры — Карл Маркс (символизирующий будущих революционеров Ленина и Троцкого), Дж. П. Морган, Джон Д. Рокфеллер, а также и сам Майнор — и являются действующими лицами данной книги.

Парадокс, изображённый на карикатуре Майнора, был скрыт под покровом истории, ибо не укладывался в общепринятое понятие политического спектра — от левых до правых.

Большевики находились на левом его краю, а финансисты Уолл-стрита — на правом; поэтому подразумевалось, что у этих двух групп нет ничего общего и любой союз между ними является абсурдом. Факты, противоречащие этой концепции, обычно отбрасываются как натяжки или недоразумения.

Тем не менее, современная история обладает внутренней двойственностью и, поскольку слишком много неудобных фактов было отброшено или скрыто, такая историография — неточна.

С другой стороны, можно заметить, что крайне правый и крайне левый фланги традиционного политического спектра являются абсолютными коллективистами.

Национал-социалист (например, фашист) и интернационал-социалист (например, коммунист) одинаково насаждают тоталитарные политико-экономические системы, основанные на неограниченной власти и принуждении индивидуума. Обе эти системы требуют монопольного контроля над обществом.

Монополизм в промышленности был когда-то целью Дж. П. Моргана и Дж. Д. Рокфеллера, но к концу XIX века жрецы Уолл-стрита поняли, что наиболее эффективный путь к завоеванию непоколебимой монополии заключается в том, чтобы «пойти в политику» и заставить общество работать на монополистов под вывеской общественного блага и общественных интересов.

Эта стратегия была детализирована в 1906 году Фредериком К. Хоувом в его книге

«Признания монополиста»¹. Хоув, кстати, также является одной из заметных фигур в истории большевицкой революции.

Альтернативным концептуальным пакетом политико-экономических систем и идей было бы определение степени индивидуальной свободы и степени противостоящего ей централизованного политического контроля.

При таком подходе капиталистическое государство всеобщего благосостояния и социализм находятся на одном краю спектра. Отсюда мы видим, что попытки монополизировать контроль над обществом могут иметь разные названия и в то же время обладать общими характеристиками.

Следовательно, препятствием для верного понимания современной истории является представление, что капиталисты — заклятые и непреклонные враги марксистов и социалистов. Это ошибочное представление исходит от Карла Маркса и, несомненно, оно соответствовало его целям.

Фактически же оно неверно. Существовала и существует неразрывная, хотя и скрываема взаимосвязь между международными политиками-капиталистами и международными революционерами-социалистами — к их взаимной выгоде.

Эта связь осталась незамеченной в основном потому, что историки, за редкими исключениями, имеют неосознанную марксистскую направленность и таким образом замыкаются на невозможности существования такой взаимосвязи.

Свободно же мыслящий читатель должен иметь два ключа к её разгадке:

1) капиталисты-монополисты являются злейшими врагами свободного предпринимательства, и

2) с учётом неэффективности централизованного планирования при социализме, тоталитарное социалистическое государство является прекрасным рынком для его захвата капиталистическими монополиями, если им удастся заключить союз с представителями социалистической власти.

Предположим, и в данный момент это только гипотеза, что американские капиталисты-монополисты смогли низвести плановую социалистическую Россию до статуса порабощённой технической колонии.

Не будет ли это логическим интернационалистским продолжением в XX веке монополии Моргана в области железных дорог или нефтяного треста Рокфеллера конца XIX века?

Кроме Габриэля Колко, Мюррея Ротбарда и ревизионистов, никого из историков не насторожила такая комбинация событий. Историографии, за редкими исключениями, было навязано разделение на капиталистов и социалистов.

Монументальное и легко читаемое исследование Джорджа Кеннана о русской революции настойчиво поддерживает эту фикцию о противоположности Уолл-стрита и большевиков².

Его книга «Россия выходит из войны» содержит единственную случайную ссылку на фирму Дж. П. Моргана и не содержит ни одной ссылки на компанию «Гаранта Траст».

Но обе эти организации широко упоминаются в архивных документах Государственного департамента, на которые я часто ссылаюсь в этой книге, и обе они дают основания для рассмотрения здесь соответствующих доказательств.

Ни сознавшийся «большевицкий банкир» Олоф Ашберг, ни «Ниа Банкен» из Стокгольма не упоминаются у Кеннана, хотя они и сыграли главную роль в финансировании

¹ «Существуют правила большого бизнеса. Они заменяют поучения наших родителей и сводятся к простой формуле: получи монополию, заставь общество работать на тебя и помни, что лучшим видом бизнеса является политика, ибо законодательная дотация, франшиза, субсидия или освобождение от налогов стоят больше, чем месторождение в Кимберли или Комстоке, так как первые не требуют для своего использования ни умственного, ни физического труда» (Frederick C. Howe. Confessions of a Monopolist. [Chicago: Public Publishing. 1906], p. 157.)

² George F. Kennan. Russia Leaves the War (New York: Athenedm, 1967); Decision to Intervene: Soviet-American Relations, 1917-1920 (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1958).

большевиков.

Более того, в некоторых важных обстоятельствах, по крайней мере, важных для нашей аргументации, Кеннан ошибается и фактически.

Например, он пишет, что директор Федерального резервного банка Уильяме Бойс Томпсон уехал из России 27 ноября 1917 года. Эта дата отъезда делает невозможным пребывание Томпсона в Петрограде 2 декабря 1917 года, когда он передал по телеграфу Моргану в Нью-Йорк запрос на 1 миллион долларов.

На самом деле Томпсон уехал из Петрограда 4 декабря 1917 года, через два дня после отправки телеграммы в Нью-Йорк.

Далее, Кеннан заявляет, что 30 ноября 1917 года Троцкий произнёс речь перед Петроградским советом, в которой заметил: «Сегодня у меня в Смольном институте были два американца, тесно связанных с капиталистическими элементами...».

По мнению Кеннана, «трудно себе представить», кто «мог быть этими двумя американцами, если не Робинс и Гомберг». Но, на самом деле, Александр Гомберг был русским, а не американцем.

А так как Томпсон 30 ноября 1917 года всё ещё находился в России, то двумя американцами, которые посетили Троцкого, скорее всего были Раймонд Робинс, учредитель горнопромышленных компаний, превратившийся в благодетеля, и Томпсон из Федерального резервного банка Нью-Йорка.

О большевизации Уолл-стрита было известно хорошо информированным кругам ещё в 1919 году. Журналист Баррон, специализирующийся на финансовых темах, записал в 1919 году беседу с нефтяным магнатом Э.Х. Дохени и особо выделил трёх видных финансистов — Уильяма Бойса Томпсона, Томаса Ламонта и Чарльза Р. Крейна:

«Борт парохода “Аквитания”, вечер в пятницу, 1 февраля 1919 года.

Провёл вечер с семьёй Дохени в их каюте. Г-н Дохени сказал: “Если вы верите в демократию, вы не можете верить в социализм. Социализм это яд, который разрушает демократию. Демократия означает возможность для всех. Социализм же даёт надежду, что человек может бросить работу и быть богаче.

Большевизм является истинным плодом социализма, и если вы прочтёте интересное показание в сенатском комитете примерно в середине января, которое изобличило всех этих пацифистов и миротворцев, как симпатизирующих немцам, как социалистов и большевиков, вы увидите, что в колледжах США большинство профессоров преподаёт социализм и большевизм и что 52 профессора колледжей состояли в 1914 году в так называемых комитетах защиты мира.

Президент Элиот из Гарварда преподаёт большевизм. Самыми отъявленными большевиками в США являются не только профессора колледжей, один из которых президент Вильсон, но и капиталисты и жёны капиталистов — и кажется, никто не знает, о чём они говорят.

Уильям Бойс Томпсон преподаёт большевизм, он может обратиться в свою веру Ламонта из фирмы «Дж. П. Морган & Компани». Вандерлип — большевик, Чарльз Р. Крейн — тоже. Многие женщины присоединяются к их движению, и ни они, ни их мужья не знают, что это и к чему это приведёт.

Ещё один — это Генри Форд, а также большинство из тех ста историков, которых Вильсон взял с собой за границу в идиотской надежде, что история научит молодёжь правильно разграничивать расы, народы и страны с географической точки зрения»³.

Короче говоря, в этой книге предлагается история о большевицкой революции и её последствиях, но история, которая расходится с традиционно упрощённым подходом «капиталисты — против коммунистов».

В нашей истории утверждается партнёрство международного монополистического ка-

3 Arthur Pound and Samuel Taylor Moore. They Told Barron (New York: Haiper & Brothers, 1930), pp. 13-14.

питализма и международного революционного социализма, направленное к их взаимной выгоде.

Итоговую же человеческую цену за этот союз пришлось заплатить простым русским людям и простым американцам. В результате этих манёвров монополистов в сфере политики и революции предпринимательство получило дурную славу, и мир подталкивали к неэффективному социалистическому планированию.

Эта история вскрывает также предательство российской революции. Цари и их коррумпированная политическая система были сброшены лишь для того, чтобы быть замененной посредниками власти новой коррумпированной политической системы.

США могли оказать доминирующее влияние для освобождения России, но они уступили амбициям нескольких финансистов с Уолл-стрит, которые ради собственных целей могли согласиться и на централизованную царскую Россию, и на централизованную марксистскую Россию, но никак не на децентрализованную свободную Россию.

Причины этого вскроются, когда мы проследим до сих пор не рассказанную историю русской революции и её последствий⁴.

Глава 2. Троцкий покидает Нью-Йорк

«Вы получите революцию, ужасную революцию. Какой курс она изберёт, будет во многом зависеть от того, что г-н Рокфеллер прикажет сделать г-ну Хейгу. Г-н Рокфеллер является символом американского правящего класса, а г-н Хейг [политик от штата Нью-Джерси] является символом его политических орудий».
Лев Троцкий, «Нью-Йорк таймс», 13 декабря 1938 г.

В 1916 году, за год до русской революции, интернационалист Лев Троцкий был выслан из Франции. По официальной версии, за его участие в Циммервальской конференции, но также, несомненно, из-за его зажигательных статей, написанных для русскоязычной газеты «Наше слово», издававшейся в Париже.

В сентябре 1916 года Троцкий был вежливо препровождён французской полицией через испанскую границу. Через несколько дней мадридская полиция арестовала интернационалиста и поместила его в «камеру первого класса» за полторы пестеты в день.

Впоследствии Троцкий был перевезён в Кадис, затем в Барселону, чтобы в конце концов быть посаженным на борт парохода «Монсеррат» Испанской трансатлантической компании. Троцкий вместе с семьёй пересёк Атлантику и 13 января 1917 года высадился в Нью-Йорке.

Другие троцкисты также совершили путь через Атлантику в западном направлении.

Одна группа троцкистов сразу же приобрела значительное влияние в Мексике и написала Конституцию Керетаро для революционного правительства Каррансы в 1917 году, предоставив тем самым Мексике сомнительную честь иметь первое в мире правительство, которое приняло конституцию советского типа.

Как Троцкий, знавший только немецкий и русский языки, выжил в капиталистической Америке?

Судя по его автобиографии «Моя жизнь», его «единственной профессией в Нью-Йорке была профессия революционера». Другими словами, Троцкий время от времени писал статьи для русского социалистического журнала «Новый мир», издававшегося в Нью-Йорке.

Ещё мы знаем, что в нью-йоркской квартире семьи Троцкого были холодильник и телефон; Троцкий писал, что иногда они ездили в автомобиле с шофёром.

Этот стиль жизни озадачивал двух маленьких сыновей Троцкого. Когда они вошли в

⁴ Существует параллельная и также неизвестная история движения махновцев, которые воевали и с «белыми», и с «красными» в Гражданскую войну 1919-1920 (см.: Voline. The Unknown Revolution [New York: Libertarian Book Club, 1953]). Было также движение «зелёных», которое воевало и против белых, и против красных. Автор никогда не встречал даже отдельных упоминаний о «зелёных» ни в одной истории большевицкой революции. А армия зелёных насчитывала не менее 700.000 человек.

кондитерскую, мальчики с волнением спросили мать: «Почему не вошел шофер?»⁵

Этот шикарный образ жизни также противоречит доходам Троцкого, который признался, что в 1916 и 1917 годах получил только 310 долларов, и добавил: «Эти 310 долларов я распределил между пятью возвращавшимися в Россию эмигрантами».

Однако Троцкий заплатил за первоклассную комнату в Испании, семья его проехала по Европе, в США они сняли превосходную квартиру в Нью-Йорке, внося за неё плату за три месяца вперёд, использовали автомобиль с шофёром.

И всё это — на заработок бедного революционера за несколько его статей в русскоязычных изданиях, издававшихся небольшим тиражом — в парижской газете «Наше слово» и нью-йоркском журнале «Новый мир»!

Джозеф Недава оценивает доход Троцкого в 1917 году в 12 долларов в неделю «и ещё какие-то гонорары за лекции»⁶.

Троцкий пробыл в Нью-Йорке в 1917 году три месяца, с января по март, так что, его доход от «Нового мира» составил 144 доллара и, допустим, было ещё 100 долларов гонораров за лекции — итого 244 доллара.

Из них Троцкий смог отдать 310 долларов друзьям, платить за нью-йоркскую квартиру, обеспечивать семью — и отложить 10.000 долларов, которые забрали у него канадские власти в апреле 1917 года в Галифаксе.

Троцкий заявляет, что те, кто говорит о наличии у него других источников дохода — «клеветники», распространяющие «глупые измышления» и «ложь»; но таких расходов Троцкий не мог делать, разве что, он играл на ипподроме на Ямайке. Троцкий явно имел скрытый источник дохода.

Что это был за источник? Артур Уиллерт в своей книге «Дорога к безопасности» сообщает, что Троцкий зарабатывал на жизнь электриком в студии «Фокс фильм».

Ряд писателей упоминает другие места работы, но нет доказательств, что Троцкий получал деньги за иную работу, кроме писания статей и выступлений.

Наше расследование может быть сосредоточено на бесспорном факте: когда Троцкий уехал из Нью-Йорка в Петроград в 1917 году, чтобы организовать большевицкую фазу революции, у него были с собой 10.000 долларов.

В 1919 году Овермановский комитет Сената США расследовал вопрос большевицкой пропаганды и германских денег в США и в одном случае затронул источник этих 10.000 долларов Троцкого.

Опрос в Овермановском комитете полковника Хербана, атташе чешской дипломатической миссии в Вашингтоне, дал следующее:

«Полковник Хербан: Троцкий, вероятно, взял деньги у Германии, но он будет отрицать это. Ленин бы не отрицал. Милюков доказал, что Троцкий получил 10.000 долларов от каких-то немцев, когда был в Америке. У Милюкова было доказательство, но тот отрицал это. Троцкий отрицал, хотя у Милюкова было доказательство.

Сенатор Оверман: Обвинение заключалось в том, что Троцкий получил 10.000 долларов здесь.

Полковник Хербан: Я не помню сколько, но я знаю, что проблема между ним и Милюковым заключалась в этом.

Сенатор Оверман: Милюков доказал это, не так ли?

Полковник Хербан: Да, сэр.

Сенатор Оверман: Знаете ли вы, где он их взял?

Полковник Хербан: Я вспоминаю, что их было 10.000; но это не имеет значения. Я буду говорить об их пропаганде. Германское правительство знало Россию лучше, чем кто-либо, и оно знало, что с помощью этих людей оно сможет разрушить русскую армию. (В

5 Leon Trotsky. My Life (New York: Scribner's, 1930), chap. 22.

6 Joseph Nedava. Trotsky and the Jews (Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1972), p. 163.

17:45 подкомитет прервал работу до следующего дня, среды, 19 февраля, до 10:30)»⁷.

Очень удивляет, что комитет прервал свою работу внезапно, до того, как источник денег Троцкого мог попасть в протокол Сената. Когда на следующий день слушание возобновилось, Овермановский комитет уже не интересовался Троцким и его 10.000 долларами.

Позже мы рассмотрим доказательства, касающиеся поддержки финансовыми домами Нью-Йорка германской и революционной деятельности в США; тогда и уточним источники 10.000 долларов Троцкого.

Эти 10.000 долларов германского происхождения упоминаются и в официальной британской телеграмме военно-морским властям Галифакса, которые обратились с запросом о снятии с парохода «Кристианиафиорд» Троцкого и его группы, направляющихся для участия в революции (см. ниже).

Мы также узнаем из отчёта Британского управления разведки⁸, что Григорий Вайнштейн, который в 1919 году станет видным деятелем Советского бюро в Нью-Йорке, собирал в Нью-Йорке деньги для Троцкого.

Эти деньги поступали из Германии через германскую ежедневную газету «Фольксцайтунг», издававшуюся в Нью-Йорке, и ссужались они германским правительством.

Хотя официально и сообщается, что деньги Троцкого были германскими, Троцкий активно занимался американской политикой перед тем, как уехать из Нью-Йорка в Россию для участия в революции.

5 марта 1917 года американские газеты писали об увеличивающейся возможности войны с Германией; в тот же вечер Троцкий на заседании Социалистической партии округа Нью-Йорк предложил резолюцию, «предписывающую социалистам поощрять забастовки и сопротивляться мобилизации в случае войны с Германией»⁹.

В «Нью-Йорк таймс» Троцкий был назван «высланным русским революционером». Луис К. Фрайна, который вместе с Троцким предложил эту резолюцию, позже — под псевдонимом — написал лестную книгу о финансовой империи Моргана: «Дом Моргана»¹⁰.

Против предложения Троцкого-Фрайны выступила фракция Морриса Хиллквита, и в результате социалистическая партия проголосовала против резолюции¹¹.

Почти через неделю, 16 марта, во время свержения царя, Лев Троцкий давал интервью в помещении «Нового мира». В этом интервью прозвучало его пророческое заявление о ходе российской революции:

«...Комитет, который занял в России место низложенного кабинета министров, не представляет интересы или цели революционеров; а значит, по всей вероятности, он просуществует недолго и уступит место людям, которые будут более уверенно проводить демократизацию России»¹².

Эти «люди, которые будут более уверенно проводить демократизацию России», то есть меньшевики и большевики, находились тогда в изгнании за границей и сначала должны были вернуться в Россию.

Временный «комитет» был поэтому назван Временным правительством; следует подчеркнуть, что это название было сразу принято в самом начале революции, в марте, а не введено позже историками.

Вудро Вильсон и паспорт для Троцкого

7 United States, Senate. Brewing and Liquor Interests and German and Bolshevik Propaganda (Subcommittee on the Judiciary), 65th Cong., 1919.

8 Special Report No. 5. The Russian Soviet Bureau in the United States, July 14, 1919, Scotland House, London S.W.I. Copy in U.S. State Dep. Decimal File, 316-23-1145.

9 New York Times, March 5, 1917.

10 Lewis Corey. House of Morgan: A Social Biography of the Masters of Money (New York: G.W. Watt, 1930).

11 Моррис Хиллквит (ранее Хиллковиц) был защитником Йоханна Мост после убийства президента Маккинли, а в 1917 г. стал лидером Социалистической партии в Нью-Йорке. В 1920-х гг. Хиллквит обосновался в банковском мире Нью-Йорка, став директором и юристом банка «Интернэшнл Юнион». При президенте Д. Рузвельте Хиллквит помогал разрабатывать коды NRA для швейной промышленности.

12 New York Times, March 16, 1917.

Тем волшебником, который выдал Троцкому паспорт для возвращения в Россию, чтобы «продвигать» революцию, — был президент США Вудро Вильсон. К этому американскому паспорту прилагались виза для въезда в Россию и британская транзитная виза.

Дженнингс К. Уайс в книге «Вудро Вильсон: Ученик революции» делает уместный комментарий: «Историки никогда не должны забывать, что Вудро Вильсон, несмотря на противодействие британской полиции, дал Льву Троцкому возможность въехать в Россию с американским паспортом».

Президент Вильсон облегчил Троцкому проезд в Россию именно тогда, когда бюрократы Государственного департамента, озабоченные въездом таких революционеров в Россию, старательно пытались в одностороннем порядке ужесточить процедуры выдачи паспортов.

Сразу же после того, как Троцкий пересёк финско-русскую границу, дипломатическая миссия в Стокгольме 13 июня 1917 года направила Государственному департаменту телеграмму:

«Миссия была конфиденциально информирована русским, английским и французским паспортными бюро на русской границе в Торнеа, что они серьёзно озабочены проездом подозрительных лиц с американскими паспортами»¹³.

На эту телеграмму Государственный департамент в тот же день ответил: «Департамент осуществляет особую осторожность при выдаче паспортов для России»; департамент также разрешил миссии произвести расходы на создание бюро паспортного контроля в Стокгольме и нанять «абсолютно надёжного американского гражданина» для осуществления этого контроля¹⁴.

Но птичка уже улетела. Меньшевик Троцкий с большевиками Ленина уже были в России, чтобы «продвигать вперёд» революцию. Возведённая паспортная сеть поймала только более легальных пташек.

Например, 26 июня 1917 года уважаемый нью-йоркский газетчик Герман Бернштейн на пути в Петроград, где он должен был представлять «Нью-Йорк геральд», был задержан на границе и не допущен в Россию.

С опозданием, в середине августа 1917 года, российское посольство в Вашингтоне обратилось к Государственному департаменту (и он согласился) с просьбой «не допускать въезда в Россию преступников и анархистов... многие из которых уже проникли в Россию»¹⁵.

Следовательно, когда 26 марта 1917 года пароход «Кристианиафиорд» покинул Нью-Йорк, Троцкий отплывал на его борту с американским паспортом именно в силу льготного режима.

Он был в компании других революционеров-троцкистов, финансистов с Уолл-стрит, американских коммунистов и прочих заинтересованных лиц, лишь немногие из которых взошли на борт для законного бизнеса.

Эта пёстрая смесь пассажиров была описана американским коммунистом Линкольном Стеффенсом так:

«Список пассажиров был длинным и таинственным. Троцкий находился в третьем классе с группой революционеров; в моей каюте был японский революционер. Было много голландцев, спешащих домой с Явы — единственные невинные люди на борту. Остальные были курьерами, двое были направлены с Уолл-стрит в Германию...»¹⁶.

Интересно, что Линкольн Стеффенс плыл в Россию по особому приглашению Чарльза Ричарда Крейна, сторонника и бывшего председателя финансового комитета Демократической партии.

13 U.S. State Dept. Decimal File, 316-85-1002.

14 Ibid.

15 Ibid., 861.111/315.

16 Lincoln Steffens. Autobiography (New York: Harcourt, Brace, 1931), p. 764.

Чарльз Крейн, вице-президент фирмы «Крейн Компани», организовал в России компанию «Вестингауз» и в период с 1890 по 1930 годы побывал там не менее двадцати трёх раз.

Его сын Ричард Крейн был доверенным помощником тогдашнего государственного секретаря Роберта Лансинга. По словам бывшего посла в Германии Уильяма Додда, Крейн «много сделал, чтобы вызвать революцию Керенского, которая уступила дорогу коммунизму»¹⁷.

И поэтому комментарии Стеффенса в его дневнике о беседах на борту парохода «Кристианиафиорд» весьма достоверны: «...все согласны, что революция находится только в своей первой фазе, что она должна расти. Крейн и российские радикалы на корабле считают, что мы будем в Петрограде для повторной революции»¹⁸.

Крейн возвратился в США, когда большевицкая революция (то есть «повторная революция») была завершена, и хотя он был частным лицом, но отчёты о её развитии получал из первых рук, одновременно с телеграммами, которые посылались в Государственный департамент.

Например, один меморандум, датированный 11 декабря 1917 года, имеет заголовок «Копия отчёта о Максималистском восстании для г-на Крейна». Он исходил от Мэддина Саммерса, генерального консула США в Москве; сопроводительное письмо Саммерса гласит:

«Имею честь приложить копию того же [вышеупомянутого отчёта] с просьбой направить её для конфиденциальной информации г-ну Чарльзу Р. Крейну. Предполагается, что Департамент не будет иметь возражений против просмотра отчёта г-ном Крейном...»¹⁹.

Итак, из всего этого возникает невероятная и озадачивающая картина.

Она заключается в том, что Чарльз Крейн, друг и сторонник Вудро Вильсона, видный финансист и политик, сыграл известную роль в «первой» российской революции и ездил в Россию в середине 1917 года в компании с американским коммунистом Линкольном Стеффенсом, который был в контакте и с Вудро Вильсоном, и с Троцким.

Последний, в свою очередь, имел паспорт, выданный по указанию президента Вильсона, и 10.000 долларов из предполагаемых германских источников.

По возвращении в США после «повторной революции» Крейн получил доступ к официальным документам, касающимся упрочения большевицкого режима.

Эта модель взаимосвязанных и озадачивающих событий оправдывает наше дальнейшее расследование и предполагает, хотя и без доказательств в настоящий момент, некоторую связь между финансистом Крейном и революционером Троцким.

Документы канадского правительства об освобождении Троцкого²⁰

Документы о кратком пребывании Троцкого под стражей в Канаде, хранящиеся в архивах канадского правительства, сейчас рассекречены и доступны исследователям.

Согласно этим архивным документам, 3 апреля 1917 года Троцкий был снят канадскими и британскими военными моряками с парохода «Кристианиафиорд» в Галифаксе (провинция Новая Шотландия), зачислен в германские военнопленные и интернирован в пункте для германских военнопленных в Амхерсте, Новая Шотландия.

Жена Троцкого, двое его сыновей и пятеро других лиц, названных «русскими социалистами», были также сняты с парохода и интернированы.

Их имена по канадским досье следующие: Nickita Muchin, Leiba Fischeleff, Konstantin Romanchanco, Gregor Teheodnovski, Gerchon Melintchansky²¹ и Leon Bronstein Trotsky (имена

17 William Edward Dodd. Ambassador Dodd's Diary, 1933-1938 (New York: Harcourt, Brace, 1941), pp. 42-43.

18 Lincoln Steffens. The Letters of Lincoln Steffens (New York: Harcourt, Brace, 1941), p. 396.

19 U.S. State Dept. Decimal File, 861.00/1026.

20 Этот раздел основан на документах правительства Канады.

21 Речь идёт о Г.И. Чудновском (1894-1918) и Г.Н. Мельничанском (1886-1937). Первый в России стал одним из руководителей штурма Зимнего дворца, затем военным комиссаром Киева; второй — членом Московского Военно-революционного комитета, позже членом Совета рабоче-крестьянской обороны от ВЦСПС. — Прим. ред. «РИ».

и фамилии здесь и далее воспроизведены так, как они зарегистрированы в оригинальных канадских документах).

На Троцкого была заполнена форма LB-1 канадской армии под номером 1098 (включающая отпечатки пальцев) со следующим описанием: «37 лет, политический эмигрант, по профессии журналист, родился в Громскти (Gromskty), Чусон (Chuson), Россия, гражданин России». Форма подписана Львом Троцким, а его полное имя дано как Лев Бромштейн (так) Троцкий²².

Группа Троцкого была снята с парохода «Кристианиафиорд» согласно официальным указаниям, полученным 29 марта 1917 года дежурным морским офицером в Галифаксе по телеграфу из Лондона (предположительно из Адмиралтейства).

В телеграмме сообщалось, что на «Кристианиафиорд» находится группа Троцкого, которая должна быть «снята и задержана до получения указаний».

Причина задержания, доведённая до сведения дежурного морского офицера в Галифаксе, заключалась в том, что «это — русские социалисты, направляющиеся в целях начать революцию против существующего российского правительства, для чего Троцкий, по сообщениям, имеет 10.000 долларов, собранных социалистами и немцами».

1 апреля 1917 года дежурный морской офицер, капитан О.М. Мейкинс, направил конфиденциальный меморандум командиру соединения в Галифаксе о том, что он «проверил всех русских пассажиров» на борту парохода «Кристианиафиорд» и обнаружил шестерых человек во втором классе: «Все они общепризнанные социалисты, и хотя они открыто заявляют о желании помочь новому российскому правительству, они вполне могут быть в союзе с немецкими социалистами в Америке и, вполне вероятно, будут большой помехой правительству России именно в это время».

Капитан Мейкинс добавил, что он собирается снять группу, а также жену и двоих сыновей Троцкого, чтобы интернировать их в Галифаксе. Копия этого отчёта была направлена из Галифакса начальнику Генерального штаба в Оттаву 2 апреля 1917 года.

Следующий документ в канадских архивах датирован 7 апреля; он послан начальником Генерального штаба из Оттавы директору по интернированию и подтверждает получение предыдущего письма (его нет в архивах) об интернировании русских социалистов в Амхерсте, Новая Шотландия:

«... в этой связи должен сообщить вам о получении вчера длинной телеграммы от генерального консула России в Монреале, протестующего против ареста этих людей, так как они имели паспорта, выданные генеральным консулом России в Нью-Йорке, США».

Ответ на эту монреальскую телеграмму заключался в том, что эти люди были интернированы «по подозрению, что они немцы», и будут освобождены только при точном доказательстве их национальности и лояльности союзникам.

В канадских досье никаких телеграмм от генерального консула России в Нью-Йорке нет; известно, что это консульство неохотно выдавало русские паспорта русским политэмигрантам. Однако, в досье есть телеграмма от нью-йоркского адвоката Н. Алейникова Р.М. Култеру, в то время заместителю министра почты Канады.

Ведомство почтового министра не имело отношения ни к интернированию военнопленных, ни к военной деятельности. Следовательно, эта телеграмма имела характер личного неофициального обращения. Она гласит:

«Д-ру Р.М. Култеру, министру почты, Оттава. Русские политические эмигранты, возвращающиеся в Россию, задержаны в Галифаксе и интернированы в лагере Амхерста. Не будете ли Вы столь любезны, чтобы изучить и сообщить причину задержания и имена задержанных? Считающийся борцом за свободу, вы вступитесь за них. Просьба направить доплатную телеграмму. Николай Алейников».

11 апреля Култер телеграфировал Алейникову: «Телеграмма получена. Пишу Вам сегодня же вечером. Вы получите ответ завтра вечером. Р.М. Култер».

22 Троцкий родился в Яновке под Херсоном. — Прим. ред. «РИ».

Эта телеграмма была направлена по телеграфу Канадских тихоокеанских железных дорог, но оплачена канадским министерством почты. Обычно частную деловую телеграмму оплачивает получатель, а это не было официальным делом.

Следующее письмо Култера Алейникову интересно тем, что после подтверждения о задержании группы Троцкого в Амхерсте, в нём говорится, что они подозреваются в пропаганде против нынешнего российского правительства и «предполагается, что они германские агенты».

Затем Култер добавляет: «... они не те, за которых себя выдают»; группа Троцкого «... задержана не Канадой, а органами [британской] Империи». Заверив Алейникова, что задержанные будут устроены с комфортом, Култер добавляет, что любая информация «в их пользу» будет передана военным властям.

Общее впечатление от письма таково, что, хотя Култер симпатизирует Троцкому и полностью уверен в его прогерманских связях, но не хочет вмешиваться.

11 апреля Култеру послал телеграмму Артур Вольф (адрес: Нью-Йорк, Ист Бродвей 134). И вновь, хотя эта телеграмма была послана из Нью-Йорка, после подтверждения она была оплачена министерством почты Канады.

Реакция Култера, однако, отражает нечто большее, нежели беспристрастную симпатию, очевидную из его письма Алейникову. Её надо рассматривать в свете того факта, что эти письма в поддержку Троцкого поступили от двух американских жителей города Нью-Йорка и затрагивали военный вопрос Канады и Британской Империи, имеющий международное значение.

Кроме того, Култер, как заместитель министра почты, был канадским государственным служащим, имеющим значительное положение.

Поразмыслим минуту, что случилось бы с тем, кто подобным образом вмешался бы в дела США! В деле Троцкого мы имеем двух американских жителей, переписывающихся с заместителем министра почты Канады, чтобы высказаться в интересах интернированного российского революционера.

Последующие действия Култера также предполагают нечто большее, чем случайное вмешательство. После того, как Култер подтвердил получение телеграмм Алейникова и Вольфа, он написал в Оттаву генерал-майору Уиллоуби Гуаткину из Департамента милиции и защиты — последний имел значительное влияние в канадских военных кругах — и приложил копии телеграмм Алейникова и Вольфа:

«Эти люди были враждебно настроены к России из-за того, как там обращались с евреями, а сейчас решительно выступают в поддержку нынешнего руководства, насколько мне известно. Оба — достойные доверия и уважения люди, и я направляю Вам их телеграммы такими, каковы они есть, чтобы Вы могли предоставить их английским властям, если сочтёте это разумным».

Култер явно знает — или намекает, что знает — многое об Алейникове и Вольфе. Его письмо по сути было рекомендацией и было нацелено в корень проблемы интернирования — в Лондон. Гуаткин был хорошо известен в Лондоне, фактически он был временно командирован в Канаду лондонским военным министерством²³.

Затем Алейников направляет письмо Култеру, чтобы поблагодарить его — «самым сердечным образом за тот интерес, который Вы проявили к судьбе русских политических эмигрантов... Вы знаете меня, уважаемый д-р Култер, и Вы также знаете о моей привязанности делу свободы России... К счастью, я близко знаком с г-ном Троцким, г-ном Мельничанским и г-ном Чудновским...»

Можно заметить в скобках, что если Алейников «близко» знал Троцкого, то ему, вероятно, также было известно, что Троцкий объявил о своём намерении возвратиться в Россию,

23 Меморандумы Гуаткина в досье правительства Канады не подписаны, но помечены загадочным значком или символом. Этот знак был определен, как знак Гуаткина, так как одно его письмо с этим знаком (от 21 апреля) было подтверждено.

чтобы свергнуть Временное правительство и начать «повторную революцию».

По получении письма Алейникова Култер немедленно (16 апреля) направляет его генерал-майору Гуаткину, добавив, что он познакомился с Алейниковым «в связи с работой министерства над документами США на русском языке» и что Алейников работает «в тех же областях, что и г-н Вольф., который был заключённым и бежал из Сибири».

Чуть раньше, 14 апреля, Гуаткин направил меморандум своему военно-морскому коллеге из канадского военного межведомственного комитета, повторив известное нам сообщение, что были интернированы русские социалисты с «10.000 долларов, собранных социалистами и немцами».

Заключительный абзац гласит: «С другой стороны, есть мнения, что был совершен акт своеволия и несправедливости».

Вице-адмирал К.Э. Кингсмилл, начальник Военно-морского управления, принял обращение Гуаткина за чистую монету. 16 апреля он заявил в письме капитану Мейкинсу, дежурному морскому офицеру в Галифаксе:

«Органы милиции просят, чтобы принятие решения об их (то есть шести русских) освобождении было ускорено». Копия этого указания была передана Гуаткину, который, в свою очередь, информировал замминистра почты Култера.

Через три дня Гуаткин оказал давление. В меморандуме от 20 апреля, направленном министру военно-морского флота, он пишет: «Не могли бы Вы сказать, принято ли решение Военно-морской контрольной службой?»

В тот же день (20 апреля) капитан Мейкинс подал рапорт адмиралу Кингемиллу, объясняя свои причины для задержания Троцкого; он отказался принимать решение под давлением, заявив: «Я направлю телеграмму в Адмиралтейство и сообщу им о том, что органы милиции просят об ускоренном принятии решения относительно их освобождения».

Однако, на следующий день, 21 апреля, Гуаткин написал Култеру: «Наши друзья, русские социалисты, должны быть освобождены; необходимо принять меры для их проезда в Европу».

Приказ Мейкинсу освободить Троцкого исходил из Адмиралтейства в Лондоне. Култер подтвердил информацию, «которая будет крайне приятной для наших нью-йоркских корреспондентов».

Хотя мы и можем, с одной стороны, сделать вывод, что Култер и Гуаткин были крайне заинтересованы в освобождении Троцкого, с другой стороны, — не знаем, почему.

В карьере замминистра почты Култера или генерал-майора Гуаткина мало что могло бы объяснить столь настойчивое желание освободить меньшевика Льва Троцкого.

Д-р Роберт Миллер Култер от родителей шотландского и ирландского происхождения был доктором медицины, либералом, масоном и членом тайного братства («Odd Fellow»). Он был назначен заместителем министра почты Канады в 1897 году.

Его единственная претензия на известность состояла в участии членом делегации на съезде Всемирного почтового союза в 1906 году и членом делегации в Новую Зеландию и Австралию в 1908 году для обсуждения проекта «All red» [«Всё красное»].

Это название не имеет ничего общего с красными революционерами; это был план всебританских паромных линий между Великобританией, Канадой и Австралией.

Генерал-майор Уиллоуби Гуаткин происходил из английской семьи с давними военными традициями (Кембридж и затем штабной колледж). В качестве специалиста по мобилизации он служил в Канаде с 1905 по 1918 годы.

Однако, если опираться только на документы из канадских досье, можно сделать вывод, что их действия в интересах Троцкого остаются загадкой.

Канадская военная разведка допрашивает Троцкого

Мы можем подойти к делу об освобождении Троцкого под другим углом зрения: канадской разведки.

Подполковник Джон Бэйн Маклин, видный канадский издатель и бизнесмен, основа-

тель и президент издательства «Маклин Паблшинг Компани» в Торонто, руководил многочисленными канадскими торговыми журналами, включая «файнэншл пост».

Маклин также поддерживал длительную связь с канадской военной разведкой²⁴.

В 1918 году подполковник Маклин написал для собственного журнала «Маклинз» статью, озаглавленную «Почему мы отпустили Троцкого? Как Канада потеряла возможность приблизить конец войны»²⁵.

Статья содержала подробную и необычную информацию о Льве Троцком, хотя её вторая половина и растекается мыслью по древу с рассуждениями о вряд ли относящихся к делу вещах. У нас есть две догадки относительно подлинности информации.

Во-первых, подполковник Маклин был честным человеком с превосходными связями в канадской правительственной разведке.

Во-вторых, открытые теперь государственные архивы Канады, Великобритании и США подтверждают большинство заявлений Маклина. Некоторые из них ещё ждут подтверждения, но информация, доступная нам в начале 1970-х годов, вполне совпадает со статьёй подполковника Маклина.

Исходным аргументом Маклина является то, что «некоторые канадские политики и официальные лица несут особую ответственность за продолжение войны [первой мировой], за большие человеческие жертвы, множество раненых и страдания зимой 1917 года и за крупные сражения 1918 года».

Кроме того, заявляет Маклин, эти лица сделали (в 1919 году) всё возможное, чтобы утаить от парламента и народа Канады правдивую информацию.

Официальные отчёты, включая отчёты сэра Дугласа Хейга, показывают, что, если бы не крушение России в 1917 году, война могла бы закончиться гораздо раньше, и что «человеком, несущим особую ответственность за поражение России, 11 является Троцкий, ... действовавший по германским инструкциям».

Кем был Троцкий? По мнению Маклина, Троцкий был не русским, а немцем. Каким бы странным это утверждение ни казалось, оно совпадает с другими частями разведывательной информации, то есть, что Троцкий лучше говорил на немецком, чем на русском языке, и что он был русским исполнительным сотрудником германской организации «Блэк бонд».

По мнению Маклина, в августе 1914 года Троцкий был «для виду» выслан из Берлина²⁶; в конечном итоге он прибыл в США, где организовал русских революционеров, а также революционеров в Западной Канаде, которыми «были по большей части немцы и австрийцы, путешествующие под видом русских».

Маклин продолжает:

«Вначале англичане выяснили через российских коллег, что Керенский²⁷, Ленин и некоторые лидеры меньшего масштаба ещё в 1915 году практически находились на территории Германии, а в 1916 году они установили связи с Троцким жившим тогда в Нью-Йорке.

С того времени за ним вели пристальное наблюдение... члены группы бомбистов. В начале 1916 года один германский служащий отплыл в Нью-Йорк. Его сопровождали сотрудники британской разведки.

Он был задержан в Галифаксе, но по их указанию его пропустили с многочисленными извинениями за случившуюся задержку.

После многочисленных манёвров он прибыл в маленькую грязную редакцию газеты, находившуюся в трущобах, и там нашёл Троцкого, для которого он имел важные инструкции.

24 H.J. Morgan. Canadian Men and Women of the Times, 1912, 2 vols. (Toronto: W. Briggs, 1898-1912).

25 MacLean's. June 1919, pp. 66a-66b. Экземпляр имеется в Публичной библиотеке Торонто. Поскольку номер журнала «Маклин», в котором была помещена статья полковника Маклина, найти нелегко — далее приводится ее полный пересказ.

26 См. также: Trotsky. My Life. p. 236.

27 См. Приложение 3.

С июня 1916 года и до тех пор, пока его не передали британцам, нью-йоркский отряд бомбистов никогда не терял контакта с Троцким. Они узнали, что его действительная фамилия была Браунштейн и что он был немцем, а не русским»²⁸.

Такая германская деятельность в нейтральных странах подтверждена в отчёте Государственного департамента (316-9-764-9), описывающем организацию русских беженцев для революционных целей.

Далее Маклин пишет, что Троцкий и четверо его сопровождающих отплыли на пароходе «Кристианиа» (так), и 3 апреля, по сообщению «капитана Мейкинга» (так), они были сняты с корабля в Галифаксе согласно указаниям лейтенанта Джоунса.

(В действительности группа из девяти человек, включая шестерых мужчин, были сняты с парохода «Кристианиафиорд». Имя дежурного морского офицера в Галифаксе было капитан О.М. Мейкинс. Имя офицера, снявшего группу Троцкого с корабля, не упоминается в канадских правительственных документах; Троцкий говорил, что это был «Махен»).

Опять-таки, по мнению Маклина, деньги Троцкому поступили «от германских источников в Нью-Йорке». И далее:

«Обычно даваемое объяснение заключается в том, что освобождение было произведено по просьбе Керенского; однако за несколько месяцев до того эти британские офицеры и один канадец, работавший в России и мог говорить по-русски, сообщили в Лондон и Вашингтон, что Керенский находится на службе у немцев»²⁹.

Троцкий был освобождён «по просьбе посольства Великобритании в Вашингтоне... которое действовало по просьбе Государственного департамента США, который действовал для кого-то ещё».

Канадские официальные лица «получили указания информировать прессу, что Троцкий является американским гражданином, путешествующим по американскому паспорту, что его освобождения специально требовал Государственный департамент в Вашингтоне».

Более того, пишет Маклин, в Оттаве «Троцкий имел и продолжает иметь сильное скрытое влияние. Там его власть была такой большой, что отдавались приказы оказывать ему всяческое внимание».

Главное в отчёте Маклина то, что вполне очевидны тесные отношения Троцкого с германским Генеральным штабом и вполне вероятна работа на него.

А так как наличие таких отношений установлено у Ленина — в том смысле, что немцы субсидировали Ленина и облегчили его возвращение в Россию, — то кажется естественным, что Троцкому помогали аналогичным образом.

10.000 долларов Троцкого в Нью-Йорке были из германских источников; и недавно рассекреченный документ, хранящийся в фондах Государственного департамента США, гласит следующее:

«9 марта 1918 года — американскому консулу, Владивосток, от Полка, исполняющего обязанности государственного секретаря, Вашингтон, Округ Колумбия.

Вам для конфиденциальной информации и незамедлительного внимания: ниже приводится суть сообщения от 12 января от фон Шанца из Германского имперского банка Троцкому, кавычки, Имперский банк дал согласие на ассигнование из приходной статьи генерального штаба пяти миллионов рублей для командирования помощника главного комиссара военно-морских сил Кудришева на Дальний Восток».

Это сообщение указывает на некоторую связь между Троцким и немцами в январе 1918 года, когда Троцкий предлагал союз с Западом. Государственный департамент не приводит источника телеграммы, указывая только то, что она исходила от персонала Военного

²⁸ Согласно его собственному объяснению, Троцкий не приезжал в США до января 1917 года. Настоящая фамилия Троцкого — Бронштейн, он сам придумал себе фамилию «Троцкий». Бронштейн — немецкая фамилия, а Троцкий — скорее польская, чем русская. Его имя обычно даётся как «Лев», однако на первой книге Троцкого, которая была опубликована в Женеве, стоит инициал «Н», а не «Л».

²⁹ См. Приложение 3; этот документ был получен в 1971 г. из британского министерства иностранных дел, но, очевидно, был известен Маклину.

колледжа.

Государственный департамент считал сообщение подлинным и действовал на основе предполагаемой подлинности. И это совпадает с главным содержанием статьи подполковника Маклина³⁰.

Намерения и цели Троцкого

Итак, мы можем выстроить такую последовательность событий: Троцкий уехал из Нью-Йорка в Петроград по паспорту, предоставленному в результате вмешательства Вудро Вильсона, и с объявленным намерением «продвигать революцию».

Британское правительство явилось непосредственным инициатором освобождения Троцкого из-под ареста в Канаде в апреле 1917 года, но там вполне могло быть оказано «давление». Линкольн Стеффенс, американский коммунист, действовал в качестве связующего звена между Вильсоном и Чарльзом Р. Крейном и между Крейном и Троцким.

Далее, хотя Крейн и не занимал официального поста, его сын Ричард был доверенным помощником государственного секретаря Роберта Лансинга, и Крейна-старшего снабжали быстрыми и подробными отчетами о развитии большевицкой революции.

Более того, посол Уильям Додд (посол США в Германии во времена Гитлера) показал, что Крейн играл активную роль в период Керенского; письма Стеффенса подтверждают, что Крейн рассматривал период правления Керенского лишь как первый шаг в развитии революции.

Интересным моментом, однако, является не столько связь между столь непохожими лицами, как Крейн, Стеффенс, Троцкий и Вудро Вильсон, сколько существование их согласия в процедуре, которой необходимо следовать — то есть рассматривать Временное правительство как «временное», за которым должна была последовать «повторная революция».

С другой стороны, толкование намерений Троцкого должно быть осторожным: он был мастером двойной игры. Официальные документы четко демонстрируют его противоречивые действия.

Например, 23 марта 1918 года отдел по делам Дальнего Востока Государственного департамента получил два не соответствующих друг другу сообщения. Одно, датированное 20 марта, исходило из Москвы и основывалось на российской газете «Русское слово».

В этом сообщении цитировалось интервью с Троцким, где он заявлял, что какой бы то ни было союз с США невозможен:

«Советская Россия не может встать в один ряд ... с капиталистической Америкой, так как это было бы предательством... Возможно, что американцы, движимые своим антагонизмом к Японии, ищут такого сближения с нами, но в любом случае не может быть и речи о нашем союзе любого характера с буржуазной нацией»³¹.

Другое сообщение, датированное 17 марта 1918 года, то есть тремя днями ранее, также исходило из Москвы и было информацией от посла Фрэнсиса: «Троцкий просит пять американских офицеров в качестве инспекторов армии, организуемой для обороны, а также просит людей и оборудование для эксплуатации дорог»³².

Эта его просьба к США, конечно, противоречит отказу от «союза».

30 Следует заметить, что это послание и.о. госсекретаря Полка во Владивосток от 9 марта 1918 г. относится к совершенно другой ситуации. Ведь после возвращения в Россию и тем более после Октябрьского переворота Троцкий был уже в союзе с Лениным, и тогда все большевицкое руководство напрямую подпитывалось деньгами от Германии (как минимум до лета 1918 г.). Поэтому и Троцкому приходилось иметь к этому отношению — в этом новом качестве он и фигурирует в послании Полка. В то же время Саттон тут верно отмечает, что Троцкий был сторонником союза с Антантой, а не с немцами (поэтому и сорвал первые мирные переговоры с ними в Бресте). Таким образом, утверждения о прямом германском финансировании Троцкого в США в книге не доказаны (источник денег логичнее искать в кругах финансистов, выхлопотавших Троцкому американский паспорт и сопровождавших его на пароходе). Мнение Маклина о службе «немца» Троцкого на Германию противоречит его же словам о «сильном скрытом влиянии» Троцкого в американском и канадском правительствах. Они явно имели основания не верить подобным обвинениям, ибо отпустили Троцкого из Галифакса. Подробнее см. в послесловии издателя. — Прим. ред. «РИ».

31 U.S. State Decimal File, 861.00/1351.

32 U.S. State Decimal File, 861.00/1341.

Перед тем, как мы оставим Троцкого, необходимо упомянуть о сталинских показательных судах в 1930-е годы и, в частности, об обвинениях и суде в 1938 году над «антисоветским правотроцкистским блоком».

Эти вымученные пародии на судебные процессы, почти единодушно отвергнутые на Западе, могут пролить свет на намерения Троцкого.

Центральным пунктом сталинского обвинения было то, что троцкисты являются платными агентами международного капитализма. Х.Г. Раковский, один из ответчиков на процессе 1938 года, сказал или был вынужден сказать:

«Мы были авангардом иностранной агрессии, международного фашизма, и не только в СССР, но и в Испании, Китае, во всём мире».

Вывод «суда» содержит заявление: «В мире не найдётся ни одного человека, который бы принёс столько горя и несчастья людям, как Троцкий. Он является самым подлым агентом фашизма...»³³.

Хотя это и может быть воспринято не более чем словесное оскорбление, обычно применявшееся среди интернационалистов-коммунистов в 1930-е и 1940-е годы, теперь очевидно, что эти обвинения и самообвинения совпадают с доказательствами, приведёнными в данной главе.

Кроме того, как мы увидим позже, Троцкий сумел создать себе поддержку от интернационалистов-капиталистов, которые, по совпадению, также поддерживали Муссолини и Гитлера³⁴.

Если мы рассматриваем всех революционеров-интернационалистов и всех международных капиталистов как непримиримых врагов, то мы упускаем решающий момент: в действительности между ними существует некоторое деловое сотрудничество, включая фашистов. И не существует априорной причины, почему мы должны отвергать Троцкого, как часть этого союза.

Это предположение обретет чёткие очертания, когда мы обратимся к истории Михаила Грузенберга, главного большевицкого агента в Скандинавии, который под псевдонимом Александр Гомберг³⁵ был также доверенным советником банка «Чейз Нэшнл Бэнк» в Нью-Йорке и затем Флойда Одлума из «Атлас Корпорейшн».

О его двойной роли знали, принимая её, и Советы, и его американские наниматели. История Грузенберга является «историей болезни» интернационалистической революции в союзе с международным капитализмом.

Замечания полковника Маклина, что Троцкий имел «сильное скрытое влияние» и что «его власть была столь большой, что поступали приказы оказывать ему всяческое внимание», совсем не противоречат вмешательству Култера-Гуаткина в пользу Троцкого, или сталинским обвинениям в этом вопросе на показательных судах над троцкистами в 1930-е годы. Также не противоречат они и делу Грузенберга.

С другой стороны, единственная известная прямая связь между Троцким и международными банкирами осуществлялась через его родственника Абрама Животовского³⁶, кото-

33 Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока», рассмотренному военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2-13 марта 1938 г. (Москва: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938), с. 293. (На указанной странице нет таких слов Раковского, подобные фразы встречаются в речи прокурора Вышинского с. 284-285. — Прим. ред. «РИ».)

34 См. также в главе 11. Томас Ламонт от Морганов был одним из первых, кто поддерживал Муссолини.

35 Александр Гомберг (у Саттона: Gumberg, из-за разного произношения на разных языках возможны иные варианты русского написания; идентифицировать его с Грузенбергом в других источниках не удалось) (1887-1939) — род. в России в семье раввина, эмигрировал в США, где стал бизнесменом; земляк Льва Троцкого и его литературный агент в США; был секретарем и переводчиком миссии американского Красного Креста в России в 1917 г. (см. главу 5). Подробнее о нем см.: Иванова И.И. Лев Троцкий и его земляки // Альманах «Из глубины времен». 1995. № 4. — Прим. ред. «РИ».

36 Абрам Львович (Лейбович) Животовский (ок. 1868 г.р.) — дядя Л. Троцкого по материнской линии. Известный биржевой спекулянт, миллионер; с 1912 г. — член специального консорциума «Русско-Азиатского банка». В 1915 г. создал Петроградское торгово-транспортное акционерное общество, одним из его поставщи-

рый был частным банкиром в Киеве до русской революции и в Стокгольме после неё.

Хотя Животовский исповедовал антибольшевизм, в 1918 году в валютных сделках он действовал фактически в интересах Советов³⁷.

Можно ли сплести международную паутину из этих фактов?

Во-первых, есть Троцкий, российский революционер-интернационалист с германскими связями, который ожидает помощи от двух предполагаемых сторонников правительства князя Львова в России (Алейников и Вольф, россияне, проживающие в Нью-Йорке).

Эти двое воздействуют на либерального заместителя министра канадской почты, который, в свою очередь, ходатайствует перед видным генерал-майором британской армии в военном штабе Канады. Все это — достоверные звенья цепи.

Короче, лояльность может не всегда оказаться такой, какой она провозглашается или видится.

Мы можем высказать догадку, что Троцкий, Алейников, Вольф, Култер и Гуаткин, действуя ради общей конкретной цели, имели также какую-то общую более высокую цель, чем государственная лояльность или политическая окраска.

Подчеркну, что абсолютных доказательств этого нет. В данный момент есть только логическое предположение, основанное на фактах.

Эта лояльность, более высокая, чем формируемая общей непосредственной целью, не обязательно должна выходить за рамки обычной дружбы, хотя это и трудно себе представить при столь многоязычной комбинации. Причиной могут, однако, быть и другие мотивы. Картина ещё неполная.

Глава 3. Ленин и германская помощь большевикам

«Только после того, как большевики получили от нас постоянный поток средств по различным каналам и под разными этикетками, они оказались в состоянии создать свой главный орган — «Правду», вести энергичную пропаганду и заметно расширить первоначально узкую базу своей партии».

Фон Кюльман, министр иностранных дел Германии, из письма кайзеру от 3 декабря 1917 года³⁸.

В апреле 1917 года Ленин и группа из тридцати двух российских революционеров, главным образом большевиков, проследовала поездом из Швейцарии через Германию и Швецию в Петроград. Они находились на пути к соединению с Львом Троцким для «завершения революции».

Их транзит через Германию одобрил, организовал и финансировал германский Генеральный штаб.

Транзит Ленина в Россию был частью плана, утверждённого германским верховным командованием и, очевидно, непосредственно не известного кайзеру, с целью развала русской армии и тем самым — устранения России из первой мировой войны.

Мысль о том, что большевики могут «быть направлены против Германии и Европы, не возникала в германском Генеральном штабе. Генерал-майор Хофман писал: «Мы не знали и не предвидели опасности человечеству от последствий этого выезда большевиков в Рос-

ков была фирма «Америкэн Металл Компани», финансовые расчеты производились через нью-йоркский «Нэшнл Сити Бэнк». У А. Животовского известны как предприниматели и биржевые дельцы еще три брата, осевшие после революции в разных странах и пытавшиеся «наладить контакты между Советской республикой и коммерческими кругами Запада». (Подробнее см.: Островский А.В. О родственниках Л.Д. Троцкого по материнской линии // Альманах «Из глубины времен». СПб. 1995. № 4). См. также послесловие издателя. — Прим. ред. «РИ».

³⁷ См. о нем также в конце главы 7.

³⁸ Небольшая неточность: это письмо фон Кюльмана, статс-секретаря иностранных дел (функции министра исполнял рейхсканцлер), адресовано не лично кайзеру, а представителю Министерства иностранных дел при Ставке (см.: Germany and the Revolution, in Russia, 1915-1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Edited by Z.A.V. Zeman. London. 1958. P. 94). — Прим. ред. «РИ».

сию»³⁹.

Германским политическим деятелем, который на высшем уровне одобрил проезд Ленина в Россию, был канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег, отпрыск франкфуртской семьи банкиров Бетманов, достигших большого процветания в XIX веке.

Бетман-Гольвег был назначен канцлером в 1909 году, а в ноябре 1913 года стал субъектом первого вотума недоверия, когда-либо принимавшегося германским Рейхстагом в отношении канцлера.

Именно Бетман-Гольвег в 1914 году сказал миру, что германская гарантия Бельгии была просто «клочком бумаги». И по другим военным вопросам, например, неограниченным военным действиям подводных лодок, Бетман-Гольвег проявлял двусмысленность: в январе 1917 года он сказал кайзеру:

«Я не могу дать Вашему Величеству ни моего согласия на неограниченные военные действия подводных лодок, ни моего отказа».

К 1917 году Бетман-Гольвег утратил поддержку Рейхстага и вышел в отставку, но до того он уже одобрил транзит большевицких революционеров в Россию.

Указания Бетмана-Гольвега о транзите были переданы через статс-секретаря Артура Циммермана, который подчинялся непосредственно Бетману-Гольвегу и в начале апреля 1917 года по дням разрабатывал детали операции с германскими посланниками в Берне и Копенгагене.

Кайзер же не был информирован о революционном движении до тех пор, пока Ленин не приехал в Россию.

Хотя сам Ленин и не знал точного источника оказываемой ему помощи, он, конечно, знал, что германское правительство обеспечивает какое-то финансирование.

Существовали, однако, промежуточные связи между германским министерством иностранных дел и Лениным, что видно из следующего:

Переброска Ленина в Россию в апреле 1917 года

Окончательное решение — Бетман-Гольвег (канцлер).

Посредник I — Артур Циммерман (статс-секретарь).

Посредник II — Брокдорф-Ранцау (германский посланник в Копенгагене).

Посредник III — Александр Израэль Гельфанд (он же Парвус).

Посредник IV — Яков Фюрстенберг (он же Ганецкий).

[Исполнитель] Ленин в Швейцарии

Из Берлина Циммерман и Бетман-Гольвег сообщались с Брокдорфом-Ранцау, германским посланником в Копенгагене. В свою очередь, тот был в контакте с Александром Израэлем Гельфандом (более известен по своему псевдониму — Парвус)⁴⁰, который находился в Копенгагене⁴¹.

Парвус поддерживал связь с Яковом Фюрстенбергом, поляком из богатой семьи, более известным под псевдонимом Ганецкий. А Яков Фюрстенберг был непосредственно связан с Лениным.

Хотя канцлер Бетман-Гольвег и был конечной инстанцией по разрешению переезда Ленина и хотя Ленин, вероятно, знал о германских источниках этой помощи, Ленина нельзя назвать германским агентом.

Германское министерство иностранных дел оценивало предполагаемые действия Ленина в России как совпадающие с их собственными целями по разложению структуры российской власти. Обе стороны имели ещё и скрытые цели:

Германия хотела приоритетного доступа к послевоенным рынкам в России, а Ленин намеревался установить в ней марксистскую диктатуру.

³⁹ Max Hoffman. War Diaries and Other Papers (London: M. Seeker, 1929), 2:177.

⁴⁰ Сведения о Парвусе см. в конце издательского Приложения 4: «Меморандум» Гельфанда-Парвуса. — Прим. ред. «РИ».

⁴¹ Z.A.B. Zeman and W.B. Scharlau. The Merchant of Revolution: The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus), 1867-1924 (New York: Oxford University Press, 1965).

Идея использования с этой целью российских революционеров может быть прослежена с 1915 года, когда 14 августа Брокдорф-Ранцау написал заместителю статс-секретаря Германии о беседе с Гельфандом (Парвусом) и настоятельно рекомендовал воспользоваться услугами Гельфанда, «исключительно важного человека, чьи необычные возможности, я полагаю, мы должны использовать во время войны...»^{42, 43}

В докладе содержится предостережение: «Быть может, это опасно — использовать силы, стоящие за Гельфандом, но это конечно было бы признанием нашей слабости, если бы нам пришлось отказаться от их услуг из страха неспособности руководить ими»⁴⁴.

Идея Брокдорфа-Ранцау о руководстве или контроле за революционерами соответствовала, как мы увидим, идеям финансистов Уолл-стрита. Именно Дж. П. Морган и «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» пытались контролировать и внутренних и внешних революционеров в США для своих целей.

В следующем документе⁴⁵ изложены условия, продиктованные Лениным, из которых самым интересным является пункт 7, который разрешал «русским войскам продвинуться в Индию»; предполагалось, что Ленин «готов был» продолжить царскую программу экспансионизма.

Составитель документации Земан говорит также о роли Макса Варбурга⁴⁶ в создании русского издательства и ссылается на соглашение от 12 августа 1916 года, по которому германский промышленник Стиннес согласился внести два миллиона рублей на финансирование издательства в России⁴⁷.

Итак, 16 апреля 1917 года железнодорожный вагон с 32 пассажирами, включая Ленина, его жену Надежду Крупскую, Григория Зиновьева, Сокольникова и Карла Радека, отправился с центрального вокзала Берна в Стокгольм.

Когда группа прибыла на русскую границу, только Фрицу Платтену и Радеку было отказано во въезде. Через несколько месяцев за ними последовали почти двести меньшевиков, включая Мартова и Аксельрода⁴⁸.

Стоит ещё раз отметить, что Троцкий, находившийся в то время в Нью-Йорке, также имел средства, следы которых вели к германским источникам. Кроме того, фон Кюльман намекает на неспособность Ленина расширить базу его большевицкой партии без предоставления денег немцами.

Троцкий был меньшевиком, который превратился в большевика только в 1917 году. Это наводит на мысль, что, возможно, немецкие деньги побудили Троцкого сменить свою партийную принадлежность⁴⁹.

42 Z.A.V. Zeman. *Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry* (London: Oxford University Press, 1958), p. 4-5, doc. 5.

43 Эта идея начала осуществляться раньше. Согласно документам и комментариям в сборнике Земана, первое сообщение о предложении Гельфанда-Парвуса «разрешить резолюцию в России» и «раздробить ее на отдельные части» получено в германском МИДе 9.1.1915; «Меморандум» Парвуса представлен 9.3.1915; выделение Германией первой суммы в 2 миллиона марок Парвусу одобрено 11.3.1915. В следующем документе (от 6.7.1915), приводимом Земаном, тогдашний статс-секретарь Ягов запрашивает «на революционную пропаганду в России» еще 5 миллионов марок. В цитируемом Саттоном письме германского посланника в Копенгагене Брокдорфа-Ранцау (от 14.8.1915) также говорится, что «первую часть своего плана Парвус уже осуществил», — *Прим. ред. «РИ»*.

44 *Ibid.*

45 *Ibid.*, p. 6, doc. 6 — документ, сообщающий о беседе с эстонским посредником Кескюлой.

46 О роли банкиров Варбургов в годы войны см. в послесловии издателя. — *Прим. ред. «РИ»*.

47 Z.A.V. Zeman. *Germany and the Revolution...*, p. 92, n. 3. [Составитель указанного сборника Земан, ссылаясь на какие-то известные ему документы, пишет в этой связи: «Вероятно, что часть этих денег, предназначенных для оказания влияния на русскую печать в пользу Германии и установления мира, попала... в социал-демократическую газету «Новая жизнь» Максима Горького». — *Прим. ред. «РИ»*.]

48 Список проехавших через Германию революционеров см. в издательском Приложении 5. — *Прим. ред. «РИ»*.

49 Л. Троцкий в 1903 г. порвал с Лениным, а в 1904 г. вышел также из фракции меньшевиков и занял промежуточное положение между ними. Стремясь к объединению тех и других, он действовал с самостоятельной группой. Вернувшись в послефевральскую Россию Троцкий стал сотрудничать с Лениным, чему, видимо, более всего способствовал общий источник денег. Подробнее см. в послесловии издателя. — *Прим. ред. «РИ»*.

Документы Сиссона

В начале 1918 года Эдгар Сиссон, представитель в Петрограде от Комитета США по общественной информации, купил кипу русских документов, якобы доказывающих, что Троцкий, Ленин и другие большевики-революционеры не только были на содержании германского правительства, но и являлись его агентами.

Эти документы, впоследствии названные «документами Сиссона», были отправлены в США в большой спешке и секретности. В Вашингтоне они были представлены в Национальный совет исторических служб для определения подлинности.

Два видных историка, Дж. Франклин Джеймсон и Сэмюэл Н. Харпер, засвидетельствовали их подлинность. Эти историки разделили документы Сиссона на три группы. В отношении группы I они сделали следующий вывод:

«Соблюдая большую осторожность, мы подвергли их всевозможным проверкам, которые известны исследователям-историкам, и... на основании этих исследований без колебаний заявляем, что мы не видим причины сомневаться в подлинности этих 53-х документов»⁵⁰.

Менее уверенно эти историки высказались в отношении материалов группы II. Эта группа не была ими опровергнута, как явная подделка, но они высказали предположение, что это копии с оригиналов.

По документам группы III историки хотя не сделали «уверенного заявления», всё же не были готовы опровергнуть их, как поддельные.

Документы Сиссона были опубликованы Комитетом США по общественной информации, председателем которого был Джордж Крил, ранее писавший для пробольшевицкого издания «Массы».

Американская пресса в целом восприняла документы, как подлинные. Заметным исключением была газета «Нью-Йорк ивнинг пост», которой в то время владел Томас У. Ламонт, партнёр фирмы Моргана.

Уже когда было опубликовано всего лишь несколько текстов, эта газета оспорила подлинность всех документов⁵¹.

Теперь мы знаем, что почти все документы Сиссона были поддельными, и только один или два маловажных германских циркуляра — подлинные.

Даже из поверхностного обследования германского бланка становится ясно, что лица, изготовлявшие эти подделки, были крайне неосторожными, возможно работая на легковёрный американский рынок.

Немецкий текст усыпан ошибками, граничащими со смешным: например. Bureau вместо немецкого слова Büro; Central вместо Zentral и т.д.

То, что эти документы — подделки, выяснилось в результате обширного исследования Джорджа Кеннана⁵² и исследований, проведённых в 1920-х годах британским правительством.

Некоторые документы основывались на подлинной информации, и, замечает Кеннан, те, кто подделывал их, определённо имели доступ к какой-то необычно надёжной информации.

Например, в документах 1, 54, 61 и 67 упоминается, что «Ниа Банкен» в Стокгольме использовался в качестве канала для направлявшихся большевикам германских денег. Это подтверждается и в более надёжных источниках.

В документах 54, 63 и 64 упоминается Фюрстенберг, как банкир-посредник между немцами и большевиками; имя Фюрстенберга встречается также и в подлинных документах.

50 U.S. Committee on Public Information. The German-Bolshevik Conspiracy, War Information Series, no. 20, October 1918.

51 New York Evening Post, September 16-18, 21; October 4, 1918. Также интересно, хотя и ничего не доказывает, что и большевики упорно ставили под сомнение подлинность этих документов.

52 George F. Kennan. The Sisson Documents. Journal of Modern History 27-28 (1955-1956): 130-154.

В документе 54 упомянут Олоф Ашберг, а он, по его собственным заявлениям, был «банкиром большевиков». Ашберг в 1917 году был директором «Ниа Банкен».

В других документах из подборки Сиссона упоминаются такие учреждения и имена как Германский нефтепромышленный банк, «Дисконто-Гезельшафт», банкир из Гамбурга Макс Варбург, но доказательства в подкрепление этих утверждений менее твердые.

В общем, документы Сиссона хотя и являются подделкой, тем не менее, частично основаны на подлинной информации.

Загадочным аспектом в свете содержания нашей книги является то, что эти документы попали к Эдгару Сиссону от Александра Гомберга (он же Берг, настоящее имя — Михаил Грузенберг), большевицкого агента в Скандинавии, а позднее — доверенного лица в «Чейз Нэшнл бэнк» и у Флойда Одлума из корпорации «Атлас».

С другой стороны, большевики резко отвергли материалы Сиссона. Это сделал Джон Рид, американский представитель в исполкоме Третьего Интернационала, чей платёжный чек поступил от принадлежавшего Дж. П. Моргану журнала «Метрополитэн»⁵³.

Это сделал и партнёр Моргана Томас Ламонт, владелец газеты «Нью-Йорк ивнинг пост».

Тут есть несколько возможных объяснений. Вероятно, связи между кругами Моргана в Нью-Йорке и такими агентами, как Джон Рид и Александр Гомберг, были очень гибкими.

Подбрасывание поддельных документов могло быть приёмом Гомберга для дискредитации Сиссона и Крила; также возможно, что Гомберг работал в своих собственных интересах.

Документы Сиссона «доказывают», что исключительно немцы были связаны с большевиками.

Они также использовались для «доказательства» теории еврейско-большевицкого заговора в соответствии с «Сионскими протоколами».

В 1918 году правительство США захотело повлиять на мнение американцев после непопулярной войны с Германией, и документы Сиссона, драматически «доказывая» исключительную связь Германии с большевиками, обеспечивали дымовую завесу, скрывая от общества те события, которые описываются в этой книге.

Перетягивание каната в Вашингтоне⁵⁴

Изучение документов в архиве Государственного департамента наводит на мысль, что Госдепартамент и посол США Фрэнсис в Петрограде были очень хорошо информированы о намерениях и развитии большевицкого движения.

Летом 1917 года, например, Государственный департамент решил прекратить отъезд из США «вредных лиц» (т.е. возвращающихся в Россию революционеров), но не смог этого сделать, так как те использовали новые российские и американские паспорта.

Подготовка же к самой большевицкой революции была хорошо известна по крайней мере за шесть недель до того, как она произошла. Один отчёт в архиве Государственного департамента так говорит о силах Керенского: «сомнительно, сможет ли правительство ... подавить восстание».

В сентябре и октябре сообщалось о распаде правительства Керенского и о большевицких приготовлениях к перевороту. Британское правительство предупредило своих граждан в России о необходимости отъезда, по крайней мере, за шесть недель до начала большевицкой фазы революции.

Первый полный отчёт о событиях начала ноября поступил в Вашингтон 9 декабря 1917 года. В этом отчёте описан низкий уровень самой революции, упомянуто, что генерал Уильям В. Джудсон нанёс несогласованный визит Троцкому, и говорится о присутствии немцев в Смольном — штаб-квартире Советов.

⁵³ John Reed. The Sisson Documents (New York: Liberator Publishing, n.d.).

⁵⁴ Эта часть книги основана на разделе 861.00 десятичного файла Государственного департамента США, также имеющегося в Национальном архиве в виде рулонов 10 и 11 микрокопии 316.

Президент Вудро Вильсон 28 ноября 1917 года отдал указание не вмешиваться в большевицкую революцию. Это указание явно было ответом на запрос посла Фрэнсиса о Союзной конференции, на которую уже согласилась Великобритания.

Государственный департамент считал, что такая конференция бесполезна. В Париже прошли дискуссии между союзниками и полковником Эдвардом М. Хаусом⁵⁵, который извещал Вудро Вильсона о «длительных и частых дискуссиях о России».

Относительно такой конференции Хаус сообщил, что Англия «пассивно желает», Франция настроена «безразлично против», а Италия «активно».

Вскоре после этого Вудро Вильсон утвердил телеграмму, подготовленную государственным секретарём Робертом Лансингом, о предоставлении финансовой помощи движению Каледина (12 декабря 1917 года).

В Вашингтон просачивались слухи, что «монархисты работают с большевиками, и это подтверждается различными случаями и обстоятельствами», что правительство в Смольном находится под полным контролем германского Генерального штаба и что «многие или большинство из них [то есть большевиков] из Америки».

В декабре генерал Джудсон снова посетил Троцкого; это рассматривалось, как шаг к признанию Советов Америкой, хотя отчёт посла Фрэнсиса от 5 февраля 1918 года, направленный в Вашингтон, включал в себя рекомендации против этого признания.

В меморандуме, исходившем от Бэсила Майлса в Вашингтоне, утверждалось, что «мы должны иметь дело со всеми властями в России, включая большевиков». И 15 февраля 1918 года Государственный департамент телеграфировал послу Фрэнсису в Петроград:

«Департамент желает, чтобы вы постепенно входили в более тесный и неформальный контакт с большевицкими властями, используя такие каналы, которые будут избегать официального признания».

На следующий день государственный секретарь Лансинг передал послу Франции в Вашингтоне Ж.Ж. Жуссерану следующее: «Считаем нецелесообразным предпринимать какие-либо действия, которые в это время будут вести к вражде с любыми элементами, контролирующими власть в России...»⁵⁶.

20 февраля 1918 года посол Фрэнсис телеграфировал в Вашингтон о приближающемся конце большевицкого правления. Через две недели, 7 марта, Артур Буллард сообщил полковнику Хаусу, что Германия субсидирует большевиков и что эти субсидии более существенны, чем считалось раньше.

Артур Буллард (из Комитета США по общественной информации) утверждал: «Мы должны быть готовы помочь любому честному национальному правительству. Но люди, или деньги, или оборудование, направленные теперешним правителям России, будут использованы против русских как минимум в такой же степени, что и против немцев»⁵⁷.

За этим последовало ещё одно послание от Булларда полковнику Хаусу: «Я настоятельно не рекомендую оказывать материальную помощь теперешнему правительству России. Кажется, что контроль захватывают тёмные элементы в Советах».

Но работали и влиятельные противодействующие силы. Ещё 28 ноября 1917 года полковник Хаус телеграфировал из Парижа президенту Вудро Вильсону о том, что «исключительно важно», чтобы американские газеты возражали против того, что «Россию следует считать врагом» и «подавить».

Затем, в следующем месяце Уильям Франклин Сэндс, исполнительный секретарь контролируемой Морганом «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» и друг упоминавшегося ра-

⁵⁵ Полковник Э.М. Хаус был личным другом, советником и представителем президента США Вильсона и, тем самым, одной из влиятельнейших фигур в американской официальной и закулисной политике. — *Прим. ред. «РИ»*.

⁵⁶ U.S. State Dept. Decimal File, 861.00/1117a. То же самое сообщение было передано итальянскому послу.

⁵⁷ См. бумаги Артура Булларда (Arthur Bullard) в Принстонском университете.

нее Бэсила Майлса, представил меморандум, характеризующий Ленина и Троцкого, как нравящихся массам, и настаивал на признании России Соединёнными Штатами.

Даже американский социалист Уоллинг пожаловался в Государственный департамент на просоветскую позицию Джорджа Крила (из Комитета США по общественной информации), Херберта Своупа и Уильяма Б. Томпсона (из Федерального Резервного Банка Нью-Йорка).

17 декабря 1917 года в одной московской газете появились нападки на полковника Робинса из Красного Креста и на Томпсона, намекающие на связь между российской революцией и американскими банкирами:

«Почему они так заинтересованы в [финансировании] просвещения?⁵⁸ Почему деньги были даны социалистам-революционерам, а не конституционным демократам? Ведь можно предположить, что последние ближе и дороже сердцам банкиров».

Статья видит причину этого в том, что американский капитал рассматривает Россию, как будущий рынок и таким образом хочет прочно обосноваться на нём.

Деньги были даны революционерам потому, что «...отсталые рабочие и крестьяне доверяют социалистам-революционерам. В то время, когда деньги были переданы, социалисты-революционеры были у власти⁵⁹, и предполагалось, что они сохранят контроль над Россией в течение некоторого времени».

Ещё одно сообщение от 12 декабря 1917 года, относящееся к Раймонду Робинсу, детализирует «переговоры с группой американских банкиров из миссии Американского Красного Креста»; «переговоры» касались выплаты двух миллионов долларов.

Роберт Л. Оуэн, председатель Комитета по банкам и валюте Сената США, связанный с дельцами Уолл-стрита, 22 января 1918 года направил письмо Вудро Вильсону, рекомендуя признать власть большевиков в России де-факто, разрешить направить грузы, остро необходимые России для противостояния германскому влиянию и создать группу государственной службы в России.

Этот подход получал неизменную поддержку от Раймонда Робинса, находившегося в России.

Например, 15 февраля 1918 года в телеграмме от Робинса из Петрограда Дэвисону в Красный Крест в Вашингтоне (и для пересылки Уильяму Б. Томпсону) подчёркивалось, что надо поддерживать большевицкую власть как можно дольше и что новая революционная Россия повернётся к США, как только «сломит германский империализм».

По мнению Робинса, большевики хотели поддержки от США, а также сотрудничества в реорганизации железных дорог, так что «путём щедрой помощи и технических консультаций для реорганизации торговли и промышленности Америка может полностью исключить германскую торговлю во время военного равновесия».

Короче, перетягивание каната в Вашингтоне отражало борьбу между, с одной стороны, дипломатами старой школы (такими, как посол Фрэнсис) и государственными служащими низкого уровня и, с другой стороны, финансистами наподобие Робинса, Томпсона и Сэндса с такими их союзниками, как Лансинг и Майлс в Государственном департаменте и сенатор Оуэн в Конгрессе.

Глава 4. Уолл-стрит и мировая революция

«В чём вы, радикалы, и мы, сторонники противоположных взглядов, расходимся, это не столько цель, сколько средства; не столько то, что должно быть достигнуто, сколько — как это должно и может быть достигнуто...»

Отто Х. Кан, директор «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» и партнёр в фирме «Кун, Леб & Ко.», из выступления перед членами Лиги за индустриальную демократию,

⁵⁸ См. об этом далее в главах 5 и 6. — Прим. ред. «РИ».

⁵⁹ Эсеры были представлены во Временном правительстве, а летом 1917 г. его возглавил эсер Керенский. — Прим. ред. «РИ».

Нью-Йорк, 30 декабря 1924г.

Перед первой мировой войной в финансовых и деловых структурах США доминировали два объединения: предприятие Рокфеллера «Стандарт Ойл» и промышленный комплекс Моргана — финансовые и транспортные компании.

Союзы трестов Рокфеллера и Моргана главенствовали не только на Уолл-стрит, но и через взаимосвязанных директоров почти во всей экономике США⁶⁰.

Фирмы Рокфеллера монополизировали нефтяную и относящиеся к ней отрасли промышленности, контролировали медный трест, трест плавильных предприятий и гигантский табачный трест, а также имели влияние в некоторых владениях Моргана, таких как корпорация «Ю.С. Стал», в сотнях более мелких промышленных трестов, в общественных службах, на железных дорогах и в банковских учреждениях.

«Нэшнл Сити Бэнк» был крупнейшим из банков, находившихся под влиянием «Стандарт Ойл» Рокфеллера, но его финансовый контроль распространялся и на «Юнайтед Стейтс Траст Компани», и на «Гановер Нэшнл Бэнк», а также на крупные компании по страхованию жизни — «Экуитабл Лайф» и «Мьючуэл оф Нью-Йорк».

Крупнейшие предприятия Моргана были в сталелитейной, судоходной и электротехнической промышленности; они включали в себя «Дженерал Электрик», резиновый трест и железные дороги.

Как и Рокфеллер, Морган контролировал финансовые корпорации: «Нэшнл Бэнк оф Коммерс» и «Чейз Нэшнл Бэнк», «Нью-Йорк Лайф Иншуренс» и «Гаранта Траст Компани». Имя Дж. П. Моргана и название «Гаранта Траст» неоднократно встречаются в этой книге.

В начале XX века в «Гаранта Траст Компани» преобладали интересы Гарримана. Когда старший Гарриман (Эдуард Генри) умер в 1909 году, Морган с партнерами купил «Гаранта Траст», а также «Мьючуэл Лайф» и «Нью-Йорк Лайф».

В 1919 году Морган также купил контрольный пакет компании «Экуитабл Лайф», а «Гаранта Траст» поглотила ещё шесть меньших траст-компаний.

Поэтому в конце первой мировой войны «Гаранта Траст» и «Бэнкерс Траст» были, соответственно, первой и второй крупнейшими траст-компаниями в США, и в обеих господствовали интересы Моргана⁶¹.

Связанные с этими группами американские финансисты были вовлечены в финансирование революций еще до 1917 года. В слушаниях Конгресса в 1913 году зарегистрировано вмешательство юридической фирмы с Уолл-стрит «Салливан & Кромвель» в правовой спор о Панамском канале.

Об этом случае высказывает своё заключение конгрессмен Рейни:

«Я утверждаю, что представители нашего правительства [Соединенных Штатов] сделали возможной революцию на Панамском перешейке. Если бы не вмешательство нашего правительства, революция могла не достичь успеха, и я заявляю, что наше правительство нарушило договор 1846 года.

Я смогу представить доказательства того, что декларация независимости, обнародованная в Панаме 3 ноября 1903 года, была подготовлена прямо здесь, в Нью-Йорке и передана туда; она подготовлена в конторе Уилсона [так] Нельсона Кромвелля...»⁶².

Конгрессмен Рейни заявил, что только 10 или 12 из крупнейших панамских революци-

60 John Moody. The Truth about the Trusts (New York: Moody Publishing. 1904).

61 Компания Дж.П. Моргана была первоначально создана в Лондоне в 1838 г. как фирма «Джордж Пибоди энд Ко.». Она не была зарегистрирована как юридическое лицо до 21 марта 1940 г. Компания прекратила свое существование в апреле 1954 г., слившись с «Гаранта Траст Компани», в то время наиболее важной из дочерних компаний коммерческого банка, сегодня она известна как «Морган Гаранта Траст Компани оф Нью-Йорк».

62 United States, House, Committee on Foreign Affairs. The Story of Panama, Hearings on the Rainey Resolution, 1913, p. 53.

онеров плюс «сотрудники фирмы «Панама Рейлроуд & Стимшип Ко.», которые были под контролем Уильяма Нельсона Кромвеля из Нью-Йорка и сотрудников Государственного департамента в Вашингтоне», знали о приближающейся революции⁶³.

Цель революции заключалась в том, чтобы лишить Колумбию, частью которой тогда была Панама, 40 миллионов долларов и приобрести контроль над Панамским каналом.

Лучшим документальным примером вмешательства Уолл-стрит в революцию является деятельность нью-йоркского синдиката в китайской революции 1912 года, возглавлявшейся Сунь Ят-сеном.

Хотя конечная выгода синдиката остается неясной, намерение и роль этой нью-йоркской финансовой группы полностью документированы вплоть до денежных сумм и информации о связанных с нею китайских секретных обществах и отгрузочных списках купленного оружия.

В синдикат нью-йоркских банкиров, поддержавших революцию Сунь Ят-сена, входил Чарльз Б. Хилл, поверенный в юридической фирме «Хант, Хилл & Беттс».

В 1912 году эта фирма располагалась по адресу: Нью-Йорк, Бродвей 165, но в 1917 году она переехала на Бродвей 120 (значение этого адреса будет указано в главе 8).

Чарльз Б. Хилл был директором в нескольких дочерних компаниях корпорации «Вестингауз», включая «Брайант Электрик», «Перкинс Электрик Суитч» и «Вестингауз Лэмп»; это все филиалы компании «Вестингауз Электрик», нью-йоркская контора которой тоже была расположена по адресу: Бродвей 120.

Чарльз Р. Крейн, организатор дочерних компаний корпорации «Вестингауз» в России, сыграл известную роль в первой и второй фазах большевицкой революции (см. главу 2).

Деятельность синдиката Хилла в Китае в 1910 году зафиксирована в документах Лоренса Бута в Институте Гувера⁶⁴.

Эти документы содержат свыше 110 относящихся к этому делу единиц хранения, включая письма Сунь Ят-сена своим американским покровителям и их ответы. В обмен на финансовую поддержку Сунь Ят-сен обещал синдикату Хилла железнодорожные, банковские и торговые концессии в новом революционном Китае.

Ещё один случай поддержки революции нью-йоркскими финансовыми учреждениями относится к мексиканской революции 1915-1916 годов.

В мае 1917 года нью-йоркский суд обвинил фон Ринтелена, германского шпиона в США⁶⁵, в попытке «поссорить» США с Мексикой и Японией, чтобы отвлечь в другую сторону оружие, предназначенное для союзников в Европе⁶⁶.

Оплата оружия, которое отправлялось из США мексиканскому революционеру Панчо Вилье, производилась через «Гаранта Траст Компани».

Советник фон Ринтелена Зоммерфельд заплатил через «Гаранта Траст» и «Миссисипи Вэлли Траст Компани» 380.000 долларов компании «Уэстерн Картридж» из города Алтон (штат Иллинойс) за оружие, отправленное в Эль-Пасо для переправки Вилье.

Это было в середине 1915 года. 10 января 1916 года Вилье убил 17 американских шахтеров в Санта-Исабель, а 9 марта 1916 года он напал на город Колумбус (штат Нью-Мексико) и убил ещё 18 американцев.

Участие Уолл-стрита в этих набегах на мексиканской границе стало предметом письма (от 6 октября 1916 года) американского коммуниста Линкольна Стеффенса полковнику Хаусу, адъютанту Вудро Вильсона:

«Мой дорогой полковник Хаус:

Как раз перед тем, как я в прошлый понедельник покинул Нью-Йорк, мне было сообщено из достоверного источника, что “Уолл-стрит” завершил приготовления к ещё одному

63 Ibid., p. 60.

64 Стэнфорд, Калифорния. См. также: Los Angeles Times. October 13, 1966.

65 Позже содиректор «Национальбанк фюр Дейчланд» вместе с Ялмаром Шахтом (банкиром Гитлера) и Эмилем Виттенбергом.

66 United States, Senate, Committee on Foreign Relations. Investigation of Mexican Affairs, 1920.

набегу мексиканских бандитов в США: он так приурочен ко времени и так жесток, что решит вопрос с выборами...».

После прихода к власти в Мексике, правительство Каррансы закупило дополнительное количество оружия в США. Был заключён контракт с компанией «Америкэн Ган» о поставке 5.000 маузеров, и Палата военной торговли выдала отгрузочную лицензию на 15.000 винтовок и 15.000.000 патронов.

Американский посол в Мексике Флетчер «наотрез отказался рекомендовать или санкционировать отправку каких бы то ни было патронов, ружей и т.д. Каррансе»⁶⁷.

Однако вмешательство государственного секретаря Роберта Лансинга свело это препятствие к временной задержке, после которой «вскоре... [компания «Америкэн Ган»] получит разрешение на отгрузку и поставку»⁶⁸.

Набеги на США отрядов Вильи и Каррансы освещались в газете «Нью-Йорк таймс» как «техасская революция» (что-то вроде тренировки для большевицкой революции) и предпринимались совместно немцами и большевиками.

Свидетельство Джона Э. Уолсса, окружного поверенного из Браунсвилля (штат Техас) в Комитете 1919 года было подкреплено документальными доказательствами связи между интересами большевиков в США, деятельностью немцев и силами Каррансы в Мексике⁶⁹.

Следовательно, правительство Каррансы, первое в мире, которое имело конституцию советского типа (написанную троцкистами), пользовалось поддержкой Уолл-стрита.

Революция Каррансы, возможно, не была бы успешной без американского вооружения, и Карранса не пробыл бы у власти столько, сколько он продержался с американской помощью⁷⁰.

Аналогичное вмешательство в большевицкую революцию 1917 года в России вращается вокруг шведского банкира и посредника Олофа Ашберга. Рассказ об этом логичнее начать с дореволюционных царских займов у банковских синдикатов Уолл-стрита.

Американские банкиры и царские займы

В августе 1914 года Европа вступила в войну. По международному праву нейтральные страны (а США были нейтральны до апреля 1917 года) не могли давать займы воюющим странам. Это был вопрос как права, так и морали.

Когда дом Моргана предоставил военные займы Великобритании и Франции в 1915 году, Дж. П. Морган приводил доводы, что это вовсе не военные займы, а средство содействия международной торговле.

Такое различие было искусно разработано президентом Вильсоном в октябре 1914 года; он объяснил, что продажа облигаций в США в интересах иностранных правительств фактически представляет собой сберегательный займ воюющим правительствам, а не финансирование войны.

С другой стороны, принятие казначейских билетов или другого доказательства задолженности в платежах за товары является лишь средством, способствующим торговле, а не финансирующим военные действия⁷¹.

Документы в фондах Государственного департамента показывают, что «Нэшнл Сити Бэнк», контролируемый Стиллменом и Рокфеллером, и «Гаранта Траст», контролируемый Морганом, совместно предоставили существенные займы воюющей России до вступления в войну США и что эти займы были предоставлены после того, как Государственный департамент указал этим фирмам, что они действуют вопреки международному праву.

Кроме того, переговоры о займах проводились по официальной правительственной связи США с использованием «Зелёного шифра» высшего уровня Государственного депар-

67 Lincoln Steffens. The Letters of Lincoln Steffens (New York: Harcourt, Brace, 1941), 1:386.

68 U.S., Senate, Committee on Foreign Relations. Investigation of Mexican Affairs, 1920, pts.2, 18, p. 681.

69 Ibid. 1, New York Times, January 23, 1919.

70 U.S., Senate, Committee on Foreign Relations. Op. cit., pp. 795-96.

71 U.S., Senate. Hearings Before the Special Committee Investigating the Munitions Industry, 73-74th Cong., 1934-37, pt. 25, p. 7666.

тамента.

Ниже приведены выдержки из телеграмм Государственного департамента, которые относятся к этому случаю.

24 мая 1916 года посол Фрэнсис в Петрограде послал в Государственный департамент в Вашингтон следующую телеграмму для передачи Фрэнку Артуру Вандерлипу, тогдашнему президенту «Нэшнл Сити Бэнк» в Нью-Йорке.

Телеграмма была направлена по «Зеленому шифру» и была зашифрована и дешифрована сотрудниками Госдепартамента США в Петрограде и Вашингтоне за счет налогоплательщиков (досье 861.51/110).

«563, 24 мая, 13:00

Для Вандерлипа, Нэшнл Сити Бэнк, Нью-Йорк. Пять. Наши предыдущие мнения по кредиту укрепились. Мы рассматриваем переданный план как безопасные инвестиции плюс очень привлекательная спекуляция рублями. Ввиду гарантии обменного курса сделали курс немного выше нынешнего рыночного.

Из-за неблагоприятного мнения, вызванного долгой задержкой, пришлось под собственную ответственность предложить взять двадцать пять миллионов долларов. Мы думаем, что значительная часть этого должна храниться в банках и связанных с ними учреждениях.

При пункте договора в отношении таможи облигации становятся практическим правом удержания более чем ста пятидесяти миллионов долларов в год в случае неуплаты, причем таможня обеспечивает абсолютную безопасность и закрепляет рынок, даже если он дефектный.

Мы считаем опцион в три [года?] по облигациям очень ценным, и по этой причине сумма рублевого кредита должна быть увеличена группой или путем распределения среди близких друзей. «Америкэн Интернэшнл» должна взять партию облигаций, и мы проинформируем правительство.

Думаю, группа должна быть сформирована сразу же, чтобы взять, и выпуск облигаций ... должен обеспечивать полную гарантию сотрудничества. Предлагаю Вам повидаться с Джеком лично, использовать все возможности, чтобы заставить их действительно работать, или сотрудничать с гарантией для образования новой группы.

Возможности государственного и промышленного финансирования здесь на ближайшие десять лет очень большие, и если эта сделка будет завершена, они без сомнения осуществятся. При ответе имейте в виду ситуацию с телеграфом. Мак-Робертс Рич. Фрэнсис, американский посол!⁷²

Относительно приведённой телеграммы необходимо подчеркнуть несколько моментов, чтобы понять историю, которая за ней последовала.

Первое: отметьте ссылку на «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн», фирму Моргана — название, которое снова и снова встречается в этой истории.

Второе: слово «гарантия» относится к «Гаранта Траст Компани».

Третье: Мак-Робертс это Сэмюэл Мак-Робертс, вице-президент и исполнительный директор «Нэшнл Сити Бэнк».

24 мая 1916 года посол Фрэнсис отправил по телеграфу сообщение от Рольфа Марша, представителя «Гаранта Траст» в Петрограде, в нью-йоркскую «Гаранта Траст» — и опять по особому «Зеленому шифру», вновь используя средства связи Государственного департамента. Эта телеграмма гласит:

«565, 24 мая, 18:00

для Гаранты Траст Компани, Нью-Йорк: Три. Олоф и я рассматриваем новое предложение, о котором заботится Олоф и которое скорее поможет, чем повредит Вашему престижу. Ситуация такова, что сотрудничество необходимо, если необходимо здесь делать большие дела.

72 U.S. State Dept. Decimal File, 861.51/110 (316-116-682).

Настоятельно рекомендую Вам связаться с Сити для совместного рассмотрения и действий по всем крупным здешним предложениям. Определенные преимущества для обоих и не будет игры друг против друга. Представители Сити здесь хотят (написано рукой) такого сотрудничества.

Рассматриваемое предложение исключает наш кредит на имя, а также опцион, но мы оба рассматриваем рублевый кредит с опционом по облигациям в предложениях. Второй параграф предлагает прекрасную выгодную возможность, настоятельно рекомендую Вам принять его.

Просьба передать мне по телеграфу все полномочия для действий в связи с Сити. Учтите, что наше увлекательное предложение создает для нас удовлетворительную ситуацию и позволяет делать большие дела. Снова настоятельно рекомендую Вам взять двадцать пять миллионов из рублевого кредита.

Никакой потери возможностей и определенные биржевые преимущества. Снова настоятельно рекомендую привлечь вице-президента. Эффект здесь будет определенно хорошим. Местный поверенный не имеет такого престижа и веса. Это идет через посольство по коду, ответьте так же. Смотрите телеграмму о возможностях. Рольф Марш, Фрэнсис, американский посол.

Примечание: Все сообщение дано Зеленым шифром. Телеграфный кабинет»⁷³

«Олоф» в телеграмме означает Олофа Ашберга, шведского банкира и главы «Ниа Банкен» в Стокгольме.

Ашберг был в Нью-Йорке в 1915 году и вел переговоры с фирмой Моргана об этих русских займах.

Теперь, в 1916 году, он был в Петрограде с Рольфом Маршем из «Гаранта Траст» и Сэмюэлем Мак-Робертсом и Ричем из «Нэшнл Сити Бэнк» (в телеграмме «Сити»), организуя займы для консорциума Моргана-Рокфеллера.

В следующем году Ашберг, как мы увидим позже, станет известным как «большевицкий банкир», и в его мемуарах приведены доказательства его права на этот титул.

В досье Государственного департамента также имеется серия телеграмм между послом Фрэнсисом, исполняющим обязанности секретаря Фрэнком Полком и государственным секретарем Робертом Лансингом о законности и уместности передачи телеграмм «Нэшнл Сити Бэнка» и «Гаранта Траст» за государственный счет.

25 мая 1916 года посол Фрэнсис направил в Вашингтон телеграмму, сославшись на две предыдущие, следующего содержания:

«569, 25 мая, 13:00

Мои телеграммы 563 и 565 от 24 мая направлены за местных представителей учреждений-адресатов в надежде заключения займа, который значительно увеличит международную торговлю и даст большие выгоды (в дипломатических отношениях). Перспективы успеха многообещающие.

Представители в Петрограде считают выдвинутые условия весьма удовлетворительными, но опасаются, что такие представления в их учреждения могут помешать заключению займа, если здешнее правительство узнает об этих предложениях. Фрэнсис, американский посол»⁷⁴.

Основная причина, которой Фрэнсис оправдывает содействие в передаче телеграмм, — «надежда заключения займа, который значительно увеличит международную торговлю». Однако передача коммерческих сообщений с использованием средств Государственного департамента была запрещена, и 1 июня 1916 года Полк телеграфирует Фрэнсису:

«842 Ввиду инструкции Департамента, содержащейся в его циркулярной телеграмме от 15 марта (прекращение передачи коммерческих сообщений) 75 1915 года, прошу объяс-

73 U.S. State Dept. Decimal File, 861.51/112.

74 U.S. State Dept. Decimal File, 861.51/111.

75 Написано от руки в скобках.

нить, почему надо было передать сообщения в Ваших 563, 565 и 575. После этого просьба точно следовать инструкциям Департамента.

Исполняющий обязанности. (861.51/112 и /110) Полк»

Затем, 8 июня 1916 года государственный секретарь Лансинг расширил этот запрет и ясно заявил, что предлагаемые займы являются незаконными:

«860 Ваши 563, 565, 24 мая, и 569, 25 мая, 13:00. До передачи сообщений Вандерлипу и Гаранти Траст Компани я должен проверить, не относятся ли они к займам любого вида российскому правительству. Если да, я сожалею, что Департамент не сможет участвовать в их передаче, так как такое действие подвергнет его оправданной критике из-за участия нашего правительства в сделке о займе воюющей стране для цели ведения ее военных операций.

Такое участие противоречит общепринятой норме международного права о том, что нейтральные правительства не должны оказывать помощь осуществлению военных займов воюющим странам».

Последняя строка написанной Лансингом телеграммы не была передана в Петроград. Эта строка гласит: «Нельзя ли организовать пересылку этих сообщений по русским каналам?»

Как мы можем оценить эти телеграммы и вовлеченные стороны?

Ясно, что круги Моргана-Рокфеллера не были заинтересованы в соблюдении норм международного права. В этих телеграммах есть очевидное намерение предоставить займы воюющим странам. Эти фирмы без колебаний использовали для переговоров средства Государственного департамента.

Кроме того, несмотря на протесты. Государственный департамент позволил сообщениям пройти. В заключение, и что самое интересное для последующих событий, Олоф Ашберг, шведский банкир, был видным участником и посредником в переговорах от имени «Гаранти Траст».

Поэтому, давайте присмотримся к Олофу Ашбергу.

Олоф Ашберг в Нью-Йорке, 1916 год

Олоф Ашберг, «большевицкий банкир» (или «банкир народной революции», как его называла германская пресса), был владельцем банка «Ниа Банкен», основанного в 1912 году в Стокгольме.

В число его содиректоров входили видные члены шведских кооперативов и шведские социалисты, включая Г.В. Даля, К.Г. Рослинга и К. Герхарда Магнуссона⁷⁶.

В 1918 году из-за финансовых операций в пользу Германии «Ниа Банкен» попал в черный список союзников. После этого «Ниа Банкен» сменил свое название на «Свенск Экономиблагет».

Банк оставался под контролем Ашберга и принадлежал главным образом ему. Лондонским агентом банка был «Бритиш Бэнк оф Норт Коммерс», президентом которого был Эрл Грей, бывший коллега Сесила Родса.

В число других лиц заинтересованного круга деловых коллег Ашберга входили: Красин, который до большевицкой революции (когда он сменил окраску на видного большевика) был русским управляющим фирмы «Сименс-Шукерт» в Петрограде; Карл Фюрстенберг, министр финансов в первом большевицком правительстве⁷⁷; и вице-президент «Гаранта Траст» в Нью-Йорке Макс Мэй, отвечающий за иностранные операции.

Олоф Ашберг был такого высокого мнения о Максе Мэе, что фотография Мэя поме-

⁷⁶ Olof Aschberg. En Vandrande Jude Fran Glasbruksgatan (Stockholm: Albert Bonniers Forlag, n.d.), pp. 98-99, которая включена в: Memoarer (Stockholm: Albert Bonniers Forlag, 1946). Для дальнейшей информации об Ашберге см. также: Gastboken (Stockholm: Tidens Forlag, 1955).

⁷⁷ Яков (не Карл) Фюрстенберг-Ганецкий (1879-1937) был не министром, а членом коллегий наркомата финансов, затем — наркомата внешней торговли и наркомата иностранных дел. Первым наркомом финансов был масон И.И. Скворцов-Степанов. — Прим. ред. «РИ».

щена в книге Ашберга⁷⁸.

Летом 1916 года Олоф Ашберг находился в Нью-Йорке, представляя «Ниа Банкен» и П. Барка, царского министра финансов.

Главным делом Ашберга в Нью-Йорке, как писала «Нью-Йорк таймс» от 4 августа 1916 года, было заключение соглашения о займе в 50 миллионов долларов для России с американским банковским синдикатом, возглавлявшимся «Нэшнл Сити Бэнк» (НСБ) Стиллмена.

Эта сделка была заключена 5 июня 1916 года; её результатом стал кредит России в 50 миллионов долларов в Нью-Йорке по банковской ставке 7,5% годовых и соответствующий кредит в 150 миллионов рублей для НСБ в России.

Затем нью-йоркский синдикат изменил политику и выпустил на американский рынок 6,5%-ные сертификаты от своего имени на сумму в 50 миллионов долларов.

Таким образом, синдикат НСБ получил прибыль на 50-миллионном займе России, выпустил его на американский рынок для получения дополнительной прибыли и получил кредит на 150 миллионов рублей в России.

Во время своего посещения Нью-Йорка по поручению царского российского правительства Ашберг пророчествовал о будущем для Америки в России:

«Когда борьба окончится, по всей стране для американского капитала и американской инициативы будет существовать благоприятная обстановка вследствие пробуждения, вызванного войной.

Сейчас в Петрограде много американцев, представляющих фирмы, которые следят за ситуацией, и как только наступит изменение, должна развиться обширнейшая американская торговля с Россией»⁷⁹.

Олоф Ашберг в большевицкой революции

В то время как в Нью-Йорке осуществлялась эта операция с царским займом, «Ниа Банкен» и Олоф Ашберг направляли средства от германского правительства российским революционерам, которые, в конечном счёте, свергли «комитет Керенского» и установили большевицкий режим.

Доказательства тесной связи Олофа Ашберга с финансированием большевицкой революции поступают из различных источников, одни из которых имеют большую ценность, другие меньшую.

«Ниа Банкен» и Олоф Ашберг часто упоминаются в документах Сиссона (см. гл. 3); однако, Джордж Кеннан скрупулезно проанализировал эти документы и доказал, что они поддельные, хотя отчасти и основываются на подлинном материале.

Ещё одно доказательство исходит от полковника Б.В. Никитина, занимавшегося контрразведкой в правительстве Керенского; оно состоит из 29 телеграмм, переданных из Стокгольма в Петроград и обратно, касающихся финансирования большевиков.

Три из них относятся к банкам телеграммы 10 и 11 относятся к «Ниа Банкен», а телеграмма 14 относится к «Русско-Азиатскому Банку» в Петрограде⁸⁰. Телеграмма 10 гласит:

«Гиза Фюрстенберг Сальтшэбадсн. Финансы весьма затруднительны абсолютно нельзя дать крайнем случае 500 как последний раз карандашах громадные убытки оригинал безнадёжно пуст Нюе Банкен телеграфирует новых 100 тысяч Суменсон».

А вот телеграмма 11:

«Козловскому Сергиевская 81. Первые письма получили Нюэ Банкен телеграфировали телеграфируйте кто Соломон предлагает местное телеграфно агентство ссылается Бронека Савельевича Авилова».

Фюрстенберг был посредником между Парвусом (Александр И. Гельфанд) и герман-

⁷⁸ Aschberg. p. 123

⁷⁹ New York Times. August 4, 1916.

⁸⁰ Тексты телеграмм воспроизводятся нами по книге: Никитин Б. Роковые годы. Париж. 1937. С. 112-114. — Прим.:ред. «РИ».

ским правительством. Майкл Футрелл делает вывод об этих переводах:

«Было установлено, что в течение последних нескольких месяцев она [Евгения Суменсон] получила почти миллион рублей от Фюрстенберга через Ниа Банкен в Стокгольме и что эти деньги поступили из германских источников»⁸¹.

Телеграмма 14 из подборки Никитина гласит: «Фюрстенберг Сальтшэбаден. Номер 90 Внесла в Русско-Азиатский сто тысяч Суменсон». Представителем «Русско-Азиатского Банка» в США была компания «МакГрегор Грант», располагавшаяся по адресу: Нью-Йорк, Бродвей 120, а финансировался банк компанией «Гаранта Траст» в США и «Ниа Банкен» в Швеции.

Еще раз «Ниа Банкен» упоминается в материале «Обвинения против большевиков», который был опубликован еще при Керенском.

Особого внимания в этом материале заслуживает документ, подписанный бывшим членом Второй Государственной думы Григорием Алексинским и касающийся переводов денег большевикам. Документ, в частности, гласит:

«В соответствии с только что полученной информацией, этими доверенными лицами в Стокгольме были: большевик Яков Фюрстенберг, более известный под именем «Хансци (Ганецкий), и Парвус (д-р Гельфанд); в Петрограде: большевицкий адвокат М.У. Козловский, Суменсон, родственница Ханецкого, занимавшаяся спекуляцией вместе с Ханецким, и другие.

Козловский — главный получатель германских денег, которые переводятся из Берлина через посредство акционерного общества «Дисконто-Гезельшафт» в стокгольмский «Виа Банк», а оттуда в «Сибирский Банк» в Петрограде, где сальдо его счета в настоящее время равно более чем 2.000.000 рублей.

Военная цензура раскрыла непрерывный обмен телеграммами политического и финансового характера между германскими агентами и лидерами большевиков [Стокгольм-Петроград]»⁸².

Кроме того, в досье Государственного департамента есть сообщение, кодированное «Зеленым шифром», из посольства США в Христианин (переименована в Осло в 1925 году), Норвегия, от 21 февраля 1918 года, которое гласит:

«Меня информировали, что средства большевиков депонированы в Ниа Банкен в Стокгольме. Дипломатической миссии в Стокгольме сообщено. Шмедеман»⁸³.

В заключение Майкл Футрелл, который расспрашивал Олофа Ашберга незадолго до его смерти, делает вывод, что средства большевиков были действительно переведены из Германии через посредство «Ниа Банкен» и Якова Фюрстенберга под прикрытием платежа за поставленные товары.

По Футреллу, Ашберг сообщил ему, что Фюрстенберг вел коммерческие дела с «Ниа Банкен» и направлял средства в Петроград. Эти заявления подтверждены в мемуарах Ашберга (стр. 70).

В общем, Ашберг со своим «Ниа Банкен» несомненно являлся каналом для средств, использованных в большевицкой революции, а «Гаранта Траст» была косвенно связана через свою ассоциацию с Ашбергом и его долей в компании «МакГрегор Грант» из Нью-Йорка, которая в свою очередь была агентом «Русско-Азиатского Банка», ещё одного орудия перевода этих средств.

«Ниа Банкен» и «Гаранти Траст» вступают в «Роскомбанк»

Через несколько лет, осенью 1922 года, Советы создали свой первый международный банк. Он основывался на синдикате, в котором участвовали бывшие российские частные банкиры и новые инвесторы из числа германских, шведских, американских и британских

81 Michael Futrell. Northern Underground (London: Faber and Faber, 1963), p. 162.

82 См. Robert Paul Browder and Alexander F. Kerensky. The Russian Provisional Government, 1917 (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1961), 3: 1365. «Виа Банк» тут явно означает «Ниа Банкен».

83 U.S. State Dept. Decimal File, 861.00/1130.

банкиров.

Известный как «Роскомбанк»⁸⁴ («Внешторгбанк» или «Банк для внешней торговли»), он возглавлялся Олофом Ашбергом; в его правление входили российские частные банкиры царского времени, представители германских, шведских и американских банков и, конечно, представители Советского Союза.

Дипломатическая миссия США в Стокгольме, сообщая в Вашингтон об этом деле, отметила относительно Ашберга, что «его репутация плохая. Он упоминается в документе 54 из документов Сиссона и в диппочте № 138 от 4 января 1921 года из дипломатической миссии в Копенгагене»⁸⁵.

Иностраный банковский консорциум, участвовавший в «Роскомбанке», представлял в основном британский капитал.

Он включал компанию «Руссо-Эйшиэтик Консолидейтед Лимитед», которая была одним из крупнейших частных кредиторов России и которой Советы предоставили 3 миллиона фунтов стерлингов, как компенсацию за ущерб, нанесенный ее имуществу в Советском Союзе в результате национализации.

Само британское правительство уже купило солидные доли в российских частных банках; согласно отчета Государственного департамента: «Британское правительство осуществило большие инвестиции в рассматриваемый консорциум»⁸⁶.

Консорциуму предоставлялись крупные концессии в России, и банк имел акционерный капитал в 10 миллионов золотых рублей.

В датской газете «Националь тиденде» сообщалось, что «были созданы возможности для сотрудничества с советским правительством, которые были бы невозможны путём политических переговоров»⁸⁷.

Другими словами, как продолжает газета, политики не смогли добиться сотрудничества с Советами, но «можно считать как нечто само собой разумеющееся, что капиталистическая эксплуатация России начинает принимать более определённые формы»⁸⁸.

В начале октября 1922 года Олоф Ашберг встретился в Берлине с Эмилем Виттенбергом, директором «Националь банк фюр Дейчланд», и Шейнманом, главой Государственного банка РСФСР.

После бесед о германском участии в «Роскомбанке» эти три банкира поехали в Стокгольм и там встретились с Максом Мэем, вице-президентом «Гаранти Траст Компани».

Макс Мэй был тогда назначен директором иностранного отдела «Роскомбанка»; кроме него директорами были: Шлезингер, бывший глава «Московского Купеческого Банка», Калашкин, бывший глава банка «Юнкер», и Терновский, бывший глава «Сибирского Банка».

Последний банк был частично куплен британским правительством в 1918 году. Шведский профессор Густав Кассель по договоренности стал советником «Роскомбанка». Шведская газета «Свенскадагбладет» (от 17 октября 1922 года) приводит следующие слова Касселя:

«То, что Россия учредила банк для решения чисто банковских вопросов, является большим шагом вперёд, и мне кажется, что этот банк был создан, чтобы что-то делать для

⁸⁴ Российский коммерческий банк». — *Прим. ред. «РИ».*

⁸⁵ U.S. State Dept. Decimal File, 861.516/129, August 28, 1922. Донесение в Государственный департамент из Стокгольма, датированное 9 октября 1922 года (861.516/137), в отношении Ашберга гласит: «Я встретил г-на Ашберга несколько недель назад, и в беседе он в сущности сказал все, что содержится в сообщении. Он также попросил меня узнать, может ли он посетить США, и назвал в качестве поручителей несколько видных банков. В связи с этим, однако, я хочу привлечь внимание Департамента к документу 54 из документов Сиссона, а также ко многим другим донесениям, которые отправляла наша дипломатическая миссия в отношении этого человека во время войны; его репутация и положение плохие. Он, несомненно, работает в тесной связи с Советами, а в течение всей войны тесно сотрудничал с немцами» (U.S. State Dept. Decimal File, 861.516/137, Stockholm, October 9, 1922. Подпись под сообщением: Ira N. Morris). Имеется в виду «Русско-Азиатский Банк». — *Прим. ред. «РИ».*

⁸⁶ Ibid., 861.516/130. September 13, 1922.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Ibid.

строительства новой экономической жизни в России. России нужен именно банк для налаживания внутренней и внешней торговли.

Если между Россией и другими странами должны вестись дела, для этого необходим банк. Этот шаг вперёд должен всячески поддерживаться другими странами, и когда спрашивают моего совета, я отвечаю, что готов его дать. Я не выступаю за негативную политику и считаю, что для помощи в позитивной реконструкции следует использовать любую возможность.

Большая проблема сейчас — это возврат российской валюты к нормальной работе. Это сложная проблема, которая нуждается в серьёзном изучении. Для её разрешения я, естественно, очень хочу принять участие в этой работе. Безрассудно было бы предоставлять Россию с её ресурсами её собственной судьбе»⁸⁹.

Бывшее здание «Сибирского Банка» в Петрограде использовалось как штаб-квартира «Роскомбанка», целями которого были получение краткосрочных займов за границей, привлечение иностранного капитала в Советский Союз и общее содействие российской внешней торговле. Он открылся 1 декабря 1922 года в Москве, в нем работало около 300 человек.

В Швеции «Роскомбанк» был представлен стокгольмским «Свенска Экономиболагет», то есть это был «Ниа Банкен» Олофа Ашберга под новым названием, а в Германии — берлинским «Гаранта унд Кредитбанк фюр ден Остен». В США банк представляла нью-йоркская «Гаранти Траст Компани».

При открытии банка Олоф Ашберг сказал: «Новый банк будет контролировать закупки машин и сырья в Англии и США, и он будет гарантировать выполнение контрактов. Вопрос о закупках в Швеции ещё не поднимался, но есть надежда, что позже это произойдёт»⁹⁰.

При вступлении в «Роскомбанк» Макс Мэй из «Гаранта Траст» сделал аналогичное заявление:

«США, будучи богатой страной с хорошо развитой промышленностью, не нуждаются в импорте чего-либо из зарубежных стран, но... они очень заинтересованы с экспорте своей продукции в другие страны и считают Россию наиболее подходящим рынком для этой цели, учитывая огромные потребности России во всех сферах ее экономической жизни»⁹¹.

Мэй заявил, что «Российский коммерческий банк» является «очень важным» и что он будет «главным образом финансировать все отрасли российской промышленности».

С самого начала операции «Роскомбанка» были ограничены советской монополией на внешнюю торговлю. Банк испытывал трудности в получении депонированных за границей авансов за русские товары.

Из-за того, что их переводили на имя советских торговых представительств, большая доля средств «Роскомбанка» была заперта на депозитных счетах в Государственном банке РСФСР.

В конце концов, в начале 1924 года «Российский коммерческий банк» был слит с советским Комиссариатом внешней торговли, а Олоф Ашберг был смещен со своего поста в банке по причине, как заявили в Москве, его злоупотреблений средствами банка.

Его первоначальная связь с банком объяснялась его дружбой с Максимом Литвиновым. Через эту связь, как говорится в отчёте Государственного департамента, Олоф Ашберг имел доступ к крупным суммам денег для осуществления платежей за товары, заказываемые Советами в Европе:

«Эти суммы явно вносились в «Экономиболагет», частную банковскую фирму, принадлежащую г-ну Ашбергу. Теперь утверждают [так], что якобы большая часть этих средств была использована г-ном Ашбергом для осуществления вкладов на свой личный счет, и что он сейчас пытается сохранить свой пост в банке ввиду того, что этими деньгами

⁸⁹ Ibid., 861.516/140, Stockholm, October 23, 1922.

⁹⁰ Ibid., 861.516/147, December 8, 1922.

⁹¹ Ibid., 861.516/144, November 18, 1922.

владеет он.

По мнению моего осведомителя, г-н Ашберг был не единственным, кто наживался на операциях с советскими деньгами, он делил выручку с теми, кто ответствен за его назначение в «Российский коммерческий банк», среди них и Литвинов»⁹².

Затем «Роскомбанк» стал «Внешторгбанком», под каковым названием он известен и сегодня.

Теперь мы вернёмся назад и рассмотрим деятельность во время первой мировой войны «Гаранта Траст Компани» — нью-йоркского компаньона Ашберга, чтобы более основательно исследовать ее роль в эпоху революции в России.

«Гаранти Траст Компани» и германский шпионаж в США, 1914-1917⁹³

Во время первой мировой войны Германия собрала в Нью-Йорке значительные средства для шпионажа и тайных операций в Северной и Южной Америке.

Важно проследить путь этих средств, поскольку они поступали от тех же фирм — «Гаранти Траст Компани» и «Америкэн Интернэшнл Корпорейнш», которые были вовлечены в большевицкую революцию и ее последствия, не говоря уже о том факте (отмеченном в главе 3; что германское правительство также финансировало революционную деятельность Ленина.

В 1919 году американская военная разведка передала в Комитет Овермана Сената США сведения о займах, предоставленных американскими банками германской стороне в годы первой мировой войны.

Эти сведения основывались на письменном показании Карла Хайнена, который прибыл в США в апреле 1915 года для оказания помощи д-ру Альберту в коммерческих и финансовых делах германского правительства. Официальной функцией Хайнена были перевозки товаров из США в Германию через Швецию, Швейцарию и Голландию. На самом же деле он по уши погряз в тайных операциях.

Крупнейшими займами, полученными Германией в США в период между 1915 и 1918 годами, по мнению Хайнена, были следующие. Первый заём в 400.000 долларов был предоставлен примерно в сентябре 1914 года инвестиционными банкирами «Кун, Леб & Ко.».

Параллельно ломбардная сумма в 25 миллионов марок была депонирована у Макса М. Варбурга в Гамбурге, в германском филиале фирмы «Кун, Леб & Ко.».

Капитан Джордж Б. Лестер из военной разведки рассказал Сенату, что ответом Хайнена на вопрос: «Почему Вы пошли к фирме «Кун, Леб & Ко.»?» — было: «Мы считали фирму «Кун, Леб & Ко.» естественными банкирами германского правительства и Рейхсбанка».

Второй заём, на 1,3 миллиона долларов, поступил не прямо из США, а был заключен с Джоном Симоном, агентом акционерного общества «Зюддойче Дисконто-Гезельшафт», для получения средств на отправку товаров в Германию.

Третий заём был получен от «Чейз Нэшнл Банк» (группа Моргана) на сумму 3 миллиона долларов. Четвертью заём в 1 миллион долларов был дан банком «Мекэникс энд Металс Нэшнл». Из этих займов финансировалась германская шпионская деятельность в США и Мексике.

Некоторые средства можно проследить до Зоммерфельда, который был советником фон Ринтелена (еще один германский шпион), а позже был связан с Ялмаром Шахтом и Эмилом Виттенбергом.

Зоммерфельд должен был закупать боеприпасы для использования их в Мексике. Он имел счет в «Гаранти Траст Компани», откуда и шли платежи в компанию «Уэстерн Картридж Ко.», г. Альтон (штат Иллинойс) за боеприпасы, которые переправлялись в Эль-Пасо

⁹² Ibid., 861.316/197, Stockholm, March 7, 1924.

⁹³ Этот раздел основан на материалах слушаний в Комитете Овермана Сената США, 1919 г.: U.S. Senat, Brewing and Liquor Interests and German and Bolshevik Propaganda. Hearings bevor the Subcommittee on the Judiciary, 65th Cong., 1919, 2:2154-74.

для использования их мексиканскими бандитами Панчо Вильи. На боеприпасы, пропаганду в Мексике и тому подобную деятельность было истрачено около 400.000 долларов.

Тогдашний германский посол граф фон Берншторф рассказал о своей дружбе с Адольфом фон Павенштедтом, старшим партнером фирмы «Амсинк & Ко», которая контролировалась корпорацией «Америкэн Интернэшнл», а в ноябре 1917 года стала и принадлежать ей.

«Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» часто фигурирует в последних главах этой книги; в ее совет директоров входили главные лица Уолл-стрита: Рокфеллер, Кан, Стиллмен, Дюпон, Уинтроп и т. д. По мнению фон Берншторфа, фон Павенштедт был «близко знаком со всеми сотрудниками посольства»⁹⁴.

Сам фон Берншторф считал фон Павенштедта одним из наиболее уважаемых, «если не самым уважаемым имперским немцем в Нью-Йорке»⁹⁵.

Действительно, фон Павенштедт «в течение многих лет был главным кассиром германской шпионской сети в этой стране»⁹⁶.

Другими словами, не возникает сомнения, что фирма «Амсинк & Ко», контролируемая корпорацией «Америкэн Интернэшнл», была тесно связана с финансированием германского шпионажа военного времени в США.

В подтверждение последнего заявления фон Берншторфа существует фотография чека в пользу «Амсинк», датированного 8 декабря 1917 года — ровно через месяц после начала большевицкой революции в России — и подписанного фон Папеном (еще один германский шпион); на корешке чека есть пометка: «расходы на проезд фон В.» (то есть фон Веделла).

Френч Строзерс⁹⁷, который опубликовал эту фотографию, заявил, что этот чек свидетельствует о том, что фон Папен «стал соучастником преступления против американских законов»; это также дает возможность выдвинуть аналогичное обвинение и против «Амсинк & Ко».

Пауль Боло-Паша, еще один германский шпион и видный французский финансист, ранее служивший египетскому правительству, прибыл в Нью-Йорк в марте 1916 года с рекомендательным письмом к фон Павенштедту.

Через последнего Боло-Паша встретился с Хуго Шмидтом, директором «Дойче Банк» в Берлине, и его представителем в США. Одним из проектов Боло-Паши была покупка иностранных газет, чтобы повлиять на их передовицы в пользу Германии.

Средства для этой программы были организованы в Берлине в виде кредита от «Гаранта Траст Компани», причем впоследствии этот кредит был предоставлен через фирму «Амсинк & Ко.». Адольф фон Павенштедт из фирмы «Амсинк» в свою очередь передавал эти средства Боло-Паше.

Другими словами, и «Гаранта Траст Компани», и «Амсинк & Ко.», филиал «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн», были непосредственными участниками германского шпионажа и другой деятельности в США.

Можно установить, что некоторые нити тянулись от этих фирм к каждому из крупных германских деятелей в США: д-ру Альберту, Карлу Хайнену, фон Ринтелену, фон Папену, графу Жаку Минотто (см. ниже) и Паулю Боло-Паше.

В 1919 году сенатский Комитет Овермана также установил, что «Гаранта Траст» «не нейтральным образом» играла активную роль в финансировании действий Германии в ходе первой мировой войны. Это проясняется из свидетельства офицера разведки США Беккера:

«В своей миссии Хуго Шмидт [из «Дойче Банк»] широко использовал помощь некоторых американских банковских учреждений. Это было, когда мы были нейтральными, но их действия наносили ущерб британским интересам, и у меня есть достаточные данные о дей-

94 Count von Bemstorff. My Three Years in America (New York: Scribner's, 1920), p. 261.

95 Ibid.

96 Ibid.

97 French Strothers. Fighting Germany's Spies (Garden City, N.Y.: Double-day, 1918), p. 152.

ствиях «Гаранти Траст Компани» в этом отношении; мне хотелось бы узнать, пожелает ли Комитет заслушать их.

Сенатор Нельсон: Это отделение «Сити Бэнк», не так ли?

Г-н Беккер: Нет.

Сенатор Оверман: Если это было враждебно британским интересам, то это не было нейтральным, и я думаю, что вам лучше это раскрыть.

Сенатор Кинг: Была ли это обычная банковская сделка?

Г-н Беккер: Это как посмотреть. Она имеет отношение к маскировке валюты, чтобы она казалась нейтральной валютой, когда в действительности это была немецкая валюта в Лондоне. В результате этих операций, в которых «Гаранти Траст» участвовала главным образом между 1 августа 1914 года и моментом вступления Америки в войну, «Дойче Банк» сумел в своих отделениях в Южной Америке получить от Лондона 4.670.000 фунтов стерлингов.

Сенатор Оверман: Я полагаю, это компетентно»⁹⁸.

И важно здесь не то, что Германии предоставлялась финансовая помощь, которая была лишь незаконной, а то, что директора «Гаранти Траст» в то же время оказывали финансовую помощь союзникам. Другими словами, «Гаранти Траст» финансировал обе стороны конфликта. Это ставит вопрос о нравственности.

Нити «Гаранти траст» — Минотто — Кайо⁹⁹

Личность графа Жака Минотто — наиболее неправдоподобная, но доказуемая и постоянная нить, которая связывает большевицкую революцию в России с германскими банками и германским шпионажем во время первой мировой войны в США, с компанией «Гаранти Траст» в Нью-Йорке, с неудавшейся большевицкой революцией во Франции и последующими судами по шпионскому делу Кайо-Мальви.

Жак Минотто родился 17 февраля 1891 года в Берлине от отца-австрийца, выходца из итальянской знати, и матери-немки. Молодой Минотто получил образование в Берлине и в 1912 году поступил там на службу в «Дойче Банк».

Почти сразу же Минотто был направлен в США в качестве помощника Хуго Шмидта, заместителя директора «Дойче Банк» и его нью-йоркского представителя. После года работы в Нью-Йорке Минотто был переведен от «Дойче Банк» в Лондон, где он вращался в высших политических и дипломатических кругах.

В начале первой мировой войны Минотто вернулся в США и сразу же встретился с германским послом графом фон Берншторфом, после чего стал сотрудником «Гаранти Траст Компани» в Нью-Йорке. В «Гаранти Траст» Минотто подчинялся непосредственно Максу Мэю, директору ее иностранного отдела и приятелю шведского банкира Олофа Ашберга.

Минотто не был мелким банковским служащим. Допросы в парижском суде над Кайо в 1919 году установили, что Минотто работал непосредственно под руководством Макса Мэя¹⁰⁰.

25 октября 1914 года «Гаранти Траст» послала Жака Минотто в Южную Америку для подготовки отчета о политической, финансовой и торговой ситуации. Так же, как в Лондоне, Вашингтоне и Нью-Йорке, Минотто вошел там в высшие дипломатические и политические круги.

Одной из целей поездки Минотто в Латинскую Америку было создание механизма, по

⁹⁸ U.S. Senate, Overman Committee, 2:2009.

⁹⁹ Этот раздел основывается на следующих источниках (а также на цитируемых в других местах): Jean Bardanne. Le Colonel Nicolai: espion de genie (Paris: Editions Siboney, n.d.); Cours de Justice. Affaire Caillaux, Loustalot et Comby: Procedure Generate Interrogatoires (Paris, 1919), pp. 349-50. 937-46; Paul Vergnet. L'Affaire Caillaux (Paris, 1918), especially the chapter titled «Marx de Mannheim»; Henri Guemut, Emile Kahn and Camille M. Lemerrier. Etudes documentaires sur L'Affaire Caillaux (Paris, n.d.), pp. 1012-15; and George Adam. Treason and Tragedy: An Account of French War Trials (London: Jonathan Cape, 1929).

¹⁰⁰ См. конец этой главы.

которому «Гаранти Траст» могла быть использована в качестве посредника для ранее упоминавшегося получения средств Германией на лондонском денежном рынке, который был тогда закрыт для Германии из-за первой мировой войны.

Минотто вернулся в США, возобновил свою связь с графом фон Берншторфом и графом Люксбергом и позже, в 1916 году, попытался поступить на службу в военно-морскую разведку США. После этого он был арестован по обвинению в прогерманской деятельности.

После ареста Минотто работал на чикагском заводе своего тестя Луи Свифта из фирмы по производству мясных консервов «Свифт & Ко.». Для освобождения Минотто Свифт предоставил залог в 50.000 долларов и адвоката Генри Видера фирмы «Свифт & Ко.».

Позже за прогерманскую деятельность был арестован сам Луи Свифт. Интересное и немаловажное совпадение: «майор» Харольд Х. Свифт, брат Луи Свифта, был членом миссии Красного Креста под руководством Уильяма Бойса Томпсона в Петрограде в 1917 году, то есть он был одним из группы юристов и бизнесменов Уолл-стрита, чьи тесные связи с российской революцией будут описаны далее.

Хелен Свифт Нельсон, сестра Луи и Харольда Свифтов, позже была в контакте с прокоммунистическим центром им. Авраама Линкольна «Единство». Это создает некоторую взаимосвязь между германскими банками, американскими банками, германскими шпионами и, как мы увидим позже, большевицкой революцией¹⁰¹.

Жозеф Кайо — известный (иногда его называли «печально известным») французский политический деятель.

Он также был связан с графом Минотто, когда тот работал в Латинской Америке на «Гаранта Траст», а позже был замешан в знаменитых французских делах о шпионаже 1919 года, которые имели отношение к большевикам.

В 1911 году Кайо стал министром финансов, а затем, в том же году, премьер-министром Франции. Джон Луи Мальви был назначен заместителем статс-секретаря в правительстве Кайо. Через несколько лет мадам Кайо убила Гастона Кальметта, редактора крупной парижской газеты «Фигаро».

Следствие установило, что мадам Кайо убила Кальметта, чтобы не допустить опубликования некоторых компрометирующих документов. Дело привело к выезду Кайо и его жены из Франции.

Они уехали в Латинскую Америку и там встретились с графом Минотто, агентом «Гаранта Траст Компани», который находился в Латинской Америке с целью создания посреднических фирм для германских финансов.

Граф Минотто публично появлялся вместе с четой Кайо в Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло (Бразилия), в Монтевидео (Уругвай) и в Буэнос-Айресе (Аргентина). Другими словами, граф Минотто постоянно сопровождал чету Кайо во время её пребывания в Латинской Америке¹⁰².

По возвращении во Францию Кайо и его жена жили в Биаррице в качестве гостей Пауля Боло-Паши, который, как мы уже знаем, также был германским шпионом в США и Франции¹⁰³.

Позже, в июле 1915 года, и граф Минотто прибыл во Францию из Италии и встретился с четой Кайо; в том же году чета Кайо вновь посетила Боло-Пашу в Биаррице.

Другими словами, в 1915 и 1916 годах Кайо установил постоянные дружеские взаимоотношения с графом Минотто и Боло-Пашой, которые оба были германскими агентами в США.

Работа Боло-Паши во Франции заключалась в том, чтобы наращивать прогерманское влияние в парижских газетах «Тан» и «Фигаро». Затем Боло-Паша уехал в Нью-Йорк, куда

101 Эта связь подробно рассматривается в трехтомном отчете Комитета Овермана за 1919 год. См. библиографию.

102 См.: Rudolph Binion. Defeated Leaders (New York: Columbia University Press, 1960).

103 George Adam. Treason and Tragedy: An Account of French War Trials (London: Jonathan Cape, 1929).

прибыл 24 февраля 1916 года.

Там он должен был заключить соглашение о займе в 2 миллиона долларов, для чего связался с фон Павенштедтом, видным германским агентом в «Амсинк & Ко.»¹⁰⁴.

Северанс Джонсон в книге «Враг внутри», связав Кайо и Мальви с неудавшейся французской большевицкой революцией 1918 года, заявил, что в случае удачи этой революции «Мальви был бы французским Троцким, если бы Кайо стал французским Лениным»¹⁰⁵.

Кайо и Мальви на немецкие деньги создали во Франции радикальную социалистическую партию и за эту подрывную деятельность попали под суд. Судебные следователи по делам о шпионаже во Франции в 1919 году представили свидетельства, касающиеся нью-йоркских банкиров и их отношений с этими германскими шпионами.

Они также вскрыли связи между «Гаранта Траст Компани» и «Дойче Банк» и сотрудничество между Хуго Шмидтом из «Дойче Банк» и Максом Мэем из «Гаранта Траст Компани», а также между графом Минотто и Кайо.

В этом деле (страница 940) имеется следующая выдержка из письменных показаний графа Минотто (в переводе с французского):

«Вопрос: Кто был вашим начальником в «Гаранта Траст»?»

Ответ: Г-н Макс Мэй.

Вопрос: Он был вице-президентом?

Ответ: Он был вице-президентом и начальником иностранного отдела».

Позже, в 1922 году, Макс Мэй стал директором советского «Роскомбанка», представляя в этом банке интересы «Гаранта Траст».

Французское следствие устанавливает, что граф Минотто, германский шпион, был на службе в «Гаранта Траст Компани», что его начальником был Макс Мэй и что Макс Мэй также был в тесном контакте с большевицким банкиром Олофом Ашбергом.

Короче: Макс Мэй из «Гаранта Траст» был связан с незаконным сбором средств и германским шпионажем в США во время первой мировой войны; он косвенно был связан с большевицкой революцией и непосредственно — с созданием «Роскомбанка», первого международного банка Советского Союза.

Пока ещё рано пытаться дать объяснение этой кажущейся непоследовательной, незаконной и иногда аморальной международной деятельности.

Хотя, в общем, тут могут быть два приемлемых объяснения: первое — неустанное стремление к прибыли; второе, которое согласуется со словами Отто Кана из фирмы «Кун, Леб & Ко.» и «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн», вынесенными в эпиграф к данной главе, — реализация социалистических целей, которые «должны и могут быть достигнуты» несоциалистическими средствами.

Глава 5. Миссия американского красного креста в России. 1917.

«Бедный г-н Биллингс верил, что ему была поручена научная миссия для помощи России... В действительности же, его использовали лишь как маску — ибо миссия Красного Креста была всего лишь камуфляжем».

Корнелиус Келлегер, помощник Уильяма Бойса Томпсона (по книге Джорджа Ф. Кеннана «Россия выходит из войны»)

По проекту Уолл-стрита миссия Красного Креста использовалась в России в 1917 году как оперативный инструмент. И «Гаранта Траст», и «Нэшнл Сити Бэнк» имели представителей в России во время революции.

Фредерик М. Коре из отделения банка «Нэшнл Сити» в Петрограде был прикреплен к американской миссии Красного Креста; о нем еще будет сказано далее.

Компанию «Гаранта Траст» представлял Генри Кросби Эмери. После того, как Эмери

104 Ibid.

105 Severance Johnson. The Enemy Within (London: George Alien & Unwin, 1920).

был временно задержан немцами в 1918 году, его перевели представителем «Гаранти Траст» в Китае.

Примерно до 1915 года наиболее влиятельным лицом в американской национальной штаб-квартире Красного Креста в Вашингтоне была мисс Мейбл Бордмен.

Активный и энергичный учредитель, мисс Бордмен была движущей силой Красного Креста, хотя пожертвования поступали от богатых и известных лиц, включая Дж. П. Моргана, г-жу Э.Г. Гарриман, Кливленда Х. Доджа и г-жу Рассел Сейдж.

В 1910 году кампания по сбору двух миллионов долларов была успешной только потому, что ее поддержали богатые жители Нью-Йорка. Фактически, именно отсюда поступала большая часть средств.

Сам Дж. П. Морган внёс 100.000 долларов, а семь остальных жертвователей в Нью-Йорке внесли ещё 300.000 долларов. Лишь один человек не из Нью-Йорка внес более 10.000 долларов, это был Уильям Дж. Бордмен, отец мисс Бордмен.

Генри П. Дэвисон был председателем нью-йоркского комитета 1910 года по сбору средств, а позже стал председателем Военного совета американского Красного Креста. Другими словами, в первую мировую войну Красный Крест сильно зависел от Уолл-стрита и конкретно от фирмы Моргана.

Красный Крест не мог справиться с требованиями первой мировой войны и фактически перешел в руки этих нью-йоркских банкиров. По словам Джона Фостера Даллеса, эти бизнесмены «рассматривали американский Красный Крест, как свой инструмент управления, посредством которого они задумали внести немалый вклад в военную победу»¹⁰⁶.

Таким образом, они превратили в насмешку девиз Красного Креста — «Нейтралитет и гуманность».

В обмен на сбор средств Уолл-стрит добился формирования Военного совета Красного Креста, и по рекомендации Кливленда Х. Доджа (одной из финансовых опор Вудро Вильсона) председателем Совета стал Генри П. Дэвисон, партнер в фирме Дж. П. Моргана.

После этого перечень руководителей Красного Креста начинает напоминать нью-йоркский справочник директоров: Джон Д. Райан, президент «Анаконда Коппер Компани» (см. фронтиспис книги); Джордж У. Хилл, президент «Америкэн Тобэкко Компани»; Грейсон М.П. Мерфи, вице-президент «Гаранта Траст Компани»; и Айви Ли, специалист по связям с общественностью у Рокфеллеров.

Гарри Гопкинс, достигший позже славы при президенте Рузвельте, стал помощником главного управляющего Красного Креста в Вашингтоне.

Вопрос о направлении миссии Красного Креста в Россию возник накануне третьего заседания этого реформированного Военного совета, которое состоялось в здании Красного Креста в Вашингтоне в пятницу 29 мая 1917 года, в 11.00.

Председатель Дэвисон был уполномочен изучить эту идею с Александром Легге из компании «Интернэшнл Харвестер». В результате «Интернэшнл Харвестер Компани», имевшая значительные интересы в России, дала 200.000 долларов для этой миссии.

На одном из последних заседаний стало известно, что Уильям Бойс Томпсон, директор Федерального резервного банка Нью-Йорка, «предложил оплатить все расходы этой миссии»; предложение было одобрено телеграммой: «Ваше предложение оплатить расходы миссии в Россию высоко оценено и, с нашей точки зрения, очень важно»¹⁰⁷.

Члены миссии не получали жалования. Все расходы оплачивались Уильямом Б. Томпсоном, а 200.000 долларов от компании «Интернэшнл Харвестер» явно были использованы в России на политические субсидии.

Из досье посольства США в Петрограде мы узнаем, что американский Красный крест

106 John Foster Dulles. American Red Cross (New York: Harper, 1950).

107 Minutes of the War Council of the American National Red Cross (Washington, D.C., May 1917). — [Протоколы Военного совета американского национального Красного Креста (Вашингтон, Округ Колумбия, май 1917 года).]

выдал 4.000 рублей князю Львову. председателю Совета Министров, на «помощь революционерам», и 10.000 рублей в два приема Керенскому — на «помощь политическим эмигрантам».

Миссия американского Красного Креста в России, 1917

В августе 1917 года миссия американского Красного Креста в России имела лишь номинальное отношение к американскому Красному Кресту, и наверняка являлась самой необычной миссией Красного Креста в истории.

Все расходы, включая расходы на униформу — ибо все члены миссии были полковниками, майорами, капитанами и лейтенантами — оплачивались из кармана Уильяма Б. Томпсона. Один из тогдашних комментаторов назвал эту полностью офицерскую группу «гаитянской армией».

«Вчера прибыла делегация американского Красного Креста, примерно сорок полковников, майоров, капитанов и лейтенантов. Её возглавляет полковник (доктор) Биллингс из Чикаго, в её составе полковник Уильям Б. Томпсон и много докторов и гражданских лиц, все с военными званиями; мы назвали эту группу «гаитянской армией», так как в ней нет частных лиц.

Они приехали для выполнения некоей чётко не определённой задачи; насколько мне удалось выяснить, и как сказал мне Фрэнсис некоторое время тому назад, он настаивал на запрещении их приезда, так как в России уже находилось слишком много миссий союзников.

Явно эта миссия вообразила, что в России существует острая потребность в докторам и сиделках; фактически же здесь сейчас избыток медицинских светил и сиделок, своих и иностранных, и много госпиталей в крупных городах стоят полупустыми»¹⁰⁸.

В действительности миссия состояла из 24 (а не 40) человек, имевших военные звания от подполковника до лейтенанта, а также включала трёх ординарцев, двух кинооператоров и двух переводчиков без званий.

Только 5 человек (из 24) были врачами, и ещё двое — медицинскими исследователями.

Миссия прибыла в Петроград поездом через Сибирь в августе 1917 года. Пять докторов и ординарцы пробыли там один месяц и вернулись в США 11 сентября. Д-р Фрэнк

Биллингс, номинальный глава миссии и профессор медицины в Чикагском университете, как сообщалось, испытывал отвращение к нескрываемой политической активности большинства членов миссии.

Другими врачами были:

Уильям С. Тэйер, профессор медицины в Университете Джона Гопкинса;

Д.Дж. Маккарти, научный работник в Филадельфийском институте Фиппса по изучению и предотвращению туберкулёза;

Генри К. Шерман, профессор пищевой химии в Колумбийском университете;

К.Э. А. Уинслоу, профессор бактериологии и гигиены в Йельской медицинской школе;

Уилбур Э. Пост, профессор медицины в медицинском колледже Раша;

д-р Малькольм Гроу из резерва медицинских офицеров армии США;

Оррин Уайтмен, профессор клинической медицины из Нью-йоркского госпиталя.

Джордж К. Уиппл назван в списке профессором по медицинской технике из Гарвардского университета, но в действительности он был партнёром в нью-йоркской фирме технических консультантов «Хейзн, Уиппл & Фуллер».

Это важно, поскольку Малькольм Пирни, о котором подробнее будет сказано ниже, был назван в списке помощником инженера по медицинской технике, а служил инженером в фирме «Хейзн, Уиппл & Фуллер».

Состав миссии американского Красного Креста в России в 1917 г.

108 Gibbs Diary, August 9, 1917. State Historical Society of Wisconsin.

Члены финансового сообщества Уолл-стрита и его филиалов

Эндрюз («Лиггстт & Майерс Тобэкко»)

Барр («Чейз Нэшнл Банк»)

Браун (сотрудник Уильяма Б. Томпсона)

Кохран («МакКенн Ко.»)

Келлегер (сотрудник Уильяма Б. Томпсона)

Нихольсон («Свифт & Ко.»)

Пирни («Хейзн, Уиппл & Фуллер»)

Рэдфилд («Стетсон, Дженнингс & Расселл»)

Робинс (горнопромышленник)

Свифт («Свифт & Ко.»)

Тэчер («Симпсон, Тэчер & Бартлетт»)

Томпсон (Федеральный резервный банк Нью-Йорка)

Уардуэлл («Стетсон, Дженнингс & Расселл»)

Уиппл («Хейзн, Уиппл & Фуллер»)

Коре («Нэшнл Сити Банк»)

Магнусон (рекомендован конфиденциальным агентом полковника Томпсона)

Медицинский персонал

Биллингс (врач)

Гроу (врач)

Маккарти (медицинский научный работник, врач)

Пост (врач)

Шерман (профессор пищевой химии)

Тэйер (врач)

Уайтмен (врач)

Уинслоу (профессор гигиены)

Ординарцы, переводчики и т. д.

Брукс (ординарец)

Кларк (ординарец)

Роккья (ординарец)

Трейвис (кинооператор)

Уикофф (кинооператор)

Харди (юрист)

Хори (транспорт)

Большинство членов миссии, как видно из списка, составляли юристы, финансисты и их помощники из финансового района Нью-Йорка.

Миссию финансировал Уильям Б. Томпсон, который был записан в официальном циркуляре Красного Креста, как «комиссар и управляющий делами; директор Федерального банка США в Нью-Йорке».

Томпсон взял с собой Корнелиуса Келлегера, записанного как атташе при миссии, а в действительности являвшегося секретарем Томпсона с тем же адресом — Нью-Йорк, Уолл-стрит 14. По тому же адресу Генри С. Браун осуществлял связи миссии с общественностью.

Томас Дэй Тэчер был юристом в фирме «Симпсон, Тэчер & Бартлетт», основанной его отцом Томасом Тэчером в 1884 году и активно занимавшейся реорганизацией и слиянием железнодорожных компаний.

Томас-младший сначала работал в семейной фирме, потом стал помощником прокурора США при Генри Л. Стимсоне и возвратился в семейную фирму в 1909 году.

Молодой Тэчер был близким другом Феликса Франкфуртера и позже стал помощником Раймонда Робинса, также из миссии Красного Креста.

В 1925 году его назначили окружным судьей при президенте Кулидже, затем он стал главным прокурором при Герберте Гувере и директором института Уильяма Б. Томпсона.

Алан Уардуэлл, еще один заместитель комиссара и секретарь председателя, был юристом в юридической фирме «Стетсон, Дженнингс & Рассел», располагавшейся по адресу: Нью-Йорк, Брод Стрит 15, а Х.Б. Рэдфилд — юридическим секретарем Уардуэлла.

Майор Уардуэлл — сын Уильяма Томаса Уардуэлла, который в течение долгого времени был казначеем компании «Стандарт Ойл» в штате Нью-Джерси и той же компании в Нью-Йорке.

Старший Уардуэлл был одним из подписавших договор об учреждении концерна «Стэндарт Ойл», членом комитета по организации деятельности Красного Креста в Испано-американской войне и директором Гринвичского сберегательного банка.

Его сын стал директором не только Гринвичского сберегательного банка, но и «Бэнк оф Нью-Йорк», а также фирмы «Траст Ко.» и «Джорджиан Манганиз Компани» (вместе с У. Авереллом Гарриманом, директором компании «Гаранта Траст»).

В 1917 году Алан Уардуэлл представлял интересы фирмы «Стетсон, Дженнингс & Расселл», а позднее присоединился к фирме «Дэвис, Полк, Уардуэлл, Гарднер & Рид» (Фрэнк Л. Полк исполнял обязанности Государственного секретаря в период большевицкой революции).

Овермановский Комитет Сената отметил, что Уардуэлл благосклонно относился к советскому режиму, хотя Пул, представитель Государственного департамента на месте, отмечал, что «майор Уардуэлл лучше всех американцев лично знал о терроре» (документ 316-23-1449).

В 1920-е годы Уардуэлл активно работал в Российско-американской торговой палате, способствуя советской торговле.

Казначеем миссии был Джеймс У. Эндрюз, аудитор компании «Лиггетт & Майерс Тобэкко» из Сент-Луиса. Роберт И. Барр, еще один член миссии, указан в списке как заместитель комиссара; он был вице-президентом «Чейз Секьюритиз Компани» (Бродвей 120) и «Чейз Нэшнл Банк».

Уильяма Кохрана (Нью-Йорк, Бродвей 61) записали как ответственного за рекламу. Раймонд Робинс, горнопромышленник, был включен в состав миссии в качестве заместителя комиссара и охарактеризован как «экономист-социолог».

Кроме того, в состав миссии входили два члена фирмы «Свифт & Ко.» из «Юнион Стокъярдс», Чикаго. Свифты упоминались ранее как связанные с германским шпионажем в США во время первой мировой войны.

Харольд Х. Свифт, заместитель комиссара, был помощником вице-президента фирмы «Свифт & Ко.»; Уильям Дж. Нихольсон также работал в фирме Свифт & Ко., входящей в «Юнион Стокъярдс».

Два человека были неофициально добавлены в состав миссии после ее прибытия в Петроград: Фредерик М. Коре, представитель «Нэшнл Сити Бэнк» в Петрограде, и Герберт Э. Магнусон, который имел «очень высокую рекомендацию Джона У. Финча, конфиденциального агента полковника Уильяма Б. Томпсона в Китае»¹⁰⁹.

Документы Пирни, хранящиеся в Институте Гувера, содержат информацию о миссии из первых рук.

Малькольм Пирни был инженером, работавшим в фирме «Хейзн, Уиппл & Фуллер» (инженеры-консультанты), располагавшейся по адресу Нью-Йорк, 42-я стрит. Пирни входил в состав миссии и указан в списке как помощник инженера по медицинскому оборудованию.

Джордж К. Уиппл, партнер в фирме, также был включен в группу. Среди документов Пирни есть оригинал телеграммы от Уильяма Б. Томпсона, приглашающей помощника инженера по медицинскому оборудованию встретиться с ним и с Генри П. Дэвисоном, пред-

109 Billings report to Henry P. Davison, October 22, 1917, American Red Cross Archives. — [Отчет Биллингса Генри П. Дэвисону, 22 октября 1917 года, архивы Американского Красного Креста.]

седателем Военного совета Красного Креста и партнером в фирме Дж. П. Моргана, до отъезда в Россию. Вот текст этой телеграммы:

«Уэстерн Юнион Телеграф, Нью-Йорк, 21 июня 1917 г.

Мальколму Пирни

Очень хотелось бы пригласить Вас пообедать со мной в клубе «Метрополитэн», перекресток 16-й стрит и Пятой авеню в Нью-Йорке, в 8 часов вечера завтра в пятницу, чтобы встретиться с г-ном Г.П. Дэвисоном.

У.Б. Томпсон, Уолл-стрит 14».

Архивы не раскрывают, почему партнер Моргана Дэвисон и директор Федерального резервного банка Томпсон — двое из наиболее видных финансистов в Нью-Йорке — пожелали отобедать с помощником инженера по медицинскому оборудованию, собирающимся в Россию.

Архивы не объясняют также ни того, почему Дэвисон впоследствии не смог встретиться с д-ром Биллингсом и самой миссией, ни того, почему о невозможности этой встречи необходимо было сообщить именно Пирни.

Но мы можем предположить, что деятельность Красного Креста — официальное прикрытие миссии — представляла для них значительно меньший интерес, нежели деятельность Томпсона-Пирни, кем бы они ни были. Мы знаем, что Дэвисон писал д-ру Биллингсу 25 июня 1917 года:

«Дорогой доктор Биллингс:

К разочарованию моему и моих коллег по Военному совету, мы не сможем встретиться с членами Вашей миссии...»

Копия этого письма была отправлена по почте помощнику инженера по медицинскому оборудованию Пирни с личным письмом Генри П. Дэвисона, банкира Моргана, которое гласило:

«Мой дорогой г-н Пирни:

Вы, я уверен, полностью поймете причину письма доктору Биллингсу, копия которого прилагается, и примете его в том духе, в котором оно написано...»

Письмо Дэвисона д-ру Биллингсу было написано с целью принести извинения миссии и Биллингсу за невозможность встретиться с ними.

Тогда может быть оправданным наше предположение, что Дэвисон и Пирни разработали какие-то более важные планы относительно деятельности миссии в России и что эти планы были известны Томпсону. Предположительный характер этой деятельности будет изложен далее¹¹⁰.

В миссии американского Красного Креста (или, возможно, ее следует называть миссией Уолл-стрита в России) участвовали также три переводчика: капитан Иловайский, русский большевик; Борис Рейнштейн, русский американец, позднее секретарь Ленина и глава Бюро международной революционной пропаганды Карла Радека, в котором работали Джон Рид и Альберт Рис Вильяме; и Александр Гомберг (он же Берг, настоящее имя — Михаил Грузенберг) — брат большевицкого министра Зорина.

Гомберг был еще и главным большевицким агентом в Скандинавии. Позже он стал конфиденциальным помощником Флойда Одлума из корпорации «Атлас» в США, а также советником Рива Шли, вице-президента «Чейз Банк».

Мимоходом следует поставить вопрос о том, насколько полезными были переводы этих переводчиков?

Х.Э. Дулиттл, американский вице-консул в Стокгольме, 13 сентября 1918 года сообщал Государственному секретарю о беседе с капитаном Иловайским (который был «близ-

¹¹⁰ Бумаги Пирни позволяют нам также установить точные даты отъезда членов миссии из России. В отношении Уильяма Б. Томпсона эта дата имеет очень важное значение для аргументации в этой книге: Томпсон выехал из Петрограда в Лондон 4 декабря 1917 года. Джордж Ф. Кеннан же полагает, что Томпсон уехал из Петрограда 27 ноября 1917 года (Russia Leaves the War, p. 1140).

ким личным другом» полковника Робинса из миссии Красного Креста) относительно встречи союзников с мурманским Советом.

В Совете обсуждали вопрос приглашения союзников высадиться в Мурманске¹¹¹; от имени союзников в обсуждении участвовал майор Тэчер из миссии Красного Креста.

Иловайский переводил для Совета выступления Тэчера. «Иловайский долго говорил по-русски, предположительно переводя Тэчера, а в действительности Троцкого...» — в том смысле, что «Соединенные Штаты никогда не позволят произойти такой высадке и настаивают на быстрейшем признании Советов и их политики»¹¹².

Очевидно, Тэчер заподозрил, что его переводят неправильно и возмутился.

«Иловайский немедленно телеграфировал суть в штаб-квартиру большевиков и через их пресс-бюро передал эту информацию во все газеты как исходящую из замечаний майора Тэчера и как общее мнение всех должным образом аккредитованных американских представителей»¹¹³.

Иловайский рассказывал Мэддину Саммерсу, генеральному консулу США в Москве, о нескольких случаях, когда он (Иловайский) и Раймонд Робинс из миссии Красного Креста манипулировали большевицкой прессой, особенно «в отношении отзыва посла, г-на Фрэнсиса».

Он признал, что они были неразборчивы в средствах, «однако действовали исходя из своего понимания права, невзирая на то, что могли бы войти в конфликт с политикой аккредитованных американских представителей»¹¹⁴.

Такова была миссия американского Красного Креста в России в 1917 году.

Миссия американского Красного Креста в Румынии

В 1917 году американский Красный Крест также направил свою миссию медицинской помощи в Румынию, воевавшую тогда против Центральных держав как союзница России.

Сравнение миссии американского Красного Креста в России с миссией в Румынии показывает, что группа Красного Креста, обосновавшаяся в Петрограде, имела крайне слабую официальную связь с Красным Крестом и еще меньшее отношение имела к оказанию медицинской помощи.

Если в Румынии миссия доблестно соблюдала принцип «гуманности» и «нейтралитета» Красного Креста, то миссия в Петрограде вопиюще злоупотребляла им.

Из США в Румынию миссия американского Красного Креста выехала в июле 1917 года и расположилась в Яссах. В нее входили 30 человек во главе с Генри У. Андерсоном, юристом из штата Вирджиния. Из этих тридцати человек шестнадцать были докторами или военными врачами.

Для сравнения, из двадцати девяти человек миссии Красного Креста в России только трое были врачами и еще четверо университетских специалистов работали в областях, связанных с медициной.

Таким образом, не более семи человек из миссии в России можно назвать врачами по сравнению с шестнадцатью в румынской миссии. В обеих миссиях было примерно одинаковое количество ординарцев и медсестёр.

Однако существенное значение имеет тот факт, что в румынской миссии было только два юриста, один казначей и один инженер. А в российской миссии — пятнадцать юристов и бизнесменов.

¹¹¹ В 1918 г. страны Антанты, с согласия Троцкого, высадили десанты 6 марта в Мурманске и 2 августа в Архангельске для противодействия не большевикам, а немцам, чтобы не дать им овладеть этими стратегически важными городами и имевшимися там богатыми царскими складами военного снаряжения. После капитуляции Германии необходимость пребывания союзных войск на севере России отпала, они были выведены, царская же амуниция частично вывезена, частично передана красным или утоплена в море; — оставить ее белым войскам союзники отказались. — *Прим. ред. «РИ».*

¹¹² U.S. Stole Dept. Decimal File, 861.00/3644.

¹¹³ Ibid.

¹¹⁴ Ibid.

Ни один из юристов или врачей в румынской миссии не был из Нью-Йорка или близлежащих округов, тогда как все юристы и бизнесмены в российской миссии были из Нью-Йорка (за исключением одного «наблюдателя» из министерства юстиции в Вашингтоне).

Важно отметить, что более половины всех членов миссии в России были из финансового района Нью-Йорка.

Другими словами, сопоставление составов этих миссий подтверждает, что миссия в Румынии имела законную цель — осуществлять медицинскую деятельность, тогда как у миссии в России была не медицинская, а строго политическая задача.

С точки зрения состава, эта миссия может быть определена, как коммерческая или финансовая, но с точки зрения ее действий, это была группа для подрывных политических акций.

Состав миссий американского Красного Креста в России и Румынии в 1917 году

Состав	В Рос-сии	Румы-нии
Медицинский персонал (доктора и воен. врачи)	7	16
Ординарцы, вспомогат. персонал	7	10
Юристы и бизнесмены	15	4
Всего	29	30

Источники: Американский Красный Крест, Вашингтон, Округ Колумбия. Государственный департамент США, посольство в Петрограде, досье Красного Креста, 1917 год.

Миссия Красного Креста в Румынии оставалась на своем посту в Яссах и в 1918 году. Медицинский персонал миссии американского Красного Креста в России — семь человек — с возмущением вернулся в США в знак протеста против политической деятельности полковника Томпсона.

И когда в сентябре 1917 года румынская миссия обратилась в Петроград с просьбой оказать ей помощь врачами или санитарями в почти критических условиях в Яссах, в России не было американских медиков, которые могли бы поехать в Румынию.

В то время, как основная часть миссии в России проводила время во внутривосточных маневрах, миссия в Румынии погрузилась в работу с момента своего приезда.

Президент румынской миссии Генри У. Андерсон в своей конфиденциальной телеграмме, направленной 17 сентября 1917 года американскому послу Фрэнсису в Петроград, запросил срочной и неотложной помощи в 5 миллионов долларов для борьбы с надвигающейся в Румынии катастрофой.

Затем последовала ещё серия писем, телеграмм и сообщений от Андерсона Фрэнсису, безуспешно взывавших о помощи.

28 сентября 1917 года Вопичка, американский посланник в Румынии, направил Фрэнсису для передачи в Вашингтон длинную телеграмму, в которой подтвердил анализ Андерсона о кризисе в Румынии и опасность эпидемии, увеличивающуюся с приближением зимы:

«Для предотвращения приближающейся катастрофы требуются значительные деньги и самоотверженные меры... Бесполезно пытаться управлять ситуацией, не имея человека с полномочиями и доступом к правительству... При правильной организации необходимо искать транспорт для приема и распределения поставок».

Но руки у Вопички и Андерсона были связаны, так как все румынские поставки и финансовые сделки проходили через миссию Красного Креста в Петрограде, а у Томпсона и его команды из пятнадцати юристов и бизнесменов с Уолл-стрит явно имелись дела поваж-

нее, чем проблемы румынского Красного Креста.

В досье посольства в Петрограде, хранящемся в Государственном департаменте, нет указаний на то, что Томпсон, Робинс или Тэчер в 1917 или 1918 году позаботились о ситуации в Румынии.

Хотя сообщения из Румынии поступали к послу Фрэнсису или к одному из сотрудников посольства, а время от времени и через консульство в Москве.

К октябрю 1917 года ситуация в Румынии достигла критической точки. 5 октября Вонпичка телеграфировал Дэвисону в Нью-Йорк (через Петроград):

«Самая насущная проблема здесь... Опасаются катастрофического результата... Не могли бы вы организовать специальную поставку... Надо очень спешить или будет слишком поздно».

5 ноября Андерсон телеграфировал в петроградское посольство, что задержка с направлением помощи уже «стоила нескольких тысяч жизней». 13 ноября он сообщал послу Фрэнсису об отсутствии у Томпсона интереса к румынским событиям:

«Попросил Томпсона представить данные о всех полученных поставках, но до сих пор ничего нет... Также попросил его держать меня в курсе состояния перевозок, но получил очень мало информации».

Затем Андерсон попросил посла Фрэнсиса выступить от его имени, чтобы получить средства для румынского Красного Креста, находящиеся на отдельном счете в Лондоне, в распоряжение непосредственно Андерсона и изъять их из-под контроля миссии Томпсона.

Томпсон в России при Керенском

Что же тогда делала миссия Красного Креста в России? Томпсон определенно приобрел репутацию человека, роскошно жившего в Петрограде, но реально он осуществил в России при Керенском только два крупных проекта: поддержку программы американской пропаганды и поддержку «Займа русской свободы».

Вскоре после прибытия в Россию Томпсон встретился с г-жой Брешко-Брешковской и Давидом Соскисом, секретарем Керенского, и согласился внести 2 миллиона долларов в Комитет народного образования, чтобы последний «мог иметь собственную прессу и... нанять штат лекторов, а также использовать кинематографические средства обучения» (861.00/1032); пропагандной целью этого было — заставить Россию продолжать войну против Германии.

По словам Соскиса, «пакет с 50.000 рублей» был передан Брешко-Брешковской со словами: «Это Вам для того, чтобы тратить, как Вам будет угодно». Ещё 2.100.000 рублей были внесены на текущий банковский счет.

Письмо от Дж. П. Моргана в Государственный департамент (861.51/190) подтверждает, что Морган перевел телеграфом 425.000 рублей Томпсону по его просьбе для «Займа русской свободы», отметив при этом заинтересованность фирмы Моргана в «умном проведении индивидуальной подписки через г-на Томпсона» на «Займ русской свободы».

Переведены эти суммы были через петроградское отделение «Нэшнл Сити Банк».

Томпсон даёт большевикам 1 миллион долларов

Большее историческое значение, однако, имеет помощь, оказанная большевикам — сначала Томпсоном, а затем, после 4 декабря 1917 года, Раймондом Робинсом.

Вклад Томпсона в дело большевиков был зафиксирован в тогдашней американской прессе. 2 февраля 1918 года газета «Вашингтон пост» сообщала следующее:

«ДАЁТ МИЛЛИОН БОЛЬШЕВИКАМ

У.Б. Томпсон, жертвователю Красного Креста, верит партии, представленной в ложном свете. Нью-Йорк, 2 февраля (1918). Уильям Б. Томпсон, находился в Петрограде с июля по ноябрь прошлого года и сделал личный вклад в 1.000.000 долларов в пользу большевиков для распространения их учения в Германии и Австрии.

Г-н Томпсон имел возможность узнать российские условия, возглавляя миссию американского Красного Креста, расходы на которую также в большой степени покрывались из

его личных вкладов. Он считает, что большевики составляют самую серьезную силу против германофильства в России и что их пропаганда подрывает милитаристские режимы Центральных держав.

Г-н Томпсон осуждает американскую критику большевиков. Он считает, что они были выставлены в ложном свете, и сделал финансовый вклад в их дело в надежде, что эти деньги будут потрачены для будущего России, а также на дело союзников».

Биографическая книга Германа Хейгдорна «Магнат: Уильям Бойс Томпсон и его время (1869-1930)»¹¹⁵ воспроизводит фотографию телеграммы от Дж. П. Моргана из Нью-Йорка У.Б. Томпсону: «Для американского Красного Креста, гостиница «Европа», Петроград». Штамп на телеграмме показывает, что она была принята в Петрограде «8-дек 1917» (8 декабря 1917 года); вот ее текст:

«New York Y757/5 24 W5 Nil — Ваша вторая телеграмма получена. Мы выплатили Нэшнл Сити Бэнк один миллион долларов согласно инструкции — Морган».

Отделение «Нэшнл Сити Банк» в Петрограде было освобождено от действия большевицкого декрета о национализации — единственный такой случай среди иностранных и внутренних банков в России.

Хейгдорн говорит, что этот миллион долларов, внесённый на счет Томпсона в НСБ, был использован в «политических целях».

Социалистический горнопромышленник Раймонд Робинс¹¹⁶

Уильям Б. Томпсон, возвращаясь домой, выехал из России в начале декабря 1917 года. Он ехал через Лондон, где в компании с Томасом Ламонтом из фирмы Дж. П. Моргана нанёс визит премьер-министру Ллойд Джорджу, — этот эпизод мы опишем в следующей главе.

Его заместитель Раймонд Робинс остался во главе миссии Красного Креста в России. Общее впечатление, которое произвел полковник Робинс в последующие месяцы, не было оставлено без внимания прессой.

По словам российской газеты «Русское слово», Робинс, «с одной стороны, представляет американских людей труда, в с другой — американский капитал, который пытается через Советы завоевать российские рынки»¹¹⁷.

Раймонд Робинс начал свою деятельность заведующим складом фосфатной компании во Флориде. С этой базы он разрабатывал месторождение каолина, затем, в конце XIX века, занимался геологоразведкой в Техасе и на индейских территориях.

Двигаясь на север к Аляске, Робинс сделал себе состояние во время «золотой лихорадки» в Клондайке. Позже, без видимых причин, он переключился на социализм и реформистское движение.

К 1912 году он был активным членом Прогрессивной партии Рузвельта. А в 1917 году он присоединился к миссии американского Красного Креста в России, как «экономист-социолог».

Имеются весомые доказательства, включая заявления самого Робинса, что его реформистские призывы к социальному благу были не более чем прикрытием для приобретения дальнейшей власти и богатства, что напоминает утверждения Фредерика Хоува в книге «Признания монополиста».

Например, в феврале 1918 года Артур Буллард, будучи в Петрограде с Комитетом США по общественной информации, написал пространственный меморандум для полковника Эдварда Хауса.

До отправки Хаусу в Вашингтон Буллард передал этот меморандум Робинсу для комментариев и критических замечаний.

¹¹⁵ Hermann Hagedorn. The Magnate: William Boyce Thompson and His Time (1869-1930). — *Прим. ред.* «РИ».

¹¹⁶ Правильное написание «Робинс». В файлах Государственного департамента эта фамилия все время пишется «Роббинс».

¹¹⁷ U.S. State Dept. Decimal File, 316-11-1265, March 19, 1918.

Робинс сделал весьма несоциалистические и империалистические комментарии, что рукопись является «необычайно точной, прозорливой и хорошо выполненной», но при этом он сделал одну или две оговорки, в частности о том, что признание большевиков сильно запоздало и должно быть осуществлено немедленно, ибо, если США признают большевиков, — «я верю, мы будем иметь контроль над избытком ресурсов России и поставим контролирующих сотрудников на всех пограничных пунктах»¹¹⁸.

Это стремление получить «контроль над избытком ресурсов России» было очевидно и для русских.

Звучало ли это, как голос социального реформатора из американского Красного Креста или как дельца-горнопромышленника с Уолл-стрит, занимающегося практическим осуществлением империализма?

В любом случае Робинс не испытывал колебаний в отношении своей поддержки большевиков¹¹⁹.

Спустя всего лишь три недели после начала большевицкой фазы революции Робинс телеграфировал Генри Дэвисону в штаб-квартиру Красного Креста: «Прошу настоять у президента на необходимости наших непрерывных связей с правительством большевиков».

Интересно, что эта телеграмма была ответом на телеграмму с инструкциями Робинсу о том, что «президент хочет прекратить прямую связь представителей США с большевицким правительством»¹²⁰.

Несколько отчетов Государственного департамента содержат жалобы на партизанский характер деятельности Робинса. Например, 27 марта 1919 года Харрис, американский консул во Владивостоке, прокомментировал долгую беседу, которую имел с Робинсом, протестуя против серьезных неточностей в отчетах последнего.

Харрис писал: «Робинс заявил мне, что германские и австрийские военнопленные не вступали в армию большевиков до мая 1918 года. Робинс знал, что это заявление было абсолютно ложным». Харрис далее привёл очевидные детали, о которых знал Робинс¹²¹.

Харрис делал вывод: «Робинс намеренно искажил факты, касающиеся тогдашнего положения в России, и с тех пор продолжает делать это».

После возвращения в США в 1918 году Робинс продолжил свою деятельность в пользу большевиков. Когда Комитет Ласка изъясил документы Советского бюро, обнаружилось, что Робинс состоял в «обширной переписке» с Людвигом Мартенсом и другими членами Бюро.

Одним из наиболее интересных изъятых документов было письмо от Сантери Нуортева (он же Александр Ниберг), первого советского представителя в США, «товарищу Кагану», редактору газеты «Нью-Йорк дейли форвард».

Письмо призывало партию с полным доверием подготовить путь для Раймонда Робинса:

«(В газету) «Форвард» 6 июля 1918 года

Уважаемый товарищ Каган,

Крайне важно, чтобы социалистическая пресса немедленно потребовала слушания и публичного отчёта перед американским народом полковника Раймонда Робинса, только что вернувшегося из России, где он возглавлял миссию Красного Креста.

Опасность вооруженной интервенции сильно возросла. Реакционеры используют чехословацкий мятеж как причину для вторжения. У Робинса есть все факты об этом и о ситуации в России в целом. Он придерживается нашей точки зрения.

Прилагаю копию редакционной статьи Колла, в которой показана общая линия аргументации, а также содержатся некоторые факты о чехословаках.

С братским приветом, PS&AU Сантери Нуортева»

118 Bullard ins., U.S. State Dept. Decimal File, 316-11-1265.

119 The New World Review (осень 1967 г., с. 40) в комментарии относительно Робинса отмечает, что он «симпатизировал целям революции, хотя и был капиталистом...».

120 Посольство в Петрограде, архив Красного Креста.

121 U.S. State Dept. Decimal File, 861.00/4168.

Международный Красный Крест и революция

В тайне от своих администраторов Красный Крест время от времени использовался, как средство или прикрытие революционной деятельности. Использование эмблемы Красного Креста в неразрешенных целях является вполне обычным делом¹²².

Когда царя Николая перевозили из Петрограда в Тобольск якобы для его безопасности (хотя это направление вело скорее к опасности, чем к безопасности), то поезд, на котором он ехал, имел знаки Красного Креста.

Архив Госдепартамента также содержит примеры революционной деятельности под прикрытием Красного Креста.

Например, в 1919 году в Голландии за революционные действия был арестован сотрудник российского Красного Креста Челгайнов (316-21-107).

Во время большевицкой революции в Венгрии под руководством Бела Куна в 1918 году в Вене и Будапеште были обнаружены российские сотрудники Красного Креста (или революционеры, действовавшие как сотрудники российского Красного Креста).

В 1919 году посол США в Лондоне телеграфировал в Вашингтон ошеломляющие новости: через британское правительство он узнал, что «несколько американцев, прибывших в эту страну в униформе Красного Креста, заявили, что они большевики ... и следуют через Францию в Швейцарию для распространения большевицкой пропаганды».

Посол отметил, что в ноябре-декабре 1918 года в Лондон прибыло около 400 человек из американского Красного Креста; четвертая их часть вернулась в США, а «остальные настаивали на переезде во Францию».

Было также сообщение от 15 января 1918 года о том, что к редактору лейбористской газеты в Лондоне в трёх разных случаях обращались трое разных сотрудников американского Красного Креста, которые предлагали дать им поручения к большевикам в Германии. Редактор предложил посольству США присмотреться к персоналу американского Красного Креста¹²³.

Государственный департамент США серьёзно отнёсся к этим сообщениям, и Полк запросил по телеграфу их имена, заявив: «Если это правда, я думаю, это крайне важно» (861.00/3602 и /3627).

Таким образом, картина, которую мы изобразили о миссии американского Красного Креста, посланной в Россию в 1917 году, далека от нейтрального гуманизма.

Эта миссия фактически была миссией финансистов Уолл-стрита, которые должны были повлиять или на Керенского, или на большевиков, проложив себе путь к контролю над российским рынком и ресурсами. Никакие другие соображения не объясняют действий миссии.

Однако, ни Томпсон, ни Робинс не были большевиками. Они не были даже последовательными социалистами. Автор склонен считать, что их социалистические призывы были прикрытием более прозаических целей.

Каждый имел коммерческие намерения, то есть каждый старался использовать поли-

¹²² Красный Крест — нейтральная международная организация для помощи военнопленным, жертвам войн и стихийных бедствий — был основан в 1863 г. в Швейцарии масоном А. Дюнаном, получившим за это в 1910 г. Нобелевскую премию мира (данные масонского словаря: Lennhoff E., Posner O. Internationales Freimaurerlexikon. Wien-München. 1932. S. 390-391). Впоследствии масоны охотно подчеркивали масонское происхождение Красного Креста, рассматривая его как часть своей деятельности по «демократизации и объединению мира на гуманных принципах», особенно в ходе первой мировой войны и после нее, когда в 1919 г. был образован Международный комитет Красного Креста (в мусульманских странах — Красного полумесяца, позже в Израиле — Красной шестиконечной звезды). — *Прим. ред. «РИ».*

¹²³ Англичане и сами вели себя аналогичным образом. Так, в Крыму представитель ген. Врангеля писал, что они «Под флагом «Красного креста» и оказания помощи... снарядили специфическую разведочную организацию, действия которой могут быть чреваты последствиями: не исключается возможность передачи большевикам сведений военного характера, добываемых этой миссией для сообщения в Лондон. Так, по крайней мере, утверждает агентура, в отношении которой не может быть никаких сомнений» (цит. по: Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне. 1982. С. 234.). Тогда же англичане требовали от Врангеля капитулировать перед ленинской «амнистией»... — *Прим. ред. «РИ».*

тический процесс в России в личных финансовых целях.

Хотел ли русский народ большевиков или нет, это их не беспокоило. Будет ли большевицкий режим действовать против США — как постоянно стал это делать позже — была не их забота.

Их единственной целью, стоявшей превыше всего, было получение политического и экономического влияния при новом режиме, какую бы идеологию он ни проповедовал.

Если бы Уильям Бойс Томпсон действовал в одиночку, то его деятельность, как директора Федерального резервного банка, не была бы столь последовательной.

Как бы то ни было, тот факт, что в его миссии преобладали представители учреждений с Уолл-стрит, ставит серьезный вопрос: не была ли эта миссия спланированной и продуманной операцией Уолл-стритовского синдиката?

Читатель может судить об этом сам, следуя за ходом событий.

Глава 6. Консолидация и экспорт революции

«Великая книга Маркса «Капитал» одновременно является монументальным образцом аргументации и кладезем фактов».

Лорд Мильнер, член британского военного кабинета, 1917, и директор лондонского банка «Джойнт Сток».

Имя Уильям Бойс Томпсон неизвестно в истории XX века, хотя он сыграл очень важную роль в большевицкой революции 124. Действительно, если бы в России в 1917 году не было Томпсона, последующие события могли бы развиваться совсем другим курсом.

Без финансовой и, что более важно, дипломатической и политической поддержки, оказанной Троцкому и Ленину Томпсоном, Робинсом и их нью-йоркскими приятелями, большевики вполне могли быть сметены и Россия эволюционировала бы в социалистическое, но конституционное общество.

Кто же он — Уильям Бойс Томпсон? Томпсон был основателем акционерных обществ в области горного дела, что относится к числу лучших видов предпринимательства с высокой степенью риска. Перед первой мировой войной он вел операции на биржевом рынке для медных предприятий Гугенгейма.

Когда Гугенгейму срочно потребовался капитал для борьбы на рынке акций с Джоном Д. Рокфеллером, именно Томпсон помог концерну «Юкон Консолидейтед Голдфилдс» собрать у ничего не подозревавшей публики 3,5 миллиона долларов под предлогом войны.

Томпсон был управляющим синдиката «Кеннекотт», еще одного предприятия Гугенгейма, оценивавшегося в 200 миллионов долларов. С другой стороны, именно компания «Гугенгейм Эксплорейшн» взяла опционы Томпсона по богатой компании «Невада Консолидейтед Коппер».

Примерно три четверти компании «Гугенгейм Эксплорейшн», первоначально принадлежавшей Гугенгейму, контролировалась семейством Гугенгейма, семейством Уитни (владельцем журнала «Метрополитэн», в котором работал большевик Джон Рид) и Джоном Райаном.

В 1916 году предприятия Гугенгейма реорганизовались в концерн «Гугенгейм Бразерс» и пригласили Уильяма К. Поттера, который ранее работал в компании Гугенгейма «Америкэн Смелтинг энд Рифайнинг», но в 1916 году был первым вице-президентом компании «Гаранта Траст».

Исключительное умение собирать капитал для рискованных кампаний помогло Томпсону составить личное состояние и получить директорские посты в компаниях «Инспирейшн Консолидейтед Коппер», «Невада Консолидейтед Коппер» и «Юта Коппер» — все крупные американские производители меди. Медь же является одним из основных материалов в

124 Биографию см.: Hermann Hagedorn. The Magnate: William Boyce Thompson and His Time (1869-1930) (New York: Reynal & Hitchcock, 1935).

производстве боеприпасов.

Томпсон был также директором железной дороги «Чикаго Рок Айленд энд Пасифик», железной дороги «Магма Аризона» и страховой компании «Метрополитен Лайф Иншуренс». И особенно интересно для нашей книги то, что Томпсон был «одним из крупнейших акционеров «Чейз Нэшнл Бэнк».

Именно Альберт Х. Уиггин, президент «Чейз Бэнк», протолкнул Томпсона на работу в федеральной резервной системе; и в 1914 году Томпсон стал первым постоянным директором Федерального резервного банка Нью-Йорка — самого важного банка в Федеральной резервной системе¹²⁵.

К 1917 году Уильям Бойс Томпсон стал оперировать значительными финансовыми средствами, продемонстрировав чутье к осуществлению проектов размещения капитала и легко проникая в центры политической и финансовой власти.

Он первым поддержал А. Керенского и затем стал ярым сторонником большевиков; он оставил потомству непреходящий символ этой поддержки — хвалебную книжку на русском языке «Правда о России и большевиках»¹²⁶.

Перед тем, как покинуть Россию в начале декабря 1917 года, Томпсон передал миссию американского Красного Креста своему заместителю Раймонду Робинсу, который стал координировать действия русских революционеров, чтобы осуществить план Томпсона по распространению большевицкой пропаганды в Европе (см. Приложение 3).

Это подтверждает документ французского правительства: «Оказалось, что полковник Робинс ... смог послать подрывную миссию российских большевиков в Германию, чтобы инициировать там революцию»¹²⁷.

Эта миссия привела к неудавшемуся «спартаковскому» восстанию в Германии в 1918 году. Общий план также включал в себя схемы распространения большевицкой литературы путем разбрасывания с самолета или контрабандной переправкой через германские линии.

В конце 1917 года Томпсон приготовился оставить Петроград и заинтересовать в большевицкой революции европейские и американское правительства. С этой целью Томпсон дал телеграмму Томасу У. Ламонту, партнеру в фирме Моргана, находившемуся тогда в Париже с полковником Э.М. Хаусом.

В своей автобиографии Ламонт отметил факт получения этой телеграммы:

«Сразу же после того, как миссия Хауса завершила переговоры в Париже в декабре 1917 года, я получил интересную телеграмму от моего старого школьного и делового друга Уильяма Бойса Томпсона, который возглавлял тогда миссию американского Красного Креста в Петрограде»¹²⁸.

Ламонт съездил в Лондон на встречу с Томпсоном, который выехал из Петрограда 5 декабря и через Берген в Норвегии прибыл в Лондон 10 декабря.

Томпсон и Ламонт добились там огромного успеха: сумели убедить британский военный кабинет — тогда решительно антикоммунистический — в том, что большевицкий режим обосновался прочно и что британская политика должна прекратить антибольшевицкую направленность, должна принять новые реалии и поддержать Ленина и Троцкого.

Томпсон и Ламонт покинули Лондон 18 декабря и прибыли в Нью-Йорк 25 декабря 1917 года. Они пытались добиться такой же пробольшевицкой перемены в США.

Консультация с Ллойд Джорджем

¹²⁵ Федеральная резервная система (Federal Reserve System) в США, основанная в 1913 г., соответствует понятию Центрального банка и имеет право печатать доллар, однако является *системой частных банков и в своих решениях не зависит от правительства США*. Подробнее см. в послесловии издателя — *Прим. ред.* «РИ».

¹²⁶ Полковник Виллиам Бойс Томпсон. Правда о России и Большевиках (New York: Russian-American Publication Society, 1918).

¹²⁷ John Bradley. Allied Intervention in Russia (London: Weidenfeld and Nicolson, 1968.)

¹²⁸ Thomas W. Lament. Across World Frontiers (New York: Harcourt, Brace, 1959), p. 85. См. также pp. 94-97 о массовом биении себя в грудь из-за того, что президент Вильсон не стал незамедлительно помогать советскому режиму. Корлисс Ламонт, сын Томаса У. Ламонта, стал видным левым деятелем в США.

Секретные документы британского военного кабинета сейчас открыты, и в них есть аргумент, с помощью которого Томпсон склонил британское правительство к пробольшевицкой политике.

В то время премьер-министром Великобритании был Дэвид Ллойд Джордж. Частные и политические махинации Ллойд Джорджа конкурировали с махинациями политика из Таммани-Холла¹²⁹, но и при его жизни, и десятилетия спустя биографы не могли или не хотели их изучать.

Лишь в 1970 году Дональд МакКормик в книге «Маска Мерлина» приподнял завесу секретности.

МакКормик рассказывает, что в 1917 году Д. Ллойд Джордж увяз «слишком глубоко в болоте международных махинаций с оружием, чтобы оставаться свободным деятелем», и был многим обязан международному торговцу оружием сэру Бэзилу Захарову, который составил себе значительное состояние, продавая оружие обеим сторонам в нескольких войнах¹³⁰.

Захаров имел огромную закулисную власть и, по словам МакКормика, консультировал лидеров союзников в области военной политики. МакКормик пишет, что Вудро Вильсон, Ллойд Джордж и Жорж Клемансо неоднократно встречались в парижском доме Захарова.

МакКормик отмечает, что «государственные деятели и лидеры союзников были вынуждены консультироваться с ним до планирования любого крупного нападения».

Британская разведка, по словам МакКормика, «выявила документы, которые обвиняли слуг Короны в том, что они являются секретными агентами сэра Бэзила Захарова с ведома Ллойд Джорджа»¹³¹.

В 1917 году Захаров был связан с большевиками; он старался не допустить поставок вооружения антибольшевикам и действовал в Лондоне и Париже в пользу большевицкого режима.

Итак, в конце 1917 года, когда в Лондон прибыли Ламонт и Томпсон, премьер-министр Ллойд Джордж находился в зависимости от могущественных международных торговцев оружием, которые поддерживали большевиков и помогали им в распространении большевицкой власти в России.

Таким образом, при встрече с Уильямом Томпсоном в 1917 году британский премьер не был свободным деятелем; к тому же лорд Мильнер был той силой, которая действовала за кулисами, и, как можно предположить из эпиграфа к этой главе, был благосклонен к социализму и Карлу Марксу.

«Секретные» документы военного кабинета содержат «отчёт премьер-министра о беседе с г-ном Томпсоном, американцем, вернувшимся из России»¹³² и отчёт премьер-министра перед военным кабинетом после встречи с Томпсоном¹³³. Документ кабинета гласит следующее:

«Премьер-министр доложил о беседе, которую он имел с г-ном Томпсоном — американским путешественником и человеком со значительными средствами, — который только что вернулся из России и высказал несколько иное впечатление о событиях в России по сравнению с общеизвестными.

Суть его замечаний состояла в том, что революция получила признание, что союзники не показали себя достаточно симпатизирующими революции, и что г-да Троцкий и Ленин не состояли на жалованье у Германии, причем последний является весьма уважаемым про-

¹²⁹ Tammany Hall — штаб-квартира Демократической партии США в Нью-Йорке; В. Вильсон был избран президентом от этой партии — *Прим. ред «РИ»*.

¹³⁰ Donald McCormick. *The Mask of Merlin* (London: MacDonald, 1963; New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964), p. 208. Личная жизнь Ллойд Джорджа определенно делала его уязвимым для шантажа.

¹³¹ Ibid. Выделено МакКормиком.

¹³² British War Cabinet papers, no. 308. sec. 2 (public Records Office, London).

¹³³ Письменный меморандум, который Томпсон представил Ллойд Джорджу и который стал основой для заявления военного кабинета, имеется в архивах США и полностью воспроизведен в Приложении 3.

фессором.

Г-н Томпсон добавил, что, по его мнению, союзники должны вести в России активную пропаганду, осуществляемую какой-то формой Союзного совета, состоящего из людей, специально подобранных для этой цели; кроме того, в целом, по его мнению, учитывая характер «де-факто» российского правительства, несколько союзных правительств представлены в Петрограде недостаточно.

Г-н Томпсон считает, что союзникам необходимо осознать, что русская армия и русский народ вышли из войны, и что союзникам придется выбирать между дружественной или враждебно-нейтральной Россией.

Обсуждался вопрос, не должны ли союзники изменить свою политику в отношении существования «де-факто» российского правительства, причем, как заявил г-н Томпсон, большевики настроены против Германии.

В этой связи лорд Роберт Сэйил привлек внимание к условиям перемирия между германской и русской армиями, которые предусматривали, помимо всего прочего, торговлю между двумя странами и создание комиссии по закупкам в Одессе; всё соглашение явно диктовалось немцами.

Лорд Роберт Сэйил выразил мнение, что немцы будут пытаться продолжать перемирие, пока русская армия не растает.

Сэр Эдвард Карсон прочел сообщение, подписанное г-ном Троцким, которое было направлено ему британским подданным, управляющим российским отделением компании «Вокс-холл Мотор», который только что вернулся из России (документ G.T.-3040).

Это сообщение указывает на то, что политика г-на Троцкого, в любом случае показная, была скорее враждебной к организации цивилизованного общества, чем прогерманской.

С другой стороны, было высказано мнение, что подобное притворство Троцкого никоим образом не противоречит его деятельности в качестве германского агента с целью разрушения России, чтобы Германия могла делать в этой стране все, что захочет».

Заслушав сообщение Ллойда Джорджа и аргументы в его поддержку, военный кабинет решил сотрудничать с Томпсоном и большевиками. Мильнер имел в своём распоряжении бывшего британского консула в России, Брюса Локкарта, полностью готового к этому и ожидавшего указаний.

Локкерт был проинструктирован и направлен в Россию для неформальной работы с Советами.

О размахе деятельности Томпсона в Лондоне и о давлении, которое он смог оказать на ситуацию, можно предположить из последующих сообщений, поступивших в военный кабинет из достоверных источников.

В этих сообщениях выражены мнения о Троцком и большевиках, которые совершенно отличаются от мнения Томпсона, и все же они не были приняты кабинетом во внимание.

Так, в апреле 1918 года генерал Ян Смуте сообщил военному кабинету о своей беседе с генералом Ниффелем, главой французской военной миссии, который только что вернулся из России:

«Троцкий... — законченный негодяй, который не может быть прогерманским лицом, ибо является до конца про-Троцким и прореволюционным, и ему нельзя доверять ни в коей мере. Его влияние видно из того способа, каким он добился доминирования над Локкартом, Робинсом и французским представителем.

Он [Ниффель] советует быть очень осторожным в отношениях с Троцким, который, как он допускает, является единственным реально способным человеком в России»¹³⁴.

Несколько месяцев спустя в Лондоне побывал Томас Д. Тэчер, юрист с Уолл-стрит и тоже член миссии американского Красного Креста в России.

13 апреля 1918 года Тэчер написал американскому послу в Лондоне о том, что к нему поступила просьба от Г.П. Дэвисона, партнера Моргана, «обсудить с лордом Нортклиф-

134 War Cabinet papers, 24/49/7197 (G.T. 4322), Secret, April 24, 1918.

фом» ситуацию в России и затем поехать в Париж «для других встреч».

Лорд Нортклифф был болен, и Тэчер оставил другому партнеру Моргана, Дуайту У. Морроу, меморандум для передачи Нортклиффу после его возвращения в Лондон¹³⁵.

В отношении России этот меморандум не только откровенно излагал политику, предложенную Томпсоном, но даже утверждал, что «советскому правительству должна быть оказана самая полная поддержка в его усилиях по организации добровольной революционной армии».

Основных предложений в этом меморандуме Тэчера было четыре:

«Прежде всего... союзники не должны поддерживать японскую интервенцию в Сибири. Во-вторых, максимальная поддержка должна быть оказана советскому правительству в его усилиях по организации добровольной революционной армии.

В-третьих, союзные правительства должны оказать моральную поддержку русским людям в их усилиях разработать свою собственную политическую систему, свободную от доминирования любой иностранной власти...

В-четвёртых, пока не произойдёт открытого конфликта между германским правительством и советским правительством России, будет оставаться возможность для мирного коммерческого проникновения германских агентов в Россию.

Поскольку открытого разрыва нет, вероятно, невозможно полностью воспрепятствовать такой коммерции. Поэтому, необходимо принять меры для того, чтобы максимально воспрепятствовать перевозкам зерна и сырья в Германию из России»¹³⁶.

Намерения и цели Томпсона

В чём причина необычного желания видного финансиста с Уолл-стрит и директора Федерального резервного банка помочь в организации большевицких революционеров и оказать им поддержку?

Почему ни кто иной, как несколько партнёров Моргана, работающих согласованно, захотели поощрить образование советской «добровольной революционной армии» — армии, предположительно предназначенной для уничтожения Уолл-стрита, включая Томпсона, Томаса Ламонта, Дуайта Морроу, фирмы Моргана и всех их коллег?

Томпсон, по крайней мере, был честен относительно своих целей в России: он хотел продлить состояние войны между Россией и Германией (хотя и доказывал в британском военном кабинете, что Россия в любом случае вышла из войны), чтобы сохранить Россию, как рынок для послевоенного американского предпринимательства.

Эти цели изложены в меморандуме Томпсона Ллойд Джорджу от декабря 1917 года¹³⁷. Меморандум начинается так: «Контроль над российской ситуацией утрачен, Россия полностью открыта для беспрепятственной германской эксплуатации...», и завершается: «Я верю, что умная и мужественная деятельность всё же не даст Германии занять эту область для себя и, таким образом, эксплуатировать Россию за счёт союзников».

Следовательно, именно германской коммерческой и промышленной эксплуатации опасался Томпсон (это также отражено в меморандуме Тэчера), и именно это опасение привело Томпсона и его нью-йоркских друзей к союзу с большевиками.

Более того, эта интерпретация отражена в заявлении, сделанном с напускным юмором заместителем Томпсона Раймондом Робинсом британскому агенту Брюсу Локкарту:

«Вы услышите разговоры, что я представитель Уолл-стрита, что я слуга Уильяма Б. Томпсона и хочу получить для него алтайскую медь, что я уже получил для себя 500.000 акров лучших лесов в России, что я уже заграбастал Транссибирскую железнодорожную

135 Полностью письмо воспроизведено в Приложении 3. Необходимо отметить, что мы идентифицировали Томаса Ламонта, Дуайта Морроу и Г.П. Дейвисона как тесно связанных с выработкой политики в отношении большевиков. Все они были партнерами в фирме Дж.Д. Моргана. Тэчер работал в юридической фирме «Симпсон, Тэчер & Бартлетт» и был близким другом Феликса Франкфуртера.

136 Полный текст меморандума находится в архиве Государственного департамента США: U.S. State Dept. Decimal File, 316-13-698.

137 См. Приложение 3.

магистраль, что они дали мне монополию на российскую платину, что это объясняет мою работу в пользу Советов... Вы услышите такие разговоры.

Так вот, я не думаю, что это правда, комиссар, но давайте допустим, что это правда. Давайте допустим, что я нахожусь здесь, чтобы захватить Россию для Уолл-стрита и американских бизнесменов.

Давайте допустим, что Вы — британский волк, а я — американский волк, и что когда эта война закончится, мы собираемся сожрать друг друга в схватке за русский рынок; давайте будем делать это в совершенно откровенной, человеческой манере, но давайте в то же время допустим, что мы совершенно интеллигентные волки и знаем, что если мы в данный час не будем охотиться вместе, то германский волк сожрёт нас обоих, поэтому давайте приступим к работе»¹³⁸.

Имея это в виду, давайте посмотрим на личную мотивацию Томпсона. Томпсон был финансистом, учредителем акционерных обществ и, хотя и не имел прежде интересов в России, лично финансировал отправку миссии Красного Креста в Россию и использовал эту миссию, как средство для политического маневрирования.

Из общей картины мы можем сделать вывод, что мотивы Томпсона были, главным образом, финансовые и коммерческие.

Конкретно, Томпсон был заинтересован в российском рынке; его интересовало, как этот рынок можно подчинить своему влиянию, преобразовать и захватить для послевоенной эксплуатации синдикатом Уолл-стрита, или несколькими синдикатами.

Определенно, Томпсон рассматривал Германию как врага, но не столько политического врага, столько экономического или коммерческого. Действительным врагом были германская промышленность и германские банки.

Чтобы перехитрить Германию, Томпсон хотел ставить деньги на любой орган политической власти, который достиг бы его цели. Другими словами, Томпсон был американским империалистом, борющимся против германского империализма, и эта борьба была проницательно распознана и практически использована Лениным и Троцким.

Этот аполитичный подход подкрепляется доказательствами. В начале августа 1917 года Уильям Бойс Томпсон обедал в посольстве США в Петрограде с Керенским, Терещенко и американским послом Фрэнсисом.

За обедом Томпсон показал своим русским гостям телеграмму, которую он только что послал в нью-йоркскую контору Дж. П. Моргана с просьбой перевести 425.000 рублей для расчета за личную подписку на новый «Заем русской свободы».

Томпсон также просил Моргана «информировать моих друзей, что я рекомендую эти облигации, как лучшие из военных инвестиций, которые я знаю. Был бы рад обеспечить их покупку здесь без компенсации»; затем он предложил лично взять 20 процентов от покупки нью-йоркским синдикатом облигаций русского займа на 5 миллионов рублей.

Неудивительно, что Керенский и Терещенко высказали «большую признательность» поддержке Уолл-стрита. И посол Фрэнсис быстро информировал телеграммой Государственный департамент, что миссия Красного Креста «работает в гармонии со мной» и будет иметь «превосходные результаты»¹³⁹.

Другие авторы рассказывали, как Томпсон пытался убедить российских крестьян поддерживать Керенского, выделив на эту пропаганду 1 миллион долларов из своих денег и такую же сумму из правительственных фондов США.

Благодаря этому Комитет по народному образованию Свободной России, возглавлявшийся «бабушкой русской революции» Брешковской и администратором Давидом Соскисом (личным секретарем Керенского), основал газеты, бюро новостей, типографии и создал группу ораторов для распространения призыва «Бей кайзера, спасай революцию».

138 U.S. SenaL Bolshevik Propaganda, Hearings before a Subcommittee of the Committee on the Judiciary, 65th Cong., 1919, p. 802.

139 U.S. State Dept. Decimal File, 861.51/184.

Нужно отметить, что финансировавшаяся Томпсоном кампания Керенского велась под тем же лозунгом — «Война до победы», — что и его финансовая поддержка большевиков.

Общим звеном между поддержкой Томпсоном Керенского и его поддержкой Троцкого и Ленина было «продолжение войны с Германией» и недопущение Германии в Россию.

Короче, за военными, дипломатическими и политическими аспектами первой мировой войны скрывалась ещё одна яростная битва, а точнее — маневрирование международных дельцов с крепкими мускулами и влиянием за послевоенную экономическую власть над миром.

Томпсон не был большевиком, он даже не был про-большевиком. Он не был и за Керенского. Он даже не был и за американцев.

Его преобладающей мотивацией был захват послевоенного российского рынка. Это была коммерческая, а не идеологическая цель.

Идеология может смести революционных деятелей, таких как Керенский, Троцкий, Ленин и других, но не финансистов.

Меморандум Ллойд Джорджу демонстрирует отсутствие пристрастия Томпсона как к Керенскому, так и к большевикам. «После свержения последнего правительства Керенского мы материально помогали распространению большевицкой литературы как через агентов, так и разбрасыванием с самолетов над германской армией»¹⁴⁰.

Это было написано в середине декабря 1917 года, всего через пять недель после начала большевицкой революции и менее чем через четыре месяца после того, как на обеде в американском посольстве Томпсон выразил свою поддержку Керенскому.

Томпсон возвращается в США

По возвращении в США Томпсон ездил по штатам с публичным призывом признать Советы.

В своей речи в клубе «Роки маунтен» в январе 1918 года он призвал помочь зарождающемуся большевицкому правительству и, обращаясь к аудитории, состоявшей в основном из жителей западных штатов, воззвал к духу американских пионеров:

«Эти люди не стали бы долго колебаться в признании правительства рабочих в России и в оказании ему максимальной помощи, так как в 1849 году и в последующие годы мы имели большевицкие правительства ... и очень хорошие правительства...»¹⁴¹.

Надо напрячь воображение, чтобы сравнить опыт освоения пионерами наших западных границ с безжалостным искоренением политической оппозиции, имевшим место тогда в России.

Содействие этому несомненно рассматривалось Томпсоном как нечто близкое его прошлой акционерной активности в области горного дела.

А что касается слушателей Томпсона, то мы не знаем, что они думали; ни один, однако, возражений не высказал. Ведь выступал уважаемый директор Федерального резервного банка Нью-Йорка, сделавший себя миллионером (а это говорит о многом). И в конце концов, разве он только что не вернулся из России?

Но не всё шло гладко. Биограф Томпсона Герман Хейгдорн писал, что Уолл-стрит была ошеломлена, что его друзья были «шокированы» и «говорили, что он потерял голову, превратившись в большевика»¹⁴².

В то время как на Уолл-стрит интересовались, действительно ли он «превратился в большевика», Томпсон нашёл симпатии среди коллег-директоров в совете Федерального резервного банка Нью-Йорка.

17 октября 1918 года содиректор У.Л. Саундерс, президент «Ингерсолл-Рэнд Корпорейшн» и директор Федерального резервного банка, написал президенту Вильсону, что он

140 См. Приложение 3.

141 Вставлено сенатором Кальдером в «Протоколы Конгресса»: The Congressional Record, January 31, 1918, p. 1409.

142 Hagedorn, op. cit» p. 263.

«испытывает симпатию к советской форме правления»; при этом он отверг какой-либо скрытый мотив, как, например, «подготовка к захвату мировой торговли после войны»¹⁴³.

Наиболее интересным из коллег-директоров Томпсона был Джордж Фостер Пибоди, вице-президент Федерального резервного банка Нью-Йорка и близкий друг социалиста Генри Джорджа.

Пибоди сделал себе состояние на манипуляциях с железными дорогами так же, как Томпсон сделал своё состояние на манипуляциях акциями медных предприятий. Затем Пибоди стал активно выступать за государственное владение железными дорогами и открыто принял национализацию¹⁴⁴.

Как Пибоди примирил свой успех частного предпринимателя с поощрением создания государственной собственности?

По мнению его биографа Луиса Вэра «его аргументы подсказывали ему, что для этого вида транспорта важна эксплуатация государством, а не частными интересами». Этот высокий и благой аргумент вряд ли правдив.

Более точным было бы сказать, что, с учетом большого политического влияния Пибоди и его приятелей-финансистов в Вашингтоне, они могли легче избежать тягот конкуренции в результате государственного контроля над железными дорогами.

Посредством политического влияния они могли манипулировать полицейскими властями штата, чтобы достичь того, чего им не удалось бы достичь при частном предпринимательстве, или удалось бы, но по очень дорогой цене.

Другими словами, полицейские власти штата были средством поддержания частной монополии. Это было точно так, как предлагал Фредерик К. Хоув¹⁴⁵.

Идея социалистической России с центральным планированием наверняка принадлежит Пибоди. Только подумать — одна гигантская государственная монополия! И Томпсон, его друг и коллега-директор, имел тайную тропку к парням, руководящим этой операцией!¹⁴⁶

Неофициальные послы: Робинс, Локкарт и Садуль

Большевики, со своей стороны, правильно оценили отсутствие к себе симпатий среди петроградских представителей трёх крупных западных держав: США, Великобритании и Франции.

США были представлены послом Фрэнсисом, явно не симпатизировавшим революции.

Великобританию представлял сэр Джеймс Бьюкенен, который был сильно связан с царской монархией и подозревался в оказании помощи в период революционной фазы Керенского.

Франция была представлена послом Палеологом, явным антибольшевиком.

Поэтому в начале 1918 года появились ещё три персонажа; они стали представителями де-факто этих западных стран и оттеснили официальных посланников.

Раймонд Робинс принял миссию Красного Креста от У.Б. Томпсона в начале декабря 1917 года, но больше занимался вопросами экономики и политики, чем получением помощи для бедствующей России.

26 декабря 1917 года он телеграфировал партнеру Моргана Генри Дэвисону, временно исполнявшему обязанности генерального директора американского Красного Креста: «Просьба настоять у президента на необходимости наших постоянных сношений с прави-

143 U.S. State Dept. Decimal File, 861.00/3005.

144 Louis Ware. George Foster Peabody (Athens: University of Georgia Press, 1951).

145 См. главу 1.

146 Если этот аргумент кому-то покажется слишком натянутым, такому читателю следует обратиться к книге: Gabriel Kolko. Railroads and Regulation 1877-1916 (New York: W.W. Norton, 1965), где описывается, как владельцы железных дорог, а не фермеры и пользователи услугами этих дорог, оказывали давление на правительство для контроля последнего над железными дорогами и для образования Комиссии по торговле между штатами.

тельством большевиков»¹⁴⁷.

А 23 января 1918 года Робинс телеграфировал Томпсону, находившемуся тогда в Нью-Йорке:

«Советское правительство сегодня сильнее, чем когда-либо. Его полномочия и власть значительно укреплены в результате роспуска Учредительного собрания... Не могу слишком настаивать на важности незамедлительного признания власти большевиков... Сиссон одобряет этот текст и просит Вас показать эту телеграмму Крилу. Тэчер и Уардуэлл действуют сообща»¹⁴⁸.

Позже, в 1918 году, по возвращении в США, Робинс представил отчёт государственному секретарю Роберту Лансингу со следующим вступительным параграфом: «Американское экономическое сотрудничество с Россией; Россия будет приветствовать американскую помощь в перестройке своей экономики»¹⁴⁹.

Настойчивые усилия Робинса в пользу большевицкого дела создали ему определенный престиж в лагере большевиков, а возможно, и некоторое политическое влияние.

В ноябре 1918 года посольство США в Лондоне заявило, что «Залкинд обязан своим назначением большевицким послом в Швейцарии американцу... не кому иному, как г-ну Раймонду Робинсу»¹⁵⁰.

Примерно в это же время в Вашингтон начинают просачиваться сообщения, что Робинс сам является большевиком; возьмем, к примеру, следующее сообщение из Копенгагена, датированное 3 декабря 1918 года:

«Конфиденциально. Согласно заявлению, сделанному Радеком Жоржу де Патпурри, бывшему генеральному консулу Австро-Венгрии в Москве, полковник Роббинс [так], бывший глава миссии американского Красного Креста в России, в настоящее время находится в Москве, ведя переговоры с советским правительством, и действует как посредник между большевиками и их друзьями в США.

В некоторых кругах, кажется, создалось впечатление, что полковник Робинс сам является большевиком, хотя другие считают, что нет, но что его деятельность в России противоречит интересам Союзных правительств»¹⁵¹.

Материалы в документах Советского бюро в Нью-Йорке, конфискованные комитетом Ласка в 1919 году, подтверждают, что и Робинс и его жена были тесно связаны с большевицкой деятельностью в США и с образованием Советского бюро в Нью-Йорке¹⁵².

Британское правительство установило неофициальные отношения с большевицким режимом, направив в Россию молодого, говорящего по-русски агента Брюса Локкарта.

В сущности, Локкарт занимал такое же положение в Великобритании, что и Робинс в США, но в отличие от Робинса Локкарт имел прямые выходы на своё министерство иностранных дел. Правда, Локкарт не был выбран министром или министерством иностранных дел, их ужаснуло это назначение.

По мнению Ричарда Ульмана, Локкарт был «выбран для своей миссии Мильнером и Ллойд Джорджем...».

Максим Литвинов, действовавший, как неофициальный советский представитель в Великобритании, написал для Локкарта рекомендательное письмо к Троцкому, назвав этого британского агента «исключительно честным человеком, который понимает наше положение и симпатизирует нам»¹⁵³.

Мы уже говорили о том давлении, которое оказывалось на Ллойд Джорджа, чтобы он

147 C.K. dimming and Waller W. Peltit. Russian-American Relations. Documents and Papers (New York: Harcourt. Brace & Howe. 1920), doc. 44.

148 Ibid., doc. 54.

149 Ibid., doc. 92.

150 U.S. State Dept. Decimal File, 861.00/3449. Но см. также: Kennan. Russia Leaves the War, pp. 401-5.

151 Ibid. 861.00/3333.

152 См. главу 7.

153 Richard H. Ullman. Intervention and the War (Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1961), p. 61.

занял пробольшевицкую позицию. В особенности это давление исходило от Уильяма Б. Томпсона и косвенно от сэра Бэзиля Захарова и лорда Мильнера.

Как свидетельствует эпиграф к данной главе, Мильнер имел очень просоциалистические взгляды. Впрочем, Эдвард Крэнкшоу сухо охарактеризовал двойственность Мильнера.

«Некоторые выражения [у Мильнера] о промышленности и обществе... таковы, что ими мог бы гордиться любой социалист. Но они не были написаны социалистом. Их написал «человек, который сделал Бурскую войну». Некоторые другие отрывки, об империализме и бремени белого человека, могли бы быть написаны твердолобым Тори. Однако их написал ученик Карла Маркса»¹⁵⁴.

По словам Локкарта, социалистический директор банка Мильнер вдохновлял его на «величайшую привязанность и героизм»¹⁵⁵.

Локкарт вспоминает, как Мильнер лично организовал его назначение в Россию, протолкнул его на уровне кабинета и после назначения разговаривал с ним «почти ежедневно». Открывая путь к признанию большевиков, Мильнер в то же время способствовал финансовой поддержке их противников на юге России и в других местах, как это делал и Морган в Нью-Йорке.

Эта двойственная политика подтверждает тезис, что *modus operandi* [метод действия] политизированных интернационалистов, — таких как Мильнер и Томпсон, — заключался в том, чтобы ставить государственные деньги на любую, революционную или контрреволюционную лошадь, которая выглядела возможным победителем.

Эти интернационалисты, разумеется, притяжали на любые вытекающие из этого выгоды. Разгадка, вероятно, кроется в высказывании Брюса Локкарта, что Мильнер был человеком, который верил в высокоорганизованное государство¹⁵⁶.

Французское правительство назначило человека, еще более явно симпатизирующего большевикам — Жака Садуля, старого приятеля Троцкого¹⁵⁷.

В итоге, союзные правительства нейтрализовали своих дипломатических представителей в Петрограде и заменили их неофициальными агентами, более или менее симпатизирующими большевикам.

Сообщения этих неофициальных послов находились в прямом противоречии с мольбами о помощи, адресуемыми Западу из глубины России.

Максим Горький протестовал против предательства революционных идеалов группой Ленина-Троцкого, которая ввела в России железную хватку полицейского государства:

«Мы, русские, народ, еще не работавший свободно, не успевший развить все свои силы, все способности, и когда я думаю, что революция даст нам возможность свободной работы, всестороннего творчества, — мое сердце наполняется великой надеждой и радостью даже в эти проклятые дни, залитые кровью и вином.

Отсюда начинается линия моего решительного и непримиримого расхождения с безумной деятельностью народных комиссаров.

Я считаю идейный максимализм очень полезным для расхлябанной русской души, — он должен воспитать в ней великие и смелые запросы, вызвать давно необходимую дееспособность, активизм, развить в этой вялой душе инициативу и вообще — оформить и оживить ее.

Но практический максимализм анархо-коммунистов и фантазеров из Смольного — пагубен для России и, прежде всего, для русского рабочего класса.

Народные комиссары относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них — та лошадь, которой ученые-бактериологи прививают тиф для того, чтоб лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку.

154 Edward Crankshaw. *The Forsaken Idea: A Study of Viscount Milner* (London: Longmans Green, 1952), p. 269.

155 Robert Hamilton Bruce Lockhart. *British Agent* (New York: Putnam's, 1933), p. 119.

156 *Ibid.*, p. 204.

157 См.: Jacques Sadoul. *Notes sur la revolution bolchevique* (Paris: Editions de la sirene, 1919).

Вот именно такой жестокий и заранее обреченный на неудачу опыт производят комиссары над русским народом, не думая о том, что измученная, полуголодная лошадь может издохнуть.

Реформаторам из Смольного нет дела до России, они хладнокровно обрекают ее в жертву своей грезе о всемирной или европейской революции...

И пока я могу, я буду твердить русскому пролетарию:

— Тебя ведут на гибель, тобою пользуются как материалом для бесчеловечного опыта...»¹⁵⁸.

Контрастом к отчетам симпатизирующих неофициальных послов были также сообщения от дипломатических представителей старой школы. Для многих таких сообщений, ставших в Вашингтон в начале 1918 года — особенно после выражения Вудро Вильсоном поддержки большевицкому правительству, — была типичной следующая телеграмма от дипломатической миссии США в Берне, Швейцария:

«Для Полка. Послание президента консулу в Москве здесь не понято, и люди спрашивают, почему президент выражает поддержку большевикам на фоне насилий, убийств и анархии этих банд».¹⁵⁹

Непрерывная поддержка большевиков администрацией Вильсона привела к отставке Де Витта К. Пула, способного американского поверенного в делах в Архангельске (Россия):

«Моя обязанность — честно объяснить департаменту то замешательство, в которое я был ввергнут заявлением о политике по отношению к России, принятом на Мирной конференции 22 января по инициативе президента. Это заявление очень радостно признает революцию и вновь подтверждает то полное отсутствие симпатии к любой форме контрреволюции, которая всегда была ключевым аспектом американской политики в России, но оно не содержит ни слова в осуждение другого врага революции — большевицкого правительства»¹⁶⁰.

Так даже в самом начале 1918 года предательство освободительной революции было подмечено такими проницательными наблюдателями, как Максим Горький и Де Витт К. Пул.

Отставка Пула потрясла Государственный департамент, который попросил его о «крайней сдержанности в отношении вашего желания выйти в отставку» и заявил, что «заменить вас следует в естественном и нормальном порядке, чтобы не допустить столь серьезного и возможно катастрофического воздействия на настроения американских войск в районе Архангельска, которое может привести к потере американских жизней»¹⁶¹.

Итак, союзные правительства нейтрализовали своих официальных представителей в России, а США даже игнорировали просьбы, звучавшие из России и вне ее, прекратить поддерживать большевиков.

Влиятельная поддержка Советам исходила из финансовой сферы Нью-Йорка (и лишь малоэффективная — от внутренних революционеров в США). В частности, большая поддержка шла от «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» — фирмы, контролируемой Морганом.

Экспорт революции: Якоб Х. Рубин

Сейчас мы в состоянии сопоставить два случая — ни в коей мере не единственные, — когда американские граждане, Якоб Рубин и Роберт Майнор, помогали экспортировать революцию в Европу и другие части России.

Якоб Х. Рубин был банкиром, который, по его собственным словам, «помогал образо-

158 Максим Горький. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 10(23) дек. 1917 года. (Цитата выверена по оригиналу и исправлена неточность Саттона в датировке этой статьи. — Прим. ред. «РИ».)

159 U.S. State DepL Decimal File, 861.00/1305, March 15, 1918.

160 Ibid., 861.00/3804. (Автор этой цитаты имеет в виду, что США правильно приветствовали антимонархическую Февральскую революцию, правильно не поддержали ее противников-монархистов, но теперь ошибочно поддерживают ее противников-большевиков. — Прим. ред. «РИ».)

161 Ibid.

вать советское правительство в Одессе»¹⁶².

Рубин был президентом, казначеем и секретарем фирмы «Рубин Бразерс», располагавшейся по адресу: Нью-Йорк, 19 Вест 34-я стрит. В 1917 году он был связан с «Юнион Бэнком» из Милуоки и нью-йоркским обществом «Провидент Лоун».

Среди доверительных собственников общества «Провидент Лоун» были лица, всюду упоминавшиеся как связанные с большевицкой революцией: П.А. Рокфеллер, Мортимер Л. Шифф и Джеймс Шпейер.

В результате каких-то занятий, о которых Рубин лишь неясно упоминает в своей книге «Я живу, чтобы рассказать»¹⁶³, в феврале 1920 года он оказался в Одессе, где стал объектом сообщения адмирала Маккулли Государственному департаменту (от 13 февраля 1920 года, 861.00/6349).

Сообщение было о том, что Якоб Х. Рубин из «Юнион Бэнк», Милуоки, был в Одессе и хотел остаться с большевиками — «Рубин не хочет уезжать, предложил свои услуги большевикам и явно симпатизирует им».

Позднее Рубин пробрался обратно в США и в 1921 году дал показания в Комитете по иностранным делам Палаты представителей:

«Я был в Одессе с людьми из американского Красного Креста. Я находился там, когда Красная армия взяла город. В то время я симпатизировал советскому правительству, поскольку я был социалистом и членом партии в течение 20 лет. Я должен признать, что в определенной мере я помогал образовать советское правительство в Одессе...»¹⁶⁴.

Добавим, что денкинское правительство Юга России арестовало его как шпиона; более мы почти ничего не знаем о Рубине.

Однако мы знаем гораздо больше о Роберте Майноре, который был арестован на месте преступления и освобожден в результате задействования механизма, напоминающего освобождение Троцкого из лагеря для военнопленных в Галифаксе.

Экспорт революции: Роберт Майнор

Большевицкая пропаганда в Германии¹⁶⁵, финансируемая и организованная Уильямом Бойсом Томпсоном и Раймондом Робинсом, осуществлялась на местах американскими гражданами под контролем Народного комиссариата по иностранным делам Троцкого:

«Одним из самых первых новшеств Троцкого в министерстве иностранных дел было учреждение Пресс-бюро под руководством Карла Радека и Бюро международной революционной пропаганды под руководством Бориса Рейнштейна, среди помощников которого были Джон Рид и Альберт Рис Вильяме, и весь заряд этой мощной команды был направлен против германской армии.

Германская газета «Ди Факел» ежедневно печаталась тиражом в полмиллиона и рассылалась специальным поездом в центральные армейские комитеты в Минск, Киев и другие города, которые, в свою очередь, распространяли ее по другим точкам на фронте»¹⁶⁶.

Роберт Майнор работал в бюро пропаганды Рейнштейна. Предки Майнора занимали видное место в ранней истории Америки. Генерал Сэм Хьюстон, первый президент Республики Техас, был родственником матери Майнора, Рутез Хьюстон.

Другими родственниками были Милдред Вашингтон, тетка Джорджа Вашингтона, и генерал Джон Майнор, руководитель предвыборной кампании Томаса Джефферсона. Отец Майнора был юристом в штате Вирджиния, откуда он переехал в Техас. После трудных лет с небольшим числом клиентов он стал судьей в Сан-Антонио.

Роберт Майнор был талантливым карикатуристом и социалистом. Он оставил Техас и

162 U.S., House, Committee on Foreign Affairs. Conditions in Russia, 66th Cong., 3rd sess., 1921.

163 Jacob H. Rubin. I Live to Tell: The Russian Adventures of an American Socialist (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1934).

164 U.S., House, Committee on Foreign Affairs. Op. cit.

165 См.: George G. Bruntz. Allied Propaganda and the Collapse of the German Empire in 1918 (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1938), pp. 144-55; см. также здесь главу 5.

166 John W. Wheeler-Bennett. The Forgotten Peace (New York: William Morrow, 1939).

уехал на восток. Некоторые из его работ были напечатаны в пробольшевицком журнале «Массы». В 1918 году Майнор — штатный карикатурист в «Филадельфия паблик леджер».

В марте того же года он уехал из Нью-Йорка, чтобы давать материалы о большевицкой революции.

Оказавшись в России, Майнор вошел в бюро международной революционной пропаганды Рейнштейна (см. схему) вместе с корреспондентом «Дейли геральд» и «Манчестер гардиан» Филипом Прайсом и Жаком Садулем, неофициальным французским послом и другом Троцкого.

Организация работы по иностранной пропаганде в 1918 году

Народный комиссариат по иностранным делам

(Троцкий)

Пресс-бюро

(Радек)

Бюро международной революционной пропаганды

(Рейнштейн)

Оперативные работники

Джон Рид

Луиза Брайант

Альберт Рис Вильяме

Роберт Майнор

Филип Прайс

Жак Садуль

Прекрасные данные о деятельности Прайса, Майнора и Садуля сохранились в виде секретного специального отчета № 4 лондонского Скотланд-Ярда, озаглавленного «Дело Филипа Прайса и Роберта Майнора», а также в виде отчетов в досье Государственного департамента в Вашингтоне¹⁶⁷.

Согласно этому отчету Скотланд-Ярда, Филип Прайс был в Москве в середине 1917 года, еще до большевицкой революции, и признавался: «Я по горло в революционном движении». В период между революцией и примерно до осени 1918 года Прайс работал с Робертом Майнором в Комиссариате по иностранным делам.

В ноябре 1918 года Майнор и Прайс уехали из России в Германию¹⁶⁸. Их пропагандистская продукция была впервые использована на русском фронте под Мурманском; в соответствии с программой Уильяма Томпсона листовки разбрасывали с аэропланов над британскими, французскими и американскими войсками¹⁶⁹.

Решение послать Садуля, Прайса и Майнора в Германию принималось Центральным исполнительным комитетом Коммунистической партии. В Германии их деятельность дошла до сведения британской, французской и американских разведок.

15 февраля 1919 года лейтенант Дж. Хабас из армии США был направлен в Дюссельдорф, тогда находившийся под контролем спартаковской революционной группы, где представился дезертиром из американской армии и предложил свои услуги спартаковцам. Хабас познакомился с Филипом Прайсом и Робертом Майнором и предложил напечатать некоторые брошюры для распространения среди американских войск.

Отчет Скотланд-Ярда говорит, что Прайс и Майнор уже написали несколько брошюр для британских и американских войск, что Прайс перевел некоторые работы Вильгельма Либкнехта на английский язык и что оба работали над дополнительными пропагандистскими брошюрами.

Хабас сообщил, что, по словам Майнора и Прайса, они работали вместе в Сибири, пе-

¹⁶⁷ Копия этого отчета Скотланд-Ярда есть в десятичном файле Государственного департамента США, 316-23-1184/9.

¹⁶⁸ Joseph North. Robert Minor: Artist and Crusader (New York: International Publishers, 1956).

¹⁶⁹ Примеры пропаганды Майнора до сих пор находятся в досье Государственного департамента США. О Томпсоне см. документ № 4 в Приложении 3.

чатая большевицкую газету на английском языке для распространения с самолетов среди американских и британских войск¹⁷⁰.

8 июня 1919 года Роберт Майнор был арестован в Париже французской полицией и передан американским военным властям в Кобленце. В то же самое время в районе Кельна британскими военными властями были арестованы германские спартаковцы.

Впоследствии их осудили по обвинению в заговоре с целью вызвать мятеж среди сил союзников. Прайс также был арестован, но как и Майнор быстро освобожден. Это поспешное освобождение было замечено Государственным департаментом:

«Роберт Майнор сейчас освобожден по причинам, которые не совсем ясны, так как имеющиеся против него доказательства достаточны для его осуждения. Это освобождение будет иметь неблагоприятные последствия, так как полагают, что Майнор тесно связан в США с профсоюзной организацией «Индустриальные рабочие мира»¹⁷¹.

Механизм, задействованием которого был освобожден Роберт Майнор, зафиксирован в досье Государственного департамента. Первый имеющий отношение к этому делу документ, датированный 12 июня 1919 года, был направлен из посольства США в Париже государственному секретарю в Вашингтон с пометкой «срочно и конфиденциально»¹⁷².

Французское министерство иностранных дел проинформировало посольство, что 8 июня Роберт Майнор, «американский корреспондент», был арестован в Париже и передан генеральному штабу Третьей американской армии в Кобленце.

Бумаги, найденные у Майнора, «подтверждают представленные отчеты о его деятельности. Поэтому кажется установленным, что Майнор в Париже вступил в сношения с общепризнанными сторонниками большевизма».

Посольство отнеслось к Майнору как к «особо опасному человеку». Были наведены справки у американских военных властей; посольство сочло этот вопрос целиком находящимся в компетенции военных, поэтому не предприняло никаких действий, хотя получение инструкций было бы желательно.

14 июня судья Р.Б. Майнор телеграфировал из Сан-Антонио в Государственный департамент Фрэнку Л. Полку:

«Судя по сообщениям в прессе, мой сын Роберт Майнор задержан в Париже по неизвестным причинам. Прошу сделать все возможное для его защиты, я обращаюсь к сенаторам из Техаса.

[подписано] Р.Б. Майнор, окружной судья, Сан-Антонио, Техас»¹⁷³.

Полк телеграфировал судье Майнору, что ни Государственный департамент, ни военное министерство не имеют информации о задержании Роберта Майнора и что дело сейчас находится у военных властей Кобленца.

Позже, 13 июня, Государственный департамент получил «строго конфиденциальное срочное» сообщение из Парижа, излагающее заявление Бюро военной разведки (Кобленц) в отношении задержанного Роберта Майнора:

«Майнор был арестован в Париже французскими властями по запросу британской разведки и немедленно передан американскому штабу в Кобленце»¹⁷⁴.

Он был обвинен в подготовке и распространении большевицкой революционной литературы, напечатанной в Дюссельдорфе, в местах пребывания британских и американских войск. Военные власти намеревались изучить обвинения против Майнора, и если они обоснованы, подвергнуть его военно-полевому суду. Если обвинения необоснованные, они намеревались передать Майнора британским властям, «которые первоначально попросили французов передать его им»¹⁷⁵.

170 См. Приложение 3.

171 U.S. State Dept. Decimal File, 316-23-1184.

172 Ibid., 861.00/4680 (316-22-0774).

173 Ibid., 861.00/4685 (/783).

174 Ibid., 861.00/4688 (/788).

175 Ibid.

Судья Майнор самостоятельно связался с американским сенатором от штата Техас Моррисом Шеппардом, а Шеппард связался с находящимся в Париже полковником Хаусом. 17 июня 1919 года полковник Хаус направил следующее сообщение сенатору Шеппарду:

«И американский посол и я занимаемся делом Роберта Майнора. Меня проинформировали, что он содержится под арестом у американских военных властей в Кельне по серьезным обвинениям, точный характер которых трудно установить.

Тем не менее, мы предпринимаем все возможные меры для обеспечения справедливого рассмотрения его дела»¹⁷⁶.

И сенатор Шеппард и конгрессмен Карлос Би (14-й округ, штат Техас) довели их заинтересованность до Государственного департамента. 27 июня 1919 года конгрессмен Би представил запрос о передаче судьей Майнором своему сыну 350 долларов и послания.

3 июля сенатор Шеппард выразил в письме Фрэнку Полку свою «очень большую заинтересованность» делом Роберта Майнора, и поинтересовался, может ли Государственный департамент прояснить его состояние, и правильно ли, что Майнор находится под юрисдикцией военных властей.

Затем, 8 июля, посольство в Париже телеграфировало в Вашингтон: «Конфиденциально. Майнор освобожден американскими властями... возвращается в США первым пароходом». Это внезапное освобождение заинтересовало Государственный департамент, и 3 августа государственный секретарь Лансинг телеграфировал в Париж: «Секретно. Ссылаясь на предыдущее, очень хотел бы узнать причины освобождения Майнора военными властями».

Первоначально армейские власти США хотели, чтобы Роберт Майнор был предан британскому суду, так как «они опасались своих политиков, которые могут вмешаться в США и предотвратить осуждение, если арестованный будет подвергнут американскому военно-полевому суду».

Однако, британское правительство высказалось в том плане, что Майнор является гражданином США, что доказательства свидетельствуют о подготовке им пропагандистских материалов для американских войск и что, следовательно, как предположил британский начальник штаба, Майнор должен быть предан американскому суду. Британский начальник штаба «считал исключительно важным добиться, если возможно, осуждения»¹⁷⁷.

Документы канцелярии начальника штаба Третьей армии касаются внутренних подробностей освобождения Майнора¹⁷⁸.

Телеграмма от 23 июня 1919 года, направленная генерал-майором Харбордом, начальником штаба Третьей армии (позднее председателем совета директоров компании «Интернэшнл Джeneral Электрик», чей исполнительный центр, по совпадению, также находится по адресу: Бродвей 120), командующему Третьей армией, говорит, что главнокомандующий Джон Дж. Першинг «приказывает Вам приостановить разбирательство по делу Майнора до дальнейших распоряжений».

Есть также меморандум, подписанный бригадным генералом У.А. Бетелом в конторе адвоката 28 июня 1919 года, помеченный грифом «секретно и конфиденциально» и озаглавленный: «Роберт Майнор, ожидающий суда военного трибунала в штаб-квартире 3-ей армии».

В меморандуме разбирается дело, заведенное против Майнора. Среди аспектов, выделенных Бетелом, есть тот, что англичане явно не хотели заниматься делом Майнора, поскольку «они опасались негативного американского мнения в случае осуждения ими американца за военное преступление в Европе», даже если преступление, в котором обвиняется Майнор, столь серьезное, «какое только может совершить человек».

Это серьезное заявление; а ведь Майнор, Прайс и Садуль осуществляли программу,

176 Ibid., 316-33-0824.

177 Ibid., 861.00/4874.

178 Office of Chief of Staff, U.S. Army, National Archives, Washington, D.C. [Бюро начальника штаба. Армия США, Национальный архив, Вашингтон, Округ Колумбия.]

подготовленную директором Федерального резервного банка Томпсоном, что подтверждает и Томпсон в своем меморандуме (см. Приложение 3). Не подпадает ли поэтому Томпсон (и Робинс) в некоторой степени под такое же обвинение?

После беседы с Зигфридом, свидетелем против Майнора, и рассмотрения доказательств Бетел комментирует:

«У меня нет сомнений в виновности Майнора, но если бы я заседал в суде, то не вынес бы вердикт о виновности на основании имеющихся сейчас доказательств — свидетельства только одного человека, причем этот человек действовал в манере детектива и информатора».

Далее Бетел заявил, что через неделю-полторы стало бы известно, имеется ли существенное подтверждение свидетельских показаний Зигфрида. Если да, то «я думаю, Майнор должен быть подвергнут суду», но «если подтверждение получить нельзя, мне кажется, было бы лучше прекратить дело».

Это заявление Бетела было передано в иной форме генералом Харбордом в телеграмме от 5 июля генералу Малину Крейгу (начальнику штаба Третьей армии в Кобленце):

«Относительно дела против Майнора, то если, помимо Зигфрида, к этому времени не были найдены иные свидетели, главнокомандующий приказывает дело прекратить и Майнора освободить. Просьба подтвердить получение и сообщить о действиях».

В ответе Крейга генералу Харборду (от 5 июля) говорится, что Майнор был освобожден в Париже, с добавлением: «Это соответствует его пожеланиям и подходит для наших целей». Крейг также добавляет, что другие свидетели были найдены.

Этот обмен телеграммами позволяет судить о всей степени спешки в снятии обвинений с Роберта Майнора, а спешка предполагает давление. Вмешательство полковника Хауса и генерала Першинга на самом высоком уровне в Париже и телеграмма от полковника Хауса сенатору Моррису Шеппарду придают вес сообщениям в американских газетах, что и Хаус, и президент Вильсон несут ответственность за поспешное освобождение Майнора без суда¹⁷⁹.

Майнор вернулся в США и, как Томпсон и Робинс до него, принялся ездить по стране, рекламируя успехи большевицкой России.

Подводя итог, мы приходим к заключению, что директор Федерального резервного банка Томпсон активно содействовал большевикам несколькими путями: выпустил книжку на русском языке, финансировал операции и выступления большевиков, послал (совместно с Робинсом) большевицких революционных агентов в Германию (и, возможно, и во Францию) и с партнером Моргана Ламонтом оказал давление на Ллойд Джорджа и британский военный кабинет, чтобы добиться изменений в британской политике.

Кроме того, Раймонд Робинс был выслан французским правительством за помощь российским большевикам в подготовке революции в Германии. Мы знаем, что Робинс неприкрыто работал на Советы в России и в США.

В заключение мы приходим к выводу, что Роберт Майнор, один из революционных пропагандистов, использовавшихся в программе Томпсона, был освобожден из-под ареста при обстоятельствах, предполагающих вмешательство лиц самого высокого уровня в правительстве США.

Очевидно, что это только часть гораздо более широкой картины. Эти события вряд ли случайны или одиночны. Они образуют непрерывную связанную линию на протяжении нескольких лет.

Они предполагают мощное влияние на высших уровнях нескольких правительств.

Глава 7. Большевики возвращаются в Нью-Йорк

«Мартенс находится в самом центре внимания. Нет сомнений относительно его свя-

179 U.S., Senate, Congressional Record, October 1919, pp. 6430, 6664-66. 7353-54; and New York Times, October 11, 1919. See also; Sacramento Bee, July 17, 1919.

зи с компанией «Гаранты Траст». Хотя удивительно, что такой крупной и влиятельной организации понадобилось иметь дела с большевицким концерном». Разведывательный отчёт Скотланд-Ярда, Лондон, 1919.

¹⁸⁰После начальных успехов революции Советы не теряли времени и попытались через бывших представителей США установить дипломатические отношения с США и точки для своей пропаганды там. В июне 1918 года американский консул в Харбине телеграфировал в Вашингтон:

«Альберт Рис Вильяме, предъявитель паспорта Департамента 52913, выданного 15 мая 1917 года, следует в США для создания информационного бюро советского правительства, для чего он имеет письменные полномочия. Выдавать ли ему визу?»¹⁸¹.

Вашингтон отказал в визе, и поэтому Вильямсу не удалось его попытка создать в США информационное бюро. За Вильямсом последовал Александр Ниберг (он же Сантери Нуортева), бывший финский эмигрант в США (в январе 1912 года), который стал первым действующим советским представителем в США.

Ниберг был активным пропагандистом. Фактически, в 1919 году он был, по словам Дж. Эдвара Гувера (в письме Комитету по иностранным делам США), «предвестником Л.К.А.К. Мартенса и, вместе с Григорием Вайнштейном, наиболее активным деятелем официальной большевицкой пропаганды в США»¹⁸².

Ниберг оказался не слишком удачлив как дипломатический представитель и, в конечном счете, как пропагандист. В архиве Государственного департамента есть беседа с Нибергом в канцелярии советников от 29 января 1919 года.

Ниберга сопровождали Х. Келлог, охарактеризованный как «американский гражданин, выпускник Гарварда», и, что более удивительно, г-н Макфарланд, юрист организации Херста.

Записи Государственного департамента говорят о том, что «Ниберг сделал много ложных заявлений относительно позиции большевицкого правительства», например, он утверждал, что Петерс, литовский террорист и глава петроградской ЧК, был просто «добродушным поэтом».

Ниберг попросил департамент направить телеграмму Ленину о том, что «теоретически могло бы быть полезным созвать конференцию, предложенную союзниками, в Париже»¹⁸³.

Это предложенное Нибергом послание, бессвязный призыв к Ленину присутствовать на Парижской конференции, чтобы таким образом получить международное признание, отправлено не было¹⁸⁴.

Обыск в Советском бюро в Нью-Йорке

Затем Александр Ниберг (Нуортева) сошёл со сцены, и ему на смену пришло Советское бюро, созданное в начале 1919 года в здании «Уорлд Тауэр» по адресу: Нью-Йорк, 110 Вест 40-я стрит.

Бюро возглавлял гражданин Германии Людвиг К.А.К. Мартенс, которого обычно называют первым послом Советского Союза в США, а до того времени он был вице-президентом проектно-технической фирмы «Вайнберг & Познер», расположенной на Бродвее, 120.

Почему этот «посол» и его службы находились в Нью-Йорке, а не в Вашингтоне, не объяснялось; предполагается, что его главной целью была торговля, а не дипломатия. В любом случае, Бюро быстро выпустило призыв к торговле США с Россией.

Российская промышленность рухнула, и Россия отчаянно нуждалась в машинах, обо-

¹⁸⁰ Копия в: U.S. State Dept. Decimal File. 316-22-656.

¹⁸¹ Ibid., 861.00/1970.

¹⁸² U.S., House, Committee on Foreign Affairs. Conditions in Russia, 66th Cong., 3d sess., 1921, h. 78.

¹⁸³ U.S. State Dept. Decimal File, 316-19-1120.

¹⁸⁴ Ibid.

рудования для железных дорог, одежде, химических веществах, лекарствах, словом, во всем, что используется современной цивилизацией. В обмен Советы предлагали золото и сырье.

Затем Советское бюро перешло к подготовке контрактов с американскими фирмами, игнорируя факты эмбарго и непризнания. В то же время оно оказывало финансовую поддержку зарождавшейся Коммунистической партии США¹⁸⁵.

7 мая 1919 года Государственный департамент запретил деловое посредничество в пользу Бюро (смотри ниже)¹⁸⁶ и отказался признать Людвига Мартенса, Советское бюро и большевицкое правительство России.

Этот официальный отказ не убавил в американской промышленности страждущих охотников за советскими заказами. Когда 12 июня 1919 года на службы Советского бюро был совершен рейд представителями Комитета Ласка штата Нью-Йорк, были найдены кипы переписки с американскими бизнесменами, представляющими почти тысячу фирм.

На этом захваченном материале был основан «Специальный отчет № 5 (секретный)», подготовленный разведывательным управлением британского министерства внутренних дел.

Отчет этот был написан Бэзилем Х. Томпсоном и вышел из стен Скотланд-Ярда в Лондоне 14 июля 1919 года. Он, в частности, гласит:

«...Мартенс и его коллеги поначалу приложили все усилия, чтобы вызвать интерес у американских капиталистов, и есть основания полагать, что Бюро получило финансовую поддержку от некоторых российских экспортных фирм, а также от компании «Гаранти Траст», хотя последняя отрицала, что финансирует организацию Мартенса»¹⁸⁷.

Томпсон отметил, что месячная арендная плата служб Советского бюро составляла 300 долларов, а заработная плата сотрудников доходила до 4000 долларов.

Средства Мартенса для оплаты этих расходов частично поступали с советскими курьерами — такими как Джон Рид и Михаил Грузенберг, привозившими из России алмазы для продажи в США, и частично от американских деловых фирм, включая нью-йоркскую «Гаранта Траст Компани».

Британские отчеты суммируют сведения, содержащиеся в документах, которые были изъяты следователями Ласка в помещениях Бюро, и эту итоговую информацию стоит привести полностью: «Интрига началась в то время, когда президент впервые поехал во Францию, чтобы убедить администрацию использовать Нуортеву в качестве посредника для переговоров с российским советским правительством с целью способствовать его признанию Америкой. Была сделана попытка привлечь к этому полковника Хауса, и существует длинное и интересное письмо Фредерику К. Хоуву, на чью поддержку и симпатию Нуортева, кажется, рассчитывал. Есть и другие документы, связывающие Хоува с Мартенсом и Нуортевой».

Существует досье переписки с Юджином Дебсом.

Письмо от Амоса Пинчота Уильяму Кенту из Комиссии США по тарифам в конверте, адресованном сенатору Ленруту, представляет Эванса Кларка — «сейчас в бюро Российской Советской Республики». «Он хочет поговорить с Вами о признании Колчака, снятии блокады и т. д.».

Сообщение Феликсу Франкфуртеру от 27 мая 1919 года говорит о яростной кампании по очернению российского правительства.

Существует обширная переписка между полковником и госпожой [так] Раймонд Робинс и Нуортевой как в 1918, так и в 1919 году. В июле 1918 года г-жа Робинс попросила Нуортеву написать серию статей для «Лайф энд лейбор» — печатного органа Национальной

185 См.: Benjamin Gitlow. U.S., House. Un-American Propaganda Activities (Washington. 1939), vols. 7-8, p. 4539.

186 См. далее подглавку «Корпорации — союзники Советского бюро».

187 Копия в: U.S. State Depl. Decimal File, 316-22-656. Вовлеченность компании «Гаранти Траст» подтверждена в последующих отчетах разведки.

женской торговой лиги.

В феврале и марте 1919 года Нуортева пытался получить через Робинс приглашение для дачи показаний в Комитете Овермана. Он также хотел, чтобы Робинс разоблачила документы Сиссона.

В письме Нуортеве от нью-йоркской компании «Янсен Клос Продактс» от 30 марта 1918 года Э. Вернер Кнудсен говорит, что он понимает стремление Нуортевы заключить соглашение об экспорте пищевых продуктов через Финляндию, и предлагает свои услуги. Имеется досье на Кнудсена, который передавал информацию о британских судах в Германию и обратно через Мексику»¹⁸⁸.

Людвиг Мартене, продолжает отчет разведки, был в контакте со всеми лидерами левых в США, включая Джона Рида, Людвиг Лора и ирландского мятежника Харри Дж. Боланда. Мартенсом была организована энергичная кампания против Александра Колчака в Сибири. В отчете делается вывод:

«Организация [Мартенса] является мощным орудием поддержки дела большевиков в США, и ... находится в тесном контакте с подстрекателями к политическим беспорядкам на всем американском континенте».

Имевшийся у Скотланд-Ярда список персонала Советского бюро в Нью-Йорке почти полностью соответствует аналогичному списку, находящемуся в архиве Комитета Ласка в Олбани, Нью-Йорк, который сейчас открыт для публичного доступа¹⁸⁹.

Между этими двумя списками есть одна существенная разница: британский анализ включает имя «Юлиус Хаммер», тогда как в отчете Комитета Ласка Хаммер отсутствует¹⁹⁰. Британский отчет характеризует Юлиуса Хаммера следующим образом:

«В Юлиусе Хаммере Мартене имеет настоящего большевика и ярого приверженца левого крыла, который не так давно прибыл из России. Он был одним из организаторов движения левых в Нью-Йорке и выступает на митингах с одной трибуны вместе с такими лидерами левых, как Рид, Гурвич, Лор и Ларкин».

Есть и другие доказательства работы Хаммера в пользу Советов. Письмо от нью-йоркского банка «Нэшнл Сити» в Министерство финансов США сообщает, что документы, полученные банком от Мартенса, были «заверены д-ром Юлиусом Хаммером как исполняющим обязанности начальника финансового отдела» Советского бюро¹⁹¹.

Семейство Хаммеров имеет тесные связи с Россией и советским режимом с 1917 года по настоящее время [1974]. Арманд Хаммер способен сегодня получить самый выгодный из советских контрактов. Яков, дед Арманда Хаммера, и Юлиус родились в России¹⁹².

Арманд, Гарри и Виктор, сыновья Юлиуса, родились в США и являются американскими гражданами. Виктор был известным художником; его сын — также названный Армандом — и внучка являются советскими гражданами и живут в Советском Союзе.

Арманд Хаммер — президент корпорации «Оксидентал Петролеум», его сын Джулиан

188 О Фредерике К. Хоуве см. главы 1 и 11, где говорится как финансисты используют общество и его проблемы в своих целях; о Феликсо Франкфуртере, позже судье Верховного суда, см. Приложение 3, где приводится письмо Франкфуртера Нуортеве; о Раймонде Робинсе см. главу 6 («Неофициальные послы...»).

189 Список персонала Советского бюро, имевшийся в Комитете Ласка, напечатан в Приложении 3. В списке отсутствуют Кеннет Дюран, адъютант полковника Хауса, Дудли Филд Малоне, назначенный президентом Вильсоном сборщиком таможенных пошлин в порту Нью-Йорка, и Моррис Хиллквит, финансовый посредник между нью-йоркским банкиром Юджином Буассевейном с одной стороны и Джоном Ридом и советским агентом Михаилом Грузенбергом с другой.

190 Юлиус Хаммер — отец Арманда Хаммера, который в настоящее время [1974] является президентом корпорации «Оксидентал Петролеум», Лос-Анжелес.

191 См. Приложение 3.

192 Хаммеры — земляки Льва Троцкого (см.: Иванова И.И. Лев Троцкий и его земляки // Альманах «Из глубины времен». 1995. № 4). Историю своих успешных взаимоотношений с советской властью, сделавших его мультимиллионером, Арманд Хаммер описал сам: «Я чувствовал себя так, как будто меня подняли на вершину горы, с которой была видна вся Россия, и Ленин сказал: «А теперь выбирай, чем ты хочешь заняться»... Ленина называли безжалостным и фанатичным, жестким и холодным. Я отказываюсь этому верить. Именно благодаря своему неотразимому человеческому обаянию... ему удалось достичь величия...» (Хаммер А. Мой век — двадцатый. Пути и встречи. М. 1988. С. 74-76) — *Прим. ред. «РИ»*.

возглавляет рекламно-издательское подразделение «Оксидентал Петролеум».

Юлиус Хаммер был видным членом и финансистом левого крыла Социалистической партии. На ее съезде в 1919 году Хаммер вместе с Бертрамом Д. Вульфом и Бенджаменом Гитлоу входил в руководящий комитет; на этом съезде зародилась Коммунистическая партия США.

В 1920 году в Синг-Синге Юлиусу Хаммеру был вынесен приговор от трех с половиной до 15 лет тюрьмы за подпольные аборты. Ленин, однако, предположил — и с основанием — что Юлиус «обвиняется за незаконное производство аборта, на деле месь-де за коммунизм»¹⁹³.

Другие члены Коммунистической партии США тоже были приговорены к тюремному заключению за антиправительственную агитацию или депортированы в Советский Союз.

Советские представители в США делали настойчивые, но безуспешные попытки добиться освобождения Юлиуса и его коллег по партии.

Еще одним видным членом Советского бюро был помощник секретаря, Кеннет Дюран, бывший адъютант полковника Хауса. В 1920 году стало известно, что Дюран является советским курьером.

В Приложении 3 воспроизведено письмо Кеннету Дюрану, которое было перехвачено министерством юстиции США в 1920 году и которое описывает тесные связи Дюрана с советскими властями. Оно было помещено в материалах слушаний в комитете Палаты представителей в 1920 году со следующими комментариями:

«Г-н Ньютон: Нашему комитету интересно узнать, какова природа этого письма; у меня есть его копия, и я хочу, чтобы она была помещена в материалы заседаний в связи с показаниями свидетеля.

Г-н Мейсон: Это письмо никогда не показывали свидетелю. Он сказал, что он никогда не видел письма и попросил взглянуть на него, и что департамент отказался показать ему письмо. Мы бы не стали вызывать свидетеля и просить его дать показания по письму, если он не видел его.

Г-н Ньютон: Свидетель показал, что у него есть такое письмо, и он показал, что его обнаружили в его пальто в чемодане, кажется. Это письмо адресовано г-ну Кеннету Дюрану, а внутри был еще один конверт, также запечатанный.

Они были вскрыты правительственными чиновниками, и были сделаны фотостатические копии. Письмо, я могу сказать, подписано человеком по имени «Билл». Оно особо упоминает советские деньги, депонированные в Христианин, Норвегия, часть которых хотят передать здесь сотрудникам советского правительства в США»¹⁹⁴.

Кеннет Дюран, действовавший как советский курьер по перевозке денежных средств, был казначеем Советского бюро, пресс-секретарем и издателем официального органа Советского бюро «Советская Россия».

Дюран происходил из зажиточной филадельфийской семьи. Большую часть своей жизни он провел на службе у Советов, сначала занимаясь публикациями в Советском бюро, затем, с 1923 по 1944 годы, как руководитель советского бюро ТАСС в США. Дж. Эдвар Гувер охарактеризовал Дюрана как «всегда... очень активно действующего в интересах Мартенса и Советского правительства»¹⁹⁵.

193 В.И. Ленин. Полн. собр. соч., 5-е изд. (Москва, 1958), т. 53, с. 267. [Речь идет о записке Ленина от 14.10.1921 членам ЦК РКП(б): «К сведению всех членов ЦК. Рейнштейн сообщил мне вчера, что американский миллионер *Хаммер*, русский родом (сидит в тюрьме, обвиняется за незаконное производство аборта, на деле месь-де за коммунизм), дает миллион пудов хлеба уральским рабочим на очень льготных условиях (5 %) и с приемом *уральских драгоценностей* на комиссию для продажи в Америке. В России находится сын (и компаньон) этого Хаммера, врач, привезший Семашко в подарок хирургических инструментов на 60 000 долларов. Этот сын был на Урале с Мартенсом и решил помочь восстановить Уральскую промышленность. Доклад сделает вскоре *Мартенс* официально. Ленин» (курсив Ленина). — Прим. ред. «РИ».)

194 U.S., House. Committee on Foreign Affairs. Conditions in Russia. 66th Cong, 3d sess., 1921, p 75. «Билл» это Уильям Бобров, советский агент.

195 Ibid., p. 78.

Феликс Франкфурте, позднее судья в Верховном суде, также был заметной фигурой в досье Советского бюро. Письмо Франкфуртера советскому агенту Нуортеве воспроизведено в Приложении 3 и предполагает, что Франкфурте пользовался в Бюро некоторым влиянием.

Короче, без влиятельной поддержки в самих США Советское бюро не было бы создано. Часть этой поддержки поступала посредством конкретных влиятельных назначений в штат Советского Бюро, а часть — от внешних деловых фирм, которые неохотно шли на публичную огласку своей поддержки.

Корпорации — союзники Советского бюро

В заметке на первой странице «Нью-Йорк таймс» от 1 февраля 1920 года говорилось, что Мартенса необходимо арестовать и депортировать в Россию. В то же время он разыскивался, как свидетель, который должен был предстать перед подкомитетом Комитета Сената по внешним сношениям, расследовавшим деятельность Советов в США.

После того, как Мартенс на несколько дней «лег на дно», он появился в Комитете и, заявив о своих дипломатических привилегиях, отказался выдать находившиеся у него официальные документы.

Затем после шквала публикаций, Мартенс «смягчился», выдал свои бумаги и признался в революционной деятельности в США с конечной целью свержения капиталистической системы.

При этом Мартенс хвастал перед средствами массовой информации и Конгрессом, что Советам помогают крупные корпорации, среди них чикагские изготовители консервов:

«По словам Мартенса, вместо того, чтобы вести пропаганду среди радикалов и пролетариев, он направил большую часть своих усилий на привлечение на сторону России крупных фирм и промышленников США: изготовителей консервов, корпорацию «Юнайтед Стейтс Стал», компанию «Стандарт Ойл» и других крупных концернов, занимающихся международной торговлей. Мартенс утверждал, что большинство крупных фирм США помогают ему добиваться дипломатического признания Советского правительства»¹⁹⁶.

А.А. Геллер, коммерческий атташе при Советском бюро, расширил это утверждение:

«Среди людей, помогающих нам добиваться признания в Государственном департаменте, крупные чикагские фирмы по производству консервов, Армур, Свифт, Нельсон Моррис и Кьюдахи... Среди других фирм такие компании как «Америкэн Стил Экспорт», «Лехай Машин», «Адриан Ниттинг», «Интернэшнл Харвестер», «Алюминий Гудз Мэньюфэкчуриг», «Алюминий Компани оф Америка», «Америкэн Кар энд Фаундри Экспорт», «М.К.Д. Борден & Санз»¹⁹⁷.

«Нью-Йорк таймс» вслед за этими заявлениями напечатала комментарии названных фирм. «Я никогда в жизни раньше не слышал об этом человеке» [Мартенсе], — заявил Дж. Ф. Свифт-младший, заведующий экспортным отделом фирмы «Свифт & Ко.». — «Я полностью уверен, что мы никогда не имели с ним никаких дел»¹⁹⁸.

«Таймс» добавила, что О.Х. Свифт, единственный другой компаньон фирмы, с которым удалось связаться, «также отрицал какое бы то ни было знакомство с Мартенсом или контакты с его Бюро в Нью-Йорке». Заявление Свифта было в лучшем случае уклончивое. Когда следователи из Комитета Ласка изъяли документацию Советского бюро, они обнаружили переписку между Бюро и почти всеми фирмами, названными Мартенсом и Геллером.

«Список фирм, которые предложили сделки российскому Советскому бюро», составленный на основании этой документации, включал (на странице 16) «Свифт & Компани, «Юнион Стокъярдс», Чикаго, штат Иллинойс». Другими словами, Свифт был связан с Мартенсом, несмотря на его опровержение в «Нью-Йорк таймс».

«Нью-Йорк таймс» связалась также с корпорацией «Юнайтед Стейтс Стил» и сообщила: «Вчера вечером судья Элберт Х. Гэри заявил, что нет оснований утверждать, будто со-

196 New York Times, November 17, 1919.

197 Ibid.

198 Ibid.

ветский представитель в США имел какие-нибудь дела с корпорацией «Юнайтед Стейтс стал»». Технически это правильно. Корпорация «Юнайтед Стейтс Стил» не фигурировала в советских документах, но вышеуказанный список включает в себя (на странице 16) ее филиал — компанию «Юнайтед Стейтс Стил Продактс, 30 Черч стрит, г. Нью-Йорк».

В отношении других фирм, упомянутых Мартенсом и Геллером, в списке Комитета Ласка отмечено следующее:

«Стандарт Ойл» — не указана. «Армур & Ко», изготовители мясных консервов — указаны как «Армур Лезер» и «Армур & Ко., Юнион Стокъярдс, Чикаго». Компания «Моррис», выпускающая мясные консервы, указана на странице 13. «Кьюдахи» — указана на странице 6. Компания «Америкэн Стал Экспорт» — указана на странице 2, как находящаяся в здании Вулворта; она предложила торговать с СССР.

Компания «Лехай Машин» — не указана. Компания «Адриан Ниттинг» — стоит на странице 1. Компания «Интернэшнл Харвестер» — на странице 11. Компания «Алюминиум Гудз Мэньюфэкчуринг» — указана на странице 1. «Алюминиум Компани оф Америка» — не указана. «Америкэн Кар энд Фаундри Экспорт» — ближайшее похожее указание «Америкэн Кар Ко. — Филадельфия». «М.К.Д. Борден & Сонз» — указана на странице 4 с адресом: 90 Ворт стрит, 90.

Затем, в субботу 21 июня 1919 года Сантери Нуортева (Александр Ниборг) подтвердил в интервью прессе роль компании «Интернэшнл Харвестер»:

«Вопрос [репортера «Нью-Йорк таймс»]: Чем Вы занимаетесь?

Ответ: Директор по закупкам для Советской России.

Вопрос: Что Вы сделали для успеха этого?

Ответ: Обратился к американским промышленникам.

Вопрос: Назовите их.

Ответ: Среди них корпорация «Интернэшнл Харвестер».

Вопрос: С кем вы там встречались?

Ответ: С господином Кенигом.

Вопрос: Вы ходили, чтобы повидаться с ним?

Ответ: Да.

Вопрос: Приведите еще имена.

Ответ: Я собирался встретиться со многими, примерно с 500 бизнесменами, и не могу помнить все имена. У нас в офисе есть документация, где они указаны»¹⁹⁹.

Таким образом, заявления Геллера и Мартенса об их широких контактах с некоторыми фирмами США²⁰⁰ были подтверждены документами Советского бюро.

С другой стороны, эти фирмы по понятным причинам не желали подтверждать эти связи.

Европейские банкиры и большевики

Кроме «Гаранта Траст» и частного банкира Буассевейна в Нью-Йорке прямую помощь для сохранения и расширения власти большевиков в России оказывали некоторые европейские банкиры.

Отчет 1918 года, направленный американским посольством в Стокгольме в Государственный департамент, детализирует переводы денежных средств.

Департамент похвалил автора, указав, что его «сообщения о положении в России, распространении большевизма в Европе и финансовых вопросах... оказались очень полезными для департамента. Департамент выражает признательность за ваше умелое управление делами миссии»²⁰¹.

Согласно этому отчету, одним из таких «большевицких банкиров», действовавших в пользу зарождающегося советского режима, был Дмитрий Рубинштейн из бывшего «Рус-

199 New York Times, June 21, 1919.

200 См. выше в этой главе.

201 U.S. State Dept. Decimal File, 861.51/411, November 23, 1918.

ско-Французского банка» в Петрограде.

Рубинштейн, приятель печально известного Григория Распутина, был посажен в тюрьму в предреволюционном Петрограде в связи с продажей Второй российской компании по страхованию жизни.

Американским управляющим и директором этой российской компании был Джон МакГрегор Грант, который обосновался на Бродвее 120 в Нью-Йорке. Грант был также нью-йоркским представителем «Русско-Азиатского банка» Путилова.

В августе 1918 года Гранта (по неизвестным причинам) занесли в «список подозрительных лиц» Бюро военной разведки²⁰².

Это могло случиться из-за того, что Олоф Ашберг в начале 1918 года сообщил об открытии иностранного кредита в Петрограде «в экспортном концерне «Джон МакГрегор Грант Ко.», который он [Ашберг] финансирует в Швеции и который в Америке финансируется компанией «Гаранта Траст»²⁰³.

После революции Дмитрий Рубинштейн перебрался в Стокгольм и стал финансовым агентом большевиков. Государственный департамент отметил, что хотя Рубинштейн и «не был большевиком, он был неразборчив в способах делать деньги, и есть подозрения, что он может совершать рассматриваемый визит в Америку в интересах большевиков и за их деньги»²⁰⁴.

Еще одним стокгольмским «большевицким банкиром» был Абрам Животовский, родственник Троцкого и Льва Каменева.

В отчете Государственного департамента утверждалось, что хотя Животовский и претендовал на образ «ярого антибольшевика», он в действительности получил через курьера «большие суммы» от большевиков для финансирования революционных операций.

Животовский был членом синдиката, в который входил Денисов из бывшего «Сибирского Банка», Каменка из «Азовско-Донского Банка» и Давидов из «Банка для внешней торговли».

Этот синдикат продал активы бывшего «Сибирского Банка» британскому правительству.

Еще один банкир царского времени, Григорий Лессин, вел дела большевиков через фирму Дарделя и Хагборга. Другими «большевицкими банкирами», названными в отчете, являются Штифтер и Яков Берлин, который ранее контролировал через свою жену петроградский «Нелкенс Банк».

Агентом этих банкиров был Исидор Кан.

Самым интересным из этих банкиров, обосновавшихся в Европе и действовавших в интересах большевиков, был Григорий Бененсон, прежний президент «Англо-Русского банка» в Петрограде — банка, в совета директоров которого входили лорд Бальфур (государственный секретарь по иностранным делам Англии) и сэр И.М.Х. Амори, а также С.Х. Крипс и Х. Гедалла.

Бененсон приехал в Петроград после революции, затем переехал в Стокгольм. О нем поведал один сотрудник Государственного департамента: «доведя до моего сведения, что с ним 10 миллионов рублей, он предложил их мне по высокой цене за использование нашего посольства в Архангельске».

Бененсон имел соглашение с большевиками об обмене 60 миллионов рублей на 1,5 миллиона фунтов стерлингов.

В январе 1919 года частные банкиры в Копенгагене, которые имели связи с большевицкими учреждениями, были обеспокоены слухами, что датская политическая полиция готовится выслать из Дании советскую дипломатическую миссию и лиц, контактирующих с большевиками.

202 Ibid., 316-125-1212.

203 U.S., Department of State. Foreign Relations of the United States: 1918, Russia, 1:373.

204 U.S. State Dept. Decimal File, 861.00/4878, July 21, 1919.

Эти банкиры и миссия попытались поспешно изъять свои средства из датских банков, в частности, 7 миллионов рублей из «Ревизионсбанкен»²⁰⁵. Кроме того, конфиденциальные документы были спрятаны в конторе страховой компании «Мартин Ларсен Иншуренс».

Следовательно, мы можем определить модель помощи капиталистических банкиров Советскому Союзу. Некоторые из них были американскими банкирами, некоторые — банкирами из царской России, которые эмигрировали и жили в Европе, а некоторые — европейскими банкирами. Их общей целью была прибыль, а не идеология.

Спорные аспекты работы этих «большевицких банкиров», как их называли, возникают на фоне тогдашних событий в России. В 1919 году французские, британские и американские войска воевали с советскими войсками в районе Архангельска.

В одном столкновении в апреле 1919 года, например, американские потери составили одного офицера и пять солдат убитыми и девять пропавших без вести²⁰⁶.

В 1919 году генерал Таскер Х. Блисс, американский командующий в Архангельске, подтвердил, что «войска союзников в районах Мурманска и Архангельска были под угрозой уничтожения, если их срочно не подкрепят»²⁰⁷.

Подкрепления шли под командой британского генерала У.П. Ричардсона.

Итак, пока «Гаранта Траст» и крупные американские фирмы помогали создавать Советское бюро в Нью-Йорке, американские войска противостояли советским войскам на севере России. Более того, об этих конфликтах ежедневно сообщала «Нью-Йорк таймс», которую предположительно читали эти банкиры и бизнесмены.

Кроме того, как мы увидим в главе 10, те же финансовые круги, которые поддерживали Советское бюро в Нью-Йорке, организовали в Нью-Йорке резко антикоммунистическую организацию «Объединённые американцы», пророчившую кровавую революцию, массовый голод и панику на улицах Нью-Йорка.

Глава 8. Нью-Йорк, Бродвей 120

«Уильям Б. Томпсон, который находился в Петрограде с июля по ноябрь прошлого года, лично дал большевикам 1.000.000 долларов для распространения их доктрины в Германии и Австрии...».
«Вашингтон пост», 2 февраля 1918 г.

При сборе материала для этой книги на первый план выдвинулось одно место в Нью-Йорке с адресом в районе Уолл-стрит: Бродвей 120.

В принципе, эта книга могла бы быть написана только о лицах, фирмах и организациях, располагавшихся в 1917 году на Бродвее 120.

Хотя такой метод исследования был бы надуманным и неестественным, все же он не учел бы лишь относительно малую часть нашей истории.

Первоначальное здание по этому адресу, Бродвей 120, было разрушено пожаром до первой мировой войны. Впоследствии место было продано корпорации «Экуитабл Оффис Билдинг», созданной генералом Т. Коулменом Дюпоном, президентом компании «Дюпон де Немур Паудер»²⁰⁸.

Строительство нового здания было завершено в 1915 году, и компания «Экуитабл

205 Ibid., 316-21-115/21.

206 New York Times, April 5, 1919. [Такие стычки были результатом случайности или редчайшими исключениями, происходившими по инициативе местных командиров с обеих сторон. Войска Антанты вступили на российскую территорию для противостояния Германии, а не большевикам, и нигде не вступали в бой с Красной армией. Подробнее см. в послесловии издательства. — Прим. ред. «РИ».]

207 Ibid.

208 Учредительные документы корпорации «Экуитабл Оффис Билдинг» были составлены Дуайтом У. Морроу, позднее он стал партнером Моргана, но тогда был членом юридической фирмы «Симпсон, Тэчер & Бартлетт». Фирма Тэчера дала двух человек в миссию американского Красного Креста 1917 года в России (см. главу 5).

Лайф Ашшуренс» вернулась на свое старое место²⁰⁹.

Мимоходом мы должны отметить интересный момент в истории «Экуитабл». В 1916 году кассиром берлинской конторы «Экуитабл Лайф» был Вильям Шахт, отец Ялмара Горация Грили Шахта — впоследствии финансового гения и банкира Гитлера.

Вильям Шахт был американским гражданином, проработавшим 30 лет на «Экуитабл» в Германии, где имел дом в Берлине, известный как «Вилла Экуитабл». До связи с Гитлером молодой Ялмар Шахт был членом Совета рабочих и солдатских депутатов в Целендорфе; он вышел из него в 1918 году, чтобы войти в правление «Националь-банк фюр Дейчланд».

Его содиректором был Эмиль Виттенберг, который с Максом Мэем из нью-йоркской компании «Гаранта Траст» стал директором первого советского международного банка — «Роскомбанка».

В любом случае, здание, расположенное на Бродвее 120, в 1917 году было известно как здание компании «Экуитабл Лайф». Этот большой 35-этажный небоскреб, хотя и далеко не самое крупное конторское здание в Нью-Йорке, занимал целый квартал по Бродвею и Пайн-Стрит.

На 35-м этаже располагался Клуб банкиров. Перечень арендаторов в 1917 году фактически отражает американское участие в большевицкой революции и в ее последствиях.

Например, штаб-квартира округа № 2 Федеральной резервной системы — зоны Нью-Йорка — самого важного из округов Федеральной резервной системы, размещалась на Бродвее 120.

Конторы нескольких директоров Федерального резервного банка Нью-Йорка и, что более важно, «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» также находились на Бродвее 120.

Для контраста отметим, что Людвиг Мартене, назначенный Советами первым большевицким «послом» в США и начальником Советского бюро, был в 1917 году вице-президентом компании «Вайнберг & Познер» и также имел конторы на Бродвее 120²¹⁰.

Случайна ли эта концентрация? Имеет ли какое-нибудь значение это географическое совпадение?

Перед тем, как попытаться предложить ответ, мы должны перейти на другие принципы ссылок и отказаться от спектра «левые-правые» в политическом анализе.

При почти всеобщем отсутствии должной проницательности ученый мир до сих пор описывал и анализировал международные политические отношения в контексте борьбы между капитализмом и коммунизмом, и столь жесткая приверженность этой поляризующей формуле Маркса искажала современную историю.

Время от времени появляются редкие замечания, что эта полярированность на самом деле ложная, но они быстро уходят в небытие. Например, Кэрролл Куигли, профессор международных отношений в Джорджтаунском университете, дал следующие комментарии по дилемме Моргана:

«Более чем 50 лет назад фирма Моргана решила проникнуть в левые политические движения в Соединенных Штатах. Сделать это было относительно легко, так как эти группы отчаянно нуждались в средствах и голосе, который достиг бы людей. Уолл-стрит предоставил и то, и другое. Цель заключалась не в том, чтобы разрушить, а чтобы контролировать или взять в свои руки...»²¹¹.

Комментарии профессора Куигли, явно основанные на конфиденциальной информации, имеют все компоненты исторической бомбы, если они могут быть обоснованы. Мы предполагаем, что фирма Моргана проникла в ряды не только американских левых, как от-

209 R. Carlyle Buley. *The Equitable Life Assurance Society of the United States* (New York: Appleton-Century-Crofts. n.d.).

210 Компания «Джон МакГрегор Грант», агент «Русско-Азиатского Банка» (связанного с финансированием большевиков), находилась на Бродвее 120 и финансировалась компанией «Гаранта Траст».

211 Carroll Quigley. *Tragedy and Hope* (New York: Macmillan, 1966), p. 938. Куигли писал книгу в 1965 году, и он относит начало этого проникновения примерно к 1915 году, что совпадает с представленными здесь доказательствами.

мечено Куигли, но и иностранных левых, то есть в большевицкое движение и Третий Интернационал.

И даже больше: через друзей в Государственном департаменте США Морган и союзные ему финансовые организации, особенно семейство Рокфеллера, оказывают мощное влияние на американско-русские отношения с первой мировой войны по настоящее время.

Доказательства, представленные в этой главе, дают основания предположить, что два из числа оперативных инструментов для проникновения в иностранные революционные движения или для оказания на них влияния располагались на Бродвее 120: первый — Федеральный резервный банк Нью-Йорка, «схваченный» людьми Моргана, и второй — контролируемая Морганом «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн».

Кроме того, существовала важная связь между Федеральным резервным банком Нью-Йорка и «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн»: ею был К.А. Стоун, президент «Америкэн Интернэшнл», который был также директором Федерального резервного банка.

Отсюда возникает пробная гипотеза, что столь необычная концентрация по одному адресу была отражением целенаправленных действий конкретных фирм и лиц, и что эти действия и события не могут быть проанализированы в обычном спектре политического антагонизма между левыми и правыми.

«Америкэн Интернэшнл Корпорейшн»

«Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» (АИК) была создана в Нью-Йорке 22 ноября 1915 года предприятиями Дж. П. Моргана при крупном участии банка «Нэшнл Сити» Стиллмена и предприятий Рокфеллера. Главная контора АИК находилась на Бродвее 120.

Устав компании разрешал ей заниматься в любой стране мира любыми видами бизнеса, за исключением банковского дела и предприятий общественного пользования.

Заявленная цель корпорации заключалась в развитии национальных и иностранных предприятий, в расширении американских операций за границей и в содействии интересам американских и иностранных банкиров, бизнеса и организации производства.

Фрэнк А. Вандерлип описал в своих мемуарах, как была создана «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» и какое восхищение вызвал на Уолл-стрит ее деловой потенциал²¹².

Начальная идея возникла в беседе представителей компании «Стоун & Уэбстер» (международных железнодорожных подрядчиков, которые «были убеждены, что в США нет перспективы развития строительства железных дорог») с Джимом Перкинсом и Фрэнком А. Вандерлипом из «Нэшнл Сити Бэнк» (НСБ)²¹³.

Первоначальный уставный капитал был равен 50 миллионам долларов, а в совете директоров были представлены ведущие светила финансового мира Нью-Йорка. Вандерлип говорит, что, восхищаясь громадным потенциалом «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн», он писал президенту НСБ Стиллмену следующее:

«Джеймс А. Фаррелл и Альберт Уиггин были приглашены [участвовать в управлении корпорацией], но должны были проконсультироваться со своими комитетами перед тем, как принять это приглашение. Я также собираюсь пригласить Генри Уолтерса и Майрона Т. Херрика.

Г-н Херрик весьма нежелателен для г-на Рокфеллера, но г-н Стоун хочет, чтобы он был, и я сильно склонен полагать, что он был бы особенно желателен во Франции. Все прошло гладко и с признательностью, и прием был отмечен энтузиазмом, удивившим меня, хотя я был очень глубоко убежден, что мы на правильном пути.

Сегодня, например, я видел Джеймса Дж. Хилла. Сначала он сказал, что не может и думать о расширении своих обязанностей, но после того, как я рассказал ему, что он должен делать, он ответил, что будет рад участвовать в этом деле, возьмет акции на крупную сумму и особенно хочет существенную долю в «Сити Бэнк»; он уполномочил меня купить ему акции на рынке.

212 Frank A. Vanderlip. From Farm Boy to Financier (New York: A. Appleton-Century, 1935).

213 Ibid., p. 267.

Сегодня я впервые говорил о деле с Огденом Армуром. Во время моего объяснения он сидел в совершенном молчании и затем, не задав ни единого вопроса, сказал, что войдет в дело и купит акции на 500.000 долларов.

Г-н Коффин (из «Дженерал Электрик») еще один человек, который увольняется отовсюду, но в этом отношении он проявил такой энтузиазм, что хочет войти в дело и предлагает самое активное сотрудничество.

Я считаю, хорошо, что мы привлекли Сэбива. «Гаранта Траст» все равно является самым активным конкурентом в нашей области, и весьма ценно заполучить их таким образом. Особенно они были рады участию «Кун, Леб и Ко.». Они хотят взять до 2.500.000 долларов.

Была действительно совсем небольшая конкуренция, из-за решения вопроса, кто должен войти в дело, но так как мне случилось поговорить с Каном и пригласить его первым, было решено, что войти следует ему.

Вероятно, он проявляет больше энтузиазма, чем кто-либо. Они хотят акций на полмиллиона для сэра Эрнеста Касселя²¹⁴, которому они передали наш план по телеграфу и он его одобрил.

Я объяснил все дело совету [«Сити Бэнк»] во вторник и не получил в ответ ничего, кроме благоприятных комментариев²¹⁵.

Все очень хотели приобрести акции АИК. Джо Грейс (из «У.Р. Грейс & Ко.») купил их на 600.000 долларов в дополнение в своей доле в «Нэшнл Сити Бэнк». Амброз Монелл — на 500.000 долларов. Джордж Бейкер — на 250.000 долларов. А «Уильям Рокфеллер пытался, безуспешно, заставить меня подписать его на обычные акции на сумму 5.000.000 долларов»²¹⁶.

К 1916 году инвестиции АИК за рубежом превысили 23 миллиона долларов, а в 1917 году — 27 миллионов. Компания создала представительства в Лондоне, Париже, Буэнос-Айресе и Пекине, а также в Петрограде.

Меньше чем через два года после создания АИК она вела крупные операции в Австралии, Аргентине, Уругвае, Парагвае, Колумбии, Бразилии, Чили, Китае, Японии, Индии, Италии, Швейцарии, Франции, Испании, на Цейлоне, Кубе, в Мексике и в других странах Центральной Америки.

«Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» владела несколькими дочерними компаниями полностью, имела существенные доли в других компаниях и руководила многими фирмами в США и за рубежом.

«Эллиед Машинери Компани оф Америка» была создана в феврале 1916 года, и весь ее акционерный капитал перешел к АИК. Вице-президентом «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» был Фредерик Холбрук, инженер и бывший глава корпорации «Холбрук Кабот & Роллинс».

В январе 1917 года была образована «Грейс Рашен Компани»; ею совместно владели корпорация «У.Р. Грейс & Ко.» и компания «Сан Галли Трейдинг» из Петрограда. «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» инвестировала значительные средства в «Грейс Рашен Компани» и через Холбрука вошла в совет директоров.

АИК также инвестировала средства в компанию «Юнайтед Фрут», которая была вовлечена в революцию в Центральной Америке в 1920-е годы. «Америкэн Интернэшнл Шипбилдинг Корпорейшн» полностью принадлежала АИК, она подписала крупные контракты о постройке военных кораблей с корпорацией «Эмердженси Флит»: первый контракт на 50 кораблей, затем — на 40 кораблей, за которым последовал еще один контракт на 60 грузовых судов.

«Америкэн Интернэшнл Шипбилдинг Корпорейшн» была крупнейшим единоличным

²¹⁴ Сэр Эрнест Кассель (Ernest Cassel), видный британский финансист.

²¹⁵ Ibid., p. 268-269. Необходимо отметить, что несколько имен и названий, упомянутых Вандерлипом, встречаются в этой книге: Рокфеллер, Армур, «Гаранти Траст» и (Отто) Кан; все они в той или иной степени имели связь с большевицкой революцией и ее последствиями.

²¹⁶ Ibid., p. 269.

получателем судостроительных контрактов, выдаваемых американской государственной корпорацией «Эмердженси Флит». Еще одной компанией, контролируемой АИК с ноября 1917 года, стала «Дж. Амсинк & Ко., Инк.» из Нью-Йорка.

Эта компания финансировала германский шпионаж в США (см. главу 4). В ноябре 1917 года АИК образовала полностью принадлежавшую ей корпорацию «Саймингтон Фордж», которая стала крупным государственным поставщиком поковок для оболочек снарядов.

Следовательно, АИК имела особую заинтересованность в военных подрядах в США и за рубежом. Короче, она была весьма заинтересована в продолжении первой мировой войны.

В 1917 году директорами «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» и некоторых ее ассоциаций были:

Дж. Огден Армур, изготовитель мясных консервов, из «Армур & Компани», Чикаго; директор банка «Нэшнл Сити» в Нью-Йорке; упоминался А.А. Геллером в связи с Советским бюро.

Джордж Джонсон Болдуин, из «Стоун & Уэбстер», Бродвей 120.

Во время первой мировой войны Болдуин был председателем правления «Америкэн Интернэшнл Шипбилдинг Корпорейшн», старшим вице-президентом АИК, директором компании «Дж. Амсинк» (фон Павенштедт, кассир германского шпионажа в США, тоже был из компании «Амсинк», см. главу 4) и попечителем Фонда Карнеги, который финансировал план «Марбург» по закуливному контролю международного социализма мировыми финансами.

Ч.А. Коффин, президент «Дженерал Электрик» (административный офис на Бродвее 120), председатель комитета по сотрудничеству американского Красного Креста.

У.Э. Кори (Уолл-стрит 14), директор компании «Америкэн Банк Ноут», банка «Мекэникс & Металс», компаний «Мидвейл Стил & Орднанс» и «Интернэшнл Никел»; позже директор «Нэшнл Сити Бэнк».

Роберт Доллар, магнат в области судоходства из Сан-Франциско, который попытался в 1920 году в нарушение законов США ввести царские золотые рубли в США в интересах Советов.

Пьер С. Дюпон, из семейства Дюпонов.

Филип А.С. Франклин, директор «Нэшнл Сити Бэнк».

Дж. П. Грейс, директор «Нэшнл Сити Бэнк».

Р.Ф. Херрик, директор компании «Нью-Йорк Лайф Иншуренс»; бывший президент Ассоциации американских банкиров; попечитель Фонда Карнеги.

Отто Х. Кан, партнер в фирме «Кун, Леб и Ко.». Отец Кана приехал в Америку в 1848 году, «приняв участие в неудавшейся германской революции того года». По словам Дж. Х. Томаса (британского социалиста, финансировавшегося Советами), «лицо Отто Кана направлено к свету».

Х.У. Притчетт, попечитель фонда Карнеги.

Перси А. Рокфеллер, сын Джона Д. Рокфеллера; женат на Исабел, дочери Дж. А. Стиллмена из «Нэшнл Сити Бэнк».

Джон Д. Район, директор компаний по добыче меди, банка «Нэшнл Сити» и банка «Мекэникс & Металс» (см. фронтиспис этой книги).

У.Л. Саундерс, директор Федерального резервного банка Нью-Йорка, Бродвей 120, и президент компании «Ингерсолл-Рэнд». Согласно Национальной энциклопедии (26:81); «В ходе войны был одним из наиболее доверенных советников президента». (О его отношении к Советам см. эпиграф к главе 1.)

Дж. А. Стиллмен, президент «Нэшнл Сити Бэнк» после своего отца (Дж. Стиллмен, президент НСБ, умер в марте 1918 года).

К.А. Стоун, директор (1920-1922) Федерального резервного банка Нью-Йорка, Брод-

вей 120; председатель правления компании «Стоун & Уэбстер», Бродвей 120; президент (1916-1923) АИК, Бродвей 120.

Т.Н. Веил, президент «Нэшнл Сити Бэнк» Трои, Нью-Йорк.

Ф.А. Вандерлип, президент «Нэшнл Сити Бэнк».

Э.С. Уэбстер, из компании «Стоун & Уэбстер», Бродвей 120.

А.Х. Уиггин, директор Федерального резервного банка Нью-Йорка в начале 1930-х годов.

Бекман Уинтроп, директор «Нэшнл Сити Бэнк».

Уильям Вудвард, директор Федерального резервного банка Нью-Йорка, Бродвей 120, и «Гановер Нэшнл Бэнк».

Эти двадцать два директора «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» имели многочисленные связи с другими учреждениями. В правлении АИК было не менее 10 директоров «Нэшнл Сити Бэнк»; Стиллмен из НСБ был в то время посредником между предприятиями Рокфеллера и Моргана, а предприятия и Моргана, и Рокфеллера были представлены непосредственно в АИК.

«Кун, Леб и Ко.» и Дюпон каждый имели одного директора. Компания «Стоун & Уэбстер» имела трех директоров. Не менее четырех директоров АИК (Саундерс, Стоун, Уиггин, Вудвард) или были директорами Федерального резервного банка, или пришли в него позже.

Мы указали в одной из предыдущих глав, что Уильям Бойс Томпсон, который поддерживал большевицкую революцию деньгами и своим значительным авторитетом, также был директором Федерального резервного банка Нью-Йорка — в совет директоров ФРБ Нью-Йорка входили только 9 человек.

Фирмы, расположенные на Бродвее 120 или рядом

«Америкэн Интернэшнл Корпорейшн», Бродвей 120

«Нэшнл Сити Бэнк», Уолл-стрит 55

Компания «Бэнкर्स Траст», Уолл-стрит 14

Нью-йоркская фондовая биржа, Уолл-стрит 13/Броуд-стрит 12

Здание Моргана, угол Уолл-стрит и Броуд-стрит

Федеральный резервный банк Нью-Йорка, Бродвей 120

Компания «Экуитабл», Бродвей 120

Клуб банкиров, Бродвей 120

Компания «Симпсон, Тэчер & Бартлетт», Сидар-стрит 62

Уильям Бойс Томпсон, Уолл-стрит 14

Компания «Хейзн, Уиппл & Фуллер», 42-я стрит

«Чейз Нэшнл Бэнк», Бродвей 57

Компания «МакКенн», Бродвей 61

Компания «Стетсон, Дженнингс & Расселл», Брод-стрит 15

Компания «Гугенгейм Эскплорейшн», Бродвей 120

Компания «Вайнберг & Познер», Бродвей 120

Советское бюро, 110 Уэст, 40-я стрит

Компания «Джон МакГрегор Грант», Бродвей 120

Компания «Стоун & Уэбстер», Бродвей 120

Компания «Дженерал Электрик», Бродвей 120

Компания «Моррис Плэн оф Нью-Йорк», Бродвей 120

Корпорация «Синклэйр Галф», Бродвей 120

Компания «Гаранти Секьюритиз», Бродвей 120

Компания «Гаранти Траст», Бродвей 140

Влияние «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» на революцию

Определив директоров АИК, мы теперь должны определить их влияние на революцию.

Когда в центре России произошла большевицкая революция, государственный секретарь Роберт Лансинг запросил мнение АИК о политике, которую необходимо проводить в отношении советского режима.

16 января 1918 года — всего через месяц после взятия власти в Петрограде и Москве и до того, как часть России попала под контроль большевиков — Уильям Франклин Сэндс, исполнительный директор АИК, представил госсекретарю Лансингу запрошенный меморандум по политической ситуации в России. Сопроводительное письмо Сэндса с шапкой «Бродвей 120» начиналось так:

«16 января 1918 г.

Достопочтенному Государственному секретарю
Вашингтон, Округ Колумбия

Сэр, Имею честь приложить к настоящему письму меморандум, который Вы просили меня подготовить для Вас, о моем мнении по политической ситуации в России.

Я разделил его на три части: объяснение исторических причин революции, изложенное так коротко, насколько это возможно; предложение о политике и перечисление различных направлений американской деятельности сейчас в России...»²¹⁷.

Хотя большевики обладали лишь ненадежным контролем над Россией — и даже почти утратили его весной 1918 года — Сэндс писал, что Соединенные Штаты уже (в январе 1918 года) упустили много времени в признании «Троцкого». Он добавил: «Какая бы почва сейчас ни была утрачена, она должна быть восстановлена, даже за счет небольшого личного триумфа Троцкого»²¹⁸.

Затем Сэндс излагает те методы, которыми США могли бы наверстать упущенное время, проводит параллель между большевицкой и «нашей собственной революцией» и делает вывод: «Я имею основания полагать, что планы администрации в отношении России получат всю возможную поддержку в Конгрессе и сердечное одобрение общественного мнения в США».

Таким образом, Сэндс, как исполнительный секретарь корпорации, директора которой пользовались наибольшим престижем на Уолл-стрит, с энтузиазмом одобрил большевиков и большевицкую революцию через несколько недель после ее начала.

А как директор Федерального резервного банка Нью-Йорка Сэндс сразу же внес 1 миллион долларов в пользу большевиков — такое одобрение большевиков банковскими кругами, по крайней мере, последовательно.

Более того, Уильям Сэндс из «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» был человеком с поистине необычайными связями и влиянием в Государственном департаменте.

Карьера Сэндса проходила попеременно в Государственном департаменте и на Уолл-стрит. В конце XIX и начале XX веков он занимал различные дипломатические посты. В 1910 году он оставил департамент для работы в банковской фирме Джеймса Шпейера, чтобы заключить соглашение об эквадорском займе, и в последующие два года представлял компанию «Сентрал Агирре Шугар» в Пуэрто-Рико.

В 1916 году он побывал в России по «работе Красного Креста», фактически в составе «специальной миссии» из двух человек, вместе с Бэзилем Майлсом, и вернулся, чтобы войти в «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» в Нью-Йорке²¹⁹.

217 U.S. State Dept. Decimal File, 861.00/961.

218 Меморандум Сэндса Лансингу, с. 9.

219 Уильям Франклин Сэндс написал несколько книг, включая биографию «Недипломатические мемуары», охватывающую период до 1904 г. (William Franklin Sands. Undiplomatic Memoirs. New York: McGraw-Hill, 1930). Позже он написал книгу «Наша дипломатия джунглей» (Our Jungle Diplomacy. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1944), ничем не примечательный труд об империализме в Латинской Америке. Эта работа интересна только из-за небольшого отрывка на с. 102: желания возложить вину за особенно неприятную империалистическую авантюру на Адольфа Штала (Adolf Slahl), нью-йоркского банкира, указав абсолютно без всякой надобности, что Шталь был «немецко-еврейского происхождения». В августе 1918 года он опубликовал статью «Спасение России» (Salvaging Russia) в издании «Asia», чтобы объяснить поддержку большевицкого режима.

В начале 1918 года Сэндс становится известным и предполагаемым получателем некоторых русских «секретных договоров». Если верить архивам Государственного департамента, то Сэндс был также курьером и имел первоочередной доступ к некоторым официальным документам; первоочередной значит — до государственных служащих США.

Всего за два дня до написания Сэндсом его меморандума о политике в отношении большевиков, 14 января 1918 года, секретарь Лансинг дал указание направить в американскую дипломатическую миссию в Стокгольме «Зеленым шифром» следующую телеграмму: «В миссии были оставлены важные официальные бумаги для Сэндса, которые должны быть переданы сюда. Передали ли Вы их? Лансинг».

Ответ Морриса из Стокгольма был послан 16 января: «Ваш запрос 460 от 14 января, 17:00. Указанные документы направлены Департамент 28 декабря диппочтой номер 34».

К этим документам прилагался еще один меморандум, подписанный «БМ» (Бэзил Майлс, коллега Сандса): «Г-н Филипс. Они не дали 1-ю партию секретных договоров Сэндса, кот[орые] он привез из Петрограда в Стокгольм»²²⁰.

Отложив в сторону вопрос, почему частное лицо должно везти российские секретные договоры, как и вопрос о содержании таких секретных договоров (возможно, более ранний вариант так называемых документов Сиссона), мы можем, по крайней мере, сделать вывод, что исполнительный секретарь АИК приехал в конце 1917 года из Петрограда в Стокгольм и что он должен был быть воистину привилегированным и влиятельным лицом, чтобы иметь доступ к секретным договорам²²¹.

Через несколько месяцев, 1 июля 1918 года, Сэндс написал письмо министру финансов США МакАду, предложив комиссию для «экономической помощи России».

При этом он настаивал, что какой-либо государственной комиссии было бы трудно обеспечить механизм для такой помощи, «поэтому кажется необходимым призвать американских финансистов, коммерсантов и промышленников для обеспечения такого механизма под контролем Генерального комиссара или любого официального лица, выбранного президентом США для этой цели»²²².

Другими словами, Сэндс явно стремился к тому, чтобы любая коммерческая эксплуатация большевицкой России не обошла стороной Бродвей 120.

Федеральный резервный банк Нью-Йорка

Свидетельство о регистрации Федерального резервного банка Нью-Йорка было выдано 18 мая 1914 года.

Оно предусматривало три директорских поста класса А, представляющих окружные банки-члены ФРБ, три директорских поста класса В, представляющих торговлю, сельское хозяйство и промышленность, и три директорских поста класса С, представляющих Федеральное резервное управление.

Первые директора были избраны в 1914 году; они начали разрабатывать энергичную программу. В первый год своего образования Федеральный резервный банк Нью-Йорка провел не менее 50 заседаний.

С нашей точки зрения, интересной является связь между, с одной стороны, директорами Федерального резервного банка (в нью-йоркском округе) и директорами «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» и, с другой стороны, формировавшейся Советской Россией.

В-1917 году тремя директорами класса А были Франклин Д. Лок, Уильям Вудвард и Роберт Х. Треман. Уильям Вудвард был директором «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» (Бродвей 120) и контролируемого Рокфеллером «Гановер Нэшнл Бэнк».

Ни Лок, ни Треман не попали в нашу историю. Тремя директорами класса В в 1917 году были Уильям Бойс Томпсон, Генри Р. Таун и Лесли Р. Палмер. Мы уже отметили значи-

220 Все указанное см. в: U.S. State Dept. Decimal File, 861.00/969.

221 Автору трудно удержаться от сравнения этого обстоятельства с отношением властей к академическим исследователям. В 1973 году, например, автору все еще было отказано в доступе к некоторым файлам Государственного департамента, содержащим документы, *датированные 1919 годом*.

222 U.S. State Dept. Decimal File, 861.51/333.

тельный вклад наличными Уильяма Б. Томпсона в дело большевиков.

Генри Р. Таун был председателем совета директоров компании «Моррис Плэн оф Нью-Йорк», располагавшейся по адресу Бродвей 120; его место позже было занято Чарльзом А. Стоуном из «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» (Бродвей 120) и компании «Стонун & Уэбстер» (Бродвей 120). Лесли Р. Палмер не попадает в нашу историю.

Тремя директорами класса С были Пьер Джей, У.Л. Саундерс и Джордж Фостер Пибоди. О Пьере Джебее неизвестно ничего, кроме того, что его контора была на Бродвее 120 и он имел вес только как владелец фирмы «Брирли Скул, Лтд.».

Уильям Лоренс Саундерс был также директором «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн»; он открыто выражал, как мы уже знаем, симпатии к большевикам, раскрыв их в письме к президенту США Вудро Вильсону (см. эпиграф к главе 1). Джордж Фостер Пибоди был активным социалистом (см. главу 6).

Вкратце, из девяти директоров Федерального резервного банка Нью-Йорка четверо физически располагались на Бродвее 120 и двое были тогда связаны с «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн».

И, по крайней мере четыре члена правления АИК были когда-то директорами ФРБ Нью-Йорка. Мы могли бы назвать все это достаточно важным, но не считаем это главным.

Американо-российский промышленный синдикат

Предложение Уильяма Франклина Сэндса создать экономическую комиссию для России не было принято. Вместо этого были созданы частные инструменты для эксплуатации российских рынков и была оказана первая поддержка большевикам.

Для развития этих возможностей группа промышленников с Бродвее 120 образовала «Америкэн-Рашен Индастриэл Синдикат Инк.».

Финансовая поддержка для новой фирмы поступила от компании «Гугенгейм Бразерз» с Бродвее 120, ранее связанной с Уильямом Б. Томпсоном (Гугенгейм контролировал компанию «Америкэн Смелтинг & Рифайнинг» и компании по добыче меди в Коннектикуте и Юте); от Гарри Ф. Синклера, президента корпорации «Синклэйр Галф», также с Бродвее 120; и от Джеймса Г. Уайта из корпорации «Дж. Г. Уайт Инжиниринг», располагавшейся по адресу Искчейндж плейс 43 — адрес «Америкэн-Рашен Индастриэл Синдикат».

Осенью 1919 года посольство США в Лондоне сделало телеграфный запрос в Вашингтон о господах Любовиче и Росси, «представляющих «Америкэн-Рашен Индастриэл Синдикат»... Какова репутация их и синдиката и отношение к нему Департамента?»²²³.

На эту телеграмму сотрудник Госдепартамента Бэзил Майлс, бывший коллега Сэндса, ответил: «...Упомянутые джентльмены и их корпорация пользуются хорошей репутацией и финансово поддерживаются предприятиями Уайта, Синклэйра и Гугенгейма с целью установления деловых отношений с Россией»²²⁴.

Итак, мы можем сделать вывод, что круги Уолл-стрита имели вполне определенные представления о методах эксплуатации нового российского рынка.

Помощь и консультации, предоставленные в пользу большевиков заинтересованными лицами в Вашингтоне и других местах, не должны были оставаться без вознаграждения.

Джон Рид: революционер из истэблишмента

Совершенно в стороне от влияния «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» на Государственный департамент стоит ее тесная связь — которую сама АИК определила как «контроль» — с известным большевиком Джоном Ридом.

Рид был плодовитым, широко читаемым автором периода первой мировой войны, он печатался в журнале большевицкой ориентации «Массы»²²⁵ и в контролируемом Морганом журнале «Метрополитэн».

223 U.S. State Dept. Decimal File, 861.516/84, September 2, 1919.

224 Ibid.

225 В этой книге упоминаются и другие корреспонденты журнала «Массы»: журналист Роберт Майнор, председатель Комитета США по общественной информации; Джордж Крил; Карл Сандбург, поэт-историк; и Бордмен Робинсон, художник.

Книга Рида о большевицкой революции «Десять дней, которые потрясли мир», щедро предисловием Николая Ленина²²⁶, стала наиболее известным и читаемым литературным трудом Рида.

Сегодня эта книга воспринимается как цветистый комментарий к тогдашним событиям, она пронизана воззваниями и декретами большевиков и пропитана тем мистическим пылом, который, как знают большевики, вызывает симпатии к ним за рубежом.

После революции Рид стал американским членом исполнительного комитета Третьего Интернационала. Он умер от тифа в России в 1920 году.

Центральный вопрос, который мы ставим, не касается известного пробольшевицкого склада ума и деятельности Рида.

Вопрос в ином: каким образом Рид, который пользовался полным доверием Ленина («Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки», — пишет Ленин в предисловии к «Десяти дням»), который был членом Третьего Интернационала и имел от Военно-революционного комитета пропуск (№ 955, выдан 16 ноября 1917 года) на право входа в Смольный (штаб-квартира революции) в любое время в качестве представителя «американской социалистической прессы», — каким образом, несмотря на все это, этот человек одновременно был марионеткой, подконтрольной финансовым предприятиям Моргана через «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн».

В отношении этого кажущегося противоречия имеются документальные доказательства (см. ниже и в Приложении 3).

Давайте разберемся в подоплеке дела. Статьи в журналах «Метрополитэн» и «Массы» создали Джону Риду обширную аудиторию для сообщений о мексиканской и большевицкой революциях.

Биограф Рида, Грэнвилль Хикс, написал в книге «Джон Рид», что «он был... выразителем интересов большевиков в США».

С другой стороны, финансовая поддержка Рида с 1913 по 1918 годы мощным потоком поступала от журнала «Метрополитэн», принадлежавшего Гарри Пейну Уитни, директору «Гаранта Траст» — организации, упоминаемой в каждой главе этой книги, а также от частного нью-йоркского банкира и торговца Юджина Буассевейна, который посылал Риду средства как непосредственно, так и через пробольшевицкий журнал «Массы».

Другими словами, финансовая поддержка поступала к Джону Риду от якобы противоборствующих элементов политического спектра.

Эти деньги поступали за писательскую работу и могут быть классифицированы следующим образом: гонорары от журнала «Метрополитэн» с 1913 года за статьи; гонорары от журнала «Массы» с 1913 года, которые, по крайней мере частично, исходили от Юджина Буассевейна.

Следует упомянуть и третью категорию: Рид получал небольшие и явно не связанные с предыдущими суммы от комиссара Красного Креста Раймонда Робинса в Петрограде.

Предположительно, он также получал небольшие суммы за статьи от других журналов и авторские отчисления за книги, но о величине таких сумм никаких доказательств нет.

Джон Рид и журнал «Метрополитэн»

Журнал «Метрополитэн» поддерживал тогдашние интересы власть имущих, включая, например, готовность к войне. Журнал принадлежал Гарри Пейну Уитни (1872-1930), основателю Военно-морской лиги и партнеру в фирме Дж. П. Моргана.

В конце 1890-х годов Уитни стал директором компании «Америкэн Смелтинг & Рифайнинг» и компании «Гугенгейм Эксплорейшн». После смерти своего отца в 1908 году он стал директором других многочисленных компаний, включая «Гаранта Траст».

Рид начал писать для «Метрополитэн» в июле 1913 года и опубликовал полдюжины статей о мексиканской революции: «С Вильей в Мексике», «Причины Мексиканской рево-

²²⁶ В книге Д. Рида предисловие В.И. Ленина подписано его псевдонимом «Н. Ленин», поэтому многие на Западе ошибочно полагали, что имя Ленина — Николай. — *Прим. ред. «РИ».*

люции», «Если мы войдем в Мексику», «С Вильей на марше» и т.д.

Симпатии Рида принадлежали революционеру Панчо Вилье. Вы помните связь (см. главу 4) между «Гаранта Траст» и поставками оружия Вилье.

В любом случае, «Метрополитэн» был главным источником доходов Рида. По словам биографа Грэнвилля Хикса: «Деньги означали главным образом работу на «Метрополитэн» и в отдельных случаях гонорары за статьи и рассказы для других журналов».

Но работа в «Метрополитэн» не препятствовала Риду писать статьи, критикующие предприятия Моргана и Рокфеллера.

Одна такая статья «На горле Республики» («Массы», июль 1916 г.) прослеживала связи между производством оружия, лобби в пользу обеспечения национальной безопасности, взаимопроницающими дирекциями предприятий Моргана-Рокфеллера и доказывала, «что они доминировали как в обществах обеспечения безопасности, так и в недавно образованной «Америкэн Интернэншл Корпорейшн», созданной для эксплуатации отсталых стран»²²⁷.

В 1915 году Джон Рид был арестован в России царскими властями, и журнал «Метрополитэн» вместе с Государственным департаментом выступил в защиту Рида.

21 июня 1915 года Х. Дж. Уигэм написал государственному секретарю Роберту Лансингу, информируя его, что Джон Рид и Бордмен Робинсон (также был арестован и также писал статьи в «Массы») находились в России «по поручению журнала «Метрополитэн» для подготовки статей и иллюстраций о восточном фронте».

Уигэм подчеркнул, что ни у кого из них не было «ни желания, ни полномочий от нас вмешиваться в любые операции воюющих держав».

Уигэм продолжает в этом письме: «Если г-н Рид вез рекомендательные письма из Бухареста галицийцам антирусских настроений, то я уверен, что это было сделано неумышленно, просто с намерением познакомиться с как можно большим числом людей...»

Уигэм сообщает секретарю Лансингу, что Джон Рид известен в Белом доме и оказывал «некоторую помощь» администрации в мексиканских делах. И он заключает:

«Мы относимся с величайшим уважением к большим способностям Рида как писателя и мыслителя и очень тревожимся за его безопасность»²²⁸.

Следует заметить, что письмо Уигэма — не просто из влиятельного журнала в поддержку большевицкого автора; оно — из влиятельного журнала в поддержку большевицкого автора «Масс» и подобных революционных листков, который также является автором язвительных нападок (например, «Невольная этика большого бизнеса: басня для пессимистов») на те же предприятия Моргана, которые владели журналом «Метрополитэн».

Доказательства финансирования Рида частным банкиром Буассевейном неопровержимы. Американская дипломатическая миссия в Христианин, Норвегия, 23 февраля 1918 года направила в Вашингтон телеграмму в защиту Джона Рида для передачи лидеру Социалистической партии Моррису Хиллквиту.

В частности, в телеграмме говорилось: «Скажите Буассевейну, что он должен его вытаскивать, но осторожно». Тайная записка Бэзила Майлза в архиве Государственного департамента, датированная 3 апреля 1918 года, гласит: «Если Рид будет возвращаться домой, то ему безусловно понадобятся деньги. Я понимаю, что альтернативами тут являются высылка Норвегией или вежливое предложение покинуть страну. Если это так, то последнее кажется предпочтительнее».

За этой тайной запиской последовала телеграмма, датированная 1 апреля 1918 года, и опять от американской дипломатической миссии в Христианин: «Джон Рид просит Юджина Буассевейна, Нью-Йорк, Уильямс-стрит 29, срочно выслать телеграфом через миссию 300 долларов»²²⁹.

227 Granville Hicks. John Reed, 1887-1920 (New York: Macmillan, 1936), p.215.

228 U.S. State Dept. Decimal File, 860d.1 121 R 25/4.

229 Ibid., 360d.1 121/R25/18. Как сообщил Грэнвилл Хикс в книге «Джон Рид»: «Журнал «Массы» не

Эта телеграмма была передана Юджину Буассевейну Государственным департаментом 3 апреля 1918 года.

Рид явно получил свои деньги и благополучно вернулся в США.

Следующим документом в досье Государственного департамента является письмо Уильяму Франклину Сэндсу от Джона Рида, датированное 4 июня 1918 года и написанное из Кротона-на-Гудзоне, Нью-Йорк. В письме Рид уверяет, что подготовил меморандум для Государственного департамента, и просит Сэндса использовать свое влияние для вызволения коробок с бумагами, привезенных из России.

Рид заключает: «Простите меня за то, что я Вас беспокою, но я не знаю, к кому еще обратиться, а я не могу позволить себе еще раз поехать в Вашингтон».

Впоследствии Фрэнк Полк, исполняющий обязанности государственного секретаря, получил письмо от Сэндса с просьбой о возвращении бумаг Джона Рида.

Письмо Сэндса с Бродвея 120, датированное 5 июня 1918 года, полностью приводится ниже; оно содержит совершенно ясные заявления о контроле над Ридом:

«НЬЮ-ЙОРК, БРОДВЕЙ 120

5 июня 1918

Мой дорогой г-н Полк,

Я осмеливаюсь направить Вам при этом просьбу от Джона («Джека») Рида помочь ему, если можно, добиться возвращения бумаг, которые он привез с собой в США из России.

Я имел беседу с г-ном Ридом сразу после его приезда, в ходе которой он обрисовал определенные попытки советского правительства инициировать конструктивное развитие и выразил желание предоставить в распоряжение нашего правительства свои заметки и информацию, полученную им благодаря своей связи со Львом Троцким.

Я предложил ему изложить это в меморандуме для Вас, и обещал позвонить в Вашингтон, чтобы попросить Вас побеседовать с ним для этой цели.

Он привез с собой массу бумаг, которые были у него изъяты для проверки, и по этому вопросу он также хотел бы поговорить с кем-то, обладающим полномочиями, чтобы добровольно предложить правительству любую информацию, которую могут содержать эти бумаги, и попросить о возвращении тех из них, которые ему нужны для его работы в газете и журнале.

Я не верю, что г-н Рид является «большевиком» или «опасным анархистом», как, я слышал, его характеризуют. Он, без сомнения, сенсационный журналист, но это всё.

Он не пытается сбивать с толку наше правительство и по этой причине отказался от «защиты», которая, как я понимаю, была предложена ему Троцким, когда он вернулся в Нью-Йорк и столкнулся с предъявленным ему обвинением в судебном разбирательстве по делу «Масс».

Он, однако, нравится петроградским большевикам, и поэтому все, что бы ни сделала наша полиция, будет расценено в Петрограде как «преследование», что я думаю, было бы нежелательным, так как это не нужно.

Он может быть управляем и контролируем гораздо лучше другими средствами, чем через полицию.

Я не видел меморандума, который он передал г-ну Буллитту — я хотел, чтобы он мне его предварительно показал, чтобы можно было его подредактировать, но он не имел возможности сделать это.

Я надеюсь, что Вы не сочтете меня вторгающимся в этот вопрос или впутывающимся в дела, которые меня не касаются.

Я полагаю, что было бы мудро не обижать большевицких лидеров, пока не станет нужным сделать это — если это будет необходимым, — и что неразумно смотреть на любо-

мог оплачивать его [Рида] расходы. В конечном счете, деньги были собраны друзьями журнала, главным образом Юджином Буассевейном» (с. 249).

го, кто имел дружеские отношения с большевиками в России, как на подозрительного или даже опасного типа.

Я думаю, что лучшей политикой было бы попытаться использовать таких людей для наших собственных целей при выработке нашей политики в отношении России, если это можно сделать.

Лекция, которую полиция не дала прочитать Риду в Филадельфии (он потерял голову, вступил в конфликт с полицией и был арестован) является единственной лекцией о России, за которую я заплатил бы, чтобы услышать, если бы я уже не видел его заметок по этому вопросу.

Она раскрывает тему, которую мы могли бы, вполне возможно, счесть точкой соприкосновения с советским правительством, с которой начнется конструктивная работа!

Не могли бы мы использовать его вместо того, чтобы озлоблять и делать из него врага?

Он не вполне уравновешенный человек, но он, если я только сильно не ошибаюсь, восприимчив к осторожному руководству и вполне может быть полезен.

С искренним уважением, Уильям Франклин Сэндс Достопочтенному Фрэнку Лайону Полку Советнику при Государственном департаменте, Вашингтон

WFS: АО Приложение»²³⁰.

Значение этого документа заключается в откровенном раскрытии прямого заступничества сотрудника (исполнительного секретаря) «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» за известного большевика.

Поразмыслим над некоторыми из заявлений Сэндса о Риде: «Он может быть управляем и контролируем гораздо лучше другими средствами, чем через полицию» и «Не могли бы мы использовать его вместо того, чтобы озлоблять и делать из него врага? ... он, если я только сильно не ошибаюсь, восприимчив к осторожному руководству и вполне может быть полезен».

Совершенно очевидно, что «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» рассматривала Джона Рида, как агента или потенциального агента, который мог бы быть, а возможно уже был, поставлен под их контроль.

Тот факт, что Сэндс имел возможность отредактировать меморандум Рида (для Буллита), свидетельствует о том, что такой контроль в какой-то степени уже был установлен.

Затем отметьте потенциально враждебную позицию Сэндса к большевикам и плохо скрываемое намерение их провоцировать: «Я полагаю, что было бы мудро не обижать большевицких лидеров, пока не станет нужным сделать это — если это будет необходимым» (выделено нами).

Это было экстраординарное письмо в защиту советского агента, написанное частным американским лицом, чьими советами пользовался и продолжал пользоваться Государственный департамент.

Более поздний меморандум от 19 марта 1920 года в архиве Государственного департамента сообщал об аресте Джона Рида финскими властями в Або и о том, что у Рида были английский, американский и германский паспорта.

Рид, путешествовавший под псевдонимом Casgornlich, вез бриллианты, крупную сумму денег, советскую пропагандистскую литературу и киноплёнку. Американская дипломатическая миссия в Гельсингфорсе телеграфировала 21 апреля 1920 года в Государственный департамент:

«Направляю следующей диппочтой заверенные копии писем от Эммы Гольдман, Троцкого, Ленина и Сиролы, обнаруженные у Рида. Министерство иностранных дел пообещало предоставить полный протокол судебного заседания».

И снова вмешался Сэндс: «Я лично знаю г-на Рида»²³¹. Журнал «Метрополитэн», как и

230 U.S. State Dept. Decimal File, 360.D.1121.R/20/22/R25 (John Reed). Это письмо было передано г-ном Полком в архивы Государственного департамента 2 мая 1935 года. Весь курсив добавлен автором книги.

в 1915 году, также пришел на помощь Риду. Х. Дж. Уигэм писал 15 апреля 1920 года Бейнбриджу Колби в Государственный департамент:

«Слышал, что Джону Риду грозит суд в Финляндии. Надеюсь, что Государственный департамент сможет предпринять немедленные меры для обеспечения надлежащего суда. Настоятельно прошу незамедлительных действий»²³².

Это было дополнением к телеграмме Гарри Гопкинса от 13 апреля 1920 года, который был обречен на славу при президенте Рузвельте:

«Понимаю, что Государственный департамент информирован о том, что Джек Рид арестован в Финляндии и будет осужден. Как один из его и Ваших друзей и от имени его жены настоятельно прошу Вас предпринять незамедлительные действия, предотвратить осуждение и добиться освобождения.

Уверен, что могу положиться на Ваше немедленное и эффективное вмешательство»²³³.

В результате Джон Рид был освобожден финскими властями.

Этот парадоксальный расчет на вмешательство в защиту советского агента может иметь несколько объяснений. Одна гипотеза, которая соответствует другим доказательствам, касающимся Уолл-стрита и большевицкой революции, заключается в том, что Джон Рид был в действительности агентом Моргана — возможно, лишь наполовину знающим о своей двойной роли, — что его антикапиталистические статьи поддерживали ценный миф о том, что все капиталисты находятся в постоянной вражде со всеми социалистическими революционерами.

Кэрролл Куигли, как мы уже отмечали, сообщил, что предприятия Моргана оказывали финансовую поддержку революционным организациям и антикапиталистическим авторам²³⁴.

И мы также представили в этой главе неопровержимые документальные доказательства, что люди Моргана осуществляли контроль за советским агентом, ходатайствовали в его защиту и, что более важно, вообще выступали в интересах советских кругов перед правительством США.

Эта деятельность сосредоточилась по одному адресу: Нью-Йорк, Бродвей 120.

Глава 9. «Гаранти Траст» идёт в Россию

«Советское правительство желает, чтобы компания «Гаранти Траст» стала финансовым агентом в США для всех советских операций, и рассматривает вопрос об американской покупке «Эстибанка» с целью полной увязки советского будущего с американскими финансовыми кругами».

Уильям Х. Кумбс, из сообщения в посольство США в Лондоне, 1 июня 1920 г. (десятичный файл 861.51/752 Государственного департамента США). («Эстибанк» — Эстонский банк.)

В 1918 году Советы столкнулись с рядом непреодолимых внутренних и внешних проблем. Большевики заняли лишь небольшую часть России.

Чтобы подчинить себе остальную часть, они нуждались в иностранном оружии, импортном продовольствии, внешней финансовой поддержке, дипломатическом признании и, прежде всего, во внешней торговле.

Чтобы добиться дипломатического признания и внешней торговли, Советам сначала нужно было создать представительство за границей, а это представительство, в свою оче-

231 Ibid., 360d.1 121 R 25/72.

232 Ibid.

233 Телеграмма была адресована Бейнбриджу Колби; там же, 360d.1 121 R 25/30. Еще одно письмо от 14 апреля 1920 года было адресовано государственному секретарю от У. Бурке Кохрана с Бродвея 100; в нем также было ходатайство об освобождении Джона Рида.

234 Quigley, op. cit.

редь, требовало финансирования золотом или иностранной валютой.

Как мы уже видели, первым шагом явилось создание Советского бюро в Нью-Йорке под руководством Людвиг Мартенса. В то же время делались усилия по переводу средств в США и Европу для закупок необходимых товаров.

Затем на США было оказано давление, чтобы добиться признания или получить экспортные лицензии, необходимые для отправки товаров в Россию.

Нью-йоркские банкиры и юристы оказали значительную, а в некоторых случаях решающую помощь в выполнении каждой из этих задач.

Когда профессору Г.В. Ломоносову, русскому техническому эксперту в Советском бюро, понадобилось перевести деньги от главного агента Советов в Скандинавии, ему на помощь пришел видный юрист с Уолл-стрита, который использовал официальные каналы Государственного департамента и исполняющего обязанности государственного секретаря, как посредника.

Когда золото нужно было перевезти в США, именно «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн», фирма «Кун, Леб & Ко» и компания «Гаранта Траст» просили о средствах обеспечения этого и использовали свое влияние в Вашингтоне, чтобы всё прошло гладко.

И когда дело дошло до признания, именно американские фирмы ходатайствовали перед Конгрессом и воздействовали на общественное мнение, чтобы одобрить советский режим.

(Чтобы читатель не сделал из этих утверждений слишком поспешного вывода о действительном наличии связи между Уолл-стритом и красными, или о том, что на улицах были развешены красные флаги — см. фронтиспис книги — мы в одной из последующих глав дадим доказательства того, что фирма Дж. П. Моргана финансировала адмирала Колчака в Сибири, который воевал с большевиками, чтобы установить свой тип авторитарного правления.)

Эта фирма также вносила средства в антикоммунистическую организацию «Объединённые американцы».)

Уолл-стрит приходит на помощь профессору Ломоносову

Дело профессора Ломоносова²³⁵ представляет собой детализированный пример в истории того, как Уолл-стрит помогал зарождающемуся советскому режиму.

В конце 1918 года Георгий Ломоносов, член Советского бюро в Нью-Йорке и позднее первый советский комиссар железных дорог, оказался в США в затруднительном положении, без средств.

В то время был запрет на ввоз большевицких денег в США; ибо не было официального признания режима. О Ломоносове шла речь в письме от 24 октября 1918 года министерства юстиции США Государственному департаменту²³⁶.

В письме рассматривались большевицкая принадлежность и пробольшевицкие речи Ломоносова. Расследование пришло к выводу, что «профессор Ломоносов не большевик, хотя в его речах содержится недвусмысленная поддержка дела большевиков».

Ломоносов все же смог потянуть за ниточки на высшем уровне администрации США, чтобы получить 25.000 долларов, переведенных из Советской России через советского шпиона в Скандинавии (который позже сам стал доверенным помощником Рива Шли, вице-президента «Чейз Бэнк»). И все это было сделано с помощью члена известной юридической конторы с Уолл-Стрита!²³⁷

Приведем доказательства в подробностях, поскольку сами подробности указывают на

²³⁵ Ломоносов Юрий (Георгий) Владимирович (1876 г.р.) — один из активных участников Февральской революции, сумевший поставить под контроль революционеров управление железными дорогами и блокировать царский поезд; масон, был послан в США в составе делегации Временным правительством, а после его свержения стал работать на большевиков. — *Прим. ред. «РИ».*

²³⁶ U.S. State Dept. Decimal File, 861.00/3094.

²³⁷ Этот раздел основан на слушаниях «Русская пропаганда» в Сенате: U.S., Senate, Russian Propagande: hearings before a subcommittee of the Committee on Foreign Relations, 66th Cong., 2d sess., 1920.

тесную связь между определенными кругами, которые до сих пор считаются злейшими врагами друг друга.

Первым указанием на проблему Ломоносова служит письмо, датированное 7 января 1919 года, от Томаса Л. Чэдбурга из компании «Чэдбурн, Бэббит & Уолл» с Уолл-стрит 14 (такой же адрес, как у Уильяма Б. Томпсона) Фрэнку Полку, исполняющему обязанности государственного секретаря.

Отметьте дружеское приветствие и небрежное упоминание Михаила Грузенберга (он же Александр Гомберг), главного советского агента в Скандинавии, а позже помощника Ломоносова:

«Дорогой Фрэнк: Вы любезно дали понять, что если бы я смог информировать Вас о статусе 25.000 долларов личных средств, принадлежащих г-ну и г-же Ломоносовым, Вы действовали бы механизм для получения этой суммы здесь для них.

Я связался по этому поводу с г-ном Ломоносовым, и он сказал мне, что г-н Михаил Грузенберг, который поехал в Россию по поручению г-на Ломоносова до того, как возникли проблемы между послом Бахметьевым и г-ном Ломоносовым, передал ему информацию об этих деньгах через трех русских, которые недавно приехали из Швеции, и г-н Ломоносов полагает, что эти деньги находятся в российском посольстве в Стокгольме, на Милмскилнад Гатен 37.

Если запрос Государственного департамента поможет выяснить, что деньги находятся на депозите не в этом месте, то российское посольство в Стокгольме может указать точный адрес г-на Грузенберга, который сможет дать правильную информацию относительно этого.

Г-н Ломоносов не получает писем от г-на Грузенберга, хотя его информировали, что они были написаны; и ни одно его письмо г-ну Грузенбергу также не было доставлено, он также был об этом информирован.

По этой причине невозможно изложить дело более точно, чем я сделал, но я надеюсь, что можно каким-нибудь образом решить проблемы его и его жены, вызванные отсутствием средств, нужна лишь небольшая помощь в получении этих денег, которые им принадлежат, чтобы помочь им по эту сторону океана.

Заранее благодарю Вас за все, что Вы можете сделать, оставаясь, как всегда, искренне Ваш, Томас Л. Чэдбурн».

В 1919 году, во время написания этого письма, Чэдбурн был в Вашингтоне государственным служащим с символическим окладом: советником и директором Палаты военной торговли США и директором официальной фронтальной компании американского правительства «Ю.С. Рашн Бюро Инк.».

Ранее, в 1915 году, чтобы воспользоваться выгодами от войны; Чэдбурн организовал компанию «Мидвейл Стил энд Орднанс». В 1916 году он стал председателем финансового комитета Демократической партии, а позднее — директором компаний «Райт Аэронотикл» и «Мэк Траке».

Причина неполучения Ломоносовым писем от Грузенберга была в том, что они, по всей вероятности, перехватывались одним из нескольких правительств, остро интересующихся деятельностью последнего.

11 января 1919 года Фрэнк Полк телеграфировал в американскую дипломатическую миссию в Стокгольме:

«Департамент получил информацию о 25.000 долларах личных средств... Любезно запросите русскую дипломатическую миссию неофициально и лично, находятся ли там эти средства.

Если нет — убедитесь в этом и обратитесь к г-ну Михаилу Грузенбергу, который, по сообщениям, владеет информацией по этому вопросу. Департамент не занимается этим официально, а просто наводит справки от имени бывшего российского официального лица в нашей стране. Полк, и.о.»

Как явствует из письма, Полк не знал о связях Ломоносова с большевиками, называя

его «бывшим российским официальным лицом в нашей стране». Так или иначе, в течение трех дней Полк получил из дипломатической миссии США в Стокгольме ответ от Морриса:

«14 января, 15:00, 3492. Ваш № 1443 от 12 января 15:00. В русской дипломатической миссии неизвестна сумма в 25.000 долларов бывшего президента Российской комиссии путей сообщения в США; не можем также получить адрес г-на Михаила Грузенберга. Моррис».

Ясно, что Фрэнк Полк затем написал Чэдбурну (письмо в источник не включено) и сообщил, что Государственный департамент не смог найти ни Ломоносова, ни Михаила Грузенберга. Чэдбурн ответил 21 января 1919 г.:

«Дорогой Фрэнк: Большое спасибо за Ваше письмо от 17 января. Я знаю, что в Швеции две русские дипломатические миссии: одна советская и другая Керенского, и я предполагаю, что Ваш запрос был направлен в советскую миссию по тому адресу, который я дал в своем письме, а именно: Милмскилнад Гатен 37, Стокгольм.

Адрес Михаила Грузенберга: Холменколлен Санитариум, Христиания, Норвегия, и я думаю, что советская миссия могла бы выяснить всё об этих средствах через Грузенберга, если бы они связались с ним. Благодарю Вас за то, что Вы озаботились этим, и заверяю Вас в моем глубоком уважении, оставаясь, Искренне вашим, Томас Л. Чэдбурн».

Мы должны отметить, что юрист с Уолл-стрита имел адрес Грузенберга, главного большевицкого агента в Скандинавии, в то время, когда этого адреса не было у исполняющего обязанности Государственного секретаря и в дипломатической миссии США в Стокгольме; миссия не смогла даже разыскать его.

Кроме того, Чэдбурн исходил из того, что Советы являлись официальным правительством России, хотя это правительство и не было признано США и положение государственного служащего Чэдбурна в Палате военной торговли обязывало его знать это.

Затем Фрэнк Полк телеграфировал в американскую дипломатическую миссию в Христианин, Норвегия, дав адрес Михаила Грузенберга. Неизвестно, знал ли Полк, что передает адрес шпиона, но он сообщил следующее:

«В американскую дипломатическую миссию, Христиания, 25 января 1919 года. Сообщается, что Михаил Грузенберг находится в Холменколлен Санитариум. Вы можете найти его и спросить, знает ли он что-либо о местонахождении 25.000 долларов, принадлежащих бывшему президенту Российской комиссии путей сообщения в США, профессору Ломоносову. Полк, и.о.»

Представитель США в Христианин (Шмедеман) хорошо знал Грузенберга. Действительно, это имя фигурировало в отчетах Шмедемана о просоветской деятельности Грузенберга в Норвегии, направляемых в Вашингтон. Шмедеман ответил:

«29 января, 20:00, 1543. Важно. Ваша телеграмма № 650 от 25 января.

До сегодняшнего отъезда в Россию Михаил Грузенберг информировал нашего военноморского атташе, что будучи в России несколько месяцев назад, он получил по просьбе Ломоносова 25.000 долларов от Российского экспериментального института железных дорог, президентом которого был г-н Ломоносов.

Грузенберг заявляет, что сегодня он телеграфировал в Нью-Йорк поверенному Ломоносова Моррису Хиллквиту, что он, Грузенберг, имеет эти деньги и, чтобы отправить их, ожидает дальнейших указаний из США, запросив в телеграмме, чтобы Ломоносову были выданы средства на проживание для него и его семьи Хиллквитом до получения этих денег²³⁸.

Так как посланник Моррис едет в Стокгольм тем же поездом, что и Грузенберг, последний заявил, что он проконсультируется с Моррисом по этому вопросу. Шмедеман»

Посланник США приехал с Грузенбергом в Стокгольм, где получил следующую телеграмму от Полка:

238 Моррис Хиллквит был посредником между нью-йоркским банкиром Юджином Буассевейном и Джоном Ридом в Петрограде.

«Дипломатическая миссия в Христианин сообщила, что Михаил Грузенберг имеет для профессора Ломоносова ... сумму в 25.000 долларов, полученную от Российского экспериментального института железных дорог. Если Вы сможете сделать это, не связываясь с большевицкими властями, департамент был бы рад, если бы Вы способствовали переводу этих денег профессору Ломоносову в нашу страну. Просьба ответить. Полк, и.о.»

Эта телеграмма дала результаты, ибо 5 февраля 1919 года Фрэнк Полк написал Чэдбурну об «опасном большевицком агитаторе» Грузенберге следующее:

«Мой дорогой Том: Я получил телеграмму из Христианин о том, что Михаил Грузенберг имеет 25.000 долларов профессора Ломоносова, получив их от Российского экспериментального института железных дорог, и что он телеграфировал Моррису Хиллквиту в Нью-Йорк, чтобы профессору Ломоносову были предоставлены средства на проживание, пока ему не будут переведены эти деньги.

Поскольку Грузенберг был только что депортирован из Норвегии как опасный большевицкий агитатор, он может иметь трудности в отправке телеграмм оттуда.

Я думаю, что он сейчас уехал в Христианин?, и хотя это в чем-то не является направлением деятельности нашего департамента, буду рад, если Вы захотите проследить, чтобы г-н Грузенберг перевел эти деньги профессору Ломоносову из Стокгольма, а я телеграфирую нашему посланнику там, чтобы он выяснил, можно ли это сделать. Искренне Ваш, Фрэнк Л. Полк»

Телеграмма из Христианин, упомянутая в письме Полка, имела следующий текст:

«3 февраля, 18:00, 3580. Важно. Со ссылкой на №1443 департамента от 12 января, 10.000 долларов сейчас депонированы в Стокгольме, чтобы по моему поручению быть направленными профессору Ломоносову Михаилом Грузенбергом, одним из бывших представителей большевиков в Норвегии.

До того, как принять эти деньги, я информировал его, что свяжусь с Вами и спрошу, действительно ли вы хотите, чтобы эти деньги были направлены Ломоносову. Поэтому, прошу указаний, как действовать. Моррис»

Впоследствии в Стокгольме Моррис запросил указаний, что делать с чеком на 10.000 долларов, депонированным в стокгольмском банке. Его фраза о своей «единственной связи с этим делом» предполагает, что Моррис знал, что Советы могут и вероятно будут требовать расценивать это как официально осуществляемый денежный перевод, так как эта акция подразумевала одобрение США таких денежных переводов. До этого Советам приходилось контрабандно ввозить деньги в США.

«Четыре пополудни, 12 февраля, 3610, Обычная. Со ссылкой на мою телеграмму от 3 февраля, 18:00, № 3580, и Вашу от 8 февраля, 19:00, № 1501. Мне неясно, является ли Вашим пожеланием мне перевести через Вас упомянутые 10.000 долларов профессору Ломоносову.

Моей единственной связью с этим делом было сообщение Грузенберга мне, что он депонировал эти деньги по поручению Ломоносова в стокгольмский банк и сообщил бачку, что этот чек может быть направлен в Америку через меня, при условии моего соответствующего поручения. Просьба телеграфировать указания. Моррис»

Затем следует серия писем о переводе 10.000 долларов из банка «Нордиск Резебюро» Томасу Л. Чэдбурну по адресу: Нью-Йорк, Парк авеню 520, через посредничество Государственного департамента. Первое письмо содержит указания от Полка по механизму передачи, второе, от Морриса Полку, содержит 10.000 долларов, третье, от Морриса банку «Нордиск Резебюро», запрашивает чек, четвертое — это ответ банка вместе с чеком и пятое - подтверждение.

«Ваш № 3610 от 12 февраля 16:00. Деньги могут быть переведены непосредственно Томасу Л. Чэдбурну, 520 Парк авеню, Нью-Йорк. Полк, и.о.»

«Отправка № 1600 от 6 марта 1919 года: Уважаемому Государственному секретарю, Вашингтон

Сэр: ссылаясь на мою телеграмму № 3610 от 12 февраля и на ответ департамента № 1524 от 19 февраля в отношении суммы в 10.000 долларов для профессора Ломоносова, имею честь приложить к настоящему сообщению копию письма, которое я направил 25 февраля банку «Нордиск Резебюро», где были депонированы эти деньги; копию ответа банка «Нордиск Резебюро», датированного 26 февраля; и копию моего письма банку «Нордиск Резебюро», датированного 27 февраля.

Из этой переписки видно, что банк хочет перевести эти деньги профессору Ломоносову. Я объяснил банку, однако, как будет видно из моего письма от 27 февраля, что я получил разрешение направить их г-ну Томасу Л. Чэдбурну по адресу 520 Парк авеню, Нью-Йорк. Также я прилагаю к настоящему сообщению конверт, адресованный г-ну Чэдбурну, в котором находится письмо ему вместе с чеком «Нейшнл Сити Бэнк» Нью-Йорка на 10.000 долларов. Имею честь быть, сэр, Вашим покорным слугой, Айра Н. Моррис»

«Банку «Нордиск Резебюро»

№ 4 Вестра Традгардсгатан, Стокгольм.

Господа: по получении вашего письма от 30 января, сообщающего, что вы получили 10.000 долларов, которые должны быть выплачены профессору Ломоносову по моей просьбе, я немедленно телеграфировал моему правительству, запросив, хотят ли они, чтобы эти деньги были направлены профессору Ломоносову. Сегодня я получил ответ, уполномочивающий меня направить деньги непосредственно г-ну Томасу Л. Чэдбурну для выплаты профессору Ломоносову. Я буду рад направить их, как был проинструктирован моим правительством.

С совершенным почтением, Айра Н. Моррис»

«Г-ну А.Н. Моррису, Американскому посланнику, Стокгольм. Уважаемый сэр: Мы подтверждаем получение Вашего вчерашнего сообщения относительно выплаты 10.000 долларов профессору Г.В. Ломоносову и настоящим имеем удовольствие приложить чек на упомянутую сумму для профессора Г.В. Ломоносова, который, как мы понимаем. Вы любезно переправляете этому джентльмену. Мы будем рады получить Вашу расписку на это, оставаясь,

с уважением к Вам Банк “Нордиск Резебюро” Э. Молин»

«Банку «Нордиск Резебюро».

Стокгольм

Господа! Подтверждаю получение вашего письма от 26 февраля с приложением чека на 10.000 долларов для выплаты профессору Г.В. Ломоносову. Как я сообщил вам в моем письме от 25 февраля, мне было разрешено направить этот чек г-ну Томасу Л. Чэдбурну по адресу 520 Парк авеню, Нью-Йорк, и я направлю его этому господину в течение ближайших нескольких дней, если вы не сообщите о вашем нежелании делать этого.

Весьма искренне, ваш, Айра Н. Моррис»

Затем следует внутренний меморандум Государственного департамента и подтверждение Чэдбурна:

«Г-н Филлипс г-ну Чэдбурну, 3 апреля 1919 г. Сэр: Ссылаясь на предыдущую переписку, относящуюся к переводу 10.000 долларов из банка «Нордиск Резебюро» профессору Г.В. Ломоносову, которые Вы просили направить через американскую дипломатическую миссию в Стокгольме, департамент информирует Вас, что он получил датированную 6 марта 1919 года диппочту от американского посланника в Стокгольме, содержащую адресованное Вам письмо, которое прилагается, вместе с чеком на упомянутую сумму, выписанным на профессора Ломоносова.

Ваш покорный слуга Уильям Филлипс, и.о. государственного секретаря.

Приложение: запечатанное письмо, адресованное г-ну Томасу Л. Чэдбурну, пришедшее с диппочтой 1600 из Швеции».

Ответ г-на Чэдбурна от 5 апреля 1919 года.

«Сэр! Подтверждаю получение Вашего письма от 3 апреля с приложением адресован-

ного мне письма, содержащего чек на 10.000 долларов, выписанный на профессора Ломоносова, которому я передал этот чек сегодня.

Остаюсь с большим уважением, искренне Ваш, Томас Л. Чэдбурн»

Впоследствии дипломатическая миссия в Стокгольме сделала запрос об адресе Ломоносова в США и была информирована Государственным департаментом, что, «насколько известно Государственному департаменту, профессора Георгия В. Ломоносова можно найти через г-на Томаса Л. Чэдбурна, 520 Парк авеню, Нью-Йорк».

Очевидно, что Государственный департамент по причине личной дружбы между Полком и Чэдбурном или из-за политического воздействия считал, что он должен продолжать это дело и выполнять роль почтальона для большевицкого агента, только что высланного из Норвегии.

Но почему престижная юридическая контора была так заинтересована в здоровье и благополучии большевицкого эмиссара? Возможно, отгадка содержится в отчете Государственного департамента того времени:

«Мартене, большевицкий представитель, и профессор Ломоносов рассчитывают на то, что Буллит и его партия дадут миссии и президенту благоприятный отчет об условиях в Советской России и что на основе этого отчета правительство США благосклонно отнесется к ведению дел с Советским правительством, что было предложено Мартенсом. 29 марта 1919 года»²³⁹.

Создана база для коммерческой эксплуатации России

Именно коммерческая эксплуатация России возбуждала Уолл-стрит, который не терял времени для разработки соответствующей программы.

1 мая 1918 года — в праздничный день красных революционеров — была создана Американская лига для помощи и сотрудничества с Россией, а ее программа была одобрена на конференции, проведенной в здании канцелярии Сената в Вашингтоне. Сотрудники и исполнительный комитет Лиги представляли на первый взгляд непохожие фракции.

Ее президентом был д-р Фрэнк Дж. Гуднау, президент университета Джона Гопкинса. Вице-президентами были всегда активный Уильям Б. Томпсон, Оскар С. Страус, Джеймс Дункан и Фредерик К. Хоув, который написал «Признания монополиста» — книгу правил, с помощью которых монополисты могут контролировать общество.

Казначеем был Джордж П. Уэйлен, вице-президент компании «Вакуум Ойл». Конгресс представляли сенаторы Уильям Эдгар Борах и Джон Шарп Уильяме, оба из Комитета по внешним связям Сената; а также сенаторы Уильям Н. Кальдер и Роберт Л. Оуэн, председатель банковского и валютного комитета.

От Палаты представителей были Гекри Р. Купер и Генри Д. Флад, председатель Комитета по иностранным делам. Американский бизнес представляли Генри Форд, Чарльз А. Коффин, председатель совета директоров компании «Дженерал Электрик», и управляющий внешними связями этой же компании М.А. Оудин.

Джордж П. Уэйлен представлял компанию «Вакуум Ойл», а Даниэл Уиллард был президентом компании «Балтимор & Охайо Рейлруд». Более откровенные революционные элементы были представлены г-жой Раймонд Робинс, чье имя, как было обнаружено позже, часто встречается в документах Советского бюро и на слушаниях в Комитете Ласка, Генри Л. Слободиним, охарактеризованным как «видный патриотический социалист», и Линкольном Стеффенсом, видным местным коммунистом.

Другими словами, в этом сборном исполнительном комитете Лиги были представлены внутренние революционные элементы, Конгресс США и финансовые круги, явно связанные с российскими делами.

Исполнительный комитет одобрил программу, которая подчеркивала создание официального российского отдела в правительстве США, «возглавляемого сильными людьми».

Этот отдел должен был привлекать помощь университетов, научно-исследовательских

239 U.S. State Dept. Decimal File, 861.00/4214a.

организаций и других учреждений для изучения «русского вопроса», координировать и объединять в США организации «для защиты России», создать «специальный разведывательный комитет для изучения русского вопроса» и, в общем, должен был сам изучать то, что относится к «русскому вопросу».

Затем исполнительный комитет принял резолюцию, поддерживающую послание президента Вудро Вильсона съезду Советов в Москве, и Лига подтвердила свою поддержку новой Советской России.

Через несколько недель, 20 мая 1918 года, Фрэнк Дж. Гуднау и Герберт А. Карпентер, представляющие Лигу, посетили заместителя Государственного секретаря Уильяма Филлипса и высказались о необходимости создания «официального русского отдела в правительстве для координации всех русских вопросов. Они спросили меня [писал Филлипс], должны ли они идти с этим делом к президенту»²⁴⁰.

Филлипс сообщил это непосредственно Государственному секретарю и на следующий день написал Чарльзу Р. Крейну в Нью-Йорк, спрашивая его мнения об Американской лиге для помощи и сотрудничества с Россией.

Филлипс писал Крейну: «Я действительно хочу получить от Вас совет, как мы должны расценивать Лигу... Мы не хотим возбуждать беспокойства отказом сотрудничать с ними. С другой стороны, это странный комитет, и я не совсем понимаю его»²⁴¹.

В начале июня в Государственный департамент на имя государственного секретаря Роберта Лансинга поступило письмо от Уильяма Франклина Сэндса из «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн». Сэндс предлагал, чтобы США назначили в Россию не комиссию, а администратора, и высказал мнение, что «предложение об использовании союзнических вооруженных сил в России в настоящий момент кажется очень опасным»²⁴².

Он подчеркивал возможность торговли с Россией и что эту возможность необходимо продвигать «хорошо выбранному администратору, пользующемуся полным доверием правительства»; он указал, что «г-н Гувер» мог бы подойти на эту роль.

Это письмо Филлипсу передал Бэзил Майлс, бывший коллега Сэндса, с такими словами: «Я думаю, что секретарь сочтет полезным взглянуть на это».

В начале июня Палата военной торговли, подчиненная Государственному департаменту, приняла резолюцию, а комитет Палаты, состоящий из Томаса Л. Чэдбурна (контакт профессора Ломоносова), Кларенса М. Вулли и Джона Фостера Даллеса представил Государственному департаменту меморандум, настаивающий на рассмотрении путей и средств «для установления более тесных и дружеских коммерческих отношений между США и Россией».

Палата рекомендовала направить в Россию миссию, и снова поставила вопрос, должна ли эта миссия быть результатом приглашения Советского правительства.

Затем, 10 июня, М.А. Оудин, управляющий внешними связями компании «Дженерал Электрик», выразил мнение о России и явно одобрил «конструктивный план экономической помощи» России²⁴³.

В августе 1918 года Сайрус МакКормик из компании «Интернэшнл Харвестер» написал Бэзилу Майлсу в Государственный департамент и похвалил программу президента по России, которая, по мнению МакКормика, была бы «золотой возможностью»²⁴⁴.

Как видим, в середине 1918 года определенный сегмент американского бизнеса — явно готовый открыть торговлю с СССР — осуществлял согласованные действия, чтобы извлечь выгоду из своего привилегированного положения в отношении Советов.

Германия и США борются за бизнес в России

В 1918 году такая помощь только что появившемуся большевицкому режиму была

240 Ibid., 861.00/1938.

241 Ibid.

242 Ibid., 861.00/2003.

243 Ibid.

244 Ibid., 861.00/2002.

оправданной ради победы над Германией и недопущения ее к эксплуатации России.

Этот аргумент использовали У.Б. Томпсон и Раймонд Робинс, направляя в 1918 году группы большевицких революционеров и пропагандистов в Германию.

Этот аргумент также использовал Томпсон и в 1917 году, совещаясь с премьер-министром Ллойд Джорджем об оказании британской поддержки зарождавшемуся большевицкому режиму.

В июне 1918 года посол Фрэнсис и его сотрудники вернулись из России и настоятельно рекомендовали президенту Вильсону «признать Советское правительство России и помочь ему»²⁴⁵.

Об этих отчетах персонала посольства Государственному департаменту произошла утечка информации в прессу, которая широко их освещала, заявляя, прежде всего, что поддержка с признанием Советского Союза пойдет на пользу Германии («и поможет германским планам укрепить реакцию и контрреволюцию»²⁴⁶).

В поддержку такого предложения приводились преувеличенные статистические данные, например, что советское правительство представляет 90 % русских людей, «а другие 10 % — это бывшие собственники и правящий класс... Естественно, они недовольны»²⁴⁷.

Цитировался бывший американский государственный служащий, который сказал: «Если мы ничего не сделаем, то есть, если мы позволим делам идти своим чередом, то мы поможем ослабить российское правительство. А это будет на руку Германии»²⁴⁸.

Итак, было рекомендовано, что большую помощь сможет оказать «комиссия, оснащенная кредитом и хорошими деловыми советами».

А тем временем экономическая ситуация в России стала критической, и перед коммунистической партией с ее плановиками встала неизбежность объятий с капитализмом. Ленин выкристаллизовал свою уверенность в этом перед X Съездом Российской коммунистической партии в следующих словах:

«Удержать же пролетарскую власть в стране, неслыханно разоренной, с гигантским преобладанием крестьянства, так же разоренного, без помощи капитала, — за которую, конечно, он сдерет сотенные проценты, — нельзя. Это надо понять. И поэтому — либо этот тип экономических отношений, либо ничего»²⁴⁹.

Затем Лев Троцкий якобы сказал: «Что нам здесь нужно, так это организатор наподобие Бернарда М. Баруха»^{250, 251}.

Осознание Советами приближающегося краха экономики вело к тому, что американский и германский бизнес был привлечен возможностью эксплуатации русского рынка посредством продажи необходимых товаров; немцы, фактически, начали это еще в 1918 году.

Первые сделки, заключенные Советским бюро в Нью-Йорке, показывают, что предшествовавшая американская финансовая и моральная поддержка большевиков была оплачена в форме контрактов.

245 Ibid., М 316-18-1306.

246 Ibid.

247 Ibid.

248 Ibid.

249 В.И. Ленин. Доклад X Съезду Российской коммунистической партии (большевиков), 15 марта 1921 г. [Перед цитированным отрывком Ленин аргументировал свое предложение так: «Пока революции нет в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотнями миллионов, а то миллиардами поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма. Мы потом с лихвой себе вернем. Удержать же...» — и далее по тексту. Цитата приведена по: Ленин В.И. Поли. собр. соч., 5-е изд., т. 43, с. 68. — *Прим. ред. «РИ».*]

250 William Reswick. I Dreamt Revolution (Chicago: Henry Regnery, 1952), p. 78.

251 Барух, Бернард (1870-1965) — крупный финансист; в 1916 г. президент Вильсон назначил его «председателем Комитета военной промышленности, ... уполномоченным провести мобилизацию американского военного хозяйства», т.е. распределять госзаказы и прибыли от них. «После 1-й мировой войны работал в Высшем экономическом совете Версальской конференции и был личным экономическим советником президента Вильсона. С тех пор все президенты США пользовались услугами Баруха как советника... Себя он считал прежде всего американцем, и лишь затем евреем» (Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим. 1976. Т. 1, с. 301). — *Прим. ред. «РИ».*

Крупнейший заказ в 1919-1920 годах получили чикагские изготовители мясных консервов «Моррис & Ко.» — на 50 миллионов фунтов пищевых продуктов стоимостью около 10 миллионов долларов. Семья Моррисов была родственниками семьи Свифтов.

Хелен Свифт, позже связанная с центром «Единство» имени Авраама Линкольна, была замужем за Эдвардом Моррисом (из фирмы по производству мясных консервов) и, кроме того, была сестрой Харольда Х. Свифта, «майора» в миссии Красного Креста в России в 1917 году под руководством Томпсона.

Людвиг Мартене был ранее вице-президентом компании «Вайнберг & Познер», расположенной по адресу: Нью-Йорк, Бродвей 120, и эта фирма получила заказ на 3 миллиона долларов.

Контракты, заключённые в 1919 году Советским бюро с американскими фирмами

Дата контракта	Фирма	Проданные товары	Стоимость в \$
7.07.19	Милуоки Шейпер *	Машины	45.071
30.07.19	Кемпсмит Мфг. *	Машины	97.470
10.05.19	Ф.Майер Бут & Шу *	Обувь	1.201.250
08.19	Стил соул ту & Ко *	Обувь	58.750
23.07.19	Элин Берлоу, Н-Й	Обувь	3.000.000
24.07.19	Фишманн & Ко	Одежда	3.000.000
29.09.19	Вайнберг & Познер	Машины	3.000.000
27.10.19	Лехай-Машин Ко.	Типографские станки	4.500.000
22.10.20	Моррис & Ко., Чикаго	50 млн. фунт. пищевых продуктов	10.000.000

Источник: Сенат США, «Русская пропаганда», слушания в подкомитете Комитета по внешним связям, 66-й Конгр., 2-я сесс., 1920 г., с. 71.

Советское золото и американские банки

Золото было практически единственным средством, которым Советский Союз мог оплачивать свои иностранные закупки, и международные банки очень хотели облегчить Советам его отправку.

Русский экспорт золота, главным образом в виде золотых монет царской чеканки, начался в начале 1920 года в Норвегию и Швецию. Оттуда золото переправлялось в Голландию и Германию для передачи по назначению в другие страны, включая США.

В августе 1920 года партия русских золотых монет была получена банком «Ден Нор-

* Позже контракты заключались через компанию «Боброфф Форин Трейд энд Инжиниринг», Милуоки.

ске Хандельсбанк» в Норвегии в качестве обеспечения платежей за продажу в интересах советского правительства 3000 тонн угля фирмой «Нильс Йуул & Компани» в США.

Эти монеты были переданы в «Норгес Банк» для хранения. Монеты проверили, взвесили и установили, что они были отчеканены до начала войны 1914 года и, поэтому, являлись подлинными русскими монетами царской чеканки²⁵².

Вскоре после этого начального эпизода компания «Роберт Доллар» из Сан-Франциско получила на свой стокгольмский счет золотые слитки, оцениваемые в 39 млн. шведских крон; золото имело штамп старого царского правительства России.

Агент компании «Доллар» в Стокгольме обратился к фирме «Америкэн Экспресс» с просьбой переправить золото в США. «Америкэн Экспресс» отказалась это сделать. Необходимо заметить, что Роберт Доллар был директором «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн»; таким образом, АИК была связана с первой попыткой ввоза золота в Америку²⁵³.

В то же самое время сообщалось, что из Ревеля [Таллина] в Балтийское море вышли три корабля с советским золотом, предназначенным для США. Пароход «Гаутод» вез 216 ящиков золота под наблюдением профессора Ломоносова, возвращавшегося в США.

Еще 216 ящиков золота под наблюдением трех российских агентов вез пароход «Карл Лайн». На пароход «Рухелева» погрузили 108 ящиков. В каждом ящике было три пуда золота, оценивающегося в 60 тысяч золотых рублей за пуд.

После этого еще одна партия золота была отправлена на пароходе «Вилинг Моулд».

Фирма «Кун, Леб & Ко», явно действовавшая в интересах компании «Гаранта Траст», запросила официальную позицию Государственного департамента в отношении получения советского золота.

Департамент в своем ответе выразил озабоченность, так как если отказать в приеме, то «золото, вероятно, попадет в руки Военного департамента, вызвав этим прямую ответственность правительства и усложнение ситуации»²⁵⁴.

Этот же ответ, подготовленный Мерле Смитом после совещания с Келли и Гилбертом, констатировал, что, если владелец не знает точно о неполном праве владения собственностью²⁵⁵, то невозможно отказать в ее приеме.

Предполагалось, что США попросят переплавить золото в пробирной палате, и поэтому решено было телеграфировать фирме «Кун, Леб & Ко.», что на ввоз советского золота в США никаких ограничений налагаться не будет.

Золото поступило в нью-йоркскую пробирную палату и было депонировано не фирмой «Кун, Леб & Ко», а нью-йоркской компанией «Гаранта Траст». Последняя затем направила запрос в Федеральное резервное управление, которое, в свою очередь, направило в Министерство финансов США запрос о приеме и платежах.

Суперинтендант нью-йоркской пробирной палаты информировал Министерство финансов, что золото почти на 7 млн. долларов не имеет идентифицирующих клейм, и что «депонированные слитки уже были переплавлены в слитки монетного двора США».

Министерство финансов предложило Федеральному резервному управлению определить, действовала ли компания «Гаранта Траст» «при представлении золота от своего имени или от имени другого лица» и, в частности, «имела ли место какая-либо передача кредита

252 U.S. State Dept. Decimal File, 861.51/815.

253 Ibid., 861.51/836.

254 Ibid., 861.51/837, October 4, 1920.

²⁵⁵ Видимо, это следует понимать в том смысле, что непризнание большевицкой власти Союзными Штатами означало ее незаконность и, следовательно, незаконность владения ею всем захваченным в России имуществом, ранее имевшим законных собственников — российские и иностранные, государственные, общественные и частные организации, отдельные лица, а также Церковь. Допуская возможность «незнания»(!) американскими фирмами этого обстоятельства, т. е. разрешая им ввоз в США золота, незаконно отнятого большевиками у прежних собственников. Госдепартамент США вместе с названными фирмами соучаствовал в сбыте награбленного, что карается уголовным законодательством всех стран; см. также послесловие издателя. — *Прим. ред. «РИ».*

или сделка с валютой в результате ввоза или депонирования золота»²⁵⁶.

10 ноября 1920 года вице-президент «Гаранта Траст» А. Бретон написал в Министерство финансов заместителю министра Гилберту, пожаловавшись, что его компания не получила от пробирной палаты обычного в таких случаях немедленного аванса за депонирование «желтого металла, оставленного для перевода в валюту».

В письме было заявлено, что «Гаранта Траст» получила удовлетворительные гарантии того, что слитки являются продуктом переплавки французских и бельгийских монет, хотя она купила металл в Голландии. В письме содержалась просьба к Министерству финансов ускорить платежи за золото.

В ответ Министерство финансов возразило, что оно «не покупает золота, предложенного монетному двору или пробирной палате США, если известно или есть подозрение, что оно советского происхождения», а ввиду имеющихся сведений о продажах Советами золота в Голландию, представленное компанией «Гаранта Траст» золото считается «сомнительным, учитывая подозрение в его советском происхождении».

Компании «Гаранта Траст» предлагалось забрать золото из пробирной палаты в любое время, когда она пожелает, или «представить такие дополнительные доказательства Министерству финансов, Федеральному резервному банку Нью-Йорка или Государственному департаменту, каковые могут потребоваться, чтобы очистить это золото от подозрений в его советском происхождении»²⁵⁷.

В архивах нет записи об окончательной развязке дела, но можно предположить, что компании «Гаранта Траст» было заплачено за эту партию желтого металла.

Этот золотой депозит явно предназначался для осуществления финансового соглашения середины 1920 года между «Гаранта Траст» и советским правительством, по которому компания стала советским агентом в США (см. эпиграф к этой главе).

Позже было установлено, что советское золото шло также и на шведский монетный двор, который «переплавляет русское золото, проводит его количественный анализ и ставит шведское пробирное клеймо по просьбе шведских банкиров или других шведских подданных, являющихся владельцами этого золота»²⁵⁸.

И в то же самое время Олоф Ашберг, глава «Свенска Экономии А/Б» (советский посредник и филиал «Гаранта Траст»), предлагал «неограниченное количество русского золота» через шведские банки²⁵⁹.

Итак, мы можем отметить связь «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн», влиятельного профессора Ломоносова, «Гаранта Траст» и Олофа Ашберга (которого мы описали ранее) с первыми попытками ввезти советское золото в США.

Макс Мэй из «Гаранти Траст» становится директором Роскомбанка

Интерес «Гаранти Траст» к Советской России возобновился в 1920 году, что видно из письма от Генри К. Эмери, заместителя управляющего иностранным отделом «Гаранта Траст», Де Витту К. Пулу из Государственного департамента.

Письмо написано 21 января 1920 года, всего за несколько недель до того, как Аллен Уолкер, начальник иностранного отдела компании, начал активно заниматься созданием яро антисоветской организации «Объединенные американцы» (см. далее в главе 10).

Эмери задавал многочисленные вопросы о юридической основе советского правительства и банковского дела в России и спрашивал, действительно ли советское правительство является в России правительством «де-факто»²⁶⁰.

«Красные планируют восстание до 1922 года» [в США], заявляли «Объединенные американцы» в 1920 году, но «Гаранта Траст» начала переговоры с этими красными и дей-

256 Ibid., 861.51/837, October 24, 1920.

257 Ibid., 861.51/853, November 11, 1920.

258 Ibid., 316-119, 1132.

259 Ibid., 316-119-785. Это сообщение содержит больше данных о трансфертах российского золота через другие страны и посредников См. также 316-119-846.

260 Ibid., 861.516/86.

ствовала как советский агент в США в середине 1920-х годов.

В январе 1922 года министр торговли Герберт Гувер выступил в Государственном департаменте в интересах «Гаранта Траст», которая разработала схему создания валютных отношений с «Новым Государственным банком в Москве».

Эта схема, писал Герберт Гувер, «не встретит препятствий, если будет сделана оговорка, что все деньги, поступающие в их владение, должны использоваться для закупок гражданских товаров в США».

И утверждая, что такие отношения выглядят как соответствующие общей политике, Гувер добавил: «Может быть, выгоднее организовать эти сделки таким образом, чтобы мы имели представление обо всем процессе в целом вместо разрозненных операций»²⁶¹.

Конечно, такие «разрозненные операции» соответствуют операциям на свободном рынке, но этот подход Герберт Гувер отклонил, предпочитая направлять валюту через определенные и контролируемые источники в Нью-Йорке.

Государственный секретарь Чарльз Э. Хьюз выразил неудовлетворение схемой Гувера и «Гаранта Траст», которая, по его мнению, может рассматриваться как признание «де-факто» Советов, а полученные иностранные кредиты могут использоваться в ущерб США²⁶².

Государственный департамент направил «Гаранта Траст» ни к чему не обязывающий ответ.

Однако, «Гаранта Траст» пошла дальше (при поддержке Герберта Гувера)²⁶³ и участвовала в создании первого советского международного банка, а Макс Мэй из «Гаранта Траст» стал начальником иностранного отдела этого нового Роскомбанка²⁶⁴.

Глава 10. Дж. П. Морган слегка помогает и другой стороне

«Я бы не сел обедать с Морганом, возможно, за исключением случая, когда мне нужно было бы узнать что-либо из его мотивов и позиции».

Уильям Э. Додд, «Дневник посла Додса», 1933-1938.

До сих пор наша история вращалась вокруг одного крупного финансового дома — «Гаранта Траст», крупнейшей в США траст-компании, контролируемой фирмой Дж.П. Моргана. «Гаранта Траст» использовала Олофа Ашберга, большевицкого банкира, в качестве своего посредника в России как до, так и после революции.

«Гаранта Траст» была гарантом Людвиг Мартенса и его Советского бюро, первых советских представителей в США. А в середине 1920-х годов «Гаранта Траст» была советским финансовым агентом в США; первые отправки советского золота в США также прослеживаются вплоть до «Гаранта Траст».

Однако у этой пробольшевицкой деятельности есть озадачивающая оборотная сторона — «Гаранта Траст» была одним из создателей резко антисоветской организации «Объединенные американцы», которая шумно пугала всех вторжением красных к 1922 году, заявляя, что из советских фондов выделено 20 миллионов долларов для финансирования красной революции, прогнозировала панику на улицах и массовый голод в Нью-Йорке.

Эта двойственность ставит, конечно, серьезные вопросы о намерениях «Гаранта Траст» и ее директоров. Сделки с Советами, даже поддержка их, могут быть объяснены мотивом аполитичной жадности или просто прибыли.

С другой стороны, распространение пропаганды, рассчитанной на создание страха и паники, при одновременном поощрении условий, которые вызывают страх и панику, является более серьезной проблемой.

261 Ibid., 861.516/111.

262 Ibid.

263 Ibid., 861.516/176.

264 См. выше.

Она предполагает абсолютное отсутствие морали. Давайте для начала ближе присмотримся к антикоммунистическим «Объединённым американцам».

«Объединённые американцы» созданы для борьбы с коммунизмом²⁶⁵

Организация «Объединённые американцы» была создана в 1920 году.

Её членами могли быть только граждане США, их планировалось привлечь 5 миллионов, «единственной целью которых будет борьба с учениями социалистов, коммунистов, движения «Индустриальные рабочие мира», российских организаций и радикальных фермерских обществ».

Другими словами, «Объединённые американцы» должны были бороться со всеми этими организациями и группами, считающимися антикапиталистическими.

Сотрудниками оргкомитета для создания «Объединённых американцев» были Аллен Уолкер из компании «Гаранта Траст», Дэниэл Уиллард, президент компании «Балтимор & Охайо Рейлруд», Х.Х. Вестингаус из компании «Вестингаус Эйр Брейк» и Отто Х. Кан из фирмы «Кун, Леб & Ко.» и «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн».

Эти дельцы с Уолл-стрит пользовались поддержкой разношерстных президентов университетов и Ньютона У. Гилберта (бывшего губернатора Филиппин). «Объединённые американцы» явно были, с первого взгляда, именно тем типом организации, который, как ожидается, будут финансировать видные капиталисты, присоединяющиеся к ней. Ее создание не должно было вызвать большого удивления.

С другой стороны, как мы уже видели, эти финансисты были также глубоко вовлечены в поддержку нового советского режима в России, хотя эта поддержка была скрытой и не предавалась огласке в течение 50 лет.

Будучи членами организации «Объединённые американцы», Уолкер, Уиллард, Вестингаус и Кан вели двойную игру. Британский социалист Дж.Х. Томас сообщал, что Отто Х. Кан, основатель антикоммунистической организации, имел «лицо, повернутое к свету».

Кан написал предисловие к книге Томаса. В 1924 году он обратился к Лиге за промышленную демократию и открыто признал общие цели с этой группой активных социалистов (см. главу 4). Компания «Балтимор & Охайо Рейлруд» (наниматель Уилларда) активно занималась восстановлением России в 1920-х годах.

В год образования организации «Объединённые американцы» Вестингаус имел завод в России, который был освобожден от национализации. А роль «Гаранта Траст» уже была подробно изложена.

«Объединённые американцы» вскрывают «ошеломляющую информацию» о красных

В марте 1920 года «Нью-Йорк Таймс» вынесла на первую полосу подробную сенсационную историю о готовящемся вторжении красных в США в течение ближайших двух лет; это вторжение должно было финансироваться из советских фондов в 20 миллионов долларов, «полученных путем убийства и грабежа российской знати»²⁶⁶.

Как выяснилось, «Объединённые американцы» подготовили обзор о «деятельности радикалов» в США и сделали это в качестве организации, созданной для «сохранения Конституции США с представительной формой правления и правом индивидуального владения, которое предусматривает Конституция».

Далее этот обзор, как было заявлено, получил поддержку исполнительного совета, «включающего Отто Х. Кана, Аллена Уолкера из компании «Гаранта Траст», Дэниэла Уилларда» и других лиц. В обзоре утверждалось:

«Радикальные левые уверены в осуществлении революции в течение двух лет, начало которой должно быть положено в городе Нью-Йорке общей забастовкой; красные лидеры предсказывали много крови; российское советское правительство выделило 20.000.000 долларов американскому радикальному движению».

²⁶⁵ New York Times, June 21, 1919.

²⁶⁶ Ibid., March 28, 1920.

Партии советского золота, вывезенного для компании «Гаранта Траст» в середине 1920-х годов (540 ящиков по 3 пуда каждый), стоили примерно 15 миллионов долларов (при цене 20 долларов за тройскую унцию); другие партии золота, направленные через Роберта Доллара и Олофа Ашберга, довели итоговую сумму почти до 20 миллионов долларов.

Информация о советском золоте для радикального движения была названа «полностью достоверной» и была «передана в правительство».

Красные, как утверждалось, планировали взять Нью-Йорк измором за четыре дня: «Красные рассчитывают на финансовую панику в течение нескольких последующих недель, чтобы помочь своему делу. Паника вызовет нужду среди рабочих и, таким образом, сделает их более восприимчивыми к революционному учению».

Эта публикация «Объединенных американцев» неимоверно завышает число радикалов в США, сначала манипулируя цифрами вроде двух или пяти миллионов и затем установив точно 3.465.000 членов в четырех радикальных организациях.

Завершался обзор подчеркиванием возможности кровопролития и упоминал «Скачевского, президента Международной издательской ассоциации, иначе Коммунистической партии, [который] хвастал, что скоро придет время, когда коммунисты полностью разрушат теперешний общественный строй».

Опубликовав отчет без подкрепляющих доказательств, «Объединенные американцы» рассчитывали на запугивание человека с улицы до паники.

И наиболее значительным моментом тут, конечно, является то, что это была та же самая группа, которая защищала и субсидировала Советы, фактически помогая им осуществить эти же самые планы.

Выводы об «Объединённых американцах»

Тот ли это случай, когда правая рука не знает, что делает левая? Вероятно, нет. Мы говорим о главах компаний, к тому же очень удачливых компаний.

Вероятно, «Объединённые американцы» были уловкой, чтобы отвлечь общественное и официальное мнение от тайных усилий, предпринимаемых для получения доступа к российскому рынку.

«Объединенные американцы» являются единственным, известным автору, документально установленным примером организации, помогавшей советскому режиму и в то же время находившейся на переднем крае оппозиции Советам.

Но это ни в коем случае не непоследовательный курс действий, и дальнейшие исследования должны, по крайней мере, сосредоточиться на следующих аспектах:

а) Есть ли другие примеры двойной игры влиятельных групп, общеизвестных как правящие круги?

б) Могут ли эти примеры быть распространены на другие сферы? Например, существуют ли доказательства того, что трудовые конфликты были инспирированы этими группами?

в) Что является конечной целью этой двойной тактики? Может ли эта тактика быть связанной с марксистской аксиомой: тезис против антитезиса дают синтез?

Здесь загадка: почему марксистское движение «в лоб» атакует капитализм, если целью этого движения является коммунистический мир и если оно полностью приняло диалектику?

Ведь если цель — коммунистический мир, то есть, если коммунизм это желаемый синтез, а капитализм — тезис, то антитезисом должно быть что-то отличное от капитализма или коммунизма.

Поэтому: может ли капитализм быть тезисом, а коммунизм антитезисом для достижения цели революционных групп и их финансистов — синтезировать эти две системы в какую-то еще неизвестную мировую систему?

Морган и Рокфеллер помогают Колчаку

Одновременно с этими усилиями по поддержке Советского бюро и «Объединенных

американцев» фирма Дж. П. Моргана, контролировавшая «Гаранта Траст», предоставляла финансовую помощь одному из главных врагов большевиков — адмиралу Колчаку в Сибири.

23 июня 1919 года конгрессмен Мейсон внес в Палату представителей резолюцию № 132, поручающую Государственному департаменту «провести расследование правдивости... абсолютно всех пресс-отчетов», обвиняющих держателей российских облигаций в оказании влияния, чтобы «удержать американские войска в России» для обеспечения выплаты процентов по российским облигациям.

Согласно меморандуму Бэзила Майлса, коллеги Уильяма Ф. Сэндса, конгрессмен Мейсон обвинил некоторые банки в попытках добиться признания адмирала Колчака в Сибири для получения платежей по прежним русским облигациям.

Затем в августе 1919 года государственный секретарь Роберт Лансинг получил от находившегося под влиянием Рокфеллера «Нэшнл Сити Бэнк» письмо, требующее официальных комментариев по предложенному адмиралу Колчаку займу в 5 миллионов долларов, а от фирмы Дж.П. Моргана и других банкиров — еще одно письмо, запрашивающее мнение госдепартамента относительно дополнительного займа в 10 миллионов фунтов стерлингов Колчаку со стороны консорциума британских и американских банкиров²⁶⁷.

Госсекретарь Лансинг информировал банкиров, что США не признали Колчака и, хотя готовы оказывать ему помощь, «Департамент не считал бы, что он может принять на себя ответственность за поощрение таких переговоров, но что тем не менее, кажется, нет возражений против займа, при условии, что банкиры сочтут его необходимым»²⁶⁸.

Впоследствии, 30 сентября, Лансинг информировал генерального консула США в Омске, что «заём с тех пор идет своим чередом»²⁶⁹. Две пятых взяли на себя британские банки, а три пятых — американские. Две трети от общей суммы должны были быть потрачены в Великобритании и США, а остающаяся одна треть — там, где захочет правительство Колчака.

Заём был обеспечен российским золотом (Колчака), которое было отправлено в Сан-Франциско²⁷⁰.

Совпадение во времени с вышеописанным советским экспортом золота заставляет предположить, что сотрудничество с Советами в продаже золота определилось сразу же после соглашения о займе Колчаку²⁷¹.

²⁶⁷ U.S. State Dept. Decimal File, 861.51/649.

²⁶⁸ Ibid., 861.51/675.

²⁶⁹ Ibid., 861.51/656.

²⁷⁰ Летом 1918 г. белым войскам удалось овладеть почти всем золотым запасом дореволюционной России (сосредоточенным в годы войны в Казани) — многими сотнями тонн золота, платины, серебра, драгоценностей на фантастическую сумму в 1 миллиард 300 миллионов золотых рублей (в ценах 1914 г.). Именно поэтому фирмы Уолл-стрита решили поставлять Белой армии в Сибири необходимое снаряжение в обмен на это золото — разумеется, с огромной выгодой для себя. Вот в чем заключалось «финансирование» Уолл-стритом Колчака, упоминаемое Э. Саттоном; о какой-либо «помощи» тут говорить не приходится. Обладание столь огромными средствами давало также возможность финансирования и других белых армий — все они признали Колчака верховным главнокомандующим.

Американские же войска были посланы в Сибирь в 1918 г. для воссоздания вместе с чехословаками (бывшими пленными из австрийской армии) восточного фронта против Германии. После капитуляции Германии началась их эвакуация на Дальний Восток. Как позже писал сам Саттон, США тогда оказывали явную поддержку большевикам вооружением и удерживали транссибирскую магистраль для большевиков, чтобы ее не захватили японцы: «американская интервенция имела мало общего с антибольшевицкой деятельностью... Советы были благодарны за американскую помощь» (Sutton A. How the Orden Creates War and Revolution. USA. 1984. P. 41-43, 51). Представительство стран Антанты при Колчаке выдало его на смерть красным. В результате основная часть золотого запаса вновь досталась большевикам в Иркутске; много ценностей увезли чехи, отняв для этого у Белой армии все поезда и обрекая ее на гибель; около 150 тонн золота было вывезено в Японию (и в США — судя по сообщению Саттона) в уплату за заказанное, но так и не полученное снаряжение. (См. Котомкин А. О чехословацких легионерах в Сибири. Париж. 1930; Латышев И. Как Япония похитила российское золото. М, 1996.). — *Прим. ред. «РИ».*

²⁷¹ Как показано в этой главе, решение о «займе» Колчаку в обмен на золото приходится на август-сентябрь 1919 года. Экспорт же большевиками царского золота, как пишет Э. Саттон в предыдущей главе, «начался в начале 1920 года». Это значит, в основном — после возвращения большевиками государственного золотого запаса в Иркутске в январе-феврале 1920 г. — *Прим. ред. «РИ».*

Продажа золота Советами и заём Колчаку также наводят на мысль, что заявление Кэрролла Куигли о проникновении интересов Моргана в ряды американских левых сил касается также иностранных революционных и контрреволюционных движений.

Лето 1919 года было временем, когда советские войска терпели поражение в Крыму и на Украине, и эта мрачная картина могла побудить британских и американских банкиров установить хорошие отношения с антибольшевицкими силами.

Объясняется это очевидным желанием иметь связи во всех лагерях и, таким образом, оказаться в благоприятном положении для ведения переговоров о концессиях и сделках после успеха революции или контрреволюции и стабилизации нового правительства.

Так как результат любого конфликта нельзя знать с самого начала, идея заключается в том, чтобы делать большие ставки на всех лошадей в этих революционных скачках.

Таким образом, помощь оказывалась, с одной стороны — Советам, а с другой — Колчаку, тогда как британское правительство поддерживало Деникина на Украине, а французское правительство пришло на помощь полякам.

Осенью 1919 года берлинская газета «Берлинер Цейтунг ам Миттаг» (8 и 9 октября) обвинила фирму Моргана в финансировании Западного русского правительства и воюющих с большевиками русско-германских сил на Балтике — и те, и другие были союзниками Колчака.

Фирма Моргана резко отрицала обвинение: «Наша фирма не имела ни дискуссий, ни встреч с Западным русским правительством или с кем-то, представляющим его»²⁷².

Но если это обвинение в финансировании было неточным, существовали доказательства сотрудничества.

Документы, обнаруженные разведкой латвийского правительства среди бумаг полковника Бермондта, командующего Западной добровольческой армией, подтверждают, что «упомянутые отношения существовали между лондонским агентом Колчака и объединением германских промышленников, которые стояли за Бермондтом»²⁷³.

Итак, мы знаем, что Дж.П. Морган, Лондон и нью-йоркские банкиры финансировали Колчака. Есть также доказательство, которое ставит Колчака и его армию в связь с другими антибольшевицкими армиями.

И, кажется, почти ясно, что промышленные и банковские круги Германии финансировали русскую антибольшевицкую армию на Балтике. Деньги банкиров явно не имеют национального флага.

Глава 11. Альянс банкиров и революции

«Имя Рокфеллер не означает революционера. Жизнь воспитала во мне тщательность и осторожность, которая граничит с консерватизмом. Я не занимаюсь нечистыми делами...»

Джон Д. Рокфеллер III, «Вторая американская революция» (Нью-Йорк, «Харпер & Роу», 1973).

Представленные доказательства: обзор

Доказательства, уже опубликованные Георгием Катковым, Стефаном Поссоном и Майклом Футреллом, подтвердили, что возвращение из эмиграции в Россию Ленина и его партии большевиков, за которыми через несколько недель последовало возвращение меньшевиков, финансировалось и было организовано германским правительством²⁷⁴.

272 Ibid., 861.51/767 — письмо от Дж.П. Моргана в Государственный департамент от 11 ноября 1919 г. Само финансирование было мистификацией (см. отчет АП в файлах Государственного департамента после письма Моргана).

273 Ibid., 861.51/6172 and /6361.

274 Michael Futrell. Northern Underground (London: Faber and Faber, 1963); Stefan Possony. Lenin: The Compulsive Revolutionary (London: George Alien & Unwin, 1966); George Katkov. German Foreign Office Documents on Financial Support to the Bolsheviki in 1917 // International Affairs 32 (Royal Institute of International Af-

Необходимые средства были частично переведены через «Ниа Банкен» в Стокгольме, который принадлежал Олофу Ашбергу, а двойной целью Германии было: а) выведение России из войны и б) контроль над послевоенными российскими рынками²⁷⁵.

Теперь, не ограничиваясь этой очевидностью, мы пойдем далее, чтобы установить непрерывную рабочую связь между большевизским банкиром Олофом Ашбергом и контролируемой Морганом компанией «Гаранта Траст» из Нью-Йорка до, во время и после революции в России.

В царские времена Ашберг был агентом Моргана в России и вел переговоры о русских займах в США; в 1917 году Ашберг был финансовым посредником революционеров; а после революции он стал главой Роскомбанка, первого советского международного банка, в то время как Макс Мэй, вице-президент контролируемой Морганом «Гаранта Траст», стал директором Роскомбанка и шефом его иностранного отдела.

Мы представили документальные доказательства непрерывных рабочих отношений между компанией «Гаранта Траст» и большевиками. Директора «Гаранта Траст» в 1917 году перечислены в Приложении 1.

Более того, есть доказательство перевода средств от банкиров Уолл-стрита для международной революционной деятельности.

Например, существует заявление (подтверждаемое телеграммой) Уильяма Б. Томпсона, директора Федерального резервного банка Нью-Йорка, крупного акционера контролируемого Рокфеллером «Чейз Бэнк» и финансового коллеги Гугенгеймов и Морганов, что он (Томпсон) дал на большевизскую революцию 1 миллион долларов для ведения пропаганды.

Еще один пример — Джон Рид, американский член исполкома Третьего Интернационала, которого финансировал и поддерживал Юджин Буассевейн, частный нью-йоркский банкир, и который работал на журнал «Метрополитэн» Гарри П. Уитни.

Последний в то время был директором «Гаранта Траст». Мы также установили, что Людвиг Мартене, первый советский «посол» в США, использовал (по мнению шефа британской разведки сэра Бэзила Томпсона) средства компании «Гаранта Траст».

Исследуя вопрос финансирования Троцкого в США, мы приходим к германским источникам в Нью-Йорке, которые ещё нужно определить.

И хотя мы не знаем точных германских источников средств Троцкого, мы знаем, что фон Павенштедт, главный кассир германских шпионов в США, также был старшим партнером в фирме «Амсинк & Ко.»

Эта фирма принадлежала вездесущей «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн», также контролируемой Дж.П. Морганом.

Кроме того, фирмы Уолл-стрита, включая «Гаранта Траст», были связаны во время войны с революционной деятельностью Каррансы и Вильи в Мексике.

Мы также выявили документальные доказательства, касающиеся финансирования синдикатом Уолл-стрита революции Сунь Ят-сена в Китае в 1912 году, революции, которая сегодня превозносится китайскими коммунистами как предвестница революции Мао.

Чарльз Б. Хилл, нью-йоркский юрист, который вел переговоры с Сунь Ят-сеном от имени этого синдиката, был директором в трех дочерних фирмах компании «Вестингаус», и мы выяснили, что Чарльз Р. Крейн из компании «Вестингаус» в России был причастен к российской революции.

Совершенно оставляя в стороне финансы, мы установили и другое, возможно более существенное доказательство вовлеченности Уолл-стрита в дело большевиков. Миссия американского Красного Креста в России была частным предприятием У. Б. Томпсона, который публично предложил горячую поддержку большевикам.

Доступные сейчас документы британского военного кабинета вскрывают, что британская политика была ориентирована на режим Ленина-Троцкого в результате личного обра-

fairs, 1956).

²⁷⁵ Там же, особенно у Каткова.

щения Томпсона к Ллойд Джорджу в декабре 1917 года.

Мы приводили заявления директора Томпсона и заместителя председателя Уильяма Лоренса Саундерса из Федерального резервного банка Нью-Йорка в поддержку большевиков.

Джон Рид не только финансировался с Уолл-стрита, но имел постоянную поддержку своей деятельности, доходящую даже до обращения в Государственный департамент, от Уильяма Фрэнклина Сэндса, исполнительного секретаря «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн».

В деле об антиправительственной агитации Роберта Майнора есть сильные признаки и некоторые косвенные доказательства того, что полковник Эдвард Хаус приложил руку к освобождению Майнора. Значение дела Майнора заключается в том, что план Уильяма Б. Томпсона по большевицкой революции в Германии был той самой программой, которую Майнор осуществлял до ареста в Германии.

Некоторые международные агенты, например Александр Гомберг, работали на Уолл-стрит и на большевиков. В 1917 году Гомберг был представителем американской фирмы в Петрограде, работал на миссию американского Красного Креста Томпсона, стал главным агентом большевиков в Скандинавии, пока его не депортировали из Норвегии, затем стал доверенным помощником Рива Шли из «Чейз Бэнк» в Нью-Йорке, а позже Флойда Одлума из корпорации «Атлас».

Эта деятельность в пользу большевиков исходила, по большей части, из одного адреса: Нью-Йорк, Бродвей 120. Доказательство этого было намечено в общих чертах, но не приводилось какой-либо решающей причины этой необычной концентрации по одному адресу, за исключением того, что там, кажется, разделяли иностранный вариант мысли Кэрролла Куигли по проникновению Дж. П. Моргана в ряды местных левых сил: Морган также проник и в ряды международных левых.

На Бродвее 120 располагался Федеральный резервный банк Нью-Йорка. Средством для этой пробольшевицкой активности была «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» — тоже на Бродвее 120.

Всего через несколько недель после начала революции государственный секретарь Роберт Лансинг запрашивал мнение АИК о большевицком режиме, и Сэндс, исполнительный секретарь АИК, едва мог сдержать свой энтузиазм в отношении большевиков.

Людвиг Мартене, первый советский посол, был вице-президентом компании «Вайнберг & Познер», которая также располагалась на Бродвее 120. Компания «Гаранта Траст» находилась рядом, на Бродвее 140, но на Бродвее 120 была компания «Гаранта Секьюритиз».

В 1917 году на Бродвее 120 находилась компания «Хант, Хилл & Беттс», и Чарльз Б. Хилл из этой фирмы был посредником в сделках с Сунь Ят-сеном. Компания «Джон Мак-Грегор Грант», которая финансировалась Олофом Ашбергом в Швеции и «Гаранта Траст» в США и которая числилась в черных списках военной разведки, располагалась по тому же адресу: Бродвей 120.

Гугенгеймы и исполнительное ядро фирмы «Дженерал Электрик» (также представленные в АИК) находились на Бродвее 120. Поэтому вряд ли можно считать удивительным, что Клуб банкиров также располагался на последнем (35-м) этаже здания на Бродвее 120.

Важно, что поддержка большевиков не прекращалась и после революции; так что эту поддержку нельзя полностью объяснить условиями войны с Германией.

Американо-русский синдикат, образованный в 1918 году для получения концессий в России, поддерживали круги Уайта, Гугенгейма и Синклера. Директорами компаний, контролируемых этими тремя финансистами, были Томас У. Ламонт («Гаранта Траст»), Уильям Бойс Томпсон (Федеральный резервный банк) и наниматель Джона Рида Гарри Пейн Уитни («Гаранта Траст»).

Это дает весомые основания предположить, что синдикат был образован, чтобы рас-

считаться за прежнюю поддержку дела большевиков в период революции. И затем мы обнаружили, что «Гаранта Траст» оказывала финансовую поддержку Советскому бюро в Нью-Йорке в 1919 году.

Первый, действительно конкретный сигнал об оплате прежней политической и финансовой поддержки поступил в 1923 году, когда Советы создали свой первый международный банк — Роскомбанк.

Коллега Моргана Олоф Ашберг стал номинальным главой этого советского банка; Макс Мэй, вице-президент компании «Гаранта Траст» — его директором, и Роскомбанк быстро назначил «Гаранта Траст» своим агентом в США.

Объяснение союза нечестивых

Каким же мотивом объясняется эта коалиция капиталистов и большевиков?

Россия была тогда и является сегодня крупнейшим нетронутым рынком в мире.

Более того, Россия, тогда и сейчас, представляет наибольшую угрозу потенциальной конкуренции для американского промышленного и финансового господства. (Достаточно одного взгляда на карту мира, чтобы понять географическую разницу между огромной земельной массой России и значительно меньшими Соединенными Штатами.)

Уолл-стрит наверняка пробирала холодная дрожь, когда он думал о России, как о втором, наряду с Америкой, промышленном гиганте.

Но зачем позволять России стать конкурентом и вызовом американскому господству?

В конце XIX века Морган, Рокфеллер и Гугенгейм продемонстрировали свои монополистические наклонности.

В книге «Железные дороги и регулирование, 1877-1916» Габриэль Колко показал, как владельцы железных дорог, а не фермеры, хотели государственного контроля за железными дорогами, чтобы сохранить свою монополию и устранить конкуренцию.

Поэтому, простейшим объяснением нашего доказательства является то, что синдикат финансистов с Уолл-стрита расширил свои монопольные амбиции до глобального масштаба.

Гигантский российский рынок надлежало захватить и превратить в техническую колонию, которая будет эксплуатироваться немногими мощными американскими финансистами и подконтрольными им корпорациями.

То, чего Комиссия по торговле между штатами и Федеральная комиссия по торговле, всецело находящиеся в руках американских промышленников, смогли достигнуть для них у себя в стране, — того же может достичь для них за границей правительство планового социализма, с учетом надлежащей поддержки и стимулов от Уолл-стрита и Вашингтона.

В заключение, пусть это объяснение кажется слишком радикальным, вспомним, что именно Троцкий брал царских генералов для укрепления Красной армии, именно Троцкий призывал американских официальных лиц контролировать революционную Россию и выступать в интересах Советов, именно Троцкий сначала подавил свободомыслящий элемент в российской революции, а затем рабочих и крестьян.

При этом официальная история полностью игнорирует 700-тысячную армию «зеленых», состоявшую из бывших большевиков, разгневанных предательством революции, и эта армия воевала и с белыми, и с красными.

Другими словами, мы предполагаем, что большевицкая революция была союзом политиков-революционеров и политиков-финансистов, объединившихся против истинно революционных свободомыслящих элементов России²⁷⁶.

Теперь у читателей должен возникнуть вопрос: не были ли эти банкиры тайными

²⁷⁶ См. также: Voline (V.M. Eichenbaum). *Nineteen-Seventeen: The Russian Revolution Betrayed* (New York: Libertarian Book Club, n.d.). [С нашей точки зрения, Э. Сатгон слишком идеализирует «зеленых» — часто это были банды анархистов, уголовников, самостийников, руководствовавшихся местными эгоистичными, даже личными, но не общегосударственными целями — однако это отдельный вопрос, проистекающий из общего оправдания американским автором «свободолюбивой революции» против российской монархии; см. также послесловие издателя. — *Прим. ред. «ПИ».*]

большевиками? Конечно, нет. Финансисты не имели идеологии. Было бы большой ошибкой предполагать, что помощь большевикам была идеологически мотивирована в любом узком смысле.

Финансисты имели один мотив — власть — и поэтому помогали любому политическому инструменту, который обеспечил бы им доступ к власти: будь то Троцкий, Ленин, царь. Колчак, Деникин — все они получали помощь в большей или меньшей степени.

Все, кроме тех, которые хотели общества, истинно свободного для индивидуума.

Помощь не ограничивалась политиками-большевиками и политиками-антибольшевиками. Джон П. Диггинс в книге «Муссолини и фашизм: Взгляд из Америки»²⁷⁷ заметил в отношении Томаса Ламонта из «Гаранта Траст»:

«Из всех лидеров американского бизнеса тем, кто наиболее энергично поощрял дело фашизма, был Томас У. Ламонт. Глава мощной банковской сети Дж.П. Моргана, Ламонт служил правительству фашистской Италии в качестве чего-то вроде консультанта по бизнесу».

В 1926 году Ламонт получил для Муссолини заём в 100 миллионов долларов — в особенно трудное для итальянского диктатора время. Мы можем также вспомнить, что этот директор «Гаранта Траст» был отцом американского коммуниста Корлисса Ламонта.

Этот одинаковый подход к однотипным тоталитарным системам, коммунизму и фашизму, не был привилегией только семьи Ламонтов. Например, Отто Кан, директор «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн» и фирмы «Кун, Леб & Ко.», был уверен, что «американский капитал, инвестированный в Италии, найдет безопасность, поощрение, возможности и вознаграждение»²⁷⁸.

Это тот самый Отто Кан, который в 1924 году внушал социалистической Лиге промышленной демократии, что ее цели являются его целями²⁷⁹. Различие было только — по словам Отто Кана — в средствах для достижения этих целей.

Айви Ли, человек Рокфеллера по связям с общественностью, делал перед доверчивой американской публикой схожие заявления и был ответствен за восхваление советского режима в конце 1920-х годов.

Мы также видели, что Бэзил Майлс, заведующий русским отделом в Государственном департаменте и бывший коллега Уильяма Франклина Сэндса, оказывал решительную поддержку бизнесменам, ведущим дела с большевиками, а в 1923 году тот же Майлс написал профашистскую статью «Чернорубашечники и бизнес в Италии»²⁸⁰.

«Успех фашистов является выражением молодости Италии», — писал Майлс, прославляя фашистское движение и аплодируя его уважению к американскому бизнесу.

План «Марбург»

План «Марбург», финансируемый из обширного наследства Эндрю Карнеги, был подготовлен в начале XX века.

Он свидетельствует о преднамеренности этого типа кажущейся шизофрении, которая на самом деле маскирует цельную программу приобретения власти: «Если бы Карнеги с его неограниченным богатством, международные финансисты и социалисты могли бы организоваться в движение, чтобы подчинить своей воле образование Лиги для принудительного установления мира»²⁸¹.

Правительства всех стран земли, по плану «Марбург», должны быть социализированы, тогда как конечная власть будет оставаться в руках международных финансистов «для контроля за советами и принудительного установления мира, [и таким образом] создания спе-

277 John P. Diggins. *Mussolini and Fascism: The View from America* (Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1972).

278 Ibid., p. 149.

279 См. эпиграф к главе 4.

280 *Nation's Business*, February 1923, pp. 22-23.

281 Jennings C. Wise. *Woodrow Wilson: Disciple of Revolution* (New York: Paisley Press, 1938), p. 45.

цифического средства от всех политических болезней человечества»²⁸².

Эта идея была связана с другими элементами, имеющими сходные цели. Лорд Мильнер в Англии дает трансатлантический пример банковских интересов, признающих достоинства и возможности марксизма. Мильнер был банкиром, влиятельным в британской политике военного времени, и симпатизировал марксизму²⁸³.

В 1903 году в Нью-Йорке был основан социалистический клуб «X». Среди его членов были не только коммунист Линкольн Стеффенс, социалист Уильям Инглиш Уоллинг и коммунистический банкир Моррис Хиллквит, но и Джон Дьюи, Джеймс Т. Шотуэлл, Чарльз Эдвард Расселл и Руфус Уикс (вице-президент нью-йоркской компании «Лайф Иншуренс»).

На годовом заседании Экономического клуба в отеле «Астор» в Нью-Йорке также выступали социалисты.

В 1908 году, когда А. Бартон Хепберн, президент банка «Чейз Нэшнл», был президентом Экономического клуба, главным оратором был вышеупомянутый Моррис Хиллквит, который «имел обширные возможности проповедовать социализм перед собранием, которое представляло богатство и финансовые интересы»²⁸⁴.

Из этих невероятных семян выросло современное интернационалистическое движение, в которое входили не только финансисты Карнеги, Пауль Варбург, Отто Кан, Бернард Барух и Герберт Гувер, но и Фонд Карнеги и его детище — «Международное примирение». Попечители из Фонда Карнеги выделялись, как мы видели, в совете «Америкэн Интернэшнл Корпорейшн».

В 1910 году Карнеги пожертвовал 10 миллионов долларов на основание Фонда Карнеги для международного мира, и в совете попечителей были Элиху Рут (миссия Рута в Россию, 1917), Кливленд Х. Додж (обеспечивал финансовую поддержку президенту Вильсону), Джордж У. Перкинс (партнер Моргана), Дж.Дж. Балч (АИК и фирма «Амсинк»), Р.Ф. Херрик (АИК), Х.У. Притчетт (АИК) и другие магнаты Уолл-стрита.

Вудро Вильсон подпал под мощное слияние этой группы интернационалистов, ибо был обязан им деньгами. Как писал Дженнингс К. Уайс: «Историки никогда не должны забывать, что Вудро Вильсон... обеспечил Льву Троцкому возможность въехать в Россию с американским паспортом»²⁸⁵.

Но и Лев Троцкий также утверждал себя как интернационалист. Мы отметили его безынтересные интернационалистические связи на высоком уровне в Канаде. Троцкий не был тогда ни прорусским, ни просоюзническим, ни прогерманским деятелем, как многие пытались его выставить. Троцкий был за мировую революцию, за всемирную диктатуру; одним словом, он был интернационалист²⁸⁶.

Тогда у большевиков и банкиров была эта существенная общая платформа — интернационализм. Революция и международные финансы не так уж противоречат друг другу, если в результате революции должна установиться более централизованная власть.

Международные финансы предпочитают иметь дело с централизованными правительствами. Банковское сообщество меньше всего хочет свободной экономики и децентрализованной власти, так как это распыляет власть.

Итак, вот искомое объяснение, которое соответствует нашим доказательствам. Эта группа банкиров и торговцев акциями не была ни большевицкой, ни коммунистической, ни социалистической, ни демократической, ни даже американской. Превыше всего эти люди желали рынков, то есть захваченных ими международных рынков и своей монополии на мировом рынке как конечной цели.

Они желали рынков, которые могли бы эксплуатировать монополично, не боясь конку-

282 Ibid., p. 46.

283 См. эпиграф к главе 6.

284 Morris Hillquit. Loose Leaves from a Busy Life (New York: Macmillan, 1934), p. 81.

285 Wise. op. cit., p. 647.

286 Leon Trotsky. The Bolsheviks and World Peace (New York: Boni & Liveright, 1918).

ренции со стороны русских, немцев или кого-то еще, включая американских бизнесменов за пределами их избранного круга.

Эта замкнутая группа была аполитичной и аморальной. В 1917 году она имела прямую цель — захватить русский рынок; и все это представлялось под интеллектуальным прикрытием некоей лиги для установления мира.

И Уолл-стрит действительно достиг своей цели. Американские фирмы, контролируемые этим синдикатом, позже пошли дальше и строили Советский Союз, а сегодня уверенно идут по пути введения советского военно-промышленного комплекса в эру компьютеров.

Сегодня их цель все еще жива и действует. Джон Д. Рокфеллер излагает ее в своей книге «Вторая американская революция», на титульном листе которой красуется пятиконечная звезда^{287 288}.

Эта книга содержит голословный призыв к гуманизму, то есть призыв, что нашим первым делом должна быть работа ради других. Иначе говоря, призыв к коллективизму. Гуманизм это коллективизм.

Однако стоит отметить, что Рокфеллеры, которые продвигали эту гуманистическую идею в течение века, так и не передали СВОЮ собственность другим. Поэтому в их рекомендации можно предположить тот скрытый смысл, что мы все работаем на Рокфеллеров.

Книга Рокфеллера проводит идею коллективизма под маской «осторожного консерватизма» и «общественного блага». В действительности же это призыв к продолжению прежней поддержки Морганом-Рокфеллером коллективистских предприятий и массового уничтожения индивидуальных прав.

Таким образом, «общественное благо» использовалось и используется сегодня в качестве средства и предлога для самовозвеличивания избранного круга, который призывает к миру во всем мире и к человеческой порядочности.

Но до тех пор, пока читатель рассматривает всемирную историю сквозь призму непримиримого марксистского противоречия между капитализмом и коммунизмом, цели описанного альянса между международными финансами и интернационалистической революцией остаются скрытыми для понимания.

То же самое можно было бы сказать и о «содействии общественному благу» ворами и грабителями.

А если эти альянсы все еще остаются для читателя непонятными, то он должен подумывать над тем очевидным фактом, что те же самые международные дельцы и их аппарат всегда хотели определять, что должны делать другие люди, но явно не хотели быть первыми в очереди, чтобы отдать свое собственное богатство и власть. Их уста открыты, но карманы закрыты.

Этот метод, используемый монополистами для обмана общества, в начале XX столетия был изложен Фредериком К. Хоувом в книге «Признания монополиста» 289. Прежде всего, говорит Хоув, политика является необходимой частью бизнеса.

Для контроля над промышленностью необходимо контролировать Конгресс и законодателей, чтобы таким образом заставить общество работать на тебя, монополиста. Поэтому двумя принципами удачливого монополиста, по мнению Хоува, являются: «Во-первых, дай обществу работать на тебя, и во-вторых, делай бизнес из политики»²⁹⁰. Это, писал Хоув, основные «правила большого бизнеса».

Существуют ли какие-нибудь доказательства того, что эта всеохватная цель была также известна Конгрессу и ученому миру? Разумеется, возможность этого была известна и

287 В мае 1973 г. банк «Чейз Манхэттен» (председатель Дэвид Рокфеллер) открыл свое представительство в Москве по адресу: площадь Карла Маркса, 1. Контора в Нью-Йорке находится по адресу: Чейз манхэттен плаза, 1.

288 О значении пятиконечной звезды (пентаграммы) см. в послесловии издателя. — *Прим. ред. «РИ».*

289 Frederick C. Howe. Confessions of a Monopolist (Chicago: Public Publishing, n.d.).

290 Ibid.

известна широко.

Например, давая показания в Овермановском комитете Сената, Альберт Рис Вильяме, хитрый комментатор революции, говорил:

«...вероятно, это правда, что при советском правительстве промышленная жизнь будет развиваться намного медленнее, чем при обычной капиталистической системе. Но почему великая индустриальная страна, наподобие Америки, должна желать создания и последующей конкуренции другого великого промышленного соперника? Не согласуются ли интересы Америки в этом отношении с медленным темпом развития, который проектирует для себя Советская Россия?»

Сенатор Уолкотт: Значит Ваш аргумент заключается в том, что в интересах Америки, чтобы Россия была угнетённой?

Г-н Вильямс: Не угнетённой...

Сенатор Уолкотт: Вы так сказали. Почему должна Америка желать, чтобы Россия стала её промышленным конкурентом?

Г-н Вильямс: Это с капиталистической точки зрения. В целом Америка не заинтересована, я думаю, в возникновении на рынке ещё одного великого промышленного соперника, наподобие Германии, Англии, Франции и Италии. Я думаю, другое правительство в России, не советское, вероятно, увеличило бы темп или скорость развития России, и мы бы имели ещё одного соперника. Конечно, это аргументация с капиталистической точки зрения.

Сенатор Уолкотт: Итак, Вы представляете здесь аргумент, который, по Вашему мнению, может иметь привлекательность для американского народа, причём Ваша точка зрения такова, что если мы признаем советское правительство России в его теперешнем виде, мы признаем правительство, которое не сможет конкурировать с нами в промышленности в течение многих лет?

Г-н Вильямс: Это факт.

Сенатор Уолкотт: Значит Ваш аргумент в том, что при советском правительстве Россия будет не в состоянии, по крайней мере, в течение многих лет, приблизиться к Америке по промышленному развитию?

Г-н Вильямс: Абсолютно так»²⁹¹.

В этом откровенном заявлении Альберта Риса Вильямса²⁹² содержится основной ключ для пересмотра толкования российской истории на протяжении последней половины столетия.

Уолл-стрит, или скорее комплекс Моргана-Рокфеллера, представленный на Бродвее 120 и Уолл-стрит 14, руководствовался чем-то очень близким к аргументации Вильямса.

Уолл-стрит вступил в Вашингтоне в битву за большевиков — и выиграл. Советский тоталитарный режим выжил.

В 1930-х годах иностранные фирмы, главным образом из группы Моргана-Рокфеллера, выполняли пятилетние планы. Они продолжали строить Россию как в экономическом, так и в военном отношении²⁹³.

С другой стороны, Уолл-стрит, вероятно, не предвидел ни Корейской войны, ни Вьетнамской войны, в которых 100.000 американцев и бесчисленное число наших союзников потеряли свои жизни от советского оружия, изготовленного по той же самой импортированной из США технологии.

291 U.S., Senate. *Bolshevik Propaganda*, hearings before a subcommittee of the Committee on the Judiciary, 65th Cong., pp. 679-80. См. также в главе 6 данной книги о роли Вильямса в Пресс-бюро Радека.

292 С советском издании «Десяти дней, которые потрясли мир» содержится такая редакционная справка об авторе этого признания: «Альберт Рис Вильямс — друг Джона Рида, видный американский прогрессивный деятель и публицист; автор нескольких книг о борьбе трудящихся за социализм» (М. 1957, с. 165). — *Прим. ред. «РИ»*.

293 См.: Antony C. Sutton. *Western Technology and Soviet Economic Development*, 3 vols. (Stanford. Calif.: Hoover Institution, 1968, 1971, 1973); см. также: *National Suicide: Military Aid to the Soviet Union* (New York: Arlington House, 1973).

Что казалось Уолл-стритовскому синдикату дальновидной и несомненно прибыльной политикой, стало кошмаром для миллионов за пределами избранного влиятельного круга и правящего класса.

Приложение 1. Директора крупных банков, фирм и учреждений, упомянутых в этой книге (1917-1918)

AMERICAN INTERNATIONAL CORPORATION (120 Broadway)

[«Америкэн Интернэшнл Корпорейшн»]

J.Ogden Armour

G.J. Baldwin

C.A. Coffin

W.E. Corey

Robert Dollar

Pierre S. du Pont Philip

A.S. Franklin

J.P. Grace

R.F. Herrick

Otto H. Kahn

H.W. Pritchett

Percy A. Rockefeller

John D. Ryan

W.L. Saunders

J.A. Stillman

C.A. Stone

T.N. Vail

F.A. Vanderlip

E.S. Webster

A.H. Wiggin

Beckman Winthrop

William Woodward

D.C. Jackling

E.R. Tinker

A.H. Wiggin

John J. Mitchell

Guy E. Tripp

CHASE NATIONAL BANK

[«Чейз Нэшнл Бэнк»]

J.N. Hill

A.B. Hepburn

S.H. Miller

C.M. Schwab

H. Bendicott

Newcomb

Carlton

EQUITABLE TRUST COMPANY (37-43 Wall Street)

[«Эквитабл Траст Компани»]

Charles B. Alexander

Albert B. Boardman

Robert C. Dowry

Howard E. Cole

Henry E. Cooper
Edward T. Jeffrey
Otto H. Kahn
Alvin W. Krech
James W. Lane
Hunter S. Marston
Paul D. Cravath
Franklin Wm. Cutcheon
Bertram Cutler
Thomas de Witt
Cuyler Frederick W. Fuller
Robert Goelet
Carl R. Gray
Charles Hayden
Henry E. Huntington
Charles G. Meyer
George Welwood Murray
Henry H. Pierce
Winslow S. Pierce
Lyman Rhoades
Walter C. Teagle
Henry Rogers
Winthrop Bertram
G. Work
FEDERAL ADVISORY COUNCIL (1916)
[федеральный консультативный совет]
Daniel G. Wing, Бостон, Округ № 1
J.P. Morgan, Нью-Йорк, Округ № 2
Levi L. Rue, Филадельфия, Округ № 3
W.S. Rowe, Цинцинатти, Округ № 4
J.W. Norwood, Гринвилль, Южная Каролина, Округ № 5
C.A. Lyerly, Чаттануга, Округ № 6
J.B. Forgan, Чикаго, президент. Округ № 7
Frank O. Watts, Сент-Луис, Округ № 8
C.T. Jaffray, Миннеаполис, Округ № 9
E.F. Swinney, Канзас-Сити, Округ № 10
T.J. Record, Париж, Округ № 11
Herbert Fleishhacker, Сан-Франциско, Округ № 12
FEDERAL RESERV BANK OF NEW YORK (120 Broadway)
[федеральный резервный банк Нью-Йорка]
William Woodward (1917)
Robert H. Treman (1918) } Класс А
Franklin D. Locke (1919)
Charles A. Stone (1920)
Wm. B. Thompson (1918) } Класс В
L.R. Palmer (1919)
Pierre Jay (1917)
George F. Peabody (1919) } Класс С
William Lawrence Saunders (1920)
FEDERAL RESERVE BOARD
[Федеральное резервное управление]

William G. M'Adoo
Charles S. Hamlin (1916)
Paul M. Warburg (1918)
Adolph C. Miller (1924)
Frederic A. Delano (1920)
W.P.G. Harding (1922)
John Skelton Williams
GUARANTY TRUST COMPANY (140 Broadway)
[«Гаранта Траст Компани»]
Alexander J. Hemphill (председатель)
Charles H. Alien
Edgar L. Marston
Grayson M.P. Murphy
A.C. Bedford
Edward J. Berwind
W. Murrey
Crane T. de Witt Cuyler
James B. Duke
Caleb C. Dula
Robert W. Goelet
Daniel Guggenheim
W. Averell Hamman
Albert H. Harris
Walter D. Hines
Augustus D. Julliard
Thomas W. Lament
William C. Lane
Charles A. Peabody
William C. Potter
John S. Runnells
Thomas F. Ryan
Charles H. Sabin
John W. Spoor
Albert Straus
Harry P. Whitney
Thomas E. Wilson
Лондонский комитет:
Arthur J. Fraser (председатель)
Cecil F. Pan-Robert Callander
P.A. Rockefeller
James Stillman
W. Rockefeller
J.O. Armour
J.W. Sterling
J.A. Stillman
M.T. Pyne
E.D. Bapst
J.H. Post
W.C. Procter
NATIONAL CITY BANK
[«Нэшнл Сити Бэнк»]

P.A.S. Franklin

J.P. Grace

G.H. Dodge

H.A.C. Taylor

R.S. Lovett

F.A. Vanderlip

G.H. Miniken

E.P. Swenson

Frank Trumbull

Edgar Palmer

NATIONALBANK FUR DEUTSCHLAND

[«Национальбанк фюр Дейчланд»]

(на 1914 г., Ялмар Шахт вошел в правление в 1918 г.)

Emil Wittenberg

Hjalmar Schacht

Martin Schiff

Hans Winterfeldt

Th. Marba

Paul Koch

Franz Rintelen

SINCLAIR CONSOLIDATED OIL CORPORATION (Broadway 120)

[«Синкляйр Консолидейтед Ойл Корпорейшн»]

Hany F. Sinclair

H.P. Whitney

Wm. E. Corey

Wm. B. Thompson

James N. Wallace

Edward H. Dark

Daniel C. Jackling

Albert H. Wiggin

J.G. WHITE ENGINEERING CORPORATION

[«Дж. Г. Уайт Инжиниринг Корпорейшн»]

J.G. White

Gano Dunn

E.G. Williams

A.S. Crane

H.A. Lardner

G.H. Kinniat

A.F. Kountz

R.B. Marchant

Henry Parsons

A.N. Connett

James Brown

Douglas Campbell

G.C. Clark

Jr. Bayard Dominick

Jr. A.G. Hodenpyi

T.W. Lament

Marion McMillan

J.H. Pardee
G.H. Walbridge
E.N. Chilson
C.E. Bailey

Приложение 2. Теория большевицкой революции, как еврейского заговора

²⁹⁴Существует обширная литература на английском, французском и немецком языках, отражающая тот аргумент, что большевицкая революция была результатом «еврейского заговора», а более конкретно — заговора еврейских банкиров всего мира.

В общем, в качестве конечной цели предполагается их контроль над миром; большевицкая же революция была лишь одной фазой более широкой программы, которая якобы отражает многовековую религиозную борьбу между христианством и «силами тьмы».

Этот аргумент и его варианты можно найти в самых неожиданных местах и услышать от самых удивительных лиц. В феврале 1920 года Уинстон Черчилль написал статью — редко цитируемую сегодня — для «Лондон Иллюстрейтед Санди Геральд», озаглавленную «Сионизм против большевизма»²⁹⁵.

В этой статье Черчилль сделал такой вывод: «особенно важно... чтобы евреи в каждой стране, которые лояльны к принявшей их земле, стремились к выдвигению при каждом удобном случае... и играли видную роль в каждом мероприятии для борьбы с заговором большевиков».

Черчилль проводит различие между «национальными евреями» и теми, кого он называет «международными евреями».

Он доказывает, что «международные и, главным образом, атеистически настроенные евреи», конечно, играли «весьма большую» роль в создании большевизма и произвели революцию в России.

Он уверяет (вопреки фактам), что за исключением Ленина «большинство» ведущих фигур в революции были евреи, и добавляет (также вопреки фактам), что во многих случаях собственность евреев и синагоги были исключены большевиками при проведении их политики конфискации.

Черчилль называет международных евреев «зловещей конфедерацией», образовавшейся из преследуемых групп населения тех стран, где евреев преследовали по расовым мотивам.

Уинстон Черчилль прослеживает это движение до Спартака-Вейсгаупта, закидывает свою литературную сеть вокруг Троцкого, Бела Куна, Розы Люксембург и Эммы Гольдман и выносит обвинение:

«Этот всемирный заговор для свержения цивилизации и перестройки общества на основе остановленного развития, завистливой злобы и невозможного равенства постоянно ширится».

Затем Черчилль утверждает, что эта группа заговорщиков Спартака-Вейсгаупта была главной движущей силой всех подрывных движений в XIX веке.

Отмечая, что сионизм и большевизм конкурируют в борьбе за душу еврейского народа, Черчилль (в 1920 году) был озабочен ролью евреев в большевицкой революции и существованием всемирного еврейского заговора.

Ещё один широко известный в 1920-х годах автор, Генри Уикхэм Сид, описывает во втором томе своего произведения «Через 30 лет, 1892-1922» (с. 302)²⁹⁶ как он пытался довести идею еврейского заговора до сведения полковника Эдварда М. Хауса и президента Вуд-

²⁹⁴ Henry Wickham Steed. Through 30 Years 1892-1922. — *Прим. ред. «РИ».*

²⁹⁵ Winston Churchill. Zionism Versus Bolshevism // London Illustrated Sunday Herald, Febr. 1920. — *Прим. ред. «РИ».*

²⁹⁶ Henry Wickham Steed. Through 30 Years 1892-1922.

ро Вильсона.

Однажды в марте 1919 года Сид навесил полковника Хауса и нашел его расстроенным из-за недавней критики Стадом возможного признания Америкой большевиков. Сид сказал Хаусу, что Вильсон был бы дискредитирован в глазах многих людей и народов Европы, и «настаивал, что без его ведома главными движущими силами были Якоб Шифф, Варбург и другие международные финансисты, которые больше всего хотели поддержать еврейских большевиков, чтобы получить поле деятельности для германо-еврейской эксплуатации России»²⁹⁷.

По словам Сиды, полковник Хаус ратовал за установление экономических отношений с Советским Союзом.

Вероятно, наиболее избобличающая подборка документов по еврейскому заговору находится в десятичном файле (861.00/5339) Государственного департамента.

Центральный документ в ней, озаглавленный «Большевизм и иудаизм», датирован 13 ноября 1918 года²⁹⁸.

Текст имеет форму отчета, в котором говорится, что революция в России была задумана «в феврале 1916 года», и что «было установлено, что нижепоименованные лица и предприятия принимали участие в этом разрушительном деле»:

Якоб Шифф	еврей
Кун, Леб и Ко.	еврейская фирма
Руководство	
Якоб Шифф	еврей
Феликс Варбург	еврей
Отто Х. Кан	еврей
Мортимер Л. Шифф	еврей
Джером Дж. Хануэр	еврей
Гугенгейм	еврей
Макс Брейтунг	еврей
Исаак Зелигман	еврей

Далее в отчете утверждается, что русская революция, несомненно, была начата и задумана этой группой, и что в апреле 1917 года:

«Якоб Шифф фактически сделал публичное заявление, что именно из-за его финансового влияния русская революция была успешно завершена, а весной 1917 года Якоб Шифф начал финансировать Троцкого, еврея, для завершения социальной революции в России».

Отчет содержит другую разнообразную информацию о финансировании Троцкого Максом Варбургом, о роли Рейнско-Вестфальского синдиката и Олофа Ашберга из «Ниа Банкен» (Стокгольм) вместе с Животовским.

Анонимный автор (в действительности служащий министерства военной торговли США)²⁹⁹ заявляет, что связи между этими организациями и их финансированием большевизмской революции показывают, как «была выкована связь между еврейскими мультимиллионерами и еврейскими пролетариями».

²⁹⁷ О действительной роли Шиффа см. Приложение 3.

²⁹⁸ Русский текст этого документа был напечатан (видимо, впервые) в выходившей в Ростове-на-Дону при белых газете «В Москву!» (23.9.1919). Вопреки призывно-обобщающему стилю текст представлен как «документ, составленный высшим комиссаром французского правительства и послом при Федеральном правительстве в Вашингтоне» и имеет обозначение: «-618-6, № 912 — Разв. отд. 2.» Кроме приведенных Э. Саттоном имен, в документе также упоминаются Американский еврейский комитет, парижская фирма «Братья Лазар», банк Гинзбурга, сионистская организация «Поалей», а также 31 фамилия ведущих большевиков-евреев. Жаль, что Э. Саттон далее не называет имя составителя этого текста — «русского, работавшего в министерстве военной торговли США» — это могло бы уточнить источник и степень достоверности его сведений. — *Прим ред. «РИ».*

²⁹⁹ Анонимным автором был русский, работавший в министерстве военной торговли США. Одним из трех директоров министерства военной торговли США был в то время Джон Фостер Даллес.

Далее в отчете приводится список многих большевиков, которые были евреями, и затем излагаются действия Пауля Варбурга, Иуды Магнеса, фирм «Кун, Леб & Ко.» и «Шпейер & Ко.».

Отчет заканчивается шпилькой по адресу «международного еврейства» и приводит аргумент в контексте христиано-еврейского конфликта, подтверждаемый цитатами из «Протоколов Сионских мудрецов».

К этому отчету прилагается ряд телеграмм, которыми обменялись Государственный департамент в Вашингтоне и посольство США в Лондоне в отношении мер, которые должны быть предприняты по этим документам³⁰⁰:

«5399 Великобритания, Тел. 3253 13:00. 16 октября 1919 года, в конфиденциальное досье. Секретно для Уинслоу [Winslow] от Райта [Wright].

Финансовая помощь большевизму и большевицкой революции в России от видных ам. евреев: Якоба Шиффа, Феликса Варбурга, Отто Кана, Менделя Шиффа, Джерома Ханауэра, Макса Брейтунга и одного из Гугенгеймов. Соответствующие документы в распоряжении полиции от французских источников. Запрашиваются любые факты касательно этого».

«17 окт. Великобритания Тел. 6084, полдень г с-h 5399. Весьма секретно. Райту от Уинслоу. Финансовая помощь большевицкой революции от видных ам. евреев. Нет доказательств касательно этого, но ведем расследование. Прошу настоять перед британскими властями о приостановке публикации, по крайней мере, до получения документа Департаментом».

«28 нояб. Великобритания Тел. 6223 R 17:00 5399. Для Райта. Документ касательно финансовой помощи большевикам видными американскими евреями. Отчеты — идентифицированы как французский перевод заявления, первоначально подготовленного по-английски русским гражданином в Ам. и т.д. Кажется очень неразумным предавать гласности».

Было принято согласованное решение прикрыть этот материал, и в досье содержится вывод: «Я думаю, мы похороним все дело».

В эту группу материалов включен еще один документ, помеченный грифом «Совершенно секретно». Источник этого документа неизвестен; возможно, это ФБР или военная разведка. В нем рассматривается перевод «Протоколов Сионских мудрецов» и сделан вывод:

«В этой связи г-ну W. было направлено письмо с приложением меморандума от нас в отношении определенной ин-формации от американского военного атташе о том, что британские власти имеют перехваченные письма от различных групп международных евреев, излагающие план властвования над миром. Копии этих материалов будут нам очень полезны».

Эта информация была явно разработана, и в более позднем отчете британской разведки содержится прямое обвинение:

«Резюме: Теперь существуют определенные доказательства того, что большевизм является международным движением, контролируемым евреями; [их] лидеры в Америке, Франции».

России и Англии обмениваются корреспонденцией для согласованных действий...»³⁰¹.

Однако, ни одно из вышеприведенных заявлений не может быть подтверждено твердым практическим доказательством. Наиболее важная информация содержится в абзаце о том, что британские власти имеют «перехваченные письма от различных групп международных евреев, излагающих план властвования над миром».

Если действительно такие письма существуют, то они явились бы подтверждением

300 U.S. State Dept. Decimal File, 861.00/5399.

301 Great Britain, Directorat of Intelligence. A Monthly Review of the Progress of Revolutionary Movements Abroad, no. 9, July 16, 1913 (861.99/5067). -[Великобритания, Разведывательное управление. «Ежемесячный обзор развития революционных движений за границей», № 9, 16 июля 1913 г. (861.99/5067).]

(или неподтверждением) недоказанной в настоящее время гипотезы, а именно, что большевицкая революция и другие революции являются работой всемирного еврейского заговора.

Более того, когда заявления и утверждения не подтверждены твердыми доказательствами, а попытки найти такое доказательство приводят по кругу вновь к начальной точке — особенно когда кто-то цитирует кого-то еще — то мы должны отбросить такую историю как ложную.

Не существует конкретных доказательств, что евреи были вовлечены в большевицкую революцию, потому что они были евреями. Действительно, быть может, в нее был вовлечен высокий процент евреев, однако, учитывая обращение с евреями в царское время, чего еще можно было ожидать?

Вероятно, в американской революции участвовало много англичан или лиц английско-го происхождения, которые воевали против «красных мундиров». И что из этого? Делает ли это американскую революцию английским заговором?

Заявление Уинстона Черчилля, что евреи сыграли «очень большую роль» в большевицкой революции, поддерживается только искаженными доказательствами. Список евреев, участвовавших в большевицкой революции, необходимо сравнить со списком неевреев, участвовавших в революции.

Если следовать этой научной методике, то пропорция иностранных евреев-большевиков, участвовавших в революции, будет менее 20% от общего числа революционеров — и эти евреи были по большей части депортированы, убиты или сосланы в Сибирь в последующие годы. Фактически, современная Россия продолжает царский антисемитизм.

Важно, что документы в файлах Государственного департамента подтверждают, что инвестиции банкира Якоба Шиффа, часто называемые источником средств для большевицкой революции, фактически были направлены против поддержки большевицкого режима³⁰².

Это положение, как мы увидим, прямо контрастирует с содействием большевикам со стороны Моргана-Рокфеллера.

Настойчивость, с которой проталкивается миф о еврейском заговоре, наводит на мысль, что он вполне может быть намеренным средством для отвлечения внимания от действительных вопросов и действительных причин.

Доказательства, приведенные в этой книге, показывают, что евреи, также бывшие среди нью-йоркских банкиров, играли относительно незначительную роль в поддержке большевиков, тогда как главные роли играли нью-йоркские банкиры-неевреи (Морган, Рокфеллер³⁰³, Томпсон).

Что может лучше отвлечь от действительно действующих сил, чем средневековое пугало антисемитизма?

Приложение 3. Некоторые документы из правительственных архивов США и Великобритании

Примечание: Некоторые документы состоят из нескольких бумаг, которые образуют связанную между собой группу.

Документ №1: Телеграмма посла Фрэнсиса из Петрограда в Государственный департамент США и соответствующее письмо от государственного секретаря Роберта Лансинга президенту Вудро Вильсону (17 * марта 1917 г.).

Документ №2: Документ британского Министерства иностранных дел (октябрь 1917 г.), утверждающий, что Керенский был на жаловании у германского правительства и помогал большевикам.

³⁰² См. Приложение 3.

³⁰³ Семья Рокфеллеров включена в составленную еврейским ученым М. Х. Штерном книгу «Американцы еврейского происхождения» (Americans of Jewish Decent. New York. 1960). — Прим. ред. «РИ».

* Так у Саттона. — Прим. ред. «РИ».

Документ №3: Якоб Шифф из фирмы «Кун, Леб & Ко.» и его позиция в отношении режимов Керенского и большевиков (ноябрь 1917 г.).

Документ №4: Меморандум Уильяма Бойса Томпсона, директора Федерального резервного банка Нью-Йорка, британскому премьер-министру Ллойд Джорджу (декабрь 1917 г.).

Документ №5: Письмо Феликса Франкфутера советскому агенту Сантери Нуортеве (9 мая 1918 г.).

Документ №6: Персонал Советского бюро в Нью-Йорке, 1920; список из досье Комитета Ласка штата Нью-Йорк.

Документ №7: Письмо от банка «Нэшнл Сити» в Министерство финансов США, упоминающее Людвиг Мартенса и д-ра Юлиуса Хаммера (15 апреля 1919 г.).

Документ №8: Письмо советского агента Уильяма (Билла) Боброва Кеннету Дюрану (3 августа 1920 г.).

Документ №9: Меморандум, упоминающий члена фирмы Дж. П. Моргана и британского директора по пропаганде лорда Нортклиффа (13 апреля 1918 г.).

Документ №10: Меморандум Государственного департамента (29 мая 1922 г.) касательно компании «Дженерал Электрик».

Документ № 1

Телеграмма посла США Фрэнсиса из Петрограда в Государственный департамент в Вашингтоне, Округ Колумбия, датированная 14 марта 1917 года и сообщающая о первой стадии русской революции (861.00/273).

«Петроград

Дата: 14 марта 1917 г.

Получена: 15-го, 02:30

Государственному секретарю

Вашингтон

1287. Не мог послать телеграмму с одиннадцатого. Революционеры имеют абсолютный контроль в Петрограде и предпринимают напряженные усилия, чтобы сохранить порядок, что удается за редкими исключениями. Никаких телеграмм после вашей 1251 от девятого, полученной одиннадцатого марта. Временное правительство организовано под управлением Думы, которая отказалась подчиниться указу императора о приостановке ее деятельности.

Родзянко, председатель Думы, издает постановления за своей подписью. Кабинет министров, как сообщают, ушел в отставку. Найденные министры доставлены в Думу, а также многие русские офицеры и высокие официальные лица. Большинство полков, если не все, которым было приказано идти в Петроград, по прибытии присоединились к революционерам. Американская колония в безопасности. Нет сведений о каком-либо ущербе для американских граждан.

Френсис, американский посол»

После получения вышеприведенной телеграммы Роберт Лансинг, государственный секретарь, довел ее содержание до президента Вильсона (861.00/273):

«Лично и конфиденциально.

Мой дорогой г-н президент:

Прилагаю для Вас весьма важную телеграмму, которая только что пришла из Петрограда, а также вырезку из нью-йоркской «Уорлд», в которой напечатано заявление синьора Шалойи, министра без портфеля в итальянском кабинете, которое имеет значение ввиду сообщения г-на Фрэнсиса. Мое собственное впечатление таково, что союзники знают об этом вопросе и, я предполагаю, благоприятно настроены к революционерам, так как дворцовая партия была в течение войны секретно прогерманской.

С совершенным почтением,

Роберт Лансинг Приложение. Президенту, Белый Дом»

Комментарий

Существенной фразой в письме Лансинга Вильсону является: «Мое собственное впечатление таково, что союзники знают об этом вопросе и, я полагаю, благоприятно настроены к революционерам, так как дворцовая партия была в течение войны секретно прогерманской». Необходимо напомнить (см. главу 2) заявление посла Додда, что в эту первую революцию был вовлечен советник президента Вильсона Чарльз Р. Крейн из нью-йоркских компаний «Вестингаус» и «Крейн».

Документ № 2

Меморандум из архива Министерства иностранных дел Великобритании FO 371/2999 (Война-Россия), 23 октября 1917 года, досье № 3743.

«Лично (и) секретно.

Из более чем одного источника к нам поступают беспокоящие слухи о том, что Керенский находится на жаловании у Германии и что он и его правительство делают все, чтобы ослабить и дезорганизовать Россию, приведя ее к положению, когда никакой другой курс, кроме сепаратного мира, будет невозможен. Считаете ли вы, что есть основания для таких инсинуаций, и что правительство, воздерживаясь от эффективных действий, целенаправленно позволяет большевикам набирать силу?

Если это будет вопросом подкупа, мы должны быть в состоянии успешно конкурировать, если бы стало известно, как и через каких агентов это может быть сделано, хотя это и неприятная мысль».

Комментарий

Относится к информации, что Керенский состоял на жаловании у Германии.

Документ № 3

Состоит из четырех частей:

а) Телеграмма посла Фрэнсиса от 27 апреля 1917 г. из Петрограда в Вашингтон, Округ Колумбия, с просьбой о передаче сообщения от видных российских банкиров-евреев видным банкирам-евреям в Нью-Йорке, предлагающих им подписаться на «Заём свободы» Керенского (861.51/139).

б) Ответ Луиса Маршалла (10 мая 1917 г.), представляющего американских евреев; он отклонил предложение, выразив поддержку Американскому займу свободы (861.51/143).

в) Письмо Якоба Шиффа из «Кун, Леб и Ко.» (25 ноября 1918 г.) в Государственный департамент (г-ну Полку), передающее сообщение русского банкира-еврея Каменки с призывом к союзникам о помощи против большевиков («потому что большевицкое правительство не представляет русский народ»).

г) Телеграмма от Каменки, переданная Якобом Шиффом.

а)

«Государственному секретарю

Вашингтон 1229, двадцать седьмое

Просьба передать следующее Якобу Шиффу, судье Брандейсу, профессору Готтхайлю, Оскару Штраусу, раввину Вайзу, Луису Маршаллу и Моргенту:

«Мы, российские евреи, всегда верили, что освобождение России означает и наше освобождение. Будучи глубоко преданными стране, мы возложили свое полное доверие на Временное правительство. Мы знаем неограниченную экономическую мощь России и ее неисчерпаемые природные ресурсы, и то равноправие, которое мы получили, позволит нам участвовать в развитии страны. Мы твердо верим, что победный финиш войны, благодаря нашим союзникам и США, близок.

Временное правительство сейчас выпускает новый государственный заём свободы, и мы считаем нашим национальным долгом поддержать этот заём, имеющий жизненно важное значение для войны и свободы. Мы уверены, что Россия имеет непоколебимую силу

государственного кредита и легко перенесет все необходимое финансовое бремя. Мы образовали специальный комитет российских евреев для поддержки займа, состоящий из представителей финансовых, промышленных и торговых кругов, а также ведущих государственных деятелей.

Мы сообщаем вам об этом и просим наших братьев за океаном поддержать свободу русских, которая стала теперь делом гуманности и мировой цивилизации. Мы предлагаем вам образовать у себя специальный комитет и сообщить нам о мерах, которые вы можете предпринять в поддержку еврейского комитета для успеха займа свободы. Борис Каменка, председатель, барон Александр Гинзбург, Генри Слюзберг».

Фрэнсис»

б)

«Дорогой г-н Секретарь:

После сообщения нашим коллегам результата беседы, которую вы любезно провели с г-ном Моргентау, г-ном Штраусом и мной в отношении целесообразности призыва к подписке на «Заём русской свободы», о чем просят барон Гинзбург и г-да Каменка и Слюзберг в телеграмме из Петрограда, которую вы недавно передали нам, мы пришли к выводу, что будем действовать строго по Вашей рекомендации. Несколько дней тому назад мы пообещали нашим друзьям в Петрограде срочно ответить на их призыв о помощи. Поэтому мы были бы весьма благодарны за направление следующей телеграммы, при условии ее одобрения Вами:

«Борису Каменке

Азовско-Донской банк, Петроград.

Наш Государственный департамент, с которым мы проконсультировались, считает любые попытки в настоящее время осуществить широкую подписку на любые иностранные займы нецелесообразным, причем существенно важное значение имеет концентрация всех усилий на успехе американских военных займов, что даст возможность нашему правительству предоставить средства нашим союзникам по более низким процентным ставкам, чем было бы возможно в ином случае. Поэтому наша энергия с целью самым эффективным способом помочь русскому делу должна быть обязательно направлена на поощрение подписки на американский заём свободы.

Шифф, Маршалл, Штраус, Моргентау, Вайз, Готтхаль.»

Вы, конечно, можете по Вашему желанию свободно внести в текст этой предлагаемой телеграммы любые изменения, которые будут указывать, что причиной нашей невозможности прямо ответить на просьбу, которая к нам поступила, является наша озабоченность тем, чтобы сделать нашу деятельность наиболее эффективной.

Могу ли я просить Вас направить мне копию посланной телеграммы с запиской о стоимости, чтобы расходы Департамента могли быть возмещены незамедлительно.

С большим уважением и совершенным почтением [подписано] Луис Маршалл

Государственному секретарю Вашингтон,

Округ Колумбия»

в)

«Дорогой г-н Полк:

Разрешите мне направить Вам копию телеграммы, полученной сегодня утром, которая, по моему мнению, должна быть для порядка доведена до сведения государственного секретаря или до Вас для такого рассмотрения, которое может быть сочтено приемлемым.

Г-н Каменка, отправитель этой телеграммы, является одним из ведущих людей в России и был, по имеющейся у меня информации, финансовым советником правительства князя Львова и правительства Керенского. Он является председателем Азовско-Донского коммерческого банка в Петрограде, одного из наиболее серьезных финансовых учреждений России, но, вероятно, будет вынужден покинуть Россию с приходом Ленина и его «товарищей».

Разрешите мне воспользоваться этой возможностью, чтобы передать сердечные приветствия Вам и г-же Полк и выразить надежду, что Вы вновь находитесь в прекрасной форме и что г-жа Полк и дети пребывают в добром здравии.

С совершенным почтением,
[подписано] Якоб Х. Шифф Фрэнку Л. Полку
Советнику Государственного департамента
Вашингтон, Округ Колумбия
Приложение.»
[датировано 25 ноября 1918 года]

г)

Перевод:

«Полный триумф свободы и права дает мне новую возможность снова выразить Вам мое глубокое восхищение благородным американским народом. Надеюсь теперь увидеть быстрый прогресс со стороны союзников в помощи России в восстановлении порядка. Привлекаю Ваше внимание также к насущной необходимости замены на Украине вражеских войск в самый момент их отхода, чтобы избежать большевицкого опустошения. Дружеское вмешательство союзников будет приветствоваться везде с энтузиазмом и рассматриваться как демократическая акция, так как большевицкое правительство не представляет русский народ. Писал Вам 19 сентября. С сердечными

приветствиями,

[подписано] Каменка»

Комментарий

Это важная серия документов, так как она опровергает теорию заговора еврейских банкиров, стоящего за большевицкой революцией. Якоб Шифф из фирмы «Кун, Леб и Ко.» явно не был заинтересован в поддержке «Займа свободы» Керенского³⁰⁴, и Шифф нажил себе неприятности, привлекая внимание Государственного департамента к просьбам Каменки о вмешательстве союзников против большевиков. Очевидно, что Шифф и коллега-банкир Каменка, в отличие от Дж. П. Моргана и Джона Д. Рокфеллера, были так же не рады большевикам, как и ранее царям.

Документ № 4

Меморандум от Уильяма Бойса Томпсона (директор Федерального резервного банка Нью-Йорка) Ллойд Джорджу (премьер-министр Великобритании), декабрь 1917 г.

«Первое

Контроль над российской ситуацией утрачен, Россия лежит полностью открытой для беспрепятственной эксплуатации Германией, если сейчас же и радикально не изменить политику, проводимую союзниками.

Второе

Из-за своей недальновидной дипломатии союзники со времени революции не достигли ничего выгодного и нанесли существенный вред своим интересам.

Третье

Представителям союзников в Петрограде не хватает дружелюбного понимания желания русского народа установить демократию. Наши представители сначала были официально связаны с царским режимом. Естественно, они испытывали влияние того окружения.

Четвертое

С другой стороны, немцы в то же время вели пропаганду, которая несомненно помогла

³⁰⁴ Однако «Еврейская энциклопедия» сообщает, что «в 1917 г. Шифф оказал помощь солидным кредитом правительству Керенского» (Encyclopaedia Judaica. 1971. Jerusalem. Vol. 14. P. 961). А из книг самого Саттона мы узнаем, что фирма Шиффа «Кун, Леб и Ко.» сотрудничала с большевиками, вывозя в США русское золото (см. главу 9), и затем «финансировала пятилетки» (U.S. State Dec. File 811.51/3711 and 861.50 Five Year Plan/236; Sutton A. Western Technology and Soviet Economic Development. Vol. 2. P. 340). О роли Я. Шиффа в подготовке революции см. послесловие издателя. — Прим. ред. «РИ».

им, и существенно, в развале правительства, разложении армии, разрушении торговли и промышленности. Если это будет продолжаться беспрепятственно, результатом может быть полная эксплуатация огромной страны Германией, противостоящей союзникам.

Пятое

Я основываю мое мнение на тщательном и подробном изучении ситуации как в официальных кругах, так и вне их во время моего пребывания в Петрограде с 7 августа по 29 ноября 1917 г.

Шестое

«Что можно сделать для улучшения ситуации в пользу союзников в России?»

Дипломатический персонал, как британский, так и американский, следует заменить на демократический по духу, способный не дать угаснуть симпатиям к демократии.

Необходимо создать мощный неофициальный комитет со штаб-квартирой в Петрограде для действий, так сказать, на заднем плане, влияние которого в вопросах политики должно признаваться и приниматься ДИПЛОМАТИЧЕСКИМИ, КОНСУЛЬСКИМИ и ВОЕННЫМИ официальными лицами союзников.

Комитет должен иметь такой персональный состав, чтобы сделать возможным наделение его широкими и разнообразными полномочиями. Предположительно, он будет действовать по различным каналам. Характер их станет очевидным в процессе выполнения задачи; он будет нацелен на любые новые условия, которые могут возникнуть.

Седьмое Сейчас невозможно полностью определить сферу деятельности этого нового союзного комитета. Я мог бы, наверное, помочь лучше понять его возможную полезность, сделав краткую ссылку на работу, которую я начал и которая сейчас находится в руках Раймонда Робинса, который хорошо и с благоприятной точки зрения известен полковнику Бучану — работа, которую в будущем несомненно придется в чем-то изменить и дополнить с целью соответствия новым условиям.

Моя работа выполнялась главным образом через российский «Комитет по народному образованию» при помощи мадам Брешковской, бабушки революции.

Ей помогал д-р Давид Соскис, частный секретарь тогдашнего премьер-министра Керенского (сейчас в Лондоне); Николай Васильевич Чайковский, в свое время председатель Крестьянского кооперативного общества, и другие видные социал-революционеры, являющиеся спасительным элементом демократии между крайними «правыми» из официального и имущего класса и крайними «левыми», воплощающими в себе наиболее радикальные элементы социалистических партий.

Цель этого Комитета, как сказано в телеграфном сообщении мадам Брешковской президенту Вильсону, можно понять из такой цитаты: «Широкое распространение образования необходимо для того, чтобы сделать Россию упорядоченной демократией. Мы планируем довести это образование до солдата в окопе, до рабочего на фабрике, до крестьянина в деревне».

Помогавшие в этой работе осознавали, что в течение столетий массы находились под пятой самодержавия, которое было им не защитой, а угнетением, что демократическая форма правления в России может быть сохранена только ПУТЕМ ПОРАЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ, ПУТЕМ СВЕРЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ АВТОКРАТИИ.

Можно ли было ожидать, что свободная Россия, не готовая к большой ответственности правительства, необразованная, неподготовленная долго просуществует, когда ее ближайшим соседом является имперская Германия? Определенно нет. Демократическая Россия вскоре стала бы величайшим военным трофеем, который когда-либо знал мир.

Комитет рассчитывал иметь образовательный центр в каждом полку русской армии в форме солдатских клубов. Эти клубы организовывались с максимально возможной быстротой, и для занятий с солдатами нанимали лекторов. В действительности эти лекторы были учителями, и следует напомнить, что среди солдат в России 90% не могли ни читать, ни писать.

Во время большевицкого переворота многие из этих лекторов уже действовали, создавая хорошее впечатление и достигая превосходных результатов. Только в Москве их было 250. Комитет предполагал довести число лекторов по крайней мере до 5000. Мы публиковали много газет на уровне «азбуки» с простейшей подачей материала и участвовали еще примерно в ста. Эти издания несли в дома рабочих и крестьян призыв к патриотизму, единству и равенству.

После свержения последнего правительства Керенского мы материально помогали распространению большевицкой литературы как через агентов, так и разбрасыванием с самолетов над германской армией. Если это предложение допустимо, вполне можно рассмотреть вопрос о желательности направления той же самой большевицкой литературы в Германию и Австрию через Западный и Итальянский фронты.

Восьмое

Наличие небольшого числа войск союзников в Петрограде определенно многое сделало бы для предотвращения свержения правительства Керенского в ноябре. Мне хотелось бы предложить Вам на рассмотрение, если сохранятся теперешние условия, концентрацию всех британских и французских государственных служащих в Петрограде; при необходимости из них можно будет сформировать достаточно эффективную силу.

Может оказаться целесообразным платить небольшую сумму каким-нибудь русским отрядам. Есть также большая группа добровольцев, набранных в России; многие из них принадлежат к классу интеллигенции и провели превосходную работу в окопах. Им нужно надлежащим образом помочь.

Девятое

Если вы спросите о дальнейшей программе, я бы сказал, что сейчас дать ее невозможно. Я полагаю, что разумная и смелая работа все же воспрепятствует тому, чтобы Германия заняла эту сферу для себя, и таким образом предотвратит эксплуатацию ею России за счет союзников. В процессе работы по мере ее развития выявится много путей, которыми можно будет оказывать эту помощь».

Комментарий

После этого меморандума военный кабинет Великобритании изменил свою политику на политику умеренного пробольшевизма. Отметим, что Томпсон признает распространение большевицкой литературы его агентами.

Неразбериха с датой, когда Томпсон покинул Россию (в этом документе он говорит о 29 ноября), проясняется в бумагах Пирни, находящихся в Гуверовском институте. В планы поездки вносились изменения, и в начале декабря Томпсон все еще был в России. Меморандум был, вероятно, написан в Петрограде в конце ноября.

Документ № 5

Письмо Феликса Франкфуртера (тогда специального помощника военного министра) большевицкому агенту в США Сантери Нуортеве (псевдоним Александра Ниберга), датированное 9 мая 1918 г. В досье Комитета Ласка, Нью-Йорк, указано как документ № 1544.

«Военное министерство Вашингтон

9 мая 1918 г. Мой дорогой г-н Нортева [так]:

Весьма благодарен Вам за Ваше письмо от 4-го. Я знал, что Вы поймете чисто дружеский и полностью неофициальный характер нашей беседы, и я ценю быстрые меры, которые Вы предприняли, чтобы исправить Ваше письмо к Сироле³⁰⁵. Будьте полностью уверены, что не произошло ничего уменьшающего мой интерес к вопросам, которые Вы ставите. Совсем наоборот. Я весьма заинтересован в соображениях³⁰⁶, которые Вы выдвигаете, и в точке зрения, на которой Вы настаиваете. Вопросы³⁰⁷, поставленные на карту, это интересы,

³⁰⁵ Юрье Сирола был большевиком и комиссаром в Финляндии.

³⁰⁶ В первоначальном тексте было: «сердечно благодарен Вам за».

³⁰⁷ В первоначальном тексте: «интересы».

которые много значат для всего мира. Чтобы адекватно обращаться с ними, нам нужны все знания и мудрость, которые мы могли бы получить³⁰⁸.

С сердечным приветом,
Феликс Франкфуртер
Г-ну Сантери Нуортеве».

Комментарий

Это письмо Франкфуртер написал Нуортеве-Нибергу, большевицкому агенту в США, в то время, когда Франкфуртер занимал официальный пост специального помощника военного министра Бейкера в Военном министерстве. Очевидно Ниберг согласился внести изменения в письмо к комиссару Сироле согласно инструкциям Франкфуртера. Комитет Ласка получил первоначальный проект Франкфуртера с изменениями Франкфуртера, но не письмо, полученное Нибергом.

Документ № 6 Советское бюро в 1920 году

Должность	Имя	Гражданство	Уроженец	Прежняя работа
Представитель СССР	Людвиг К.А.К. Мартенс	Германия	Россия	Вице-президент фирмы «Вайнберг & Познер Инжиниринг» (Бродвей 120)
Управляющий бюро	Григорий Вайнштейн	Россия	Россия	Журналист
Секретарь	Сантери Нуортева	Финляндия	Россия	Журналист
Помощник секретаря	Кеннет Дюран	США	США	1) Комитет США по общественной информации 2) Бывший адъютант полковника Хауса
Частный секретарь Нуортевы	Дороти Кин	США	США	Средняя школа
Переводчик	Мари Моделл	Россия	Россия	Школа в России
Клерк по архиву	Александр Коулмен	США	США	Средняя школа
Телефонистка	Бланш Абушевич	Россия	Россия	Средняя школа
Вахтер	Нестор Кунцевич	Россия	Россия	

³⁰⁸ В первоначальном тексте добавлено: «в эти дни».

Военный эксперт	Подполковник Борис Тагуев Рустам Бек	Россия	Россия	Военный критик в «Дейли Экспресс» Лондон
Коммерческий отдел				
Начальник	А. Геллер	Россия	А СШ	Компания «Интернэшнл Оксиджен»
Секретарь	Элла Тач	Россия	А СШ	Американские фирмы
Клерк	Роуз Холланд	США	А СШ	Лига «Гэри Скул»
Клерк	Генриэтта Меревич	Россия	Россия	Служащая
Клерк	Роза Байере	Россия	Россия	Школа
Статистик	Владимир Ольховский	Россия	Россия	Русская армия
Отдел информации				
Начальник	Эванс Кларк	США	А СШ	Принстонский ун-т
Клерк	Нора Г. Смитман	США	А СШ	«Экспедиция мира» Форда
Стенографистка	Этта Фокс	США	А СШ	Министерство военной торговли
	Уилфрид Р. Хамфриз	Великобритания		Американский Красный Крест
Технический отдел				
Начальник	Артур Адамс	Россия	А СШ	
Отдел образования				
Начальник	Уильям Малиссов	Россия	А СШ	Колумбийский ун-т
Отдел медицины				
Начальник	Лев А. Хюбш	Россия	А СШ	Врач
	Д.Х. Дубровский	Россия	А СШ	Врач

Юридический отдел				
Начальник	Моррис Хил-лквит	Литва		
Консультанты на договоре	Чарльз Рехт			
	Дудли Филд Малоне			
	Джордж Гордон Бэтл			
Отдел экономики и статистики				
Начальник	Исаак А. Гурвич. Ева Иоффе	Россия	США	Бюро переписи США Национальная комиссия по детскому труду
Стенографистка	Елизабэт Гольдштейн	Россия	США	Студентка
Редакция «Советской России»				
Управляющий редактор	Джейкоб У. Хартман	США	СШ А	Городской колледж Нью-Йорка
Стенографистка	Рая Троцкая	Россия	Россия	Студентка
Переводчик	Теодор Бреслауэр	Россия	Россия	
Клерк	Василий Иванов	Россия	Россия	
Клерк	Дэвид Олдфилд	Россия	Россия	
Переводчик	И. Бланкштейн	Россия	Россия	
Управляющий редактор	Джейкоб У. Хартман	США	СШ А	Городской колледж Нью-Йорка
Стенографистка	Рая Троцкая	Россия	Россия	Студентка
Переводчик	Теодор Бреслауэр	Россия	Россия	

Источник: U.S., House, Conditions in Russia (Committee on Foreign Affairs), 66th Cong., 3rd sess. (Washington, D.C., 1921).

См. также британский список в: U.S. State Dept. Decimal File, 316-22-656, где также есть имя Юлиуса Хаммера.

Документ № 7

Письмо от банка «Нэшнл Сити», Нью-Йорк, в Министерство финансов США от 15 апреля 1919 г. касательно Людвига Мартенса и его приятеля д-ра Юлиуса Хаммера (316-118).

«Нэшнл Сити Бэнк Нью-Йорка Нью-Йорк, 15 апреля 1919 г.

Достопочтенному Джозелу Рэтбону,

Заместителю министра финансов Вашингтон,

Округ Колумбия

Дорогой г-н Рэтбон:

Осмелюсь приложить к настоящему письму фотографии двух документов, которые мы получили сегодня утром заказным письмом от г-на Л. Мартенса, который объявляет себя представителем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в США, что засвидетельствовано д-ром Юлиусом Хаммером в качестве исполняющего обязанности начальника финансового отдела.

Вы увидите из этих документов, что нам предъявляется требование в отношении всех средств, находящихся у нас на депозитном счете на имя г-на Бориса Бахметьева, якобы российского посла в США, или на имя любого частного лица, комитета или миссии, претендующих на то, что они действуют в пользу российского правительства, подчиняясь г-ну Бахметьеву или непосредственно.

Мы были бы весьма рады получить от Вас любой совет или указания, которые Вы можете дать нам по этому вопросу.

С искренним уважением, [подписано] Дж. Х. Картер вице-президент Приложение»

Комментарий

Это письмо имеет значение относительно длительной связи семейства Хаммеров с Советами.

Документ № 8

Письмо, датированное 3 августа 1920 года, от советского курьера «Билла» Боброва Кеннету Дюрану, бывшему адъютанту полковника Хауса. Взято у Боброва Министерством юстиции США.

«Министерство юстиции

Бюро расследований 15 Парк Роу,

Нью-Йорк, штат Нью-Йорк

10 августа 1920 г. Директору Бюро расследований, Министерство юстиции США, Вашингтон, Округ Колумбия

Многоуважаемый сэр: Подтверждая телефонную беседу с г-ном Рачем, состоявшуюся сегодня, передаю при этом оригинальные документы, изъятые из имущества Б.Л. Боброва, пароход «Фредерик VIII».

Письмо на имя г-на Кеннета Дюрана, подписанное Биллом и датированное 3 августа 1920 года, вместе с переводом из «Правды» от 1 июля 1920 года за подписью Троцкого и копии телеграмм были обнаружены внутри голубого конверта, адресованного г-ну Кеннету Дюрану, 228 Саут 19-я стрит, Филадельфия, штат Пенсильвания. Этот голубой конверт был, в свою очередь, запечатан внутри прилагаемого белого конверта.

Большая часть имущества г-на Боброва состояла из каталогов на оборудование, спецификаций, корреспонденции, касающейся отправки различного оборудования в российские порты. Г-н Бобров был тщательно опрошен агентом Дэвисом и таможенными властями; подробный отчет об этом будет направлен в Вашингтон.

С искренним уважением Г.Ф. Лэмб Начальник отделения»

Письмо Кеннету Дюрану

«Дорогой Кеннет: Благодарю за столь приветливое письмо. Я очень сильно ощущал свою оторванность и окруженность врагами, и чувство это резко усилилось в результате последних событий. Я испытывал отчаяние из-за неспособности добиться другого отношения к бюро и как-то доставить средства Вам.

Телеграфный перевод 5000 долларов Вам, как это было сделано на прошлой неделе, является всего лишь унылой шуткой. Я надеюсь, что предложение продавать золото в Америке, о чем мы недавно телеграфировали, будет вскоре сочтено осуществимым.

Вчера мы телеграфировали запрос, могли бы Вы продать 5.000.000 рублей минимум по 45 центов при теперешнем рыночном курсе 51,44 цента. Это дало бы чистыми по крайней мере 2.225.000 долларов. Л. сейчас нужно 2.000.000 долларов, чтобы заплатить компании «Нильс Йуул & Ко.» в Христиании за первую часть партии угля из Америки в Вардо, Мурманск и Архангельск. Первый пароход приближается к Вардо, а второй выходит из Нью-Йорка примерно 28 июля.

В общем, «Нильс Йуул & Ко.» или скорее «Норгес Банк» в Христиании на своем и нашем счету держат наши золотые рубли на сумму 11.000.000 долларов, которые они сами доставили из Ревеля в Христианию в качестве обеспечения нашего заказа на уголь и фрахта, но предложения на покупку этого золота, которые они до сих пор смогли получить, очень плохие, лучшее из них это 575 долларов за килограмм, тогда как курс, предлагаемый Американским монетным двором или Министерством финансов, сейчас равен 644,42, и учитывая задействованную крупную сумму, было бы позором дать ей уйти со слишком большим убытком.

Я надеюсь, что прежде чем Вы получите это, Вы сможете осуществить продажу, одновременно таким образом получив четверть миллиона долларов или больше для бюро.

Если мы не сможем каким-то образом в течение очень короткого времени выплатить 2.000.000 долларов в Христиании, а срок этого платежа истек четыре дня назад, то «Нильс Йуул & Ко.» получат право продать удерживаемое ими наше золото по лучшей цене, чем возможная для нас, которая, как уже сказано, совсем низкая.

Мы еще не знаем, как идут канадские переговоры. Мы понимаем, что Нуортева передал все нити Шоэну, когда арест Н. казался неизбежным. Во время написания этого письма мы не знаем, где находится Нуортева.

Мы догадываемся, что после его вынужденного возвращения в Англию из Эсбьерга, Дания, сэр Бэзил Томпсон посадил его на пароход в Ревель, но из Ревеля еще не сообщили, что он туда прибыл, а мы, конечно, получили бы весть от Гуковского или от самого Н-вы.

Хамфриз виделся с Нуортевой в Эсбьерне и из-за этого сам имеет проблемы с датской полицией. Были проверены все его связи; его паспорт отобрали; дважды он был на допросе, и все выглядит так, что он будет счастлив, если избежит депортации.

Это было две недели назад, когда Нуортева прибыл в Эсбьерг в 300 милях отсюда, но без датской визы датские власти отказались разрешить ему сойти на берег, и он был перевезен на пароход, готовый к отходу в 8 часов следующего утра.

После уплаты залога в 200 крон ему разрешили на пару часов сойти на берег. Желая связаться с Копенгагеном по телеграфу и практически не имея больше денег, он заложил свои золотые часы за 25 крон и благодаря этому связался с Хамфризом, который через полчаса вскочил в ночной поезд, спал на полу, и прибыл в Эсбьерг в 7:30.

Хамфриз нашел Нуортеву, получил разрешение от капитана взойти на борт, провел 20 минут с Н., затем ему пришлось сойти на берег, и пароход отошел. Затем Хамфриз был приглашен в полицейский участок двумя людьми в штатском, которые наблюдали за происходившим.

Его подробно расспросили и, записав его адрес, освободили, тем же вечером он уехал обратно в Копенгаген. Он послал телеграмму Эверу, в «Дейли геральд», Шоэну и Клишко по адресу Нью-Бонд стрит, настаивая, чтобы они встретили пароход Нуортевы, с тем, чтобы Н. нельзя было снова тайно похитить, но мы еще не знаем, что в действительности случи-

лось.

Британское правительство энергично отрицало, что оно имеет какие-либо намерения высылать его в Финляндию. Москва пригрозила ответными мерами, если с ним что-нибудь случится.

В то же время начался допрос Х. К нему пришли в отель полицейские и предложили пройти в полицию, но не арестовали, и мы думаем, что его дело сейчас находится у министра юстиции.

Каков бы ни был окончательный результат, Хамфриз отмечает проявленную к нему разумную вежливость, противопоставляя ее жестокости красных набегов в Америке.

Он выяснил, что в полиции знали содержание некоторых отправленных им писем и телеграмм.

Мне были интересны Ваши благоприятные комментарии к интервью Красина с Тобенкеном (Вы не упоминаете Литвинова), так как мне пришлось сражаться, как демону, с Л., чтобы добиться возможностей для Тобенкена.

Хотя Т. прибыл с письмом от Нуортевы, как и Артур Рул, Л. бесцеремонно отклонил меньше чем за одну минуту заявление Т. о въезде в Россию, не уделив времени, чтобы его выслушать, и сказав, что невозможно разрешить въезд в Россию двум корреспондентам от одного издания. Он дал визу Рулу главным образом из-за обещания, данного Рулу Л-м прошлым летом.

Рул затем выехал в Ревель, чтобы ожидать там разрешения, которое должна дать Москва по просьбе Л-ва. Тобенкен нервный, почти сломленный человек из-за отказа, оставался здесь. Я понимал, что ошибка была допущена в результате того скоропалительного суждения, и начал работу, чтобы изменить его.

Короче, я доставил его в Ревель с письмом Гуковскому от Л. Тем временем Москва отказала Рулу, несмотря на визу, выданную Л-м. Л. расвирепел из-за такого аннулирования его визы и настаивал на признании ее.

Это произошло, когда Рул готовился к отъезду. Внезапно из Москвы ему пришло извещение, аннулирующее разрешение, и Литвинову сообщили, что по информации, поступившей в Москву, Рул находится на службе у Государственного департамента. В момент написания этого письма и Тобенкен, и Рул были в Ревеле, ошарашенные.

Я сказал Л. сегодня утром, что судно отходит завтра и что есть курьер, спросил, есть ли у него что-нибудь написать Мартенсу, предложил застенографировать это для него, но нет, он сказал, что писать нечего, и что я могу, возможно, послать копии наших последних телеграмм Мартенсу.

Каменев проследовал мимо на британском эсминце в Лондон и не остановился здесь, а Красин ехал прямо из Стокгольма. О переговорах союзных сил и Польши и об общей ситуации вы знаете примерно столько же, сколько и мы здесь.

Переговоры Л. с итальянцами в конце концов привели к созданию взаимного представительства. Наш представитель, Боровский, уже отбыл в Италию, а их представитель М. Гравина находится на пути в Россию. Мы только что отправили два судна с зерном в Италию из Одессы.

Передайте мои наилучшие пожелания людям Вашего круга, которых я знаю. С добрыми пожеланиями Вам.

Искренне Ваш, Билл

Партия писем, которые Вы послали 5 Крэнбурн Роуд, Чарлтонкум Харди, Манчестер, еще не прибыла.

Рекомендация Л. В Москве, после того как М. просил переехать в Канаду, состоит в том, что М. должен быть туда назначен, и что Н., проведя несколько недель в Москве и ознакомившись сам с делом из «первых рук», должен быть назначен представителем в Америке.

Л. резко критикует бюро за слишком легкую выдачу виз и рекомендаций. Он был явно

удивлен и рассержен, когда Б. приехал сюда с контрактами, заключенными в Москве в силу писем, данных ему М. Последующее сообщение М. явно не поступило в Москву. Что Л. планирует делать в этом отношении, я не знаю. Я предложил бы, чтобы М. телеграфировал шифром свою рекомендацию Л. по этому вопросу. Л. не будет иметь ничего общего с Б. здесь. Может создаться ужасная ситуация.

Л. также настаивал на рекомендации Рабинова.

Два конверта, г-ну Кеннету Дюрану, 228 Саут 19-я стрит, Филадельфия, штат Пенсильвания, США».

Источник: U.S. State Dept. Decimal File, 316-119-458/64.

Примечание:

идентификация отдельных лиц Уильям (Билл) Л. Бобров — советский курьер и агент. В Милуоки имел фирму «Боброфф Форин Трейдинг энд Инжиниринг Компани». Изобрел систему голосования, использовавшуюся в законодательных учреждениях штата Висконсин.

Кеннет Дюран — адъютант полковника Хауса, см. в тексте.

Шоэн — сотрудник фирмы «Интернэшнл Оксиджен», принадлежащей Геллеру, видному финансисту и коммунисту.

Эвер — советский агент, репортер «Лондон дейли геральд».

Клишко — советский агент в Скандинавии.

Нуортева — также известен как Александр Ниберг, первый советский представитель в США, см. текст.

Сэр Бэзил Томпсон — глава британской разведки.

Л. — Литвинов.

Х. — Уилфрид Хамфриз, связанный с Мартенсом и Литвиновым, член Красного Креста в России.

Красин — большевицкий комиссар по торговле и промышленности, бывший глава отделения фирмы «Сименс-Шуккерт» в России.

Комментарий

Это письмо указывает на тесные связи между Бобровым и Дюраном.

Документ № 9

Меморандум, ссылающийся на запрос от Дэвисона (партнер Моргана) Томасу Тэчеру (юрист с Уолл-Стрита, связанный с Морганом) и переданный Дуайту Морроу (партнеру Моргана), 13 апреля 1918 г.

«Отель «Беркли», Лондон

13 апреля 1918 г. Уважаемому Уолтеру Х. Пейджу,
американскому послу в Англии, Лондон

Многоуважаемый сэр:

Несколько дней назад я получил просьбу от г-на Х.П. Дэвисона, председателя Военного совета американского Красного Креста, посоветоваться с лордом Нортклиффом о ситуации в России и затем проследовать в Париж на другие переговоры.

Я не смог переговорить с лордом Нортклиффом из-за его болезни, но я оставляю у г-на Дуайта У. Морроу, который сейчас живет в отеле «Беркли», меморандум о ситуации, который г-н Морроу передаст лорду Нортклиффу, когда последний возвратится в Лондон.

Для информации Вам и Департаменту я прилагаю к настоящему письму копию меморандума.

С уважением [подписано] Томас Д. Тэчер»

Комментарий

Лорд Нортклифф был только что назначен директором по пропаганде. Это интересно в свете его связей с предприятиями Моргана-Рокфеллера и субсидий Уильяма Б. Томпсона на большевицкую пропаганду.

Документ № 10

Этот документ является меморандумом Д.К. Пула, отдел по русским вопросам Государственного департамента. Государственному секретарю о беседе с г-ном М. Оудином из компании «Дженерал Электрик».

«29 мая 1922 г.

Господин Секретарь:

Г-н Оудин из компании «Дженерал Электрик» информировал меня сегодня утром, что, по мнению его компании, приближается время начать переговоры с Красиным о возобновлении дел в России. Я сказал ему, что, по мнению Департамента, курс, который изберут в этом вопросе американские фирмы, будет определяться соображениями бизнеса и что Департамент, конечно, не будет ставить препятствий какой-либо американской фирме, возобновившей деятельность в России на любой основе, которую она сочтет приемлемой.

Он сказал, что сейчас проходят переговоры между компанией «Дженерал Электрик» и акционерным обществом «Альгеймайне Электрицитэтсгезельшафт» по возобновлению рабочего соглашения, которое они осуществляли до войны. Он ожидает, что соглашение, которое будет подготовлено, будет включать положение о сотрудничестве в России.

С уважением, Д.К. Пул»

Комментарий

Это важный документ, так как он относится к приближающемуся возобновлению отношений с Россией влиятельной американской компании. Он показывает, что инициатива исходила от компании, а не от Государственного департамента, и что при этом не учитывался эффект передачи технологий компании «Дженерал Электрик» откровенному врагу. Это соглашение компании «Дженерал Электрик» было первым шагом на пути крупных передач технологии, которые прямо привели к гибели 100.000 американцев и огромного числа союзников.

Избранная библиография

Adam, George. Treason and Tragedy: An Account of French War Trials. London: Jonathan Cape, 1929.

American Red Cross Archives. Minutes of the War Council of the American National Red Cross, Washington, D.C., May 1917; and Billings report to Henry P. Davison, October 22, 1917, Washington, D.C.

Aschberg, Olof. En Vandrande Jude Fran Glasbruksgatan. Stockholm: Albert Bonniers Fflrlag, n.d.

Binion, Rudolph. Defeated Leaders. New York: Columbia University Press, 1960.

Bradley, John. Allied Intervention in Russia. London: Weidenfeld and Nicolson, 1968.

British War Cabinet Papers. Public Records Office, London.

Browder, Robert Paul, and Kerensky, Alexander F. The Russian Provisional Government, 1917. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1961.

Bruntz, George G. Allied Propaganda and the Collapse of the German Empire in 1918. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1936.

Buley, R. Carlyle. The Equitable Life Assurance Society of the United States. New York: Appleton-Century-Crofts, n.d.

Collman, Charles U. Die Kriegstreiber in Wall Street. Leipzig: Verlag von Rudolf Schick, 1917.

Corey, Lewis. House of Morgan: A Social Biography of the Masters of Money. New York: G.H. Watt, 1930.

Crankshaw, Edward. The Forsaken Idea: A Study of Viscount Milner. London: Longmans Green, 1952.

- Cumming, C.K., and Pettit, Walter W. *Russian-American Relations, Documents and Papers*. New York: Harcourt. Brace & Howe, 1920.
- Diggins, John P. *Mussolini and Fascism: The View from America*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1972.
- Dodd, William E. *Ambassador Dodd's Diary, 1933-1938*. New York: Harcourt, Brace, 1941.
- Domhoff, G. William. *Who Rules America?* Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967.
- Dulles, John Foster. *American Red Cross*. New York: Harper, 1950.
- Futrell, Michael. *Northern Underground*. London: Faber and Faber, 1963.
- Hagedorn, Hermann. *The Magnate: William Boyce Thompson and His Time (1869-1930)*. New York: Reynal & Hitchcock, 1935.
- Hicks, Granville. *John Reed, 1887-1920*. New York: Macmillan, 1936.
- Hillquit, Morris. *Loose Leaves from a Busy Life*. New York: Macmillan, 1934.
- Howe, Frederick C. *The Confessions of a Monopolist*. Chicago: Public Publishing, 1906.
- Johnson, Severance. *The Enemy Within*. London: George Alien & Unwin, 1920.
- Katkov, George. «German Foreign Office Documents on Financial Support to the Bolsheviks in 1917». *International Affairs* 32 (1916).
- Kennan, George F. *Decision to Intervene: Soviet-American Relations, 1917-1920*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1958.
- Kennan, George F. *Russia Leaves the War*. New York: Atheneum, 1967.
- Kennan, George F. «The Sisson Documents». *Journal of Modern History* 27-28 (1955-56).
- Kolko, Gabriel. *Railroads and Regulation 1877-1916*. New York: W.W. Norton, 1965.
- Lament, Thomas W. *Across World Frontiers*. New York: Harcourt. Brace, 1950.
- Ленин, В.И. *Полное собрание сочинений*. 5-е изд., т. 53. Москва, 1958.
- Lenin, V.I. *Report to the Tenth Congress of the Russian Communist Party (Bolshevik)*, March 15, 1921.
- Lockhart, Robert Hamilton Bruce. *British Agent*. New York: Putnam's, 1933.
- McConnick, Donald. *The Mask of Merlin*. London: MacDonald, 1963; New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964.
- Moody, John. *The Truth about the Trusts*. New York: Moody Publishing, 1904.
- Nedava, Joseph. *Trotsky and the Jews*. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1972.
- North, Joseph. *Robert Minor: Artist and Crusader*. New York: International Publishers, 1956.
- Possony, Stefan. *Lenin: The Compulsive Revolutionary*. London: George Alien & Unwin, 1966.
- Quigley, Carroll. *Tragedy and Hope*. New York: Macmillan, 1966.
- Reed, John. *The Sisson Documents*. New York: Liberator Publishing, n.d.
- Report of Court Proceedings in the Case of the Anti-Soviet «Bloc of Rights and Trotskyites» Heard Before the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR*. Moscow: People's Commissariat of Justice of the USSR, 1938.
- Reswick, William. *I Dreamt Revolution*. Chicago: Henry Regnery, 1952.
- Rockefeller, John D., 3rd. *The Second American Revolution*. Chicago: Public Publishing, 1973.
- Rubin, Jacob H. *I Live to Tell: The Russian Adventures of an American Socialist*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1934.
- Sadoul, Jacques. *Notes sur la revolution bolchevique*. Paris: Editions de la sirene, 1919.
- Sands, William Franklin. *Our Jungle Diplomacy*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1944.
- Sands, William Franklin. *Undiplomatic Memories*. New York: McGraw-Hill, 1930.
- Schulz, Ernst. *Weltdiktator Morgan*. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1924.
- Steffens, Lincoln. *The Letters of Lincoln Steffens*. New York: Harcourt. Brace, 1941.
- Strothers, French. *Fighting Germany's Spies*. New York: Double-day, Page, 1918.

- Sutton, Antony C. *National Suicide: Military Aid to the Soviet Union*. New York: Arlington House, 1973.
- Sutton, Antony C. *Western Technology and Soviet Economic Development*, 3 vols. Stanford, Calif.: Hoover Institution, 1968, 1971, 1973.
- Томпсон, Виллиам Бойс, полковник. *Правда о России и большевиках*. New York: Russian-American Publication Society, 1918.
- Trotsky, Leon. *The Bolsheviki and World Peace*. New York: Boni & Liveright, 1918.
- Trotsky, Leon. *My Life*. New York: Scribner's, 1930.
- Ullman, Richard H. *Intervention and the War*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961.
- United States, Committee on Public Information. *The Gennan-Bolshevik Conspiracy*. War Information Series, no. 20, October 1918.
- United States, House. *The Story of Panama*. Hearings of the Committee on Foreign Affairs on the Rainey Resolution, 1913.
- United States, Senate. *Bolshevik Propaganda*. Hearings before a subcommittee of the Committee on the Judiciary. 65th Cong., 1919.
- United States, Senate. *Brewing and Liquor Interests and German and Bolshevik Propaganda*. Hearings before a subcommittee of the Committee on the Judiciary, 65th Cong., 1919.
- United States, Senate. Committee on Foreign Relations. *Investigation of Mexican Affairs*, 1920.
- United States, Senate. *Russian Propaganda*. Hearings before a subcommittee of the Committee on Foreign Relations pursuant to S. Res. 263, directing the Committee on Foreign Relations to investigate the status and activities of Ludwig C.A.K. Martens, who claimed to be a representative of the Russian Socialist Soviet Republic, 1920.
- United States, Senate. *Russian Propaganda*. Hearings before a subcommittee of the Committee on Foreign Relations. Report pursuant to S. Res. 263, etc., submitted to Mr. Moses, April 14, 1920. S. Report 526, 66th Cong., 1920.
- United States, Senate. *Russian Propaganda*. Hearings before a subcommittee of the Committee on Foreign Relations, 66th Cong., 1920. (a) United States, States Department Decimal File. Cited in two series: by National Archives microfilm number for documents available for purchase on microfilm-example 316-18-1306 (i.e., microcopy 316, roll 18, frame 1306); and (b) United States, State Department Decimal File, 861.51/649 (i.e., document sub no. 649 in Decimal File, 861.51), available at National Archives.
- Vanderlip, Frank A. *From Farm Boy to Financier*. New York—A Appleton-Century, 1935.
- Voline (V.M. Eichenbaum). *Nineteen-Seventeen: The Russian Revolution Betrayed*. New York: Libertarian Book Club, n.d.
- Von Bemstorff, Count. *My Three Years in America*. New York-Sonbner's, 1920.
- Ware, Louis. *George Foster Peabody*. Athens: University of Georgia Press, 1951.
- Wise, Jennings C. *Woodrow Wilson: Disciple of Revolution*. New York: Paisley Press, 1938.
- Zeman, Z.A.B., and Scharlau, W.B. *The Merchant of Revolution: The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus). 1867-1924* New York-Oxford University Press, 1965.
- ДОБАВОЧНЫЙ СПИСОК
- Bardanne, Jean. *Le Colonel Nicolai: espion de genie*. Paris Editions Siboney, n.d.
- Cours de Justice. *L'Affaire Caillaux, Loustalot et Comby Procedure Generale Interrogatoires*. Paris, 1919.
- Guemut, Henri; Kami Emile; and Lemerrier, Camille M. *Etudes documentaires sur L'Affaire Caillaux*. Paris, n.d.
- Vergnet, Paul. *L'Affaire Caillaux*. Paris, 1918. Чап., «Marx de Mannheim».
- На этом заканчивается полный текст книги проф. Энтони Саттона Уолл-стрит и большевицкая революция». Материалы следующие далее (Приложения 4, 5, 6, 7 и послесловие

«За кулисами русской революции») подготовлены редакцией альманаха Русская идея».

Приложение 4. Меморандум д-ра Гельфанда³⁰⁹. Подготовка массовой политической забастовки в России

К весне надо подготовить в России массовую политическую забастовку под лозунгом: свобода и мир. Центром движения будет Петербург, а в нем — Обуховский, Путиловский и Балтийский заводы.

Забастовка должна охватить железнодорожные коммуникации Петербург-Варшава, Москва-Варшава и Юго-Западную железную дорогу.

Железнодорожная забастовка будет проведена прежде всего в крупных центрах с большим количеством рабочих, в железнодорожных мастерских и т. п.

Чтобы сделать забастовку всеобщей, везде, где только можно, будут взорваны железнодорожные мосты, как это имело место во время забастовочного движения 1904-1905 гг.

Конференция русских социалистических вождей

Это дело может быть осуществлено только под руководством российской социал-демократии. Ее радикальное крыло уже приступило к действиям. Но надо, чтобы к ним присоединилась и фракция умеренного меньшинства.

До сих пор такому объединению более всего препятствовали радикалы. Однако, две недели назад их лидер Ленин сам открыто поднял вопрос об объединении с меньшинством.

Объединения можно достичь на средней линии в духе необходимости использовать слабость административного аппарата внутри страны, вызванную войной, для начала энергичной акции против абсолютизма.

Следует заметить, что умеренная группа всегда находилась под более сильным влиянием немецкой социал-демократии.

Благодаря личному авторитету некоторых лидеров немецкой и австрийской социал-демократии можно и сегодня от них немалого добиться.

После тщательного предварительного зондирования надо провести съезд лидеров русской социал-демократии в Швейцарии или в другой нейтральной стране. В съезде должны участвовать:

- 1) социал-демократическая партия большевиков,
- 2) партия меньшевиков,
- 3) еврейский Бунд;
- 4) украинская организация Спилка,
- 5) польская социал-демократическая партия,
- 6) социал-демократическая партия Польши,
- 7) социал-демократическая партия Литвы;
- 8) финская социал-демократия.

Съезд может состояться лишь тогда, когда будет заранее обеспечено единодушное решение о начале непосредственной акции против царизма.

Возможно, съезду должен предшествовать обмен мнений между большевицкой и меньшевицкой партиями русской социал-демократии. К участию в съезде можно еще привлечь:

- 9) армянскую партию Дашнак-цутюн,
- 10) Гнчак³¹⁰.

Помимо своего громадного организационного значения, съезд также и своими реше-

³⁰⁹ Этот документ хранится в архиве германского Министерства иностранных дел: Auswertiges Ami, Weltkrieg, 11 s seer. Band 5, A 8629. Меморандум не датирован, но зарегистрирован в журнале Министерства с датой 9 марта 1917 г. Текст печатается в переводе З.Г. Антипенко и М.В. Назарова с немецкого оригинала по его первому изданию в книге: W. B. Scharlau, Z. A. Zeman. Freubeuter der Revolution. Parvus-Helphand. Eine politische Biographie. Koln. 1964. S. 361-374.

³¹⁰ Армянская социал-демократическая партия «Гнчак», гнчакисты; основана в 1887 г.

ниями немедленно окажет большое воздействие на общественное мнение во Франции и Англии.

Российские социал-революционеры

С партией российских социалистов-революционеров надо провести отдельные переговоры. Эти люди настроены более националистически. Но их влияние в рабочих кругах минимально.

В Петербурге у них есть какое-то число сторонников только на Балтийском заводе. Для цели массовой забастовки их можно не принимать во внимание без ущерба для дела.

Однако в сфере влияния этой партии находится крестьянство, на которое она оказывает значительное воздействие через учителей начальных школ.

Местные движения

Параллельно с этой предварительной работой по созданию организационной основы для массовой забастовки следует уже сейчас приступить к непосредственной агитации. Через Болгарию и Румынию можно установить связи с Одессой, Николаевым, Севастополем, Ростовом-на-Дону, Батумом и Баку.

Во время революции русские рабочие в этих районах выдвигали местные и профессиональные требования, которые поначалу были приняты, потом отвергнуты. Они не прекратили борьбы за эти требования: всего два года назад произошла большая забастовка моряков и докеров, которая снова поставила на повестку дня прежние цели.

Агитация должна опираться на эти аргументы и одновременно принимать политическую направленность. Хотя в условиях широкой безработицы едва ли можно будет провести всеобщую забастовку в Черноморском бассейне, все же возможны местные забастовки в Николаеве и Ростове-на-Дону и в отдельных сферах производства в Одессе.

Такие забастовки будут иметь симптоматическое значение, нарушая то спокойствие, которое установилось во внутренних конфликтах в царской империи во время войны.

Чтобы провести такую агитацию, надо, среди прочего, восстановить организацию русских моряков, которая в последние годы имела свой центр сначала в Константинополе, затем в Александрии. Теперь центр должен быть в Констанце или Галате³¹¹.

Так как города на Черном море будут сильно взбудоражены морскими военными действиями, это сделает их особенно восприимчивыми к политической агитации.

Особое внимание надо направить на то, чтобы революционные организации в Одессе, в опоре на рабочих, как и в 1905 г., поставили под свой контроль городскую администрацию, чтобы смягчить нищету бедных классов, которые жестоко страдают от войны.

Это тоже послужит цели — придать новый импульс общему революционному движению. Если в Одессе дойдет до восстания, оно может быть поддержано турецким флотом.

Перспективы восстания черноморского флота можно оценить лишь после установления тесного контакта с Севастополем.

В Баку и в районе нефтяных приисков забастовку можно организовать относительно легко. Немаловажно то, что значительная часть рабочих здесь татары, то есть мусульмане. Если дойдет до забастовки, то надо попытаться, как в 1905 г., поджечь нефтяные скважины и хранилища.

Также возможны забастовки в угледобывающей области на Донце. Особенно благоприятны условия на Урале. Там социалистическая партия большевиков имеет много сторонников. Политические забастовки горняков можно легко организовать, располагая некоторой суммой денег, так как население там очень бедное.

Сибирь

Особое внимание надо уделить Сибири. В Европе она известна лишь как место ссылки. Но вдоль великих сибирских трактов, вдоль железных дорог и рек живет крепкое крестьянство, гордое и независимое, которое больше всего хотело бы, чтобы его не беспокоило центральное правительство.

³¹¹ Торговый район Константинополя.

В городах живет энергичное купечество и слой интеллигенции, которая состоит из политических ссыльных или находится под их влиянием. Сибирские избирательные округа посылают в Думу депутатов-социалистов.

Во время революции 1905 г. вся администрация там находилась в руках революционных комитетов. Административный аппарат там чрезвычайно слаб. Военные же силы сведены к минимуму, поскольку уже не чувствуется угроза со стороны Японии.

Эти условия позволяют создать в Сибири несколько центров действий. В то же время необходимо подготовить побег политических ссыльных в европейскую Россию. Это чисто денежный вопрос.

Таким способом можно направить в вышеназванные центры агитации и в Петербург многие тысячи прекрасных агитаторов, которые обладают большими связями и безграничным авторитетом.

Это мероприятие может быть, разумеется, проведено только самими социалистическими организациями, ибо только они обладают достаточным знанием о пригодности того или иного лица.

Развитие и взаимосвязь всех этих акций будут тем успешнее, чем решительнее будут выступать социалистические организации и чем лучше будет скоординирована друг с другом их деятельность.

С другой стороны, сами эти мероприятия — которые надо немедленно начать уже по этой причине — послужат стимулом для социалистических партийных центров и подтолкнут их к единению.

Кампания в прессе

Одновременно общая линия этого дела должна быть усилена внутри российских социалистических партий посредством дискуссий в печати, в брошюрах и т. д.

Брошюры на русском языке можно печатать в Швейцарии. В Париже выходит русская газета «Голос», редактируемая несколькими лидерами меньшевиков.

Несмотря на исключительные условия, в которых она издается, эта газета сохраняет вполне объективную позицию по отношению к войне. Она не сможет уклониться от участия в дискуссии по тактике партии.

Швейцарские и итальянские социалистические газеты тоже можно будет использовать для обсуждения данной темы, равно как и датские, голландские, шведские, а также социалистическую прессу в Америке.

Немецкие социалистические лидеры с международной известностью тоже смогут легко принять участие в этой дискуссии.

Кампания в печати окажет, кроме того, значительное влияние на позицию нейтральных государств, особенно на Италию, которое скажется даже на социалистических кругах Франции и Англии.

Уже одно лишь объективное отражение военных событий, которое может быть подано в Англии и Франции только под социалистическим флагом, хотя все еще и с большими трудностями, будет иметь большую ценность.

На социалистическую прессу Болгарии и Румынии можно легко повлиять в духе энергичной борьбы с царизмом.

Поскольку центр революционной агитации на южную Россию будет находиться в Румынии, уже по одной этой причине имеет значение роль румынской ежедневной печати, хотя это еще более важно для определения собственного отношения Румынии к войне.

Все румынские газеты на службе у России. Финансовая зависимость этого рода такова, что ее будет трудно преодолеть. Однако не составит особого труда организовать группу известных журналистов для издания большой независимой ежедневной газеты с явно выраженной тенденцией на сближение с Германией.

Поскольку румынская пресса настроена на победу России, она в значительной мере подорвала свой престиж уже из-за хода войны. Однако новая газета, печатающая объективные

новости, привлечет к себе читателей.

По мере развития событий она будет все больше концентрировать вокруг себя общественное мнение и это заставит другие газеты также изменить свою позицию.

Агитация в Северной Америке

Особое внимание следует уделить Соединенным Штатам. Множество русских евреев и славян в Соединенных Штатах и Канаде представляют собой очень восприимчивый элемент для агитации против царизма. У российских социал-демократов и еврейского Бунда там имеются важные связи.

Надо послать туда в турне ряд агитаторов. Помимо личных общественных выступлений, они будут побуждать к энергичным действиям имеющиеся местные силы, укреплять организации, поддерживать российскую и еврейскую печать и таким образом способствовать развитию планомерной деятельности.

Учитывая множество контактов с Россией у миллионов российских эмигрантов, которые большей частью совсем недавно покинули свою родину, это имело бы большое значение. Движение среди русских эмигрантов в Америке не может не повлиять и на общественное мнение США.

Кроме того, из этой среды можно будет послать агитаторов в Россию. В настоящей войне, в которой поставлено на карту будущее Германии, должен активнее выступить и немецкий элемент.

Сильное антицаристское движение среди русских, или скорее, русских евреев в Америке способствовало бы активизации немцев. Туда надо было бы послать несколько докладчиков от немецкой и австрийской социал-демократии.

Рост революционного движения

Агитация в нейтральных странах будет оказывать сильное воздействие на агитацию в России и — наоборот. Дальнейшее развитие в большой степени будет зависеть от хода войны.

Русские ура-патриотические настроения первых дней значительно ослабли. Царизму нужны быстрые победы, а он испытывает кровавые поражения. Даже если русская армия на протяжении зимы останется скованной на ее нынешних позициях, это вызовет недовольство по всей стране.

С помощью вышеописанного аппарата агитации это недовольство будет использовано, углублено, расширено и направлено во все стороны.

Разрозненные забастовки, восстания, вызванные нуждой, нарастающая политическая пропаганда — все это приведет царское правительство в замешательство.

Если оно примется за репрессии, это будет способствовать росту ожесточенности; если же оно проявит терпимость, это будет воспринято как признак слабости и еще больше раздует пламя революционного движения. 1904-1905 годы уже дали достаточный опыт в этом отношении.

Если же за это время русская армия потерпит какое-нибудь серьезное поражение, то движение против режима может быстро приобрести невиданный размах.

Во всяком случае, если будут приведены в действие все силы согласно начертанному выше плану, можно рассчитывать на то, что весной дело дойдет до массовой политической забастовки.

Если массовая забастовка примет широкие масштабы, то царскому режиму придется сконцентрировать имеющиеся внутри страны военные силы главным образом на Петербург и Москву.

Кроме того, правительству понадобятся отряды для защиты железнодорожных коммуникации. Во время забастовки в декабре 1905 г. только для защиты дороги между Петербургом и Москвой понадобилось два полка.

Лишь этими мерами удалось предотвратить неоднократные попытки забастовщиков взорвать железнодорожные мосты около Твери и в других местах, благодаря чему в Москву

были переброшены гвардейские полки, которым только и удалось подавить восстание.

И хотя главное внимание следует уделить предстоящей забастовке на западных железных дорогах, надо будет стараться вызвать забастовки везде, где только можно.

Даже если это не везде удастся, все же царскому правительству для охраны мостов, станций и т. п. придется использовать крупные военные силы; тем временем административный аппарат начнет разлагаться.

Крестьянское движение и Украина

Важным сопутствующим феноменом этих процессов, как и в 1905 г., может стать крестьянское движение. Условия жизни крестьян в России с тех пор не улучшились, а наоборот — ухудшились.

В глазах русского крестьянина весь вопрос — в земле. Поэтому он вновь начнет захватывать помещичьи земли и угрожать помещикам.

Хотя вопрос о переделе помещичьей земли лежит в основе русского крестьянского вопроса, его решение, кроме того, тесно связано с образованием кооперативов и организаций по выдаче дешевых кредитов, со школьным обучением, налоговой системой и вопросами общей государственной администрации.

Для Украины все это вместе взятое выливается в требование автономии. И пока продолжает господствовать царизм, проводя на Украине политику раздачи земли московской аристократии и защиты московских помещиков от украинских крестьян всеми средствами, то у крестьян нет иного выхода, кроме восстания, как только они увидят, что давление правительственной власти слабеет и что правительство испытывает трудности.

Одной из первых задач украинского правительства станет утверждение закона и права вместо анархии, которая есть следствие московского режима; и поддержанное доверием украинского народа правительство быстро достигнет этой цели.

Образование независимой Украины будет одновременно выглядеть как освобождение от царского режима и как спасение от хаоса крестьянской смуты.

Если начнется крестьянский бунт в Центральной России — а великорусские крестьяне ни в коем случае не останутся безучастными, если с ними рядом восстанут украинские — то и партии социал-революционеров придется покончить с политической бездеятельностью.

Через посредство школьных учителей эта партия имеет значительное влияние на великорусское крестьянство и пользуется авторитетом у думской фракции трудовиков, крестьянской народной партии.

Отношение русских социал-демократов к крестьянскому бунту определится сразу же, как только крестьяне решат выступить против царизма.

Движение в Финляндии

В ходе этого общего движения можно было бы предпринять важные действия в Финляндии, финские партии находятся в трудном положении. В стране размещены значительные военные силы России. С другой стороны, финны не желают быть аннексированными Швецией.

Но Швеция не хочет присоединять Финляндию, она лишь хочет сделать из нее буферное, то есть независимое, государство.

Шведская партия в Финляндии представляет собой ничтожное меньшинство. Поэтому усилия надо направить прежде всего на то, чтобы достичь согласия между правительством Швеции и влиятельными финскими партиями, из которых самая важная — социал-демократическая.

Этого можно достичь, например, гарантировав финнам широчайшее самоуправление и предоставив им право самим решить, в какое государственное объединение они хотели бы войти.

Как только такое соглашение будет достигнуто, в Финляндии можно будет планомерно и совершенно спокойно готовить всеобщее восстание. Финские социал-демократы имеют отличные организации по типу немецкой социал-демократии.

Упорная защита своих прав от царского деспотизма воспитала в финском народе скрытность и молчаливую согласованность действий, чему также чрезвычайно способствует и различие языков.

Все приготовления должны вестись тайно до тех пор, пока в России не возникнет крупная волна политических забастовок. Тогда в Петербург будет отведена часть размещенных в Финляндии войск.

Это будет моментом для массового восстания в Финляндии.

Из-за ее большой протяженности царское правительство встанет перед выбором: либо дробить имеющиеся военные силы на отдельные маленькие подразделения с целью подавления отдельных очагов восстания, либо концентрировать эти силы на важнейших административных и стратегических центрах, предоставив остальную территорию страны восставшим.

Первая тактика была применена царизмом при подавлении революционного движения в 1905 г. Тогда было создано множество мелких и более крупных экспедиционных отрядов, и их командиры были наделены всей полнотой военной и гражданской власти.

Этот план был разработан в Петербурге особой комиссией, в которой участвовали представители Генерального штаба и высшей администрации. Исполнительный орган революционеров был осведомлен о работе этой комиссии, но не смог сорвать ее план.

Тем не менее, царскому правительству пришлось напрягать все силы своей армии в течение двух лет, чтобы подавить восстание. Если царское правительство прибегнет к той же тактике в Финляндии, то должна будет вмешаться шведская армия, чтобы защитить независимость Финляндии.

Потому что, даже если эта тактика будет лучшей для подавления восстания, она сделает армию совершенно незащитной перед вторжением сил противника.

Поэтому, вероятно, царское правительство решится прибегнуть ко второму способу — оттянуть армию к административным центрам, то есть к побережью и прилегающей к нему железной дороге. Вероятно, оно может даже разрушить железнодорожную связь со Швецией.

В этом случае русское господство будет фактически распространяться только на побережье Ботнического залива.

Тогда повстанцы, будучи хозяевами в своем доме, образуют национальную гвардию, как это было в 1904-1905 гг., и обеспечат ввод шведских войск, несмотря на возможное разрушение железных дорог. Конечно, многое зависит от развития событий в Петербурге.

Финны смогут оказать большую услугу еще до начала всеобщего восстания. Они могут поставлять информацию о численности, диспозиции, передвижениях русских войск в Финляндии и о перемещениях русского флота; они могут установить службу сигнализации по управлению налетами авиации.

(Финский обычай раскрашивать свои загородные дома и особенно их крыши в красный цвет окажется здесь очень кстати. Обозначенные места на красной крыше будут служить точками ориентации).

Кроме того, они смогут установить станции беспроволочного телеграфа и принять меры для взрыва мостов и зданий. Но прежде всего они могут обеспечить сообщение русских революционеров с Петербургом.

Поскольку страна очень велика, непосредственно граничит с районом Петербурга и имеет с ним оживленное ежечасное сообщение, можно, несмотря на военную оккупацию, создать информационно-транспортную службу.

Можно устроить склады для оружия и контрабандно переправлять в Петербург оружие, взрывчатку и т. п.

Кавказ

Во время революции царское правительство долгое время попросту игнорировало Кавказ. Поскольку оттуда внешняя опасность не угрожала, оно сначала пустило там собы-

тия на самотек.

Доходило до того, что правительство терпело во главе администрации губернаторов, имевших открытые связи с революционными комитетами.

Оно было уверено в том, что укрепив прежде всего свое господство собственно в России, оно сможет подчинить себе и Кавказ. Тогда этот расчет полностью оправдался. Но на этот раз, из-за русско-турецкой войны, ситуация стала совершенно иной.

Появилась возможность отделения Кавказа. Значение восстания в тылу воюющих армий не требует особых пояснений.

Однако, в отличие от Финляндии, где возможно хорошо организованное всеобщее восстание, движение на Кавказе всегда будет страдать от национальной раздробленности и межпартийных споров. В годы революции самыми сильными показали себя грузины.

В опоре на мелкобуржуазные массы они могли бы добиться полного контроля над Кутаисской губернией, создав собственную администрацию, судопроизводство и т.д. Но во главе этого движения стояли не сепаратисты, а социал-демократы.

Армяне частью боролись в рядах социал-демократов, другой частью группировались вокруг армянских национальных партий, которые уже давно отказались от сепаратистских тенденций.

Хотя, надо учесть, что после революционных разочарований и из-за войны сепаратистские тенденции снова должны обретать популярность.

Рабочие-татары тоже присоединяются к забастовкам. Вообще татарские массы играют реакционную роль; они поддавались подстрекательству агентов петербургского правительства против армян, что выливалось в кровавые стычки между этими двумя национальными элементами.

Однако после объявления священной войны царское правительство уже не сможет открыто опираться на мусульманское население.

Оно будет втайне разжигать религиозную ненависть, поддерживая в армянах страх именно перед этой священной войной. Поэтому необходимо сначала сделать все возможное со стороны турок, чтобы объяснить кавказским мусульманам, что именно священная война требует тесного сотрудничества мусульман с их соседями-христианами в борьбе против царизма.

Надо немедленно заключить союз между младотурками и армянскими партиями в Турции, которые те же, что и в России. Детали этой акции, в ходе которой предстоит преодолеть различные трудности, выходят за рамки данного меморандума.

Следует лишь отметить, что на деятельность армян и грузин на Кавказе окажет огромное влияние решительное выступление российской социал-демократии. Социал-демократы, возможно, смогут взять на себя руководство всем движением; поэтому своим выступлением они в любом случае будут подталкивать национальные партии на путь борьбы.

Это еще один довод в пользу того, что конференция лидеров российских социалистических партий, о которой было сказано выше, является настоятельной необходимостью.

Священная война, способная вызвать широкие движения в Персии, Египте, Северной Африке и т.д., едва ли будет иметь большое воздействие в России. Волжские и камские татары наверняка не шевельнутся.

Это очень мирные, совершенно угнетенные крестьяне, которым противостоит мощное численное превосходство русского населения. Ситуация на Кавказе несколько иная; но надо признать, что он давно замирен. Воспоминания о былой героической борьбе за независимость поблекла.

Для современного же революционного движения мусульманское население еще не имеет достаточного культурного развития. Прежняя борьба между кавказскими племенами горцев и Россией была борьбой против централизованного государства как такового.

С тех пор племенная организация окончательно распалась. Племенные вожди превратились в помещиков. Связь между ними и массами стала очень слабой. Население утратило

смысл независимости.

Поскольку оно в экономическом и культурном отношении стоит ниже христиан, оно ищет поддержки у правительства как самой могущественной силы из всех. Конечно, они предпочли бы мусульманское правительство, но прежде оно должно показать себя достаточно сильным для победы над царским правительством.

Турецкую армию здесь примут благосклонно, но ей придется собственными силами побеждать русскую власть. Это, разумеется, не исключает образования отдельных банд, особенно на персидской границе.

Но надеяться на большую партизанскую войну мусульманского населения на Кавказе не приходится. В пределах возможного еще остается восстание кубанских казаков; здесь могла бы подготовить почву украинская пропаганда.

Кульминация движения

Наращение революционного движения внутри царской империи вызовет, среди прочего, состояние общего беспокойства. Для усиления этого беспокойства, помимо общего воздействия военных событий, можно принять специальные меры.

По очевидным причинам наиболее подходят для этого Черноморский бассейн и Кавказ. Особое внимание следует уделить г. Николаеву, так как на его верфи идет чрезвычайно спешная работа по спуску со стапелей двух крупных военных кораблей.

Надо попытаться вызвать забастовку рабочих. Она не обязательно должна носить политический характер; она может основываться и на экономических требованиях рабочих.

Можно выдвинуть тезис, что царское правительство, что-бы удержаться, нуждается в быстрых победах.

Если до весны продлится даже нынешняя ситуация, при которой русская армия методически изматывается, не добиваясь успехов, то это приведет к революции. Однако нельзя упускать из виду трудности, стоящие на пути движения.

Прежде всего это — мобилизация, которая лишила страну самых активных молодых элементов, затем — рост национального чувства как следствие войны.

Однако, ввиду безуспешности борьбы, это самое чувство должно превратиться в горечь и обернуться против царизма. Надо также учесть, что русская социал-демократия, в отличие от украинцев или финнов, никогда не займет позицию, враждебную империи.

Уже во время революции русская социал-демократия объединила в своей организации свыше миллиона рабочих, и с тех пор число ее авторитет в массах возрос настолько, что правительству дважды пришлось изменять избирательный закон из-за опасения, что Дума наводняют социал-демократические депутаты.

Такая партия должна быть только выразителем интересов и настроений народных масс. Эти массы не хотели войны, но участвуют в ней. Русские социал-демократы решительно выступают против неограниченного внешнего расширения власти — что является целью царской дипломатии.

В этом они видят серьезное препятствие к внутреннему развитию наций, входящих в империю, в том числе и русской нации. Социал-демократы считают царское правительство ответственным за эту войну.

Следовательно, они привлекут правительство к ответственности за бесполезность и безуспешность войны. Они выдвинут требования: отставка правительства и быстрое заключения мира.

Если революционное движение достигнет большого размаха, то даже если царское правительство удержит власть в Петербурге — будет создано временное правительство, которое поставит на повестку дня вопрос о прекращении военных действий и о заключении мира, и оно даже сможет вступить в дипломатические переговоры.

Если царское правительство вынуждено будет само, уже раньше, заключить перемирие, то революционное движение разразится с тем большей силой, чем лучше оно уже сейчас будет к этому подготовлено.

Даже если царскому правительству удастся сохранить власть на время войны, то оно ни за что не удержится после мира, продиктованного извне.

Так объединенные армии и революционное движение в России свергнут этот оплот политической реакции в Европе, разгромят эту чудовищную политическую централизацию, которую представляет собой царская империя и которая, пока она существует, будет угрозой всему миру.

Сибирь³¹²

Сибири следует уделить особое внимание, потому что крупные поставки артиллерии и другого оружия из Соединенных Штатов в Россию, вероятно, должны поступать через Сибирь.

Поэтому сибирскую акцию следует рассмотреть отдельно от других. В Сибирь надо послать несколько энергичных и осторожных людей с достаточным снаряжением и со специальной миссией — взрывать железнодорожные мосты.

Помощники в достаточном количестве найдутся среди ссыльных. Взрывчатку надо раздобыть на уральских шахтах; в небольших количествах ее, пожалуй, можно контрабандою провезти через Финляндию. Технический инструктаж следует разработать здесь.

Кампания в прессе

Прогнозы в отношении Румынии и Болгарии со времени написания данного меморандума подтвердились развитием событий.

Болгарская пресса сейчас полностью на германской стороне, заметны перемены и в румынской прессе. Предпринятые нами меры скоро дадут еще лучшие результаты. Теперь важно начать следующую работу:

Финансовая поддержка большевицкой фракции российских социал-демократов, которая всеми средствами ведет борьбу с царским правительством. Ее лидеров можно найти в Швейцарии.

Установление прямых связей с революционными организациями в Одессе и Николаеве через Бухарест и Яссы.

Установление контактов с организацией русских моряков. Через одного человека в Софии контакты уже завязаны, дальнейшие возможны через Амстердам.

Поддержка деятельности еврейской социалистической организации «Бунд» — не сионистов.

Выявление авторитетных лиц из среды российских социал-демократов и социал-революционеров в Швейцарии, Италии, Копенгагене и Стокгольме и поддержка усилий тех из них, кто полон решимости приступить к энергичным и непосредственным действиям против царизма.

Поддержка тех российских литераторов-революционеров, кто выступает за продолжение борьбы против царизма также и во время войны.

Связи с финскими социал-демократами.

Организация съездов русских революционеров.

Воздействие на общественное мнение в нейтральных странах, особенно на мнение социалистической прессы и социалистических организаций в духе борьбы против царизма и присоединения к Центральным державам. В Болгарии и Румынии это уже успешно осуществлено.

Следует продолжить в Голландии, Дании, Швеции и Норвегии, Швейцарии и Италии.

Снаряжение экспедиции в Сибирь со специальным заданием взорвать важнейшие железнодорожные мосты, чтобы помешать поставкам оружия из Америки в Россию.

Эту экспедицию надо также снабдить достаточными денежными средствами, чтобы дать возможность множеству политических ссыльных совершить побеги в центр страны.

Технические приготовления к восстанию в России:

³¹² С этого места начинается отдельная вторая часть Меморандума, отпечатанная позже на другой машинке и содержащая поправки и добавления Гельфанда-Парвуса.

Подготовка точных карт российских железных дорог с обозначением наиболее важных мостов, которые надо разрушить в целях парализации транспорта, и с указанием административных зданий, депо и мастерских, которым должно быть уделено наибольшее внимание.

Точные указания количества взрывчатки, необходимой для достижения цели .в каждом конкретном случае. При этом надо учесть дефицитность материалов и сложность условий, в которых будет выполняться задание.

Ясные инструкции по обращению со взрывчаткой при подрыве мостов, больших зданий и т. д.

Простые рецепты изготовления взрывчатых веществ.

Разработка плана сопротивления восставшего населения Петербурга вооруженным силам с особым учетом рабочих кварталов, обороны домов и улиц, сооружения баррикад, защиты от кавалерии и от проникновения пехоты.

Еврейский социалистический «Бунд» в России — это революционная организация, которая опирается на рабочие массы и добилась многого уже в 1904 году. Она противопоставляет себя сионистам. От последних ничего ждать не приходится:

- потому что их партийная структура очень рыхлая;
- потому что во время войны в их рядах проявляется сильное русско-патриотическое течение;
- потому что после Балканских войн их центральное руководство интенсивно ищет расположения английской и русской дипломатии — что им, конечно, не помешало домогаться милостей и от правительства рейха;
- потому что они вообще не способны ни на какую политическую акцию.

«Получил 29 декабря 1915 г. от германского посольства в Копенгагене один миллион рублей в русских банкнотах для развития революционного движения в России. Д-р Гельфанд»

Краткая справка об авторе Меморандума

Гельфанд (Парвус) Израиль Лазаревич (1869-1924). Род. в России в черте оседлости, в 1886 г. эмигрировал в Швейцарию, где с именем Александр Израэль Гельфанд закончил Базельский университет, получив степень д-ра философии; в 1891 г. переехал в Германию.

С конца 1890-х гг. известный деятель германской социал-демократии, пишет под псевдонимом Парвус; близко знакомится с Лениным, Мартовым и др. российскими лидерами, возвышаясь над ними своим международным авторитетом. О своей национальности пишет в те годы: «Я ищущу государство, где человек может дешево купить отечество».

В 1900-х гг. обращается к российским делам: сотрудник «Искры»; в 1903 г. меньшевик. В 1904 г. на мюнхенской квартире Парвуса живет Троцкий, который становится его учеником и другом, развившим впоследствии парвусовскую теорию «перманентной революции». Троцкий позже писал о своем учителе: «Парвус был без сомнения выдающейся фигурой среди марксистов в конце прошлого и начале этого века» («Моя жизнь»).

В 1905 г. Парвус и Троцкий становятся в России вождями «первой революции», организуя всеобщую забастовку и настаивая на вооруженном восстании; в декабре Парвуса избирают главой Петербургского Совета рабочих депутатов (второго состава). В 1906 г. арестован, сидел в тюрьме вместе с Троцким (см. фото), приговорен к ссылке в Туруханск, на пути туда бежал в Германию.

С 1910 по 1914 гг. жил в Константинополе, где установил контакт с масонским правительством младотурок (став их финансово-политическим советником). Очень вероятно, что он и сам вступил в масонство (упомянут в издании: Свитков Н. Масонство в русской эмиграции. Сан-Пауло. 1964).

Благодаря этим связям разбогател на различных государственных поставках, приобрел политический вес и стал финансировать «антицаристские» революционно-сепаратистские группы; подружился с Х. Раковским.

В начале первой мировой войны написал публикуемый выше Меморандум; с 1915 г., обосновавшись в Копенгагене, с помощью германских властей стал финансировать революционеров в эмиграции (в т. ч. Троцкого и Мартова в Париже — через Раковского) и их организации в России.

От Германии было получено не менее 50 млн. марок. Деньги шли в Россию, видимо, из разных источников (см. послесловие издателя) и по разным каналам: банковским, курьерским (нелегальным), коммерческим.

В виде одного из них Парвус основал фирму, поставлявшую в Россию товары, деньги от продажи которых направлялись революционерам.

Парвус создал и собственную организацию (в Копенгагене под маркой «научного института» на нее работали около 10 резидентов в России); по мнению историка Г.М. Каткова, возможно, именно эта организация сыграла роль в подготовке Февральских волнений в Петербурге вместе с «межрайонцами» (через М.С. Урицкого).

В 1917 г. с помощью Парвуса из Швейцарии через Германию в Россию была переправлена в специальных вагонах группа Ленина, которая также получала деньги от Парвуса (при посредничестве Я. Фюрстенберга-Ганецкого, К. Радека, Воровского, Козловского, Е. Суменсон и А. Коллонтай).

После разоблачения этого летом 1917 г. Ленин, Парвус и Троцкий выступили в печати в защиту друг друга, отвергнув обвинения как «гнуснейшую клевету».

Временное правительство не довело расследование до конца, вероятно, чтобы не разоблачать подлинного механизма финансирования «русской революции» и получения денег из тех же источников самими февристами.

После октябрьского переворота Ленин, опасаясь компрометации, не разрешил Парвусу переехать в Советскую Россию. От него отвернулись даже друзья — Раковский, Радек, Фюрстенберг-Ганецкий.

Парвус умер в Берлине, окруженный всеобщей неприязнью из-за слухов о его обогащении на войне и о распутных оргиях в его доме.

Позже в гитлеровской Германии он стал пропагандным символом «разрушительного влияния еврейского капитала»; в то время как и немецкие социал-демократы, и российские большевики вычеркнули его из своей партийной истории, предпочитая покрыть молчанием его немалые теоретические («перманентная революция»), революционные (1905 г.) и финансовые заслуги (вспомним признание статс-секретаря германского МИДа фон Кюльмана о причине возвышения партии большевиков в 1917 г.).

Сыновья Парвуса в 1930-е гг. стали советскими дипломатами. Лев Гельфанд был советским посланником в Риме, откуда в 1940 г. бежал в США. Другой сын, Евгений Гнедин, в первые годы гитлеровского режима работал пресс-атташе в советском посольстве в Берлине.

(Источник: Schariau W.B., Zeman Z.A. *Freibeuter der Revolution. Parvus-Helphand. Eine politische Biographie*. Köln. 1964.)

Фото на стр. 273 — сделано в Петропавловской крепости в 1906 г., когда там после неудачной попытки устроить первую «русскую революцию» содержались под стражей (слева направо):

А. Гельфанд-Парвус, Л. Троцкий и один из старейших (с 1874 г.) революционеров Л. Дейч.

Приложение 5. Список № 1 лиц, проехавших через Германию во время войны³¹³

³¹³ Список взят из газеты В. Бурцева «Общее дело» (СПб, 14.10.1917). Бурцев предваряет его вступительной статьей, заканчивающейся словами: «Проехало через Германию, как известно, три поезда: 1-й вывоз господина Ленина и собранную им группу; проезд двух других был организован Цюрихским комитетом. Сегодня мы печатаем по официальному источнику список пассажиров ленинского поезда». Вместе с Лениным ехали также Карл Радек (Собельсон) и Фриц Платтен, но их задержали на границе и не впустили в Россию с остальными. В Петербург они прибыли позже.

УЛЬЯНОВ, Владимир Ильич, род. 19 [10] апреля 1870 г. Симбирск, (Ленин).
 СУЛИШВИЛИ, Давид Сократович, род. 8 марта 1884 г. Сурам, Тифл. губ.
 УЛЬЯНОВА, Надежда Константиновна, род. 14 февр. 1869 г. в Петрограде.
 АРМАНД, Инеса Федоровна, род. в 1879 г. в Москве.
 САФАРОВ, Георгий Иванович, род. 3 ноября 1891 г. в Петрограде
 МОРТОЧКИНА, Валентина Сергеевна, род. 28 февраля 1891 г.
 ХАРИТОНОВ, Моисей Мотьков, род. 17 февраля 1887 г. в Николаеве.
 КОНСТАНТИНОВИЧ, Анна Евгениевна, род. 19 авг. 66 г. в Москве.
 УСИЕВИЧ, Григорий Александрович, род. 6 сентября 90 г. в Чернигове.
 КОН, Елена Феликсовна, род. 19 февраля 93 г. в Якутске.
 РАВВИЧ, Сарра Наумовна, род. 1 августа 79 г. в Витебске.
 ЦХАКАЯ, Михаил Григорьевич [Миха], род. 2 января 1865 г.
 СКОВНО, Абрам Анчилович, род. 15 сентября 1888 г.
 РАДОМЫСЛЬСКИЙ, [Г. Зиновьев], Овсей Гершен Аронович, 20 сентября 1882 г. в Елисаветграде.
 РАДОМЫСЛЬСКАЯ, Злата Эвновна, род. 15 января 82 г.
 РАДОМЫСЛЬСКИЙ, Стефан Овсеевич, род. 17 сентября 80 г.
 РИВКИН, Залман Бэрк Осерович, род. 15 сентября 83 г. в Велиже.
 СЛЮСАРЕВА, Надежда Михайловна, род. 25 сент. 86 г.
 ГОБЕРМАН, Михаил Вульфович, род. 6 сент. 92 г. в Москве.
 АБРАМОВИЧ, Мая Зеликов, род. 27 марта 81 г.
 ЛИНДЕ, Иоган Арнольд Иоганович, род. 6 сентября 88 г. в Гольдингене.
 БРИЛЛИАНТ, [Сокольников], Григорий Яковлевич, род. 2 августа 88 г. в Ромнах.
 МИРИНГОФ, Илья Давидович, род. 25 окт. 77 г. в Витебске.
 МИРИНГОФ, Мария Ефимовна, род. 1 марта 86 г. в Витебске.
 РОЗЕНБЛЮМ, Давид Мордухович, род. 9 августа 77 г. в Борисове.
 ПЕЙНЕСОН, Семен Гершович, род. 18 декабря 87 г. в Риге.
 ГРЕБЕЛЬСКАЯ, Фаня, род. 19 апреля 91 г. в Бердичеве.
 ПОГОВСКАЯ, Буня Хомовна, род. 19 июля 89 г. в Рикинах (при ней — сын Рувим, род. 22 мая 13 г.)
 АИЗЕНБУНД, Меер Кивов, род. 21 мая 81 г. в Слуцке.

Список № 2 лиц, проехавших через Германию во время войны³¹⁴

А. Рос. Соц.-Дем. Р. Партия
 АКСЕЛЬРОД, Товия Лсйзсрович, с женой.
 АПТЕКМАН, Иосиф Васильевич.
 АСИАРИАНИ, Сосипатр Самсонович.
 АВДЕЕВ, Иван Ананьевич, с женой и сыном.
 БРОНШТЕЙН (Семковский), Семен Юльевич, с женой.
 БЕЛЕНЬКИЙ, Захарий Давыдович, с женой и ребенком.
 БОГРОВА, Валентина Леонидовна.
 БРОНШТЕЙН, Роза Абрамовна.
 БЕЛЕНЬКИЙ (А.Я.).
 БАУГИДЗЕ, Самуил Григорьевич.
 ВОЙКОВ, Петр Григорьевич [Лазаревич].
 ВАНАДЗЕ, Александр Семенович.

³¹⁴ «Пассажиры первого поезда, отправленного Цюрихским комитетом через Германию», — из примечания В. Бурцева в газете «Общее дело» (16.10.1917).

ГИШВАЛИНЕР, Петр Иосифович.
ГОГИАШВИЛИ, Поликарп Давидович, с женой и ребенком.
ГОХБЛИТ, Матвей Иосифович.
ГУДОВИЧ.
ГЕРОНИМУС, Иосиф Борисович.
ГЕРШТЕН.
ЖВИФ (Макар), Семен Моисеевич.
ДОБРОВИЦКИЙ, Захарие Лейбов.
ДОЛИДЗЕ, Соломон Ясеевич.
ИОФЕ, Давид Наумович, с женой.
КОГАН, Владимир Абрамович.
КОПЕЛЬМАН.
КОГАН, Израиль Иремиевич, с женой и ребенком.
КРИСТИ, Михаил Петрович.
ЛЕВИНА.
ЛЕВИТМАН, Либа Берковна.
ЛЕВИН, Иохим Давидович.
ЛЮДВИНСКАЯ [Т.Ф.].
ЛЕБЕДЕВ (Полянский), Павел Иванович, с женой и ребенком.
ЛУНАЧАРСКИЙ, Анатолий Васильевич.
МЕНДЕР (З. Орлов), Федор Иванович.
МГЕЛАДЗЕ, Власа Джарисманович.
МУНТЯН, Сергей Федорович, с женой.
МАНЕВИЧ, Абрам Эвель Израилевич, с женой.
МОВШОВИЧ, Моисей Соломонович, с женой и ребенком.
МАНУИЛЬСКИЙ, Дмитрий Захарьевич с женой и 2 детьми.
НАЗАРЬЕВ, Михаил Федорович.
ОСТАШИНСКАЯ, Роза Гирш-Араповна.
ОРЖЕРОВСКИЙ, Марк с женой и ребенком.
ПИКЕР (Мартынов), Семен Юльевич, с женой и ребенком.
ПОВЕС (Астров), Исаак Сергеевич.
ПОЗИН, Владимир Иванович.
ПШИБОРОВСКИЙ, Стефан Владиславов.
ПЛАСТИНИН, Никанор Федорович, с женой и ребенком.
РОХЛИН, Мордха Вульфович.
РАЙТМАН, с женой и ребенком.
РАБИНОВИЧ, — Скенрер Пиля Иосифовна.
РУЗЕР, Леонид Исаакович, с женой.
РЯЗАНОВ [Гольденбах], Давид Борисович, с женой.
РОЗЕНБЛЮМ, Герман Хаскелев.
СОКОЛИНСКАЯ, Гитля Лазаревна, с мужем.
СОКОЛЬНИКОВА, с ребенком.
САГРЕДО, Николай Петрович, с женой.
СТРОЕВА.
САДОКАЯ, Иосиф Бежанович.
ТУРКИН, Михаил Павлович.
ПЕВЗАЯ, Виктор Васильевич.
ФИНКЕЛЬ, Моисей Адольфович.
ХАПЕРИЯ, Константин Ал.
ЦЕДЕРБАУМ (Мартов), Юлий Осипович.
ШЕИКМАН, Аарон Лейбович.

ШИФРИН, Натан Калманович.
ЭРЕНБУРГ, Илья Лазаревич.
Б. БУНД
АЛЬТЕР, Эстсра Израилевна, с ребенком.
БАРАК.
БОЛТИН, Лейзер Хаимович.
ВЕЙНБЕРГ, Маркус Аранович.
ГАЛЬПЕРИН.
ДРАНКИН, Вульф Меерович, с женой и ребенком.
ДИМЕНТ, Лейзер Нахумович.
ДРЕЙЗЕНШТОК, Анна Мееровна.
ЗАНИН, Майром Менашеевич.
ИОФФЕ, Пинкус Иоселев.
ИДЕЛЬСОН, Марк Липманов.
КЛАВИР, Лев Соломонович.
КОНТОРСКИЙ, Сам. Сруль Давыдович.
ЛЮБИНСКИЙ, Мечислав Абрам Осипович, с женой и реб.
ЛЕВИТ (Геллерт-Левит), Эидель Мееровна, с ребенком.
ЛЮКСЕМБУРГ, Моисей Соломонович.
ЛИПНИН, Иуда Лейбов.
МЕЕРОВИЧ, Мовша Гилелев.
ЛЕРНЕР, Давид.
МАХЛИН, Тайва-Зейлик Зельманович.
ТУСЕНЕВ, Исаак Маркович.
РАКОВ, Моисей Ильич.
НАХИМЗОН, Меер Ицкович.
РЕЙН (Абрамович), Рафаил Абрамович, с женой и 2 детьми.
РОЗЕН, Хаим Иуда, с женой.
СКЕПТОР, Яков Лейвинов.
СЛОБОДСКИЙ, Валентин Осипович.
СВЕТИЦКИЙ, А.А.
ХЕФЕЛЬ, Абрам Яковлевич.
ПИКЛИС, Мсер Бенционович.
ЦУКЕРШТЕЙН, Соломон Срулев с 2-мя детьми.
ШЕЙНИС, Исер Хаимович.
ШЕЙНБЕРГ.
В. С.-Д. Корол. Польск. и Литвы
ГОЛЬДБЛЮМ, Роза Маврикиевна.
Г. Латыш. С.-Д.
УРБАН, Эрнс Иванович, с женой и ребенком.
ШУСТЕР, Иван Германович, с женой и ребенком.
Д. Литов. С.-Д.
МАРТНА, Михаил Юрьевич.
Е. Пол. П. Соц.
КОН, Феликс Яковлевич, с дочерью и зятем.
ЛЕВИНЗОН (Лапинский), Меер Абрамович.
ШПАКОВСКИЙ, Ян Игнатий Александрович.
З. Соц.-Рев.
ВЕСНШТЕЙН, Израиль Аронович.
ВИНОГРАДОВА, Елизавета Иевровна.
ГАВРОНСКИЙ, Димитрий Осипович.

КАЛЪЯН, Евгения Николаевна.
КЛЮШИН, Борис Израилевич, с женой.
ЛЕВИНЗОН, Меер Абрамович, с женой и ребенком.
ЛУНКЕВИЧ, Зоя Павловна.
ДАХЛИН, Давид Григорьевич, с женой и ребенком.
НАТАНСОН (Бобров), Марк Андреевич, с женой (В.И. Александрова).
БАЛЕЕВА (Урес), Мария Александровна, с ребенком.
ПЕРЕЛЬ, Ревекка.
ПЮШЪЯН, Трон Першович.
РОЗЕНБЕРГ, Лев Иосифович с женой и 2-мя детьми.
УСТИНОВ (Безземельный), Алексей Михайлович.
УЛЪЯНОВ, Григорий Карлович.
ФРЕЙФЕЛЬД, Лев Владимирович, с женой и ребенком.
ТЕНДЕЛЕВИЧ, Леонид Абрамович с женой и 2-мя детьми.
Ж. А.К.
БУЦЕВИЧ, Александр Станиславович.
ВЬЮГИН, Яков с женой и 2 детьми.
ГИТЕРМАН. Абрам Моисеевич с женой и ребенком.
гольдштейн, Абрам Борисович.
ЮСТИН, Давид.
ЛИПДИЦ, Ольга с ребенком.
МАКСИМОВ (Ястржембский), Тимофей Феодорович.
МИЛЛЕР, Абрам Липович, с женой и 2-мя детьми.
РУБИНЧИК, Эфраим Абрам Аронов.
РИВКИН, Абрам Яковлев.
СЕГАЛОВ, Абрам Вульфович, с женой.
СКУТЕЛЬСКИЙ, Иосиф Исакович.
ТОЙБИСМАН, Ветя Израилевна.
ШМУЛЕВИЧ, Эстер Исааковна.
I. Поалей Цион
ВОЛОВНИН, Аласса Овсеевна.
ДИНЕС, Ривка Хаимовна.
КАРА.
И. Сион.-Соц.
РОЗЕНБЕРГ, Лев Иосифович.
К. Дикие
АВЕРБУХ, Шмуль Лейб Иосифович.
БАЛАБАНОВА, Анжелика Исааковна.
БРАГИНСКИЙ, Монус Осипович.
ГОНИОНДСКИЙ, Иосиф Абрамович.
КИММЕЛЬ, Иоган Вольдемар.
КАРАДЖАЙ, Георгий Артемьевич, с женой.
ЗИФЕЛЬД, Артур Рудольфович.
МАРАРАМ, Эля Эвельич.
МАКАРОВА, Ольга Михайловна.
МЕЙСНЕР, Иван, с женой и 2 детьми.
ОДОЕВСКИЙ (Северов), Афанасий Семенович.
ОКУДЖАВА, Владимир Степанович.
РАШКОВСКИЙ, Хаим Пинкусович.
СЛОБОДСКИЙ, Соломон Мордкович.
СОКОЛОВ, Павел Яковлевич.

СТУЧЕВСКИЙ, Павел Владимирович.
ТРОЯНОВСКИЙ, Константин Михайлович.
ШАПИРО, Марк Леопольдович.
ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Списки даются в том виде (с возможными погрешностями), в каком они напечатаны В. Бурцевым в газете «Общее дело». В квадратных скобках — уточнения ред. «РИ».

2. Даты рождений приводятся у Бурцева, очевидно, по старому стилю. В других справочных источниках встречаются иные даты рождений для отдельных лиц.

3. Расшифровка сокращений:

Рос. Соц.-Дем. Р. Партия — Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) (создана в марте 1898).

БУНД — Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше, России (сент. 1897 — март 1921, самоликвидация на территории Сов. России, вхождение части членов партии в РКП(б)).

С.-Д. Корол. Польск. и Литвы — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). С 1893 как Социал-демократия Королевства Польского, с 1899 — СДКПиЛ по декабрь 1918, когда объединились с ППС-Левицей в КПП.

Латыш. С.-Д. — Латышская социал-демократическая рабочая партия (1904-1917).

Литое. С.-Д. — Литовская социал-демократическая партия (апрель 1896 — март 1918).

Пол. П. Соц. — Польская социалистическая партия (ППС). С ноября 1892 или начала 1893 по декабрь 1948 (вошла в состав Польской объединенной рабочей партии).

Соц.-Рев. — Партия социалистов-революционеров (эсеры). С 1901 по 1925 (прекращение организованной деятельности в СССР), за границей — до 1939.

А.К. — Анархисты-коммунисты, с 1900 — за границей, с 1903 — в России.

Поалей Цион — Еврейская социал-демократическая рабочая партия «ПОАЛЕЙ ЦИОН» (ЕСДРП ПЦ), поалейционисты (1900-1928).

Сион.-Соц. — Сионистско-социалистическая рабочая партия (ССРП), сионисты, социал-сионисты (1904 — март 1917).

Дикие — заявили себя, как «не принадлежащими к какой-либо партии».

Приложение 6. Война Троцкого и Ленина против Церкви

Полностью разрушив быт и хозяйство России, большевицкое правительство вызвало в стране небывалый голод.

Православная Церковь сразу откликнулась на бедствие и основала Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим для сбора средств, в том числе ценного церковного имущества.

Однако большевики запретили деятельность этого Комитета и решили сами изъять из храмов все драгоценные предметы, в том числе богослужебные.

Патриарх Тихон в воззвании от 15/28 февраля заявил, что Церковь не может позволить этого, ибо это «воспрещается канонами Церкви как святотатство».

Тем не менее спецотряды большевиков приступили к насильственному изъятию из храмов всех ценностей, что вызвало массовые стихийные протесты верующих.

Во многих городах народ выступил в защиту храмов, забастовали рабочие заводов и железной дороги; по сообщению информационного отдела ГПУ, «велась погромная анти-семитская агитация».

Особенно кровопролитными были столкновения 15 марта в г. Шуя, где красноармейцы открыли огонь по верующим: убито 6 человек, ранено 8 и был избит толпой один красноармеец (о нём распространили ложное сообщение, как об убитом).

О дальнейшем развитии событий и о подлинных целях большевиков говорится в при-

водимых ниже документах Политбюро³¹⁵.

Инициатива в насильственном изъятии церковных ценностей исходила от Л. Троцкого, которого Совнарком ещё 12 ноября 1921 г. назначил председателем особой «Комиссии Совнаркома по учету и сосредоточению ценностей» (заместитель — Г.Д. Базилевич).

Следует напомнить, что эта антирелигиозная кампания, вылившаяся в убийство десятков тысяч духовных лиц и миллионов стойких верующих — происходила при объявленном НЭПе и одновременно с рядом международных конференций, на которых западные демократии признали власть большевиков.

Послание Патриарха Тихона о помощи голодающим и изъятии церковных ценностей

15/28 февраля 1922 г.

Божией милостью, Смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея России, всем верным чадам Российской Православной Церкви. Благодать Господа нашего Иисуса Христа да пребудет с вами.

Среди тяжких испытаний и бедствий, обрушившихся на землю нашу за наши беззакония, величайшим и ужаснейшим является голод, захвативший обширное пространство с многомиллионным населением.

Еще в августе 1921 г., когда стали доходить до нас слухи об этом ужасающем бедствии. Мы, почитая долгом своим прийти на помощь страждущим духовным чадам Нашим, обратились с посланиями к главам отдельных христианских Церквей (Православным Патриархам, Римскому Папе, Архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому) с призывом во имя христианской любви произвести сборы денег и продовольствия и выслать их за границу (умирающему от голода) населению Поволжья.

Тогда же был основан Нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим, и во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначенных на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана Советским Правительством излишней, и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному Комитету.

Однако в декабре Правительство предложило нам делать, при посредстве органов церковного управления: Св. Синода, Высшего Церковного Совета, Епархиального, Благочиннического и Церковно-приходского Совета — пожертвования деньгами и продовольствием, для оказания помощи голодающим.

Желая усилить возможную помощь умирающему от голода населению Поволжья, Мы нашли возможным разрешить церковно-приходским Советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, — о чем и оповестили Православное население 6(19) февраля с. г. особым воззванием, которое было разрешено Правительством к напечатанию и распространению среди населения.

Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 13(26) февраля ВЦИК, для оказания помощи голодающим, постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие богослужебные церковные предметы.

С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства, и Мы священным Нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных духовных чад наших. Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, не освященных и не имеющих богослужебного употребления.

³¹⁵ Документы Политбюро печатаются по сборнику: Политбюро и Церковь. Новосибирск-Москва. 1997. (Письмо Ленина было впервые напечатано в журнале: «Вестник РСХД». Париж. 1970. № 98.) Послание Патриарха Тихона печатается по изданию: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России 1917-1943. Сост. М.Е. Губонин. М., 1994.

Мы призываем верующих чад Церкви и ныне к таковым пожертвованиям, лишь одного желая, чтобы эти жертвования были откликом любящего сердца на нужды ближнего, лишь бы они действительно оказывали реальную помощь страждущим братьям нашим.

Но Мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство — миряне отлучением от Нее, священнослужители — извержением из сана (73-е правило апостольское, 10-е правило Двукратного Вселенского Собора).

Смирный Тихон, Патриарх Московский и всея России.

Письмо Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) с предложениями об организации изъятия церковных ценностей, с поправками Политбюро

17-20 марта 1922 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ № 114 п. 6

ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП от 20.III.-22 г.

В центре и в губерниях создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей по типу московской комиссии Сапронова-Уншлихта. Во все эти комиссии должен непременно входить либо секретарь Губкома, либо заведующий агит.-пропотделом.

ПРИМЕЧАНИЕ: В важнейших губерниях установить ближайшие сроки изъятия, в менее важных — более поздние, после того, как сведения об изъятии в Петроград[ской] и др. центральных губ. распространяется по всей России.

Центральная комиссия должна состоять из председателя т. Калинина, Яковлева и Сапронова (после отъезда т. Сапронова в комиссию должен войти на правах его заместителя т. Белобородов, который должен войти в курс дела не позже среды, 22.III, т. Уншлихт, Красикова (зам[естителем] [-] Галкина), Винокурова, Базилевича.

В губернских городах в состав комиссии привлекаются комиссар дивизии, бригады или начальник политотдела.

Наряду с этими секретными подготовительными комиссиями имеются официальные комиссии или столы при комитетах помощи голодающим для формальной приемки ценностей, переговоров с группами верующих и пр. Строго соблюдать, чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для шовинистической агитации.

В каждой губернии назначить неофициальную неделю агитации и предварительной организации по изъятию ценностей (разумеется, не объявляя такой недели).

Для этого подобрать лучших агитаторов и, в частности военных. Агитации придать характер, чуждый всякой борьбы с религией и церковью, а целиком направленный на помощь голодающим.

Одновременно с этим внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия.

Разумеется, наша агитация и агитация лояльных священников ни в коем случае не должны сливаться, но в нашей агитации мы ссылаемся на то, что значительная часть духовенства открыла борьбу против преступного скаредного отношения к ценностям со стороны бесчеловечных и жадных «князей церкви».

На все время кампании, особенно в течение недели, необходимо обеспечить полное осведомление обо всем, что происходит в разных группах духовенства, верующих и пр.

В случае обнаружения в качестве организаторов выступления буржуазных купеческих элементов, бывших чиновников и пр. арестовывать их заправил.

В случае надобности, особенно, если бы черносотенная агитация зашла слишком далеко организовать манифестацию с участием гарнизона при оружии с плакатами: «церковные ценности для спасения жизни голодающих» и пр.

Видных попов по возможности не трогать до конца кампании, но негласно, не официально (под расписку, через Губполитотдслы) предупредить их, что в случае каких-либо экс-

цессов они ответят первыми.

Наряду с агитационной работой должна идти организационная: подготовить соответственный аппарат для самого учета и изъятия с таким расчетом, чтобы эта работа была проведена в кратчайший срок. Изъятие лучше всего начинать с какой-либо церкви, во главе которой стоит лояльный поп.

Если такой нет, начинать с наиболее значительного храма, тщательно подготовив все детали. (Коммунисты должны быть на всех соседних улицах, не допуская скопления, надежная часть, лучше всего ЧОН, должна быть по близости и пр.)

Везде, где возможно, выпускать в церквях, на собраниях, в казармах представителей голодающих с требованием скорейшего изъятия ценностей.

К учету изъятых церковных ценностей при помголах допустить в губерниях и в центре представителей лояльного духовенства, широко оповестив о том, что население будет иметь полную возможность следить за тем, чтобы ни одна крупица церковного достояния не получит другого назначения, кроме помощи голодающим.

В случае предложения со стороны групп верующих выкупка за ценности заявить, что вопрос должен быть рассмотрен в каждом отдельном случае в ЦК Помгола, ни в каком случае не приостанавливая при этом работы по изъятию.

Опыт в провинции свидетельствует, что такие переговоры ведутся без серьезных намерений выкупить и вносят только неопределенность и деморализацию.

В Москве работа должна идти уже установленным порядком, с тем, чтобы к изъятию приступить не позже 31 марта.

Полагаю, что для Петрограда можно было бы установить тот же приблизительно срок по соглашению с т. Зиновьевым, ни в каком случае не форсируя слишком кампанию и не прибегая к применению силы, пока политически и организационно вся операция не обеспечена целиком.

Что касается губерний, то Губкомы должны на основании этой инструкции, сообразуясь со сроком, наз[наченным] в Москве и под контролем Цен[тральной] комиссии назначить свой собственный срок, с одной стороны, обеспечив тщательную подготовку, а с другой стороны не затягивая дело ни на один лишний день и с таким расчетом, чтобы важнейшие губ. пошли в первую очередь.

17.III.22 г. Л. ТРОЦКИЙ.

Письмо В.И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви

19 марта 1922 г. СТРОГО СЕКРЕТНО

Товарищу Молотову. Для членов Политбюро.

Просьба ни в каком случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин у тоже) делать свои заметки на самом документе. Ленин.

По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас-же твердое решение в связи с общим планом борьбы в данном направлении.

Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20-го марта, то поэтому изложу свои соображения письменно.

Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно Роста переслало в газеты не для печати, а именно, сообщение о подготовляющемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей.

Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном звании патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент.

Очевидно, что на секретных совещаниях влиятельнейшей группы черносотенного ду-

ховенства этот план обдуман и принят достаточно твердо. События в Шуе лишь одно из проявлений и применений этого общего плана.

Я думаю, что здесь наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна.

Наоборот, для нас, именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обезпечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий.

Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления.

Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обезпечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр).

Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно невыполнимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало.

А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения в широких крестьянских массах, который бы либо обезпечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обезпечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Один умный писатель³¹⁶ по государственным вопросам справедливо сказал, что, если необходимо для осуществления известной политической цели, пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый краткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут.

Это соображение в особенности еще подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обезпечена нам полностью.

Кроме того главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов за границей, т. е. эс-эрам и миллюковцам, борьба против нас будет затруднена, если мы, именно в данный момент, именно в связи с голодом, проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

Официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов. Ка-

³¹⁶ Ленин тут пересказывает поучения Макиавелли, изложенные в его трактате «Государь» (глава 8).

Ленин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий, не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посетит у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает).

В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем несколько), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро.

Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шую арестовал, как можно больше, не меньше, чем несколько десятков представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей.

Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро или перед двумя уполномоченными на это членами Политбюро.

На основании этого доклада Политбюро дает детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как разстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров.

Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев.

Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского и Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно.

На Съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала.

На этом совещании провести секретное решение Съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не оста[на]вливаясь и в самый кратчайший срок.

Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу разстрелять, тем лучше[.] Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на Съезде, т. е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всех операций было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в обще-советском и обще-партийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях.

Ленин. 19. III. 22.

Прошу тов. Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро в круговую сегодня же вечером (не снимая копий) и просить их вернуть секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основой каждый член Политбюро, или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия.

Ленин.

«Пометка рукою тов. Молотова:

«Согласен. Однако, предлагаю распространить кампанию не на все губернии и города,

а на те, где действительно есть крупные ценности, сосредоточив соответственно силы и внимание партии.

19. III. Молотов».

Письмо Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) с предложениями о репрессиях против духовенства, принятыми Политбюро с поправкой В.М. Молотова

22 марта 1922 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ ПОЛИТБЮРО № 115 п. 12.

Арест Синода и патриарха признать необходимым[,] но не сейчас, а примерно через 10-15 дней.

Данные о Шуе опубликовать, виновных Шуйских попов и мирян — Трибуналу в недельный срок (коноводов — расстрелять).

В течение этой же недели поставить процесс попов за расхищение церковных ценностей (фактов таких не мало).

С момента опубликования о Шуе, печати взять бешеный тон, дав сводку мятежных поповских попыток в Смоленске, Питере и пр.

После этого арестовать Синод.

Приступить к изъятию по всей стране, совершенно не занимаясь церквами, не имеющими сколько-нибудь значительных ценностей.

Л. Троцкий

Письмо Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) с предложениями о мероприятиях по изъятию церковных ценностей, принятыми Политбюро

23 марта 1922 г.

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП ДЛЯ СВЕДЕНИЯ. т.т. ЛЕНИНУ, СТАЛИНУ, КАМЕНЕВУ, ЗИНОВЬЕВУ, МОЛОТОВУ.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Ассигновать немедленно миллион рублей в счёт изъятых церковных ценностей для получения хлеба для голодающих. Широко оповестить об этом, как о первом ассигновании.

Тов. Калинину вызвать одного из лояльных епископов, например Антонина, и привлечь его к работе по учету изымаемых церковных ценностей (как спеца). Широко об этом оповестить.

Тов. Калинину дать интервью такого содержания:

а) изъятие ценностей ни в коем случае не является борьбой с религией и церковью. ЦК Помгол вполне готов оказать верующим содействие в приобретении тех или других предметов религиозного обихода, взамен изымаемых ценностей.

б) Совершенно независимо от вопроса о религии, духовенство в вопросе об изъятии ценностей явно разбивается на две группы: Одна считает необходимым оказать голодающему народу помощь из тех церковных ценностей, которые созданы самим же народом, а другая явно антинародная, жадная и хищная.

в) Эта вторая группа, очень многочисленная, заняв враждебную позицию по отношению к голодающему крестьянству, тем самым заняла враждебное положение и по отношению к советской власти.

Отказывая голодающим в помощи под всякими лицемерными предлогами и с иезуитскими ухищрениями, правящая часть духовенства занимается в то же время явно преступной контрреволюционной агитацией против советской власти.

г) Декрет об изъятии ценностей возник по инициативе крестьян голодающих губерний, широких беспартийных масс и красноармейцев. И сейчас многомиллионные массы со всех сторон требуют полного и твердого выполнения декрета.

Борьба против декрета ведется со стороны кучки князей церкви и поддерживающих их бывших купцов, подрядчиков, отставных чиновников, заправляющих сплошь и рядом, делами групп верующих. Подавляющее большинство верующих целиком на стороне декрета об изъятии ценностей.

д) В ответ на злобные и преступные заявления контрреволюционеров о том, будто собранные ценности пойдут не на помощь голодающим крестьянам и их хозяйствам, ЦК Помгол, и в центре и через свои органы на местах, привлекает к учету и контролю над расходованием собранных церковных ценностей, как лояльных священников, так и верующих мирян.

е) Не вмешиваясь по прежнему в дела церкви, советская власть не допустит, разумеется того, чтобы группа церковных князей, шедшая ранее всегда за одно с царем, его министрами, помещиками, дворянами, капиталистами, теперь вела контрреволюционную борьбу против власти рабочих и крестьян.

Власть царя, помещиков и буржуазии свергнута трудовым народом не для того, чтобы позволить князьям церкви нарушать и призывать к нарушению советских законов, изданных для спасения жизни миллионов голодающих крестьян, крестьянок и их детей.

Ассигновать 10 миллиардов советскими деньгами на расходы по изъятию.

Всей партийной печати использовать факт, сообщенный в «Известиях» под заголовком: «Преподобные контрабандисты». Дать ряд статей. Повторять изо дня в день. Призывать к обереганию церковных ценностей, расхищаемых шайкой попов и проч. и проч.

23.III.22 г. Л. ТРОЦКИЙ.

Комментарий редакции «РИ»

Совершенно очевидно, что большевики не стремились помочь голодающим, о чём свидетельствуют уже предлагаемые Троцким суммы: «Ассигновать миллион рублей в счет изъятых церковных ценностей для получения хлеба для голодающих» и «ассигновать 10 миллиардов советскими деньгами на расходы по изъятию».

(Даже если в первом случае речь идёт о миллионе золотых рублей — это символическая сумма в сравнении с масштабом голода.)

Как откровенно заявил Ленин, они прежде всего стремились под предлогом голода и выдавая это за «инициативу крестьян голодающих губерний», использовать «исключительно благоприятный момент» для удара по Церкви «с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления».

О том, что речь шла о борьбе против Православной Церкви, свидетельствует и план Троцкого арестовать Синод и Патриарха», и составленный Р.С. Самойловой-Землячкой документ под названием «Список мобилизуемых на антирелигиозную кампанию» (около 15 марта 1922. — см.: Политбюро и Церковь. С. 128 и 476).

Тем не менее, у этого ограбления была и внешнеторговая причина: «Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно невысказано». О Генуэзской конференции см. документы в нашем Приложении 7.

Обратим также внимание на указание Троцкого: «Строго соблюдать, чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для шовинистической агитации».

Ленин тоже подчеркнул, что официально должен выступать только Калинин, — «никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публичной тов. Троцкий» — глава всей Комиссии.

Судя по этим оговоркам, инициаторы антицерковной кампании вполне сознавали, как она выглядит в глазах русского народа, и только «бешеным» террором им удалось сломить сопротивление верующих.

Приложение 7. Обращения русского Зарубежья к Генуэзской конференции

Генуэзская конференция проходила в Италии с 10 апреля по 19 мая 1922 г. по инициативе Ллойд Джорджа для обсуждения мер «экономического восстановления Центральной и Восточной Европы» и главным образом — проблем, связанных с Советской Россией.

В конференции приняли участие 29 государств и 5 доминионов Великобритании. США были представлены только «наблюдателем» (послом в Италии), поскольку не сочувствовали целям Генуэзской конференции, видя в ней европейскую конкуренцию своим собственным планам сотрудничества с большевиками.

В советскую делегацию (председателем которой был Ленин, оставшийся в Москве) входили Г.В. Чичерин, М.М. Литвинов, Л.Б. Красин, В.В. Боровский, Х.Г. Раковский, А.А. Иоффе, Я.Э. Рудзутак, П.И. Нариманов, Б. Мдивани, А. Бекзаян, А.Г. Шляпников.

Как условие признания Советской России Западом было выдвинуто требование, чтобы она признала все финансовые обязательства дореволюционного времени и взяла на себя ответственность за все последующие убытки в годы революции и гражданской войны.

Компромисс по этому вопросу был достигнут не в Генуе, а на последующих подобных конференциях, однако Генуэзская конференция стала первым демонстративно-символическим коллективным шагом западных демократий в сторону легитимации власти большевиков.

Русские люди на родине, подвергаясь террору, не имели возможности открыто выразить свое мнение по этому вопросу, кроме как множеством происходивших в то время восстаний. И все же мнение русского народа было высказано его частью, оказавшейся в эмиграции.

Приводим ниже обращения к Генуэзской конференции от двух наиболее важных инстанций русского Зарубежья: I Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей (декабрь 1921 г.) и Высшего Монархического Совета, олицетворявших собой духовный и политический авторитет русской эмиграции.

Послание Мировой Конференции от имени Русского Всеаграничного Церковного Собора³¹⁷

Среди множества народов, которые получили право голоса на Генуэзской конференции, не будет только представлять двухсотмиллионный народ русский, потому что невозможно же назвать его представителями, и притом единственными, его же поработителей, как нельзя было в средние века признать гуннов представителями франкских и германских племен Европы, хотя среди гуннских вождей, конечно, успевали втереться несколько процентов предателей из народов европейских как и среди наших коммунистов — евреев, латышей и китайцев — втерся известный процент русских, и то преимущественно не на первых ролях.

Впрочем, если бы вожди большевиков и не были инородцами и иноверцами, то и тогда какая же логика может признать право народного представительства за теми, кто поставил себе целью совершенно уничтожить народную культуру, т.е. прежде всего то, чем народ жил почти тысячу лет — его религию, чем продолжает жить и теперь, перенося жестокое гонение на свою родную веру, будучи лишен самых священных для него — Московских Кремлевских — храмов и всех почти русских монастырей, бывших в его глазах светочами жизни, рассеянными по лицу всей земли русской?

Завоеватели-большевики казнили сотнями тысяч русских людей, а теперь миллионами морят их голодом и холодом: где было слышно, чтобы интересы овечьего стада представляли собою его истребители — волки?

Если бы спросить еще не растерзанных волками овец, чтобы они желали для своего благополучия, то в ответ послышался бы один дружный вопль: уберите от нас волков.

Так было бы, если бы овцы могли говорить; так оно и есть с русским народом, который до того забит и терроризирован, что не может поднять голоса и лишен физической возможности дать себя услышать просвещенной Европе и всему миру.

³¹⁷ Это послание было подготовлено еще в преддверии Генуэзской конференции от имени I Всезарубежного Собора, проходившего с 21 ноября по 3 декабря 1921 г. в г. Сремские Карловцы (Сербия). В Соборе участвовали 13 епископов, 23 священника и 67 мирян, представлявшие все зарубежные епархии, разбросанные по миру. Текст послания приводится по изданию: Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк. 1961. Т. VI. С. 23-24.

Однако, такого общего голоса не лишена трехмиллионная русская эмиграция, которая тоже есть подлинный народ русский, выступивший в свое время с оружием в руках на защиту своего отечества на всех его окраинах в рядах Добровольческих Армий, или присоединившийся к их работе в звании духовных пастырей, учителей, докторов, сестер милосердия и т. д. и повлекший за собой свои семьи.

Сверх того, среди эмигрантов целые полки и даже дивизии доблестных казаков и даже тысячи верных совести калмыков-буддистов.

Вот эта-то эмиграция, в которой воплотились и интеллект и активная воля русского народа, объединилась за границей из трех, и даже четырех, частей света на церковном Соборе в Сремских Карловицах в полном составе своих иерархов и в числе выборных представителей от каждой значительной колонии в ноябре истекшего года.

Собор этот единогласно уполномочил свой президиум обратиться к Мировой Конференции с мольбой о спасении того народа, который в продолжении почти двух веков с рыцарским самоотвержением бросался в середину международных драм на защиту угнетенных, на защиту права и человечности, не ища ничего для себя, а выполняя свое призвание служить всему человечеству.

Мы не говорим уже о всей самоотверженной многовековой работе русских, избавивших от рабства и религиозного гонения христиан Балканского полуострова и славян Восточной Европы, а просим припомнить 1814-1815 годы, 1848 и 1877-1878, когда военные подвиги наших армий водворили в Европе законность и мир, а нам не дали ничего кроме потерь и страданий.

Или, может быть, 20 век не признает ни благодарности, ни справедливости, ни выполнения союзнических обязательств, а только выгоду и борьбу за существование.

Не хотелось бы этого допустить; хотелось бы верить, что потомки рыцарей Крестовых походов и соотечественники знаменитых философов, филантропов и миссионеров не потеряли того духа, который поставил Европу во главу объединяемого наукой и культурой человечества, и поставил не таким способом, каким большевики овладели Россией, т. е. не попранием всех моральных ограничений злой воли, не монополизацией смертоносных орудий-пушек, пулеметов — против невооруженных миллионов мирных жителей, — но силой мысли, знания и благодетельных изобретений техники.

Хотелось бы верить, что этическое начало не исключено Конференцией даже в отношениях международных.

Но, если бы нашлись среди членов последней такие голоса, которые бы настаивали на полном исключении из международных отношений всякого нравственного начала, ограничивая их борьбой за существование и за выгоды, то мы бы просили их обратить внимание вот на какую сторону дела.

Согласитесь, что даже в расчетах чисто утилитарных, всякий мудрый предприниматель имеет в виду выгоду не одного только хозяйственного года, но и дальнейших лет, иначе он будет повергнут в печальные условия жизни, а соседи подвергнут его осмеянию.

Спрашивается, какие могут быть дальнейшие последствия для Европы и других стран, если они поддержат большевиков? Элементов, сродных нравственному нигилизму последних, имеется довольно в каждом народе, о чем свидетельствуют переполненные тюрьмы и места ссылки.

А с падением религии в последние 50-100 лет во всех странах западной культуры естественно усиливается жажда земных наслаждений, т. е. богатства и власти, а вместе с ними и зависть к тем, кто всего этого достиг, или кому это дано, по заслугам ли или по благоволению фортуны.

Таких элементов много и среди полунинтеллигентной части европейского общества. Десятая заповедь для них не существует: они уже довольно напитались противоположными идеями сознательных нарушителей нравственных начал общественной жизни.

Сколько энергии государственной жизни расходуется на борьбу с такими элементами

населения, на охранение от них парламентов и школы, сколько общественных сил отвлекается от сознательной работы на внутреннюю самозащиту государства.

Теперь пусть подумают вершители судеб человечества, какое гибельное оружие дают они в руки всех преступных, аморальных и безрелигиозных элементов своего населения, если Всемирная Конференция, заменившая теперь совет королей и папы, введет в свою среду убийц и цареубийц, предателей своего отечества, разбросавших в чужие руки сотни тысяч квадратных километров своей территории и десятки миллионов населения, вовсе того не желавшего и временно примирившегося со своей фиктивной свободой только для того, чтобы не быть под пятой большевиков.

Если на Конференции или после Конференции выяснится, что большевицкая власть в России признана полноправной, то в одном государстве за другим начнутся большевицкие перевороты, которые, как это всем известно, настойчиво готовятся интернационалом во всех народах.

Их неуспех или медлительность в достижении полного успеха зависит

- 1) от непризнания большевиков всеми правительствами,
- 2) от страшных бедствий голода, холода и эпидемий, разразившихся над Россией по причине большевицкой неурядицы.

Однако, русские палачи, ведущие энергичную пропаганду, настойчиво и не без успеха убеждают и русское и иностранное население в том, что неизлечимость этих бедствий имеет причиной прекращение дипломатических сношений с Европой, лишаящее Россию транспорта и, следовательно, приобретения хлеба, лекарств и других произведений индустрии.

С приобретением большевиками иностранного транспорта и товаров, их друзья рассеют свои сомнения и опасения, а признание большевиков правительствами, то есть торжественное отречение народов от морального начала и принесение его в жертву эвдемонистическому, усыпит совесть аморальных революционных элементов населения, ибо хотя и раньше в международных отношениях ее веление часто пренебрегалось, но все же известный минимум правды сохранялся, и европейская дипломатия до сего времени не решалась пачкать себя общением с торжествующими преступниками, убийцами своего Вернейшего Венценосного союзника, с предателями родной армии, с истребителями родного народа.

Если же теперь правительства отрекутся от всяких своих нравственных обязательств, то преступная часть населения скоро возьмет верх в разных государствах, и тогда картины русских поголовных избиений целых городов, жестоких пыток, грабежей и насилий будут находить себе место и в прочих государствах Европы и других частей света.

Тогда сбудется печальное предсказание величайшего мирового писателя Достоевского, написанное им за 50 лет до революции.

«Хотя революция начнется в России, но здесь ей не долго пановать; ее подлинное гнездо будет в Европе, она кончится в России и перекатится в Европу: правда, ее не ждут, но и в XVIII веке ее не ждали во Франции, как это видно по путешествиям Карамзина и Шиллера, а после новой революции в Европе все лопнет» («Дневник писателя», 21, 470).

Этот писатель мечтал даже о том, что возрожденная страданиями Россия еще раз спасет Европу, как спасала уже несколько раз. Конечно, последняя мысль представляется, к сожалению, мало вероятной; но несомненно то, что союз держав с большевиками поселит в сердцах русского народа неизгладимое чувство оскорбления и жажду мести, хотя и не похвальную, но весьма естественную, даже для русской доброй души.

Уже и в настоящее время на сердце русского народа лежит тяжелый камень огорчения заброшенного друзьями, отданного на истребление внутренним врагам узника.

Впрочем, наш народ незлопамятен — он все прощает людям за исправление их вины. Ему неведома вековая международная вражда.

Народы Европы! Народы Мира!

Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский, попавший

в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против Ваших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам.

Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм — этот культ убийства, грабежа и богохульства из России и всего мира.

Пожалейте бедных русских беженцев, которые за свой патриотический подвиг обречены среди Вас на голод и холод, на самые черные работы, которые принуждены забывать все, чему учились, и быть лишенными даже таких необходимых удобств жизни, которые доступны последнему неграмотному чернорабочему.

Они в лице доброй своей половины офицеров, генералов и солдат готовы взяться за оружие и идти походом в Россию, чтобы выручить ее из цепей постыдного рабства разбойников.

Помогите им осуществить свой патриотический долг, не дайте погибнуть вашей верной союзнице — России, которая никогда не забывала своих друзей и от души прощала тех, кто временно был ее врагом.

Если поможете восстановиться исторической России, то скоро исчезнут те, пока не разрешимые политические и экономические затруднения, которые по всему миру сделали жизнь столь тяжелой; тогда только возвратится на землю «желанный для всех людей мир» (Эфес. 8, 13).

Председатель Высшего Русского Церковного Управления Заграницей Антоний, митрополит Киевский и Галицкий.

Протест Высшего Монархического совета³¹⁸ против Генуэзской конференции

На глазах у всего мира и при ближайшем участии всех главнейших европейских правительств подготавливается зрелище, невиданное еще в истории Европы и казавшееся невозможным еще немного лет тому назад: первые государственные люди и важнейшие дипломаты-представители различных держав (за исключением благородной Америки³¹⁹) готовы сесть за один стол, для общих переговоров с посланцами шайки интернациональных фанатиков и злодеев, грубым насилием захвативших власть в России и еще недавно считавшихся исключенными из правового общения с цивилизованными правительствами.

Горестно пораженный таковой перспективою. Высший Монархический Совет, как центральный орган всех русских объединенных монархистов, — в твердом убеждении, что ему хорошо известны подлинные чаяния подлинного русского народа, с нетерпением ждущего восстановления законной народной Монархии и не могущего лишь, под пятой насильников, свободно поднять свой голос в настоящее время, — берет на себя смелость и считает своим долгом, от имени этой будущей освобожденной России, заявить свой громкий протест, перед лицом всего цивилизованного мира, против этой безнравственной, незаконной и бесцельной попытки говорить о восстановлении России — с самими ее разрушителями!

Эта попытка безнравственна, — потому что западные державы ни на минуту не должны были бы забывать, что они решаются теперь подать руку, как сотрудникам в общем деле, палачам русского народа и злейшим ненавистникам всей многовековой христианской

³¹⁸ Высший Монархический Совет был создан в июне 1921 г. на съезде в Рейхенгалле (Бавария) как все-зарубежный политический орган по вопросам восстановления российской православной монархии. Действуя в эпоху безвременья, наступившую после незаконного насильственного свержения Государя, ВМС в тесном союзе с Русской Зарубежной Церковью стремился отстоять и сохранить православные принципы государственного устройства России. Тремя основными членами первого состава ВМС на съезде были избраны Н.Е. Марков, А.М. Масленников и А.А. Ширинский-Шихматов; почетными членами — митрополит Антоний (Храповицкий) и архиепископ Евлогий (Георгиевский). Позже на разное время были кооптированы барон М.А. Таубе, барон Б.Г. Кеппен, А.Ф. Трепов, А.Н. Крупенский, граф П.В. Гендриков; благодаря широкому использованию права кооптации участниками совещаний ВМС были сенатор Н.Н. Че-бышев, М.И. Горемыкин, А.А. Римский-Корсаков, С.С. Ольденбург, Н.Д. Тальберг и Е.А. Ефимовский и другие. Первым печатным органом ВМС стал одноименный еженедельник, выходивший в Берлине, откуда воспроизводится данный текст (Высший монархический Совет. Берлин. 1922. № 36. 10/23 апр. С. 2-4.).

³¹⁹ Высший Монархический Совет еще не знал о той роли влиятельных кругов США, которая описывается в книге Э. Саттона. С другой стороны, нужно признать, что в Америке имелось и довольно ощутимое противодействие со стороны части правых политиков, мешавших официальному признанию большевицкого режима. Будем считать, что эти слова ВМС о «благородной Америке» обращены к ним.

цивилизации. Россия разорена ими экономически, — ее земледелие, промышленность, торговля, средства передвижения, финансы разрушены на многие годы.

Россия разорена интеллектуально, — ее учебные заведения, университеты, библиотеки, музеи, наконец живые силы ее интеллигенции опустошены, истреблены или приведены в негодность; Россия разорена духовно — ее вера поругана, святыни осквернены, тысячи верных сынов Церкви и служителей Алтаря, как в первые годы христианства, замучены и убиты за свою веру.

А несчастный, одуроченный и одурманенный миражом земли и воли народ, в возмездие за свою роковую ошибку и за допущенное Цареубийство, мрет от голода — уже не тысячами, а миллионами, — на этой переставшей давать ему хлеб земле.

И все это сделано кучкой чуждых беззащитному народу вооруженных с ног до головы насильников, с которыми теперь собираются договариваться как с себе равными Правители Европы.

Попытка договариваться с большевиками не только безнравственна, но и несправедлива, незаконна.

Она незаконна потому, что самая власть, которая лицемерно принимается теперь за правительство, якобы представляющее Россию и русский народ, — власть незаконная, чуждая этому народу и ему ненавистная.

Конференция, конечно, знает, что у этой власти отсутствует какое бы то ни было внутреннее, народное, — а до сих пор также и внешнее, международное — признание. Конференции не может не быть известным, также, что власть эта принадлежит большей частью инородцам, а осуществляется, среди них, в значительной степени тяжкими уголовными преступниками.

Итак: это — власть, действительно, незаконная, чуждая народу и ему ненавистная — настоящая тирания и менее «демократическая», чем какая бы то ни было власть когда-либо известная в истории, почему она юридически и неспособна представлять собою ни внутри страны, ни во вне великий русский народ.

Она, сверх того и преимущественно, власть международных авантюристов, стремящихся, в целях захвата власти над человечеством и разрушения христианской культуры, уничтожить не только законный общественный порядок, но и существование государств всего мира.

Доказывать противное голым фактом существования такой власти в течение 4 лет было бы, очевидно, неправильно потому что, как для всех ясно, власть эта — не рискующая созвать для своего утверждения какое-либо подлинное общенародное Собрание, держится только крайним, никогда еще не слыханным террором, только лицемерно прикрываемым, где это возможно, от иностранцев.

При описанных условиях, переговоры с представителями большевизма не могут, наконец, оказаться и политически целесообразными, в смысле возможности достижения ими какой-нибудь великой цели, рассчитанной на сколько-нибудь продолжительное время.

Бесцельны такие переговоры потому, что, по указанным выше основаниям, подобная фактическая власть, даже при ее желании, ничего длительно восстановить не может — не говоря уже о ее явной технической неспособности что-либо создать в этом направлении.

Такая власть должна быть заменена — и чем скорее это случится, тем больше пользы принесет это всему миру, — властью национальной, честной и законной.

Эта последняя в смысле своего внутреннего строительства, должна быть создана при деятельном участии самого народа и в своих внешних проявлениях — будет одушевлена не кровавыми мечтами о всемирной социальной революции, а идеей истинного, основанного на элементарном представлении о праве и справедливости международного мира и стремлением совместно с Великими Державами Запада и Америки найти общие пути для восстановления нормального экономического порядка в Европе и во всем мире.

Вот почему, в заключение, по глубокому убеждению Высшего Совета русских монар-

хистов, разбросанных в настоящее время по всему свету и тысячами нитей связанных с обреченным на безмолвие Русским народом, но идейно твердо объединенных, все, что было бы сделано в Генуе по соглашению с теперешними фактическими узурпаторами власти в России, будет юридически ничтожно, на что Высший Монархический Совет и считает своим священным долгом обратить серьезнейшее внимание Конференции.

С правовой точки зрения это положение, казалось бы, тем более бесспорно, что независимо от большевистской, параллельно существует еще и другая русская власть, большевиков не признающая, и притом не только в Европе, но кроме того и на Дальнем Востоке, где власть эта опирается на все классы населения, в особенности же крестьян и рабочих.

Торжество на Конференции иной точки зрения, — несмотря на всю ясную и заставляющую задуматься картину, развернутую в настоящем меморандуме, — обречено на практике, по глубокому убеждению русского Высшего Монархического Совета, на неизбежную неудачу всех ее конкретных планов по восстановлению экономического порядка в России, на новые разочарования в русском вопросе в политическом отношении и, наконец, на такое дальнейшее его осложнение, которое грозит всей Западной Европе уже прямой катастрофой.

Комментарий редакции «РИ»

Эти русские обращения к западным властям, разумеется, были безуспешны — именно потому, что западные демократии «полностью исключили из международных отношений всякое нравственное начало, ограничивая их борьбой за выгоды».

Даже когда ВСМ говорил о «бесцельности» переговоров западных стран с властью большевиков из-за «ее явной технической неспособности что-либо создать» — западной финансовой олигархии как раз и была нужна такая, зависимая от нее, власть в России, и совершенно не нужна была замена ее «властью национальной, честной и законной» — как предлагал ВСМ.

Однако для возрожденной России эти обращения имеют непреходящее нравственно-политическое и правовое значение: «все, что было бы сделано... по соглашению с теперешними фактическими узурпаторами власти в России, будет юридически ничтожно».

Высший Монархический Совет счел «своим священным долгом» заявить это «от имени будущей освобожденной России».

Михаил Назаров

За кулисами «русской» революции. Послесловие издателя

Профессора Э. Саттона, как американского патриота, волновали прежде всего негативные последствия российской революции для Америки.

Ибо, ко времени написания данной книги (1974 г.) большевицкий режим, вскормленный Уолл-стритом, превратился в глобальную военную угрозу для США как лидера западного мира.

Однако, в отличие от США, для России последствия этого режима оказались не теоретической угрозой, а действительной национальной катастрофой.

Большевики разрушили традиционный уклад жизни русского народа, разгромили русскую культуру и Церковь, заложили под Российское государство бомбы искусственных национальных границ...

Только за первые 35 лет большевицкой власти народ потерял около 100 миллионов человек от репрессий, голода и войн, и это была наиболее жертвенная, культурная, активная часть нашего народа.

Катастрофические последствия этого периода продолжают и после крушения власти КПСС.

Это не удивительно: в новом витке трагедии с обеих сторон — российской и западной — действуют наследники тех же сил, хотя и под другими названиями; причем и те и другие

тщательно замалчивают причины и смысл русской трагедии, за которую — и те и другие — несут ответственность.

«Мы находимся в гуще российско-американской совместной революции» — так охарактеризовал происходящее; президент РФ в январе 1994 г. в связи с визитом в Москву президента США.

Это уже вторая такая «совместная революция». Первая, как нам показал проф. Саттон своей книге — произошла в 1917 году. Таким образом, проблема, описанная им в применении к началу века, продолжает быть актуальной и в его конце.

Правительственные архивы всех стран — участниц описанных событий — даже почти век спустя строго хранят тайны, компрометирующие их политику в глазах их собственных граждан. Проф. Саттон отмечает, что в архиве Госдепартамента США многие досье остались засекреченными.

Да и опубликованные в этой книге документы были предоставлены ее автору для другой цели: он тогда описывал, как западные фирмы в своем торгашеском эгоизме вооружают своего противника — СССР; такие дозированные разоблачения в 1970-е годы соответствовали намерениям США ввести повсеместный запрет на продажу СССР развитых технологий.

Разумеется, Госдепартамент США не предполагал, что опубликованные проф. Саттоном документы окажутся обвинительным актом против всей политики США (и их союзников) по отношению к исторической России; что эти документы вскроют истинные пружины механизма принятия решений в западных демократиях.

В этом и заключается для нас главная ценность данной книги, написанной американцем.

Наше принципиальное расхождение с проф. Саттоном в том, что в 1917 году он положительно относится к Февралю, отвергая лишь Октябрь.

Для русских же людей не менее, а быть может, и более важное значение имеет участие тех же западных кругов в поддержке всех антирусских сил, приведшее к разрушению российской государственности в феврале 1917 года.

Поэтому, издавая книгу американского исследователя в русском переводе, мы считаем необходимым поместить ее в более полный исторический контекст.

Это сделает понятнее мотивы и полную раскладку всех действовавших тогда сил, ввергнувших человечество в эпоху мировых войн и глобальных политических катаклизмов.

1. Еврейский вопрос и «русская» революция

Прежде всего, раскладку сил стоит рассмотреть с той экономически-финансовой точки зрения, которая, собственно, и применена проф. Саттоном для анализа мотивов Уолл-стрита.

Это вполне оправданно, ибо ни одна революция не обходится без денег. Деньги — кровь экономической и политической жизни мира.

И в этой области мы не откроем ничего нового, если отметим, что с древнейших времен в области финансов доминируют представители еврейского народа (вследствие материалистической направленности иудаизма: евреи не верят в бессмертие человеческой души и более других народов стремятся к обладанию богатствами уже на земле).

Приведем несколько их собственных признаний, рассматривая это здесь как факт не национально-религиозный, а политико-экономический.

Ж. Аттали (недавний президент Европейского банка реконструкции и развития) отмечает это особое еврейское «чутье», благодаря которому с самого возникновения торговли «еврейские общины селятся вдоль силовых линий денег» по всему миру.

Возникает «почти абсолютное, но совершенно ненамеренное, тысячелетнее господство евреев в международных финансах», длившееся до XI-XII вв. Позже они уже не явля-

ются единственными банкирами, но «их власть остается могущественной»³²⁰, — пишет Аттали.

С. Рот, главный редактор «Еврейской энциклопедии», отмечает «расцвет еврейского господства в финансовом мире» к XII в., связывая это с церковным запретом для христиан на занятие ростовщичеством; от этого «самого презираемого занятия» «к XIII в. зависело большинство евреев в католических странах»³²¹.

Это «презираемое занятие» привело к тому, что в XIX веке, как писал наш философ-юдофил В. Соловьев, «иудейство... успело занять господствующее положение в наиболее передовых нациях», и там «финансы и большая часть периодической печати находятся в руках евреев (прямо или косвенно)»³²².

А внук раввина Маркс сделал из этого вывод, что именно евреи — носители капиталистической эксплуатации в мире («К еврейскому вопросу»)

Аттали пишет о таких банкирах как «власти над властью», «большую часть времени они скрыты... но иногда становятся видимы» (как Ротшильды в XIX в., которые «финансируют большинство правительств»); «они организуются в странную аристократию, своего рода строгий орден с беспощадными законами морали и хищными ритуалами»³²³.

В этой связи известная еврейская деятельница Х. Арндт, лично знакомая с Ротшильдами, так характеризует возникшую всемирную банковскую сеть:

«Превращение Ротшильдов в международных банкиров и их возвышение над остальными еврейскими банкирскими домами изменило всю структуру еврейского государственного бизнеса... Это дало новый стимул для объединения евреев как группы, причем международной группы...

Для неевреев имя Ротшильда стало символом международного характера евреев в мире наций... Еврейский банковский капитал стал международным, объединился посредством перекрестных браков, и возникла настоящая международная каста... Эта изоляция и независимость укрепляли в них ощущение силы и гордости»³²⁴.

На эти позиции еврейство возшло не сразу, ибо долгое время иудеи в христианских странах не имели равноправия. Они завоевывали его в ряде буржуазных революций, организованных масонами³²⁵ — тайной организацией, созданной на еврейские деньги для демократизации христианского мира руками христиан.

Предоставление же политического равенства тем, кто уже обладал огромным финансовым неравенством, дало еврейским банкирам неограниченные возможности для секуляризации христианского мира, то есть устранения из него всех политических и духовных препятствий своей денежной власти.

Так и в международной политике, помимо эгоизмов отдельных государств, начинает действовать единая, мировая финансово-политическая сила, стремящаяся посредством масонства унифицировать мир на основе своих представлений о способах управления человечеством.

Прогресс отождествляется с атомизированным демократическим обществом, лишённым абсолютных духовных ценностей, ибо только в такой среде главной ценностью становятся деньги, обеспечивая закулисную власть «финансовой аристократии» — поэтому она жизненно заинтересована в распространении такой модели на весь мир. (Философ И.А. Ильин назвал эти круги «мировой закулисой».)

Согласно масонским энциклопедиям, в начале XX в. вся европейская финансово-политическая элита, включая многих членов правительств, были масонами. Но наиболее

320 Attali. J. Un homme d'influence. Sir Sieemund Warburg. Paris. 1985. P. 23, 26.

321 Roth C. A Short History of the Jewish People. London. 1936. P. 202-207.

322 Соловьев В. Статьи о еврействе. Иерусалим. 1979. С. 8.

323 Attali. J. Op. cit. P. 13-15, 48.

324 Арндт Х. Антисемитизм // Синтаксис. Париж. 1989. М. 26, С. 134, 146.

325 О взаимодействии масонства и еврейства см.: Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь. 1992. (Москва. 1994), Т. 1, Гл. 5 и 6.

идеальное для себя общество они создали в США с масонской государственной символикой.

К 1932 г. в числе масонов «Международный масонский словарь» указывает 11 президентов и 13 вице-президентов США, «к масонству принадлежит подавляющее большинство губернаторов штатов и членов конгресса»; «в США... самое сильное масонство в мире», а «самая сильная Великая ложа в Нью-Йорке»³²⁶.

(Таким образом, ни успешный бизнес на Уолл-стрите, ни политическая карьера без принадлежности к масонству в те годы были невозможны.)

Россия же как альтернативная православная цивилизация менее всего вписывалась в эти представления о «прогессе» — почему и стала главным препятствием для планов мировой демократии.

К тому же к началу XX в. Россия была особенно возмутительным «белым пятном» в глазах международного еврейства, ибо в составе Российской империи волею Божиих судеб оказалась основная часть еврейского народа (около 6 миллионов), и именно Россия оставалась единственным (за исключением небольшой православной Румынии) государством, в котором существовали ограничения для евреев по религиозному признаку.

Поэтому в борьбе против российского самодержавия объединился весь масонско-демократический мир

Упорство русских Царей в еврейском вопросе объяснялось прежде всего религиозной причиной.

В стране, где нормы нравственности и само оправдание самодержавной власти основывались на христианстве, нельзя было признать равноправной религию, отрицавшую Христа и имевшую черты расовой исключительности.

Отсюда следовало стремление ограничить еврейское влияние в общественно-политической жизни (в основном эти ограничения были приняты в конце XIX в. после безуспешных попыток ассимилировать евреев; лишь переход иудея в христианство снимал все препятствия).

Однако никакая черта оседлости (включавшая в себя 15 губерний) не могла помешать тому, что в России, как и в западных странах, в руках еврейства оказались практически все банки и печать³²⁷.

Ведь черта оседлости не распространялась примерно на 40 % иудеев (ремесленники, купцы, лица с высшим образованием и их семьи). Поэтому существовавшие ограничения не достигали цели, а лишь раздражали евреев, которые составили руководящее ядро всех революционных партий.

Борьба международного еврейства за равноправие единоверцев в России началась еще в конце XIX в. и усилилась в годы русско-японской войны.

В ней отличился глава фирмы «Кун, Леб и Ко.» — банкир Я. Шифф, о котором «Американская энциклопедия» пишет, что в США «его лидерство в финансах было общепризнанным»³²⁸.

Согласно «Еврейской энциклопедии», Шифф, «чрезвычайно разгневанный антисемитской политикой царского режима в России, с радостью поддержал японские военные усилия», выпустив в пользу Японии заём на огромную по тем временам сумму в 200 миллионов долларов.

«Он последовательно отказывался участвовать в займах России и использовал свое влияние для удержания других фирм от размещения русских займов, в то же время оказывая финансовую поддержку группам самообороны русского еврейства»³²⁹.

326 Lennhoff E., Posner O. Internationales Freimaurerlexikon. Wien-Miinchen. 1932 (Nachdruck 1980). S. 1127-1129, 1125.

327 Еврейская энциклопедия. СПб. Т. XIII. С. 646, 649; Дижур И. Евреи в экономической жизни России // Книга о русском еврействе (1860-1917). Нью-Йорк. 1960. С. 155-182.

328 Encyclopedia Americana. New York-Chicago. 1943. Vol. 24, p. 369.

329 Encyclopaedia Judaica. 1971. Jerusalem. Vol. 14. P. 960-961.

Эти «группы самообороны», то есть финансируемые Шиффом террористы, в попытке устроить революцию в 1905-1907 гг. убили в России тысячи полицейских и чиновников — вплоть до губернаторов и министров.

В японских лагерях для русских пленных на деньги Шиффа была развернута активная революционная пропаганда. За всё это Япония наградила Шиффа орденом.

Масонский автор свидетельствует из личного опыта, что царское правительство безуспешно пыталось «прийти к соглашению с международным еврейством на предмет прекращения революционной деятельности евреев», причем Шифф «признал, что через него поступают средства для русского революционного движения»³³⁰.

Премьер-министр С.Ю. Витте описал, как при заключении мирного договора в Портсмуте еврейская делегация (с участием Шиффа — «главы финансового еврейского мира в Америке» и Краусса — главы ложи Бнай Брит) требовала равноправия евреям, и когда Витте (женатый на еврейке) пытался объяснить, что для этого понадобится ещё много лет — последовали прямые угрозы революцией³³¹.

Новый этап борьбы международного еврейства против самодержавия начинается в 1911 г. в связи с делом Бейлиса (который был обвинен в Киеве в ритуальном убийстве мальчика, но оправдан судом присяжных за недостаточностью улик).

По мнению историков М. Геллера и А. Некрича, «процесс Бейлиса стал как бы подсчетом сил, — антиправительственных и проправительственных. Оправдательный приговор Бейлису верно отражал слабость последних»³³²...

В этой связи в декабре 1911 г. «Американский Еврейский Комитет добился резолюции конгресса об аннулировании Русско-американского договора 1832 г. о торговле и навигации, если Россия не прекратит политику ущемления прав евреев», видную роль в этом сыграл Шифф³³³.

О накаленности атмосферы можно судить по американской печати, сообщавшей, например, о таких призывах со стороны влиятельных лиц:

«Пылающий страстью Герман Леб, директор Департамента Продовольствия, обратился... с речью к присутствовавшим трем тысячам евреев, описывая мрачное угнетение, царящее в России, призвал к оружию и настаивал, чтобы на русское преследование был дан ответ огнем и мечом.

«Конечно, неплохо отменять договоры», пояснял он, «но лучше... освободиться навсегда от имперского деспотизма»... «Давайте собирать деньги, чтобы послать в Россию сотню наемников-боевиков. Пусть они натренируют нашу молодежь и обучат ее пристреливать угнетателей, как собак»...

Подобно тому, как трусливая Россия вынуждена была уступить маленьким японцам, она должна будет уступить Богоизбранному народу... Деньги могут это сделать».

Этот призыв Леба процитировали и другие американские газеты, а «Нью-Йорк Сан» резюмировала: «Евреи всего мира объявили войну России. Подобно Римско-католической Церкви, еврейство есть религиозно-племенное братство, которое, не обладая «политическими органами, может выполнять важные политические функции.

И это Государство теперь предало отлучению русское Царство. Для великого северного племени нет больше ни денег от евреев, ни симпатии с их стороны..., а вместо этого беспощадное противодействие. И Россия постепенно начинает понимать, что означает такая война»³³⁴.

Вряд ли на этом фоне (вспоминая и «группы самообороны» Шиффа 1905-1907 гг.)

330 Давыдов А. Воспоминания. Париж. 1982. С. 223-226.

331 Витте С. Воспоминания. М. 1960. Т. 2. С. 439-440.

332 Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Лондон. 1982. Т. 1. С. 13.

333 Краткая еврейская энциклопедия. 1976. Иерусалим. Т. I. С. 108. Encyclopaedia Judaica. Vol. 14, P. 962.

334 Philadelphia Press. 1912. 19.11. — Англ. текст см.: Шмаков А. Международное тайное правительство. М. 1912. С. 603.

можно считать случайностью убийство в 1911 г. выдающегося государственного деятеля, премьер-министра П.А. Столыпина евреем Богровым, имевшим революционные связи с границей.

1905 год показал, что организация революции упрощается при внешней войне. Спусковой механизм новой войны был выбран точно: противоречия между Россией и Центральными державами (Германией и Австро-Венгрией) в отношении к балканским славянам.

В суде над убийцами в Сараево наследника австро-венгерского престола выяснилось, что именно масоны дали для этого оружие и согласовали дату покушения³³⁵.

Враждебность между Россией и Германией нагнеталась давно: к этому толкала пресса в обеих странах.

Как пишет даже видный еврейский автор У. Лакер, она как «в России, как и в Германии, сыграла главную роль в ухудшении отношений... Русские дипломаты в Берлине и немецкие дипломаты в русской столице должны были тратить значительную часть своего времени на опровержение или разъяснение газетных статей».

Газеты публиковали и то, «что оплачивалось теми или иными закулисными фигурами... Можно быть почти уверенным, что без прессы Первой мировой войны вообще бы не было»³³⁶. (В чьих руках была пресса — нам пояснил выше В. Соловьев.)

Экономическая борьба еврейства против самодержавия была не менее важной. Так, во время русско-японской войны противник России не только имел неограниченный кредит от еврейских банков (и смог вести войну гораздо дольше, чем рассчитывало русское командование), но и, с другой стороны — для России были закрыты почти все зарубежные кредиты в том числе влиятельными Ротшильдами.

Как пишет «Еврейская энциклопедия», «Шифф продолжил эту политику во время первой мировой войны, смягчившись лишь после падения царизма в 1917 г. В это время он оказал помощь солидным кредитом правительству Керенского»³³⁷.

О том, как финансовое господство еврейства проявилось в первой мировой войне, дает представление изданная И.В. Гессеном стенограмма обсуждения русским правительством в августе 1915 г. еврейского ультиматума об отмене ограничений евреям.

Незадолго до того германский Генштаб организовал «Комитет по освобождению русских евреев» и призвал их к восстанию³³⁸; обеспокоенные случаями «шпионажа и еврейской крамолы» русское командование распорядилось о высылке евреев из прифронтовой полосы.

В этот момент и заграничные, и внутренние российские банки (почти все они были под еврейским контролем) одновременно отказались предоставить России кредиты, без чего Россия не могла воевать.

Наиболее тяжелым был отказ из Соединенных Штатов, которые «все более становились влиятельными в качестве банкира воюющей Европы».

Министр А.В. Кривошей предлагал просить международное еврейство об ответных услугах; «мы даем вам изменение правил о черте оседлости..., а вы... окажите воздействие на зависимую от еврейского капитала (это равносильно почти всей) печать в смысле перемены ее революционного тона».

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов: «Союзники тоже зависят от еврейского капитала и ответят нам указанием прежде всего примириться с евреями».

Министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов: «Мы попали в заколдованный круг... мы бессильны, ибо деньги в еврейских руках и без них мы не найдем ни копейки, а без денег нельзя вести войну».

Русское правительство было вынуждено пойти на уступки, поскольку «Нельзя вести

335 New York Sun. 1912. 31.III. — Цит. по Шмаков А Указ. соч. С. 604.

336 См.: Der Prozess gegen die Attentäter von Sarajewo // Archiv für Strafrecht und Strafproze B. Berlin. 1917. Band 64; 1918. Band 65.

337 Laqueur W. Deutschland und Russland. Berlin. 1965. S. 57-59.

338 Давыдов А Указ. соч. С. 223-226; Витте Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 220, Encyclopaedia Judaica. Vol. 14. P. 961.

войну сразу с Германией и с еврейством» 339...

Разумеется, помимо еврейства, в крушении России был заинтересован и Запад в целом: и политически (чтобы не дать России после победы обещанных прав на Проливы и Константинополь — древнюю столицу Православия), и идеологически («демократизаторские» цели масонства), и экономически: одна шестая суши с ее природными богатствами была заманчивым «трофеем». (Вспомним об этом меморандум У.Б. Томпсона британскому премьеру Ллойд-Джорджу.)

С поражением России связывали свои надежды и все революционные и сепаратистские партии. Своя причина для их поддержки была у Германии и Австро-Венгрии: ставка на ослабление военного противника.

В этом сложении самых разных враждебных сил и их интересов и состоял план по организации революции и расчленению России, предложенный Гельфандом-Парвусом германскому правительству (см. наше Приложение 4). И оно на него пошло, не подозревая, что следующей жертвой падет и само...

(Меморандум Парвуса и его личность очень символичны для данной книги; он сыграл руководящую роль уже в попытке революции 1905 г. вместе с Троцким и был его учителем в теории «перманентной революции».)

Однако Февральская революция разразилась не потому, что тяготы войны стали невыносимы, а потому, что был предвидим успешный для России конец войны. Это заставило «орден русской интеллигенции» и его западных вдохновителей поторопиться с атакой на монархию.

Мировая война, конечно, легла тяжелым бременем на страну. Однако, фронт остановился вдали от жизненных центров. Трудности военного снабжения были преодолены, наступление 1916 г. укрепило веру в победу. Готовилось весеннее наступление 1917 г., что, несомненно, стало бы переломным моментом в войне.

Поскольку в войну готовились вступить США — шансов выстоять у истощенных Центральных держав не было. И «февралисты» сознавали, что после победного окончания войны свергнуть монархию будет труднее.

К тому же, срок полномочий депутатов Государственной Думы (составивших ядро заговорщиков) вскоре истекал, а переизбрание многих из них было под вопросом... И они начали действовать³⁴⁰.

К своим планам столичные масоны подключили союзников в лице влиятельного политика и банкира Мильнера (Великого Надзирателя Великой Ложы Англии) — сначала для оказания давления на Царя. Прежде всего они требовали продления «до конца войны» полномочий Думы.

Львов (будущий глава Временного правительства) заявил в меморандуме лорду Мильнеру, «что если не последует каких-либо изменений, то «через три недели» произойдет революция...».

Мильнер не бездействовал: как отметил британский министр иностранных дел Бальфур (тоже масон), «монархам редко делаются более серьезные предупреждения, чем те, которые Мильнер сделал Царю»³⁴¹.

Но Царь не желал менять закон ради оппозиции, развернувшей против него с думской трибуны всероссийскую кампанию клеветы, которую тиражировали газеты. Он справедливо считал, что во время войны требуемые конституционные перемены, предоставляющие таковой Думе больше законодательных прав, лишь ослабят страну.

Было очевидно, что думские лидеры оппозиции лишь рвались к власти, используя лю-

339 Катков Г. Февральская революция. Париж. 1984. С. 75.

340 См.: Тяжелые дни. Сост. А.Н. Яхонтовым // Архив русской революции. Берлин. 1926. Т. XVIII. С. 44-49.

341 Алексеева И. Миссия Мильнера // Вопросы истории. М. 1989. № 10. С. 145-146; The Manchester Guardian. 1917. 16.III; Colonel Repington. The First World War, 1914-1918: Personal experiences. Boston-N.Y. 1920. P. 494; Катков Г. Указ. соч. С. 231-234; Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. М. 1935. Т. 3. С. 359.

бые средства. Позже ирландский представитель в британском парламенте прямо заявил: «Наши лидеры... послали лорда Мильнера в Петроград, чтобы подготовить эту революцию, которая уничтожила самодержавие в стране-союзнице»³⁴².

Авторитетный в западной историографии Г.М. Катков предполагает, что именно Парвус через своих агентов подготовил волнения в феврале 1917 г. в Петрограде, ибо революция застала врасплох большевиков и другие социалистические партии.

Катков пишет: «Допуская, что вся правда нам недоступна, мы не имеем все-таки права прикрывать наше незнание фразами о «стихийном движении» и «чаще терпения рабочих», которая «переполнилась».

Кто-то должен был пустить слухи о нехватке хлеба (хотя хлеба было достаточно); кто-то должен был спровоцировать нереальное требование рабочих о повышении зарплаты на 50% (которое было отвергнуто, что и вызвало забастовку); кто-то должен был выдавать бастующим рабочим деньги на жизнь и выбросить именно те лозунги, о которых один из рабочих мрачно сказал: «Они хотят мира с немцами, хлеба и равноправия евреев» — было очевидно, пишет Катков об этом рабочем, «что лозунги исходят не от него и ему подобных, а навязаны какими-то таинственными “ими”»³⁴³.

Другой известный автор, А.А. Гулевич, приводит сведения, что этими «ими» были агенты британского посла в Петербурге Бьюкенена, действовавшего по указанию Мильнера, который потратил на свержение самодержавия в стране-союзнице более 21 миллионов рублей³⁴⁴...

Однако организованные волнения в Петрограде были еще не революцией, а необходимым поводом для нее: они были раздуты печатью и заговорщиками, чтобы требовать у Царя отречения как «последнего средства спасения России».

При этом масонская организация, действуя согласованно в Думе, Генштабе и средствах информации, сыграла решающую роль.

Как подчеркивал историк-демократ и очевидец революции С.П. Мельгунов, координация действий революционных сил внутри России «была преимущественно по масонской линии», в масонскую организацию входили представители разных партий «от большевиков до кадетов»³⁴⁵.

Накануне революции имелось около 28 лож в крупнейших городах России, куда привлекались влиятельные деятели разных партий.

Дотошный историк Б.И. Николаевский, меньшевик, тоже писал «об идеологии этого заговорщицкого движения»: «можно с полной достоверностью утверждать, что центром, где она формировалась, ...были масонские организации»; затем группа масонов «в течение почти всего периода Временного правительства играла фактически руководящую роль в направлении политики последнего», «в этот период ложы на местах определенно становятся ячейками будущей местной власти»³⁴⁶.

Этот факт, подтвержденный в мемуарах и масонских энциклопедиях — даже постсоветским историкам все еще кажется «черносотенным мифом». «Хрестоматия по истории России» (1995), рекомендованная Министерством образования, приводит лишь мнение советского историка А.Я. Авреха о масонах: «Чего не было — того не было»³⁴⁷.

Тем не менее, в 1917 году в масонстве состояли³⁴⁸:

342 Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 91. Mr. 28. 1917. 22 March. Col. 2081. — Цит. по: Алексеева И. Указ. соч. С. 145.

343 Катков Г. Указ. соч. С. 93, 255-264.

344 Goulevitch A. Czarism and Revolution. Hawthorn, Calif. 1962. P. 230.

345 С.П. Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту. Париж., стр. 185, 195.

346 Николаевский Б. Русские масоны начала XX века // Грани. Франкфурт-на-М. 1989. № 153. С. 221-225.

347 Хрестоматия по истории России. М. 1995. С. 186.

348 Чтобы это увидеть, нужно совместить данные хотя бы из следующих источников: Dictionnaire universel de la franc-maçonnerie Paris 1974. P. 1166; Берберова Н. Люди и ложы. Нью-Йорк. 1986; Фрумкин Я. Из истории русского еврейства // Книга о русском еврействе (1860-1917). Нью-Йорк. 1960.

• ядро еврейских политических организаций в Петрограде (ключевой фигурой был А.И. Браудо — «дипломатический представитель русского еврейства», поддерживавший связи с важнейшими еврейскими зарубежными центрами³⁴⁹; а также Л.М. Брамсон, М.М. Винавер, Я.Г. Фрумкин и О.О. Грузенберг — защитник Бейлиса, и др.);

• многие генералы, входившие в так называемую «Военную ложу» (даже если не все ее члены были «посвященными» масонами — это не меняет сути дела)³⁵⁰;

• Временное правительство («масонами было большинство его членов»³⁵¹, — сообщает масонский словарь); оно образовалось из «Временного комитета Государственной Думы», незаконно созданного после ее роспуска Государем;

• первое руководство Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (масонами были все три члена президиума — НС. Чхеидзе, А.ф. Керенский, М.И. Скобелев; и двое из четырех секретарей: К.А. Гвоздев, Н.Д. Соколов).

Сразу же после образования Временное правительство разработало декрет о равноправии евреев «в постоянном контакте с непрерывно заседавшим [еврейским] Политическим бюро», — пишет его член Фрумкин.

Но Бюро решило не издавать специального закона о евреях: надо чтобы он «носил общий характер и отменял все существующие — вероисповедные и национальные ограничения».

После публикации декрета еврейское Бюро отправилось с визитом к главе Временного правительства и в Совет рабочих и солдатских депутатов — «но не с тем, чтобы выразить благодарность, а с тем, чтобы поздравить Временное правительство и Совет с изданием этого декрета. Так гласило постановление Политического бюро»³⁵².

Из этого можно видеть, что Февраль был их совместной победой, в которой большевики не участвовали. Проф. Саттон, разумеется, прав, что не все международное еврейство потом поддержало большевиков, но оно сыграло огромную роль в сокрушении православной Российской государственности.

Это было продемонстрировано и публичным обменом телеграммами, когда Шифф «как постоянный враг тиранического самодержавия, беспощадно преследовавшего моих единоверцев», поздравил кадетского лидера, нового министра иностранных дел Милюкова с победой революции, на что тот ответил: «Объединенные в ненависти и отвращении к свергнутому режиму, — будем также объединены в проведении новых идеалов...»³⁵³.

Для утверждения этих идеалов и свержения монархии ими были задействованы все антирусские и нигилистические силы (которые Временное правительство оказалось не в силах контролировать и пало их жертвой).

Их объединенная мощь была уникальна в истории по неограниченности финансовых средств и вседозволенности: дезинформация, клевета, подкуп, убийства лучших политических деятелей, игра на разнузданных инстинктах масс, террор, спровоцированная мировая война...

(Заметим, что обе наши войны в начале XX в. были объявлены не Россией, а ее противниками — в результате соответствующих интриг «мировой закулисы».)

Защитники монархии не могли себе позволить столь циничный арсенал средств для адекватных действий. Во всей Европе консерваторы в свое время оказались не способны противостоять новым, агрессивно-разрушительным течениям.

Ибо консерватизм состоит в обладании и защите уже имеющихся, традиционных нравственных ценностей, а не в разработке адекватных методов противостояния силам от-

349 Jüdisches Lexikon. Berlin. 1927. Band 1. S. 1149; Александр Исаевич Браудо. Очерки и воспоминания. Париж. 1937.

350 Берберова Н. Указ. соч. С. 25, 36-38, 152; Свитков Н. Военная ложа // Владимирский вестник. Сан-Пауло. 1960. № 85. С. 9-16.

351 Dictionnaire universel... P. 1166.

352 Фрумкин Я. Указ. соч. С. 107.

353 New York Times. 1917. IV. 10. P. 13.

кровенно безнравственным.

Поэтому и Император, видя вокруг себя предательство генералитета и даже членов династии, вынужден был отречься от престола без борьбы, ибо защищать свою духовную правоту физической силой он не хотел.

Введенный в заблуждение поступающими сообщениями и своим окружением, он полагал, что «его отречения требуют армия и народ». Против народа же он пойти не мог.

Огромную роль в создании предреволюционной атмосферы и в последующем «всенародном одобрении революции» сыграла массированная кампания печати против Царской семьи.

Это, конечно, не могло не повлиять и на русский народ; он уклончиво выжидал исхода событий и обещанных выборов в Учредительное собрание. Лишь позже выяснилось, что все обвинения против Царской семьи были клеветой.

Комиссия Временного правительства, созданная для расследования «поощрения Царем антисемитских погромов», его «тайных переговоров с Германией», назначения министров «под безраздельным влиянием Распутина» — ничего подобного не обнаружила.

Один из следователей-евреев сказал: «Что делать?.. Я начинаю Царя любить. А главный следователь Руднев закончил свой доклад словами «Император чист, как кристалл»³⁵⁴.

Тем не менее, из-под ареста ни его, ни его семью не освободили. Король Георг V под давлением премьера Ллойд Джорджа отказался принять Романовых...

Сам же свергнутый Император не искал путей бегства, он ничего не предпринял для улучшения своего положения и смиренно разделил судьбу своего народа...

При той раскладке сил во всем мире честные политические шаги русского Царя, продиктованные побуждениями его христианской совести, не могли противостоять нечестной игре противников — на что они и рассчитывали.

Так, Государь не мог оставить на произвол судьбы православную Сербию — и дал втянуть себя в войну против Германии.

Уже в ходе войны чувством долга была продиктована верность Царя союзникам по Антанте, позже предавшим его. (Хотя потом маршал Фош печатно признал, что жертвенным наступлением 1914 года Россия спасла Францию.)

Как отметил даже бывший кадет П.Б. Струве, в глазах союзников монархическая «Россия попала как бы в разряд побежденных стран», так как «Мировая война... имела демократическую идеологию»³⁵⁵.

Первая мировая война потому и была первой мировой, в которой, помимо обычных для войны политических интересов, имелась глобальная идеологическая цель наших «союзников» по Антанте: привести к столкновению и взаимному крушению все три главные консервативные монархии (в России, Германии, Австро-Венгрии) для утверждения либерально-демократической идеологии.

Поэтому столь охотно Англия и Франция, изменив своему союзническому долгу, еще до отречения Государя поддержали Февральскую революцию и официально заявили 1 марта через своих послов, что «вступают в деловые сношения с Временным Исполнительным Комитетом Гос. Думы, выразителем истинной воли народа и единственным законным временным правительством России»³⁵⁶.

Премьер-министр Ллойд Джордж в британском парламенте «с чувством живейшей радости» приветствовал свержение русского Царя: «Британское правительство уверено, что эти события начинают собою новую эпоху в истории мира, являясь первой победой принципов, из-за которых нами была начата война» (выделено нами); «громкие возгласы одобрения раздались со всех мест»³⁵⁷.

354 Русская летопись. Париж. 1922. Кн. 2.

355 Струве П. Размышления о русской революции. София 1921. С. 9-10.

356 Биржевые ведомости. М. 1917. 5 марта (утр. вып.); Свет. Петроград. 5 марта.

357 Новое время. Петроград. 1917. 9 марта; Утро России. М. 9 и 12 марта; Биржевые ведомости. 8/21

Но и масонское Временное правительство власти не удержало, ибо послушно подчинялось требованиям своих западных «братьев», понукая народ на продолжение войны уже непонятно ради чего. К тому же оно видело врагов «только справа», все больше слева.

Проф. Н. Первушин в русско-еврейской газете «Новое русское слово», возглавляемой масоном А. Седых, заметил: «Можно предположить, что такое влияние масонства, предопределившее левый курс, все больше и больше принимаемый правительством, и привело к катастрофе в октябре» 358.

Результаты Первой мировой войны говорили сами за себя: падение консервативных европейских монархий; приход к власти правительств масонской ориентации в государствах, возникших на месте Австро-Венгрии и в отделившихся частях Российской империи; провозглашение «еврейского национального очага» в Палестине.

Да и победители не скрывали своего торжества на итоговой Парижской (Версальской) конференции (1919-1920), о которой стоит привести несколько цитат из еврейских энциклопедий.

Вот, например, организаторы и участники этой конференции от США: член Верховного суда Л. Брандейс (он же президент Мировой организации сионистов) был председателем американской Комиссии «по сбору материалов для переговоров о мире».

Предложения для Конференции разрабатывал также «Американский еврейский конгресс», а «члены Американского еврейского комитета Дж. Мак, Л. Маршалл и С. Адлер участвовали в конференции и в значительной степени благодаря их деятельности и связям евреям были предоставлены права», которых они хотели.

Б. Барух, председатель Комитета военной промышленности США, «работал в Высшем экономическом совете Версальской конференции и был личным экономическим советником президента Вильсона»³⁵⁹.

Была на конференции представлена и лидирующая банковская группа Шиффа. Во время войны она кредитовала и Антанту, и Германию — также и благодаря тому, что родственники-компаньоны Шиффа, братья Варбург, поделили сферы влияния.

Пауль Варбург (совладелец «Кун, Леб и Ко», а до войны и немецко-еврейского банка «Варбург» в Гамбурге) «имел решающее влияние на развитие американских финансов во время мировой войны».

Второй брат, Феликс, будучи «центральной фигурой немецко-еврейской элиты, которая доминировала в еврейской общине США в первые десятилетия 20 века», во время войны состоял совладельцем того же гамбургского банка.

Третий Варбург, Макс, оставался в Европе, заменив в гамбургском банке Пауля, и оказывал услуги Германии, а затем участвовал в Парижской конференции с немецкой стороны «как специалист по вопросам репараций».

Четвертый из Варбургов, Фриц выполнял во время войны политические поручения германских властей по проникновению в среду российских либералов³⁶⁰.

Тут следует отметить, что уже накануне мировой войны, не в последнюю очередь благодаря Варбургам и Шиффу, финансовое господство «мировой закулисы» поднялось на качественно новую ступень.

В 1913 г. еврейскими банкирами было оказано давление на президента США и была создана Федеральная резервная система (ФРС — Federal Reserve System), директора которой часто встречаются в книге проф. Саттона.

ФРС соответствует понятию Центрального банка и имеет право печатать доллар, однако является системой частных банков и в своих решениях не зависит от правительства

марта (утр. вып.).

358 Первушин Н. Русские масоны и революция // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1986. 1 авг.

359 Encyclopaedia Judaica. Berlin. 1929. Band 4. S. 1010; Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим. 1976. Т. 1. С. 108, 301.

360 Краткая еврейская... Т. 1. С. 606; Judisches Lexikon. Berlin. 1930. Band IV/2.S. 1331,1329; Катков Г. Указ. соч. С. 86, 108.

США³⁶¹.

Более того: ФРС, создавая деньги «из ничего», дает их в долг даже правительству США, сделав его зависимым от себя. А после того, как в ходе мировой войны американские банки кредитовали все воюющие страны, сделав всех своими должниками, их валюты были привязаны к доллару³⁶².

С тех пор ровно нарезанные зеленые бумажки ФРС, не обеспеченные реальными ценностями, стали во всем мире основным эквивалентом материальных благ.

То есть никому не подконтрольная Федеральная резервная система США распространила свою экономическую власть на все страны. В этом и заключалась финансовая цель «мировой закулисы» в первой мировой войне.

Другой ее целью — политической — было создание мирового правительства.

Одним из важных шагов Версальской мирной конференции в этом направлении стала Лига Наций (предшественница ООН), которая «была, в сущности, масонским творением, и ее первым президентом стал французский масон Леон Буржуа»³⁶³ — гордо сообщают масонские авторы.

Об этом «творении» в немецкоязычной «Еврейской энциклопедии» сказано:

«Лига Наций, созданная на мирной конференции в 1919/1920 гг., ...соответствует древним еврейским профетическим устремлениям и поэтому стоит в определенной духовной связи с учениями и воззрениями евреев...

Кроме специальных вопросов... есть две области, в которых судьба евреев формально связана с Лигой Наций: создание еврейского национального очага в Палестине и обеспечение прав меньшинств»³⁶⁴.

Причем, еврейский «национальный очаг» в Палестине впервые был провозглашен в Декларации Бальфура (глава МИДа Великобритании, масон), при «непосредственном участии в ее подготовке» упомянутого члена Верховного суда США Л. Брандейса — это произошло в одну неделю с Октябрьским переворотом в России...

Разумеется, Лига Наций была задумана лишь как представительный орган для пропаганды идеологии мондиализма (объединения мира).

Подлинным мировым правительством чувствовала себя сама закулиса — финансовая олигархия и высшее масонство — которые стали создавать собственные мондиалистские политические структуры закрытого типа; например, в Англии в такую структуру («Круглый стол») еще до войны входили Мильнер, Бальфур, Ротшильды; в 1921 г. в США был создан более широкий «Совет международных отношений».

И тут, прежде чем пойти дальше, для нахождения общего языка между сторонниками и противниками теории «жидомасонского заговора» уместно отметить: враждебные иностранные силы были внешней причиной кризиса в России.

Не менее важной была внутренняя причина: ослепление российской интеллигенции и те грехи общества, связанные с утратой веры, о чем говорил в своих проповедях св. прав. Иоанн Кронштадтский.

Но о наших грехах уже написано достаточно всеми, кто только в этом и видит причину революции. Поэтому мы считаем необходимым рассмотреть малоисследованную сторону вопроса, а именно: без действий евреев и масонов революцию тоже нельзя объяснить.

Они наиболее активно воспользовались нашими ошибками для достижения своих целей. И нельзя вину плохо оборонявшейся и излишне доверчивой жертвы считать большей, чем вину атакующей ее международной мафии.

Мы вправе исследовать механизм ее действий, чтобы вынести из этого должные уро-

361 См., напр.: Sutton A. Federal Reserve Conspiracy. Boring (Oregon). 1995; Gnffin Edward. The Creature from Jekyll Island. Appleton (Wise.) f994 Эпперсон. Р. Невидимая рука. СПб. 1996.

362 Зворыкин Н. К Возрождению России. Париж. 1929. Гл. 6.

363 Manel P. Les Francs-Maçons en France. Paris. 1969. P. 204.

364 Judisches Lexikon. 1930. Band IV/2. S. 1225; Band I. S. 1137.

ки.

2. Механизм финансирования революционеров

Итак, выше показано, что финансирование «русской» революции происходило по нескольким каналам: еврейским, масонским, немецким. Но почему-то почти все признанные западные историки сводят проблему к «немецким» деньгам, не проявляя интереса к исследованию других источников.

Книга проф. Саттона ценна именно тем, что вскрывает иной мощный источник — Уолл-стрит.

Американский исследователь, правда, концентрирует внимание в основном на послефевральском этапе, когда речь уже шла не о борьбе против православной России как главного врага еврейства, а об утилизации «трофея» — тут у всего Запада причина и геополитическая цель была одна: экономическая колонизация России.

Однако в свете всего вышесказанного, для лучшего понимания происходивших процессов, мы должны все-таки внести в общее «топографическое» понятие Уолл-стрита некоторые уточнения, не забывая о наличии в нем столь важных специфических составляющих, как еврейство и масонство.

Именно это поможет разрешить те «загадки», с которыми проф. Саттон не раз сталкивается в своей книге.

Бросается в глаза, что источником зла в книге выступают Рокфеллер и особенно Морган; остальные действующие лица фигурируют в основном как их партнеры.

Однако нелишне напомнить, чьим партнером был сам Морган: его отец, основатель фирмы, ранее был банкиром в Англии в тесной связи с Ротшильдами и перебрался в Америку как их финансовый агент. Не отражено должным образом и огромное влияние Я. Шиффа, который в энциклопедиях назван финансовым лидером США того времени (а вместе с родственным кланом Варбургов его господство тем более бесспорно).

В числе действующих лиц данной книги у него, несомненно, было партнеров не меньше, чем у Моргана. Заметим также, что и отец Шиффа был связан с Ротшильдами, развивая свою финансовую деятельность как их агент.

Поэтому можно поставить вопрос и о «немецких» 10.000 долларах Троцкого, обнаруженных в Галифаксе: не могли ли они происходить из другого источника — из тех самых двух специфических составляющих Уолл-стрита?

Разумеется, из глобального плана Парвуса, распределявшего «немецкие» деньги, мы видим, что он предполагал привлечь к борьбе всех противников российского самодержавия.

Накануне высылки из Франции Троцкий, выпуская вместе с меньшевиком Мартовым и Луначарским в Париже газету «Наше слово», уже получал через Раковского «немецкие» деньги от Парвуса 365. Переезд Троцкого в США — не причина разрыва таких финансовых отношений.

Однако в Нью-Йорке, всемирной столице еврейской диаспоры, ситуация была иной. Там проживало более миллиона евреев и находились все влиятельные еврейские банки и политические центры вроде «Американского Еврейского Конгресса» и ложи «Бнай-брит».

Как Парвус отметил в своем меморандуме: «У российских социал-демократов и еврейского Бунда там имеются важные связи». И множество находившихся там революционеро-эмигрантов из России имели все основания считать своим финансовым покровителем Я. Шиффа, не скрывавшего этого.

Издание нью-йоркской еврейской общины в 1917-1918 гг. подтверждает: «Шифф никогда не упускал случая использовать свое влияние в высших интересах своего народа. Он финансировал противников самодержавной России...».

(Внук Шиффа позже оценил затраты своего деда на революцию в России в сумму око-

365 Scnarlau W.B., Zeman Z.A. Freibeuter der Revolution. Koln. 1964. S. 176.

ло 20 миллионов долларов.)³⁶⁶

В частности, на нашумевшем конгрессе российских революционных партий 14 февраля 1916 г. в Нью-Йорке было заявлено, что отправка «нескольких сот агитаторов в Россию сопряжена с большими расходами», но «нужная сумма, вне зависимости от ее величины, будет предоставлена людьми, сочувствующими революции в России. При этом упоминание имени Шиффа вызвало бурю восторженных приветствий»³⁶⁷.

Известие об этом съезде вызвало немалый резонанс в русских кругах. (Сравним это с приведенным проф. Саттоном в Приложении 2 документом «русского, работавшего в министерстве военной торговли США» о том, что евреи взяли курс на революцию в России именно «в феврале 1916 года».)

Сам Троцкий лишь бегло упоминает в своей автобиографии контакты с еврейскими кругами Нью-Йорка: «Мы все успешнее проникали в могущественную еврейскую федерацию с ее четырнадцатизэтажным дворцом, откуда ежедневно извергалось двести тысяч экземпляров газеты «Форвертс»...»³⁶⁸ (точнее, газета называлась Jewish Daily Forward).

Зная склонность Троцкого к умолчаниям, под «успешным проникновением» тут можно предположить и то, что в этом четырнадцатизэтажном дворце не так уж трудно было найти лишним 10.000 долларам.

В самой книге проф. Саттона есть достаточно указаний на необходимость поиска именно в этом не «немецком» направлении — взять хотя тот факт, что Троцкий покидал Нью-Йорк на пароходе в компании крупных финансистов Уолл-стрита (см. гл. 2).

Поэтому малопонятны ничем не подтвержденные домыслы офицера Маклина (что Троцкий был «немцем», жил в Нью-Йорке уже в 1916 г. в контакте с «отрядом бомбистов») и сделанный из этого вывод: «...вполне очевидны тесные отношения Троцкого с германским Генеральным штабом и вполне вероятна работа на него.

А так как наличие таких отношений установлено у Ленина — в том смысле, что немцы субсидировали Ленина и облегчили его возвращение в Россию, — то кажется определенным, что Троцкому помогали аналогичным образом. 10.000 долларов Троцкого в Нью-Йорке были из германских источников» (гл. 2).

В подтверждение же приведено послание и. о. госсекретаря Полка во Владивосток от 9 марта 1918 г. — то есть из совершенно другого периода, когда Троцкий уже был в составе большевицкого руководства Советской России, которое до лета 1918 г., действительно, напрямую подпитывалось деньгами от немцев. Но это ничего не доказывает в применении к Нью-Йорку начала 1917 года.

Маклин пишет, что Троцкий был освобожден из Галифакса «по просьбе посольства Великобритании в Вашингтоне..., которое действовало по просьбе Государственного департамента США, который действовал для кого-то еще». Но неужели Госдепартамент действовал для немцев, а не для людей вроде Шиффа?..

Разве могли столь влиятельные заступники Троцкого на уровне правительств США, Канады и Великобритании покрывать «немецкого агента», выдав ему американский паспорт уже через несколько месяцев пребывания в США? Для одного этого надо было обладать связями на самом высшем уровне — вот истинное направление поиска покровителей и финансистов Троцкого.

Разумеется, и Троцкий и Ленин тщательно хранили тайны своих заграничных связей. Так, прозвучавшие летом 1917 г. обвинения в связях большевиков с Германией они называли новым «делом Бейлиса» и взаимно защищали друг друга от «возмутительной клеветы».

В автобиографии Троцкий отрицает даже само наличие конфискованных у него 10.000

366 The Jewish Communal Register of New York City 1917-1918. New York P. 1018-1019; New York Journal-American. 1949. 3.11.

367 Лодыженский А. Русская революция // Вече. Мюнхен. 1983. № 11. С. 156; Шульгин В. Что нам в них не нравится... Париж. 1930. С. 268.

368 Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин. 1930 Т. 1. С. 314; Nedava, Joseph. Trotsky and the Jews. Philadelphia. 1971. P 25

долларов; он скрывает, что ехал в Россию с американским паспортом и, прикидываясь наивным, замечает об инциденте в Галифаксе: «Нужно сказать, что закулисная механика нашего ареста и нашего освобождения мне и сейчас не вполне ясна» 369.

В этой закулисной механике, несомненно, скрыты истинные благодетели Троцкого в США, из них проф. Саттон выходит лишь на посредников — Алейникова и Вольфа, которые «были враждебно настроены к России из-за того, как там обращались с евреями...».

Эта деталь также не может не навести нас на мысль, что в Нью-Йорке, помимо так и недоказанных «немецких источников» Троцкого, имелись другие потенциальные деньгодатели с той же причиной враждебности к России, что у Алейникова и Вольфа.

В книге есть и другие многозначительные факты. Например, когда Сенатский комитет США почему-то внезапно прервал обсуждение источника 10.000 долларов Троцкого и на следующий день никого этот вопрос больше не заинтересовал (!).

Быть может, по той же причине, что указана в переписке американской и британской спецслужб по поводу еврейских интересов в революции? Тогда было принято «согласованное решение»:

«Кажется очень неразумным предавать гласности... думаю, мы похороним все дело» (Приложение 2). Если британские власти действительно имели «доказательства того, что большевизм является международным движением, контролируемым евреями» — перехваченные «письма от различных групп международных евреев, излагающих план властвования над миром» — то сам факт уклонения от их рассмотрения тоже кое-что значил...

Однако не так уж важно, существуют ли такие письма или нет, что стало бы «подтверждением (или неподтверждением)... всемирного еврейского заговора». Есть множество других бесспорных признаний этих кругов и информации из еврейских и масонских источников, которая частично приведена в данном нашем послесловии.

Называть же это «заговором» или «щедрой помощью притесняемым единоверцам в России и их группам самообороны» — вопрос чисто стилистический.

На этом фоне пора уточнить и само понятие «немецких» денег. Разумеется, столкнув между собою крупнейшие европейские монархии.

Финансовый Интернационал сначала решил расправиться с наиболее важным противником — Россией, и подключил к этому силы Германии и Австро-Венгрии. Их средства были брошены на общую чашу весов финансирования «русской» революции.

Но возникает вопрос: могла ли окруженная почти со всех сторон Германия, с сильно заблокированным экспортом (который только и дает валютный доход), иметь достаточное количество реальных денег, чтобы финансировать революционное движение за своими пределами?

Разумеется, можно было включить денежный печатный станок в Берлине, но это лишь привело бы к быстрой инфляции марки (что и без того происходило).

Кроме того, реализовать марки за границей было очень трудно и по причине запретительных законов военного времени (ведь объекты финансирования находились на территории противника и его союзников), и из-за неуверенности иностранных банков в дальнейшей судьбе марки (это недоверие было вполне оправданным, поскольку после войны марка полностью обесценилась).

С другой стороны, известно, что основную часть заграничных расходов большинство воевавших стран (даже страны Антанты) покрывали кредитами. Германия же более всех зависела от иностранных кредитов. А кто был кредиторами воюющих стран — мы уже знаем.

Таким образом, то, что принято называть «немецкими» деньгами в данной истории, в значительной части было иностранными кредитами, в основном от еврейских банков, у которых на то имелись свои соображения.

В книге проф. Саттона (гл. 4) дается пример, как Германия, вопреки существовавшим

369 Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 19; Т. 1. С. 318 и 323.

военным запретам, собрала в Нью-Йорке значительные средства для своей подрывной деятельности «в Мексике» (!), получив займы от американских банков.

В 1919 году сенатский Овермановский Комитет также установил, что немецкий ««Дойче Банк» сумел в своих отделениях в Южной Америке получить от Лондона 4.670.000 фунтов стерлингов».

Но только ли на далекую Мексику тратила Германия полученные таким способом доллары и фунты? Ведь их можно было перевести в другую валюту в любой стране.

По всей видимости, «нейтральная» Америка, кредитовавшая все воюющие страны, была лишь наиболее удобным местом для добывания Германией таких кредитов — в том числе и для финансирования революции в России.

Примечательно, что согласно показанию германского агента-посредника Карла Хайнена (гл. 4) — первый заём в 400.000 долларов был предоставлен Германии в сентябре 1914 года фирмой Я. Шиффа «Кун, Леб & Ко.» при участии М. Варбурга в Гамбурге — германского филиала фирмы «Кун, Леб & Ко.».

На вопрос американского разведчика: «Почему Вы пошли к фирме «Кун, Леб & Ко.»?» — немецкий агент ответил: «Мы считали фирму «Кун, Леб & Ко.» естественными банкирами германского правительства и Рейхсбанка».

Выражение «естественные банкиры», видимо, предполагает, что эти еврейские банкиры имели свои «естественные» интересы в кредитовании Германии — быть может, именно с той целью, как та же фирма финансировала Японию в годы русско-японской войны?

Интересно в этой связи признание видного масонского политика Т. Масарика, который, несомненно, был хорошо информирован о раскладке мировых сил, ибо сам служил тем же закулисным силам за щедрый гонорар независимое чехословацкое государство.

Масарик пишет в своих воспоминаниях об американско-англо-французском разведывательном бюро, расследовавшем интриги немцев против союзника-России: «Нам удалось установить, что какая-то г-жа Симоне (очевидно, Суменсон] была на службе у немцев и содействовала передаче немецких фондов некоторым большевистским вождям.

Эти фонды посылались через стокгольмское немецкое посольство в Гапаранду, где и передавались упомянутой даме». Сведения эти были сообщены Керенскому.

И тут Масарик делает важное добавление: бюро прекратило дальнейшее расследование, «когда оказалось, что в это дело запутан один американский гражданин, занимавший очень высокое положение. В наших интересах было не компрометировать американцев»³⁷⁰.

Видимо, положение этого «американского гражданина» было столь высоким, что и глава российского правительства Керенский отказался от суда над арестованными в июле по этому делу Троцким и другими ленинскими соратниками; они, на удивление всем, были отпущены на свободу и вскоре устроили Октябрьский переворот...

Тогда как антибольшевики П.Н. Переверзев и Г.А. Алексинский, выступившие в газете Бурцева «Общее дело» с разоблачением «немецких» денег, вызвали непонятно резкую реакцию Временного правительства: газета была закрыта, а Переверзев отставлен с поста министра юстиции; «Некрасов и Терещенко были с Керенским полностью согласны...»³⁷¹.

Столь строгое отношение масонского правительства к своим защитникам и столь мягкое — к своим противникам-большевикам, видимо, объясняется тем, что Керенский опасался раскрытия следствием каких-то нежелательных фактов.

(Милюков как-то заметил: «ни для кого не тайна, что германские деньги сыграли роль» в февральской революции — и никто из присутствовавших членов Временного правительства не возмутился этими словами, кроме эсера Керенского³⁷².)

Таким образом, если учесть описанный проф. Саттоном механизм добывания Герма-

370 Цит. по: Мельгунов С. Золотой немецкий ключик большевиков. Париж. 1940. С. 105; см. также с. 116.

371 Берберова Н. Указ. соч. С. 48.

372 Архив русской революции. 1921. Т. 1. С. 23.

нией средств от главной страны-кредитора и если взять за исходную точку вполне достоверный факт — признания самого Шиффа в финансировании «русской» революции, то может быть логически выстроена следующая цепочка: Шифф и «Кун, Леб и Ко.» в Нью-Йорке, затем родственные ему банки Варбургов в Скандинавии и Германии (для переправки собственно немецких денег или депозитов в марках использовались и немецкие, например, «Дисконто-Гезельшафт» и др.).

На дальнейшем этапе следования денег их формальный получатель, германское посольство (возможно, простым росчерком пера в том же банке Варбурга) передает деньги Парвусу — и тот переправляет их революционерам:

курьерами, поставками в Россию товаров для продажи или через различные вспомогательные банки для большей дифференциации денежных потоков, как, например, стокгольмский «Ниа Банкен», российские банки «Русско-Азиатский», «Сибирский» и другие.

В этой схеме европейские Варбурги, похоже, были главными организаторами кредитов, предоставляемых Германии из США (что делалось в нарушение «общепринятой нормы международного права... — не оказывать военных займов воюющим странам», как подчеркивал госсекретарь США Р. Лансинг; см. гл. 4).

А Парвус был распределителем денежных потоков российским революционерам, причем ему не приходилось отчитываться перед немецким посланником о конкретных получателях денег. Таким образом, эти «немецкие» деньги совсем не обязательно должны были даже попадать в Германию.

Возможно, были и другие подобные каналы финансирования, от других банков. Например, проф. Саттон упоминает деньги, поступавшие большевикам от А. Гомберга (также связанного с американским финансовым миром) и от американского банкира Я. Рубина, который «помог установлению советской власти в Одессе», имея финансовые отношения с П.А. Рокфеллером, М. Л. Шиффом и Джеймсом Шпейером.

Во всяком случае, отмеченное выше Ханной Арендт тесное переплетение еврейских банкиров во всем мире чрезвычайно облегчало финансирование клиентов всех воюющих странах, в обход военных запретов.

Для наглядности переплетения приведем несколько примеров из «Еврейской энциклопедии»: Шифф происходил из Франкфурта-на-Майне (где его отец был сотрудником Ротшильда) и имел тесные связи с Ротшильдами и другими банкирами Европы.

Шифф был женат на дочери своего компаньона банкира Леба. С семьей Лебов через женитьбу породнился Пауль Варбург. Феликс Варбург был женат на дочери Шиффа.

Их семьи были связаны подобными браками с банкирами Отто Каном, Оппенгеймерами, Гольдбергами, Магнусами и прочими еврейскими банкирскими домами в самых разных странах.

Однако, разумеется, прямых документальных подтверждений такой цепочки финансирования, с письменными распоряжениями Шиффа, банковской документацией Варбурга и т. п. еще никто не опубликовал, и вряд такого рода бумаги могут быть доступны исследователям.

Опубликованы лишь секретные документы на уровне «распределителя» денег, Парвуса, из архива германского МИДа, захваченного англо-американцами в конце второй мировой войны.

И хотя публикаторы этих бумаг стремились подчеркнуть лишь «немецкие» деньги в «русской» революции, стараясь не уделять внимания «инородным» фигурам, все же не удалось обойтись без Варбургов.

В сборнике «Германия и революция в России. 1915-1918» фамилия Варбург (без имени) впервые встречается в комментарии составителя сборника (Земана) и лишь после Февраля 1917 г., когда революция была сделана, поэтому «Варбурги и Колышко, Стинесы и Бе-

бутовы исчезли со сцены»³⁷³, — пишет Земан как о чем-то само собой разумеющемся для него, хотя фамилия Варбург в сборнике до тех пор еще не появлялась.

Очевидно, что до Февраля Варбург все-таки играл на этой «сцене» какую-то роль, которая осталась за пределами включенных в сборник документов.

В другом месте опять-таки лишь из комментария Земана мы узнаем, что в июле 1916 г. Колышко (бывший секретарь С.Ю. Витте) и князь Д.О. Бебутов (один из учредителей первых масонских лож в России в начале XX в.) вели в Стокгольме переговоры с представителями МИДа Германии о финансировании в России «прогерманской» пропаганды, и участие в переговорах принимал Варбург³⁷⁴, — соответствующие документы Земан почему-то в сборник не включил.

(Немцы тогда выделили 2 миллиона рублей, на которые, вероятно, в мае 1917 г. начала выходить газета Горького «Новая жизнь», — предполагает Земан.)

Таким образом, фамилия Варбург предстает в этом сборнике как весьма заметная фигура умолчания — чем это издание и примечательно.

Интересующая нас тема практически осталась за пределами и другого сборника германских документов, составленного во Франции А. Шерером и Ж. Грюневальдом³⁷⁵.

Правда, там находим телеграмму германскому посланнику в Стокгольме от заместителя статс-секретаря Циммермана (занимавшегося финансированием революционеров в России с самого начала акции Парвуса в январе 1915 г.³⁷⁶):

«Берлин, 30 июня 1915

Лично.

Расшифровать лично. Банкир Макс Варбург из Гамбурга в ближайшие дни прибудет к вам с особо секретным заданием, которое он изложит Вашему Высокоблагородию лично. Для видимости он будет выступать в роли специального уполномоченного немецкого правительства по валюте и вопросам, связанным с разрешениями на экспорт в нейтральные страны, и будет вести переговоры в связи с неурегулированными авансами и франкированием задержанных товаров.

Прошу сообщить всему персоналу посольства, включая генерального консула Хауга, только эту цель поездки и оказать господину Варбургу необходимую поддержку во всех переговорах, или просить об этом господина Хауга. Но до его прибытия об этом деле вообще не нужно упоминать.

Циммерман»³⁷⁷.

Суть «секретного задания» Варбурга, которое должен был расшифровать лично (!) сам посланник, во французском сборнике не разъясняется. Однако в сопоставлении со сборником Земана эта телеграмма приходится хронологически на большой временной пробел между предоставлением Германией Парвусу первой суммы в 2 миллиона марок, одобренной 11.3.1915, — и запросом статс-секретаря Ягова (от 6.7.1915) на выделение еще 5 миллионов марок.

Как видно, Земан в своем сборнике о «немецких» деньгах не считал достойным упоминать столь важное письмо Циммермана о миссии Варбурга, а составители французского сборника о «дипломатии и проблемах мира» не сочли нужным в связи с «секретным заданием» Варбурга упоминать о «немецких» деньгах.

Уже со времени революции кому-то надо было упорно привязывать всех революцио-

373 Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Ed. by ZA Zeman. London. 1958. P.24.

374 Ibid. P. 92.

375 L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la Premiere guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'Office allemand des Affaires etrangeres Publics par A. Scherer et J. Grunewald. Paris. 1962.

376 Germany and the Revolution... P. 1-2.

377 L'Allemagne et les problemes de la paix... P. 137.

неров только к немцам: и Троцкого, и даже Керенского (см. ту же главу 2 и Приложение 3, док. 2). В этой связи вспоминаются сенсационные «документы Сиссона», опубликованные в 1918 г.³⁷⁸.

Как предполагает проф. Саттон (гл. 3), скорее всего они имели ту же цель: «Подбрасывание поддельных документов могло быть приемом Гомберга... Документы Сиссона, драматически «доказывая» исключительную связь Германии с большевиками, обеспечивали дымовую завесу, скрывая от общества те события, которые описываются в этой книге».

Во всяком случае, странно, что «документы Сиссона» сначала были официально признаны подлинными и спешно изданы — а затем признаны «явной и грубой подделкой».

Если все они действительно представляют собой фальсификацию (нам тут приходится верить лишь на слово их разоблачителю Кеннану), то странно излишнее засвечивание в этих документах настоящих банковских участников операции: Варбург, «Ниа Банкен», «Дисконто-Гезельшафт»...

Сам Кеннан заметил, что «те, кто подделывал их, определенно имели доступ к какой-то необычно надежной информации».

Если так, то возможно, назначение этих документов было — утопить в массе ложных фактов и дискредитировать некоторые крупницы истины, просочившиеся наружу из закулисы. Катков полагал, что назначение «документов Сиссона» было тем же, что и «Протоколов сионских мудрецов» — вызвать у ученых недоверие к исследованию этого вопроса.

За пределами всех респектабельных западных публикаций всегда оставалась и масонская составляющая нашей темы. Проф. Саттон выходит на нее вплотную, описывая механизм освобождения Троцкого в Галифаксе и упоминая масонство одного из участников цепочки — Култера.

Намек в книге достаточно прозрачен: «...лояльность может не всегда оказаться такой, какой она провозглашается или видится. Мы можем высказать догадку, что Троцкий, Алейников, Вольф, Култер и Гуаткин, действуя ради общей конкретной цели, имели также какую-то общую более высокую цель, чем государственная лояльность или политическая окраска...»

Эта лояльность, более высокая, чем формируемая общей непосредственной целью, обязательно должна выходить за рамки обычной дружбы, хотя это и трудно себе представить при столь многоязычной комбинации»³⁷⁹.

Из этого можно предположить, что не только среди революционеров в России, но и на международном уровне координация агентов «мировой закулисы» в разных странах осуществлялась масонством, которое в ту эпоху играло огромную роль в странах Антанты (для этого достаточно заглянуть в масонские энциклопедии).

Об этой координации можно точно судить и на примере международных контактов российских масонов-февралистов (визиты в Россию лорда Мильнера и французского министра-социалиста А. Тома).

Вероятно, именно тесное сотрудничество с «младотурками» (турецкими масонами) не только обеспечило богатство Парвуса в 1910-1914 гг., но и ввело его в международное масонство высоких степеней (он указан в списке Н. Свиткова 380) сделав ключевой фигурой в распределении между революционерами «немецких» денег, то есть одалживаемых Германией еврейскими банками для «русской» революции.

Впрочем, быть может, через Парвуса проходили и иные денежные потоки без всякой связи с немецкими инстанциями. Поэтому мнение Каткова о роли резидентов Парвуса в организации февральских беспорядков и информация Гулевича о роли в этом людей Мильнера — не так уж противоречат друг другу, если Парвус был в контакте с Мильнером, например, по масонской линии.

378 Факсимиле документов: Sisson E. 100 Red Days. Vale/London. 1931.

379 См.: Берберова И. Указ. соч. С. 33-35 и др.

380 Свитков Н. Масонство в русской эмиграции. Сан Пауло. 1964.

Возможно, какая-то закулисная заграничная координация была и причиной объединения Троцкого с Лениным после их возвращения в послефевральскую Россию.

Обычно политиков объединяет общий противник — однако тут объединение произошло после свержения общего противника, когда часто начинается соперничество однотипных групп и их лидеров.

Напомним, что Троцкий, ранее сотрудничавший в ленинской «Искре», в 1903 г. порвал с Лениным, а в 1904 г. вышел также из фракции меньшевиков и занял промежуточное положение между ними.

Стремясь к объединению тех и других, он действовал с самостоятельной группой, издавая с 1908 г. во Львове и затем в Вене газету «Правда», которая была в те годы самой популярным из изданий, нелегально ввозимых в Россию.

Поэтому, когда Ленин в 1912 г. решил вновь издавать свою газету, он украл это название, вызвав возмущение Троцкого — оно продлилось как раз до 1917 года. Вернувшись в Россию, Троцкий объединился с Лениным. В предположении, что их объединению помог общий источник денег, проф. Саттон, видимо, прав.

Разумеется, что касается действительного размаха и подробностей финансирования «русской» революции, мы тут смогли показать лишь верхушку айсберга. Ведь даже из Германии финансирование революционеров было организовано по нескольким параллельным каналам.

Так, летом 1916 г. кайзер поручает канцлеру «предпринять более решительные шаги по проникновению в Россию при содействии «банкиров, евреев и так далее»...».

В ответ канцлер «заверяет кайзера, что министерство иностранных дел поступает соответственно его указаниям, но что, к сожалению, самая в этом отношении «многообещающая личность» — банкир Дмитрий Рубинштейн — арестован в Петрограде во время «еврейского погрома»³⁸¹ (т.е. за незаконные финансовые операции).

Одна из акций этого «проникновения» была предпринята во время заграничной поездки заместителя председателя Думы А.Д. Протопопова (1916): немцы предложили ему встретиться с «крупным немецким промышленником, принадлежащим к влиятельной банковской семье Варбургов» — это был фриц Варбург, написавший затем для германского министерства отчет об этой встрече, на которую «немцы возлагали большие надежды».

Столь доверительная миссия была выполнена членом клана Варбургов с большой готовностью и сверхпатриотизмом³⁸².

Крупный чиновник германского министерства финансов М. фон Земиш почему-то избрал свой собственный, столь странный способ финансирования революционеров, что «следовало соблюдать абсолютную секретность, даже в отношении министерства иностранных дел»³⁸³, а деньги шли в Стокгольм помощнику военного атташе Нассе (контакт был установлен через находившихся в Швейцарии большевика Г. Шкловского и меньшевика П. Аксельрода).

Еще более пестрая картина царил среди получателей денег. Австро-Венгрия выделила 800.000 марок украинскому самостийному «Союзу Освобождения Украины». Парвус лично приложил руку к организации украинской «пятой колонны».

Германия финансировала грузинских сепаратистов. Эсэры получали деньги не только от Германии (через Цивина-Вайса и Левинштейна-Блау), но и от Австрии через «посредника в той Женевской группе, «вожаками» которой являются «Кац с Черновым».

Это некто «Зайонц, Марк Мендель Хаимов, мещанин города Седлеца», вошедший в сношения с Пельке [Пельке фон Норденшталем, австрийским консулом. — М.Н.] и ездивший с соответствующими поручениями в Вену»³⁸⁴.

381 Катков Г. Указ. соч. С. 86, 123.

382 Там же. С. 86, 108; L'Allemagne et les problemes... P. 392.

383 Катков Г. Указ. соч. С. 114, 115.

384 Germany and the Revolution... P. 1, 16--23. 80; Катков Г. Указ.соч. С. 94, 107; Мельгунов С. Золотой немецкий... С. 15, 47.

Выявить точную картину финансирования революции историки, пожалуй, не смогут никогда, потому что все ее участники были крайне заинтересованы в неразглашении информации. Ф. Казн (Cahen), германский сотрудник в Копенгагене, причастный к плану Парвуса, заявил в воспоминаниях, что кое-что «так и останется тайной, потому что в бумагах министерства ничего найти не удастся»³⁸⁵.

К тому же многие германские архивы погибли.

С. Мельгунов указывает еще одну причину, почему практически невозможно проследить источники и пути денег: «Была еще сложная, подлинно двойная, бухгалтерия тех русских банков, которые были в своей деятельности слишком тесно и неразрывно связаны с немецким капиталом...»³⁸⁶.

Поскольку тут же упоминается имя банкира Мануса, слово «русский банк» у Мельгунова имеет лишь географическое значение, и сказанное вполне может быть отнесено ко всем другим банкам-участникам.

В России историки давно надеются, что когда-нибудь откроется доступ к российским и советским секретным документам. Но сохранились ли они?

Много их сгорело уже в Феврале. Мельгунов отмечает «специфический», то есть с целью уничтожения документов, характер разгрома полицейских архивов в России после Февральской революции.

Оставшиеся невредимыми архивы были сразу же «обработаны» по поручению Керенского масоном Котляревским, который «вывез из департамента полиции те бумаги, «которые считал нужным»»; расследование деятельности царской полиции производилось комиссией под руководством масона Н.К. Муравьева при участии масона П.Е. Щеголева³⁸⁷.

Мельгунов отмечает закрытие и в США архивов русской заграничной политической разведки 388. Немало советских архивов было уничтожено перед угрозой немецкой оккупации Москвы и Ленинграда, а архив Московского военно-революционного комитета был сожжен большевиками еще в октябре 1917 г. — «для тщательного уничтожения всякого рода протоколов и документов, которые могли бы нас скомпрометировать в случае неудачи восстания»³⁸⁹.

Но как бы то ни было, раскладка сил, действовавших в «русской» революции, уже не вызывает сомнений. Если честным историкам где-то откроются возможности для архивной работы, то им уже остается лишь документально уточнить детали.

Независимо от того, появится ли когда-нибудь такая возможность (архивы ведь и сейчас уничтожаются) — главная истина очевидна. Эту истину давно знала и выразила в своих работах правая русская эмиграция, как, например, философ И.А. Ильин:

«Следуя тайным указаниям европейских политических центров, которые будут впоследствии установлены и раскрыты исторической наукой, Россия была клеветнически ославлена на весь мир как оплот реакции, как гнездо деспотизма и рабства, как рассадник антисемитизма...

Движимая враждебными побуждениями Европа была заинтересована в военном и революционном крушении России и помогала русским революционерам укрывательством, советом и деньгами. Она не скрывала этого. Она делала все возможное, чтобы это осуществилось.

А когда это совершилось, то Европа под всякими предлогами и видами делала все, чтобы помочь главному врагу России — советской власти, выдавая ее за законную представительницу русских державных прав и интересов»³⁹⁰.

385 Катков Г. Указ. соч. С. 284, 262, 128.

386 Мельгунов. Золотой немецкий... С. 112-113.

387 См.: Берберова Н. С. Указ. соч. С. 133; Старцев В. Российские масоны XX века // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 37, 35.

388 Мельгунов С. Золотой немецкий... С. 53.

389 Вопросы истории. 1989. № 8. С. 140.

390 Ильин И. Основы борьбы за национальную Россию. Нарва. 1938.

Книга проф. Саттона, несомненно, внесла свой вклад в историческую науку по данному вопросу, расширив границу «Европы» до Уолл-стрита.

3. Антанта и гражданская война в России

Для какой-то части еврейских финансистов была достаточна уже Февральская революция, и они не все симпатизировали непредсказуемым большевикам, которые своим Брестским миром на целый год оттянули победу Антанты над Германией.

Судя по приведенным проф. Саттоном письмам Каменки и Я. Шиффа (Приложение 3, док. 3), эти два банкира не были в восторге от большевиков.

Однако это не снимает с подобных «антибольшевиков» ответственности за финансирование российской катастрофы в Феврале.

Да и с большевиками, как мы узнаём от самого Саттона, фирма Шиффа «Кун, Леб и Ко.» активно сотрудничала, вывозя в США русское золото (см. гл. 9), и затем «финансировала пятилетки»³⁹¹.

Вот тут-то и выходит на сцену Уолл-стрит как таковой, уже не в связи с еврейским вопросом в России, а как соперник Германии в освоении «трофея» — что и является основной темой книги Саттона. Саттон допускает лишь неточность относительно «помощи» со стороны Уолл-стрита и правительства США также и Белому движению.

В примечании мы уже отметили, что в одной из следующих книг профессор исправил эту неточность, изучив секретные инструкции президента США Вильсона командованию американского экспедиционного корпуса:

«Тщательное изучение доступных архивов показывает, что американская интервенция имела мало общего с антибольшевицкой деятельностью, как это утверждают Советы, Дж. Кеннан и другие писатели...

На самом деле Соединенные Штаты захватили Транссибирскую магистраль и удерживали ее [«чтобы не пустить к магистрали японцев»] до тех пор, пока Советы не окрепли настолько, чтобы ее контролировать...

Имеются данные Госдепартамента, что большевикам поставлялось оружие и снаряжение... Советы были так благодарны за американскую помощь в революции, что в 1920 году, когда последние американские войска уходили из Владивостока, большевики устроили им дружеские проводы»³⁹².

Стоит подкрепить этот вывод еще несколькими фактами, дающими общую картину взаимоотношений Антанты и Белого движения.

Вот что писал об этом Ленин: «В продолжение трех лет на территории России были армии английская, французская, японская. Нет сомнения, что самого ничтожного напряжения этих сил этих трех держав было бы вполне достаточно, чтобы в несколько месяцев, если не несколько недель, одержать победу над нами»; но большевикам удалось разложить вражеские войска»³⁹³.

Дело было, конечно, не в «разложении» интервентов. А в том, что пресловутой «интервенции 14 государств против молодой советской республики» — не было.

Действительно, некоторые иностранные державы ввели свои войска на российскую территорию — но совсем с другими целями, не для свержения власти большевиков. Эта «интервенция» делится на два разных периода: до окончания первой мировой войны (ноябрь 1918 г.) и после.

Немцы оккупировали Прибалтику и юг России для пополнения истощенных запасов — согласно Брестскому договору с большевиками. Поэтому немцы не боролись против большевиков, а всеми мерами поддерживали их.

Немцам было важно контролировать новую власть в России, чтобы против них не вос-

391 U.S. State Dec. File 8П.51/3711 and 861.50 Five Year Plan/236; Sutton A. Western Technology and Soviet Economic Development. Vol. 2. P. 340.

392 Sutton A. How the Order Creates War and Revolution. 1984. P. 41-43, 51; New York Times. 1920. Febr. 15. P. 7.

393 Ленин В. ПСС. М. 5-е изд. Т. 42. С. 22-23.

становился восточный фронт — и этот контроль они надеялись осуществить, с одной стороны, деньгами и военными инструкторами (для создававшейся Красной армии), с другой стороны — агитацией в нейтральных странах в пользу признания большевиков (особенно после подписания Брестского мира, отдавшего Германии огромные российские территории).

Статс-секретарь фон Кюльман инструктировал посла в Москве: «Используйте, пожалуйста, крупные суммы, поскольку мы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы большевики выжили...

Мы не заинтересованы в поддержке монархической идеи, которая воссоединит Россию. Наоборот, мы должны пытаться предотвратить консолидацию России насколько это возможно, и с этой точки зрения мы должны поддерживать крайне левые партии»⁷⁵.

Германские представители в Москве, как утверждал Деникин, даже выдали чекистам офицеров из белого подполья. Это было сделано потому, что немцы рассматривали армию Деникина, как союзницу Антанты.

Страны же Антанты высадили в 1918 г. свои десанты в России именно в надежде восстановить против Германии восточный фронт. Власть большевиков как таковая их не интересовала.

Десант в Мурманске 2 марта 1918 г. был необходим, чтобы немцы не воспользовались этой базой для подводных лодок; высадка была произведена с согласия Троцкого (противника Брестского мира), который направил соответствующий приказ Мурманскому совету³⁹⁴.

Высадка Антанты в Архангельске (лишь после его захвата 2 августа 1918 г. белым отрядом Чаплина) имела ту же цель.

Как писал командующий экспедиционным корпусом Антанты, «было чрезвычайно важно спасти огромное количество военных складов»³⁹⁵, чтобы немцам не досталось военное имущество, приобретенное еще царской Россией в США и Англии. К этому времени войска «интервентов» на Севере достигли 13 тысяч.

Аналогичные причины имел в июле-августе десант Антанты на Дальнем Востоке (около 7500 тысяч американцев, 4000 канадцев, 2000 итальянцев, 1500 англичан, 1000 французов)³⁹⁶: надо было обеспечить тыл для продвижения на запад Чехословацкого корпуса (составленного из австрийских военнопленных) — опять-таки для восстановления противогерманского фронта, а не против большевиков — подчеркивали представители Антанты³⁹⁷.

Однако, эти «интервенты» остались в Сибири, охраняя железную дорогу. БСЭ признает, они, «кроме японских войск, не были способны к наступательным операциям».

Япония же, также находившаяся в состоянии войны с Германией, была заинтересована лишь в экономической эксплуатации Дальнего Востока и двигаться за эти пределы не собиралась.

Она высадила десант во Владивостоке 5 апреля 1918 г., увеличив его в июле до 70 тысяч. Колчаку они никогда не помогали, поддерживая лишь местных атаманов Семенова и Калмыкова.

Единственной иностранной частью, принимавшей тогда участие в вооруженных действиях на стороне белых войск, был Чехословацкий корпус — но лишь до ноября 1918 г. (окончание мировой войны). Позже командование Антанты приказало чехословакам покинуть Россию через Владивосток, чтобы не мешать большевикам.

В этот первый период гражданской войны союзники оказывали некоторую помощь Белым армиям снаряжением, но очень скупо и не бесплатно (у Колчака был почти весь зо-

394 Germany and the Revolution... S. 128-129.

395 См.: Геллер М., Некрич А. Указ. соч. Т. 1. С. 92.

396 Ironside E., Lord. Archangel 1918-1919. London. 1953. P. 19.

397 Мельгунов С. Трагедия адмирала Колчака. Белград. 1930. Ч. I. С. 51-53.

лотой запас Российской империи).

Белые генералы поначалу считали, что причиной неоказания помощи была продолжавшаяся война с Германией, требовавшая от стран Антанты больших усилий.

Однако после окончания войны выяснилось, что она была не причиной задержки помощи белым со стороны союзников, а единственной причиной оказанной помощи вообще.

Французский министр иностранных дел Пишон объяснил в парламенте: «Все наши вмешательства в России за последний год... все, что мы сделали против большевиков, было в действительности сделано против Германии»³⁹⁸.

Черчилль также заявил: «Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Наоборот, русские белогвардейцы сражались «за наше дело...»; а с окончанием войны «исчезли все аргументы, которые могли вести к интервенции»³⁹⁹.

В то время Красная армия была еще плохо организована. Антанте было бы достаточно прислать несколько дивизий на Украину и на Кубань — в виде тыловой «армии прикрытия» белым частям при их формировании, как надеялась «Русская делегация» в Яссах. Участия в боевых действиях от Антанты не требовалось. Однако этого сделано не было.

Случаи «интервенции» стран Антанты после ноября 1918 г. имели целью не свержение власти большевиков, а обеспечение своего влияния во вновь образованных на территории России независимых государствах.

Так, англичан интересовала бакинская нефть; к ноябрю 1919 г. они заняли Баку и железную дорогу до порта Батуми.

Как вспоминал один из белых деятелей: «С легкой руки англичан грузины заняли определенно враждебную позицию к русским вообще и Добровольческой армии в частности. Русские в Тифлисе подвергались настоящему гонению»⁴⁰⁰.

Небольшие английские части появились и в другой желанной сфере британских интересов — в Закаспии, контролируя железную дорогу Красноводск-Ашхабад.

В декабре 1918 г., после ухода немцев из Прибалтики, англичане появились и там — для поддержки независимости прибалтийских государств.

В августе 1919 г. английский эмиссар по заранее составленному списку составил Северо-Западное правительство при ген. Юдениче, потребовав от всех членов подписать лист, на котором было «неграмотным русским языком написано... признание эстонской независимости», иначе Антанта прекратила бы помощь⁴⁰¹, — вспоминал М. Маргулиес (участвовавший в составлении списка этого «правительства»).

Впрочем, обещанной помощи от Антанты все равно не последовало даже в дни наступления Юденича. Независимые же эстонцы в ответ на его просьбу о помощи заявили: «было бы непростительной глупостью со стороны эстонского народа, если бы он сделал это».

После отхода Юденича от Петрограда «эстонский народ», по требованию Троцкого, разоружил Белую армию и посадил зимой за колючую проволоку.

От болезней и эстонских репрессий тогда погибли тысячи белых воинов и членов их семей⁴⁰².

За это эстонцы получили от большевиков около 1000 кв. км русских земель по мирному договору от 2 февраля 1920 г., а большевики получили возможность экспорта золота (маскируя его российскую принадлежность) в другие страны через таллиннский порт.

398 Journal Officiel. Decembre 1918. P. 3716 (2-e col). — Цит. по: Рутыч Н. Ясское совещание 1918 // Русское прошлое. СПб. 1992. № 3. С. 225.

399 Churchill W.S. The War Crisis: The Aftermath. London. 1929. P. 166.

400 Трубецкой Г., кн. Годы смут и надежд 1917-1919, Монреаль. 1981. С. 164-165.

401 Маргулиес М. Год интервенции. Берлин. 1923. Кн. 1 С. 204-214; Архив русской революции. 1921. Т. I. С. 297-308.

402 Память о белых воинах в Эстонии // Православная Русь. Джорданвиль. 1995. № 16. С. 11-12; Маргулиес М Указ. соч. С. 136-137.

Франция в начале 1919 г. тоже застолбила свою сферу влияния в Одессе и Севастополе, прислав войска на смену отходившим немцам: две французские и полторы греческих дивизии.

Их командование заключило союз о помощи с правительством самостийной украинской Директории, не способной контролировать положение; французы заняли Херсон, Николаев и продвинулись на 100 км севернее Одессы, запрещая Добровольческой армии наступление на петлюровцев⁴⁰³.

Но уже в марте-апреле при первой же угрозе со стороны большевиков, хотя и имея трехкратное превосходство перед ними, — французы спешно эвакуировались, забрав у Белой армии русские военные суда и ценности Госбанка.

Вопреки обещаниям, французы не передали белым и богатейшие фронтовые запасы царской армии, которые при бегстве были оставлены большевикам⁴⁰⁴.

При этом белые руководители отмечали «загадочное» поведение присланного из Парижа в Одессу эмиссара Фрейденберга.

Его деятельность «поразительно совпадала с работой... большевицких агентов», а при оставлении Одессы французы не препятствовали тому, что «вооруженные рабочие и еврейские организации... расстреливали чинов Добровольческой армии»⁴⁰⁵.

(Вспомним тут из книги проф. Саттона — Якоба Рубина, который «помогал образовывать советское правительство в Одессе».)

В октябре 1919 г. эвакуируются войска Антанты с Севера. Перед уходом англичане, «вместо того, чтобы передать запасы и снаряды русским, утопили все в море... после их ухода снабжение велось со дна моря...»⁴⁰⁶.

Американцы оказались практичнее и вместо того, чтобы уничтожать амуницию, продали ее (через своего «представителя Красного Креста») большевикам в кредит — с оплатой будущими поставками сырья⁴⁰⁷.

Американские «интервенты» в Сибири, отражая царившее в США «общественное мнение», вообще недоумевали, почему «русская интеллигенция ведет борьбу с такой передовой партией, как большевики».

Мельгунов описывает, как американское командование установило там отношения с красными партизанами, что способствовало «их усилению и дезорганизации колчаковского тыла... [Поэтому] Колчак поднимал вопрос об удалении американских войск еще в апреле 1919 г.», чтобы окончательно не испортить отношений с Америкой⁴⁰⁸.

Чехословаки же в 1919 г., в ответ на готовность некоторых частей возвращаться домой, двигаясь совместно с Колчаком на запад — получили от своего политического руководства (Т. Масарика), подчиненного Антанте, строжайший запрет на это. Приказ был: возвращаться вокруг всего глобуса через Владивосток.

При этом они забрали все паровозы для вывоза награбленного русского имущества, обрекая белые войска и массы беженцев на гибель. Затем чехословаки вместе с представителем Антанты ген. Жаненом выдали Колчака на расправу красным⁴⁰⁹...

Деникин потом упрекал союзников, что они, не признав официально ни одно из русских белых правительств в годы гражданской войны, даже в период их наибольших военных успехов, охотно и торопливо признавали все новые государства, возникшие на окраи-

403 Трубецкой Г., кн. Указ. соч. С. 188, 202-205.

404 Там же.

405 Там же. С. 204-205, 236, 219.

406 Лампе А. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Русский колокол. Берлин, 1928. № 6. С. 46.

407 Sutton A. National suicide: Military Aid to the Soviet Union. New Rochell, N.Y., 1973. P. 76.

408 Мельгунов С. Трагедия адмирала... Ч. III. Т. 1. С. 113-115.

409 Котомкин А. О Чехословацких Легионерах в Сибири. Париж. 1930.

нах России.

Заметим, что их почти везде, при поддержке Антанты, возглавили масоны. Помимо чехословацких вождей Масарика и Э. Бенеша, в масонских источниках указаны: в Польше Пилсудский, в Грузии премьер-министр Гегечкори и министр иностранных дел Чхенкели; на Украине председатель Центральной Рады М. Грушевский, затем Петлюра; много масонов было среди прибалтийских политиков, например, премьер-министр Литвы М. Слезявичус и будущий президент Латвии Земгал...

(Эти «независимые государства» отказались тогда помочь русскому Белому движению. Потом, когда коммунизм пришел и на их землю, все они — чехи, поляки, кавказцы, эстонцы и наследники знаменитых латышских стрелков — винили в этом только русских.)

Во всем этом виден и следующий этап развития той самой «демократической идеологии», которую Антанта положила в основу первой мировой войны.

С поощрения Антанты в антибольшевицких правительствах доминировали масоны-февралисты⁴¹⁰: Н.Д. Авксентьев во главе Уфимской директории; Н.В. Чайковский во главе Северного правительства в Архангельске, С.Г. Лианозов во главе Северо-Западного правительства при ген. Юдениче, не говоря уже о многих их министрах и сотрудниках.

Были влиятельные масоны в правительствах Колчака и Деникина. (У Врангеля их уже было мало, поскольку он свел гражданскую администрацию к минимуму да и Антанта отказала ему в поддержке.)

Обещая помощь Антанты, такие масонские политики оказывали «демократический» нажим на военных — которые в большинстве были монархистами.

Особенно этим отличалось созданное в Париже в начале 1919 г. «Русское политическое совещание» (под председательством кн. Г.Е. Львова, первого главы Временного правительства), игравшее роль представительства Белых армий на Западе.

Оно постоянно требовало от белых генералов провозглашения «глубоко-демократического характера целей», что раздражало всех военных, даже Деникина.

Они считали, что в тогдашнем хаосе была необходима национальная диктатура. Тем не менее генералы были вынуждены выдавливать из себя «демократические обещания». А их неисполнимость в военное время лишь укрепляла им на Западе славу «реакционеров». Унизительная же зависимость от иностранцев вела к тому, что и на занятых белыми территориях накапливались непонимание и даже вражда между властью и населением.

Так и продолжалась бесплодная ориентация добровольцев на демократическую Антанту, которая не собиралась свергать большевиков.

Монархисты же в Белом движении сочли, что «При этих условиях открытое провозглашение монархического начала и неизбежно вытекающее из этого название февральского переворота своим настоящим именем было бы равносильно отказу от содействия Антанты, без которого успех борьбы с большевизмом считали недостижимым»⁴¹¹...

Если бы белые генералы поняли, что надеяться можно только на внутрироссийские силы, — кто знает, быть может, им легче было бы найти общий язык и с консервативным российским крестьянством?

Оно повсеместно устраивало независимые от Белых армий восстания, но разрозненные и в основном местного значения. (Возможно, именно крестьян Саттон называет «зелеными»? — тогда эпиграф к его книге более оправдан.)

Заметим в этой связи, что для подавления этих восстаний использовались в основном мобильные карательные отряды интернационалистов, безжалостные к чуждому им русскому населению. Они составили ударное ядро Красной армии из более 250.000 бойцов (венгров, австрийцев, поляков, чехов, финнов, прибалтов, китайцев и др.).

410 См.: Берберова И. Указ. соч.; Николаевский Б. Русские масоны и революция. М. 1990; Гуль Р. Я унес Россию. Нью-Йорк. 1989. Т. III. С. 95; Назаров М. Уроки Белого движения // Заговор против России. Потсдам. 1993.

411 Двуглавый Орел. Берлин. 1921. № 10. 15 (28) июня. С. 19.

Исследователь этого вопроса М. Бернштам пишет, что «Это была денационализированная и деклассированная человеческая прослойка, ... организованная из военнопленных и из люмпен-пролетариата разных стран, находившегося в России на заработках», а также из их организаторов — «интернациональной социалистической интеллигенции, оказавшейся в России или съехавшейся туда сразу после революции»⁴¹².

(К этому причастны некоторые пассажиры ленинского поезда и парохода Троцкого, ставшие комиссарами.)

По советским данным, в 1918 г. интернационалисты составляли 19 % Красной армии, в 1920 г. после всеобщей мобилизации населения — 7,6 %.

М. Бернштам, отмечает, что столь высокий процент иностранцев уникален в истории гражданских войн.

«Для войны, в которой основные операции — не стратегические фронтовые, а подавление повстанчества и сопротивления коренного населения, роль 8-19-процентного ударного костяка, именно на подавлениях сосредоточенного, является ... ключевой ролью в победе режима над населением».

Итак, вместо помощи Белым армиям Антанты к началу 1919 г. приняла решение экономически эксплуатировать хаос в России и отгородиться от него кордоном из пограничных с нею государств.

Поэтому даже снабжение союзники не предоставили белым в необходимой мере — требуя за него оплаты российским сырьем, золотом, а также русскими дореволюционными средствами в западных банках.

Часть поставок записывалась в российский государственный долг. (Хотя союзники и Япония вывезли тогда из России средств больше, чем затратили).

Атаману Краснову французы предъявили такое условие: возмещение французским предпринимателям всех убытков, происшедших «вследствие отсутствия порядка в стране, в чем бы они не выражались, в порче машин и приспособлений, в отсутствии рабочей силы».

Белые «обязаны возместить потерявшим трудоспособность, а также семьям убитых вследствие беспорядков и заплатить полностью среднюю доходность предприятий с причислением к ней 5-процентной надбавки за все то время, когда предприятия эти почему-либо не работали, начиная с 1914 года»⁴¹³.

«От союзников, вопреки установившемуся мнению, мы не получили ни копейки», — писал Краснов.

В апреле 1920 г. Антанты предъявила ген. Деникину (и его преемнику ген. Врангелю) прямое требование прекратить борьбу с большевиками (ибо Ленин «гарантировал белым амнистию»...). Врангель продолжил борьбу на свой страх и риск — «чтобы сохранить честь вверенного ему русского знамени».

Летом, однако, французы оказали ему кратковременную поддержку, чтобы он помог своим наступлением спасти от натиска Красной армии звено вышеназванного кордона — Польшу.

Тогда-то (10.8.1920) и последовало признание французами правительства Врангеля «де-факто»: чтобы он для закупки снаряжения смог воспользоваться русскими средствами, хранившимися за границей — и чтобы заодно обязался оплатить прежний долг России.

Однако, Франция обещала поставить только свои излишки и трофеи — в обмен на столь нужные в самом Крыму хлеб, уголь, шерсть. «В сущности, французская помощь сводилась, в финансовом плане, к тактическому ходу, позволившему бы Франции получить с Врангеля выплату долгов его предшественника и продать ему в рассрочку чужое, ненужное

412 Бернштам М. Стороны в гражданской войне 1917-1922 гг. // Вестник РХД. Париж. 1979. № 128. С. 331-332, 287-291.

413 См.: Краснов П. Всевеликое войско Донское // Архив русской революции. 1922. Т. V. С. 308-309.

ей имущество»⁴¹⁴, — считало правительство Врангеля.

Из собственно французских поставок успел прибыть лишь один пароход с грузом «вещей, бесполезных для войны, на сумму около 8 миллионов франков, согласно договору, заключенному еще генералом Деникиным — и это все»⁴¹⁵.

Правда, французы помогли при эвакуации из Крыма — но для оплаты «издержек» забрали русский флот вместе с грузами и даже конфисковали личные счета сотрудников Врангеля...

В Константинополе, не желая кормить русскую армию (надеявшуюся на возобновление борьбы!), французы стремились к ее «распылению», уговаривали вернуться в Крым (где обещанная большевиками «амнистия» обернулась террором Куна и Землячки)...

Причина такой политики Запада хорошо показана в книге Саттона, без приведенных им документов многое в ходе гражданской войны так и осталось бы загадкой, в том числе причина таких откровений Ллойд-Джорджа:

«Мы сделали все возможное, чтобы поддерживать дружеские дипломатические отношения с большевиками и мы признали, что они де-факто являются правителями... Мы не собирались свергнуть большевицкое правительство в Москве»...

Президент США Вильсон «считал, что всякая попытка интервенции в России без согласия советского правительства превратится в движение для свержения советского правительства ради реставрации царизма. Никто из нас не имел ни малейшего желания реставрировать в России царизм...»⁴¹⁶.

В апреле 1920 г. представители Антанты встретились в Копенгагене с советским наркомом Л.Б. Красиным — для переговоров о восстановлении торговых отношений.

В мае Красин (организатор множества большевицких ограблений банков) был приглашен для многомесячных переговоров в Лондон; Ллойд Джордж был от него в восторге, как от «интеллигентного и честного человека»⁴¹⁷.

Это было в разгар польско-советской войны, когда Врангель вышел из Крыма на просторы Северной Таврии — после чего даже спасенное им правительство Польши предало его, заключив договор с Советской Россией.

Таким образом, чтобы правильно оценить живучесть большевиков в гражданской войне, их способность выходить из самых отчаянных положений, перебрасывая войска с места на место — надо учесть: они знали, что Антанта против них бороться не будет.

Соответствующей пропагандой («Антанта вам не поможет!») большевики успешно разлагали и белый фронт. Это было сильнейшим психологическим допингом для всех большевицких мероприятий по удержанию власти.

После поражения Белого движения предательскую роль Антанты осознали даже многие из февралистов. Видный масон Чайковский, глава «самого демократического» белого правительства на Севере, писал в 1920 г.:

«Итак, правительства великих держав признали заведомых преступников и предателей союзных интересов в мировой войне за правомочную власть... Мало того, они... побуждали (если только не принуждали) к тому же целый ряд слабых, вновь возникших за счет России при их же содействии, государственных образований...

В этом — весь ужас современного мирового скандала! Рано или поздно, все повинные в этом моральном маразме, конечно, будут призваны к ответу...»⁴¹⁸.

За эти годы гражданской войны и военного коммунизма (1918-1921) Россия потеряла

414 Кривошей К. А.В. Кривошеин. Париж. 1973. С. 331-332.

415 Даватц В., Львов Н. Русская армия на чужбине. Белград. 1923. С. 10.

416 Ллойд Джордж Д. Большевизм завоевывает Россию! Военные мемуары. Москва. 1937. — Цит. по: Гражданская война в России: перекресток мнений. М. 1994. С. 20-24.

417 Цит. по: О'Коннор Т. Инженер революции. Л.Б. Красин и большевики 1870-1926. М. 1993. С. 220.

418 Цит. по: Мельгунов С. Николай Васильевич Чайковский в годы гражданской войны. Париж. 1929. С. 166-167, 172.

около 15 миллионов человек — 10 % своего населения 419. Это была цена, которую народ заплатил за попытки сопротивления коммунистической власти.

К сожалению, эти попытки были безуспешны, ибо все подавлялось небывалым террором. Но в результате этого сопротивления, после того, как марте 1921 г. восстали даже моряки Кронштадта, «гордость революции» — большевики были вынуждены пойти на нэп: первое в своей истории идеологическое отступление от попыток немедленного воплощения марксистских догм.

4. Запад и НЭП

«Новая экономическая политика» с раздачей концессий «капиталистам» была объявлена в марте 1921 г., когда в России происходили тысячи народных восстаний, жестоко подавлявшихся интернациональными войсками.

В это же время, еще до окончания гражданской войны на Дальнем Востоке (где белое правительство генерала М.К. Дитерихса продержалось до октября 1922 г.), начались переговоры стран Антанты с большевиками на целой серии конференций 1921-1922 гг. — в Каннах, Генуе, Гааге, Лозанне.

Но если о чем-то и были у демократий разногласия с собеседниками, то не о красном терроре в России, а лишь о размерах советской платы за признание Западом большевицкой власти.

В 1922-1924 гг. коммунистический режим в России был признан главными европейскими странами. Ллойд Джордж объяснил это так: «Торговать можно и с людоедами».

При этом цель западного капитала, говоря словами проф. Саттона, была проста: «С учетом неэффективности централизованного планирования при социализме, тоталитарное социалистическое государство является прекрасным рынком для его захвата капиталистическими монополиями, если им удастся заключить союз с представителями социалистической власти».

Как это происходило — проф. Саттон подробно описал в своих других книгах, показав скрытый как от западных, так и от советских граждан огромный размах участия западных фирм, и прежде всего Уолл-стрита, в построении СССР. Поэтому отметим вкратце и другую сторону этого размаха: чем большевики платили за него.

В самом начале нэпа разрушенная Россия остро нуждалась в товарах, медикаментах, техническом оборудовании. Поскольку восстановить загубленное революцией производство большевики не умели, они, стремясь спасти свою власть и поэтому особо не торгуясь, решили купить все необходимое за границей.

Взамен предложили золото, произведения искусства, музейные коллекции, вплоть до коронных драгоценностей Российской империи.

Этот аспект распродажи России для удержания власти отражен и в циничном письме Ленина (19.3.1922) о тотальном «изъятии церковных ценностей» под предлогом голода: без этого «никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности, немислимо» (см. Приложение 6).

(Заметим, что большевики, вернув себе в начале 1920 г. золотой запас империи, не нуждались в «церковных ценностях»; в этой кампании у них преобладала богоборческая цель, и вместо ожидаемых Лениным «сотен миллионов» или «миллиардов» золотых рублей получили тысячную долю того: больше у Церкви не было.)

Кроме того, большевики издали декреты о национализации всего достояния России, а также о конфискации имущества не только у Церкви, буржуазии, эмигрантов, но и о конфискации золота и драгоценностей у всего российского населения (декрет от 16.4.1920).

Российские ценности, как пишет проф. Саттон, шли за границу целыми пароходами. До сих пор опубликованы лишь неполные сведения⁴²⁰ об этой закулисной стороне нэпа, но ясно, что в руках коммунистов оказались огромные богатства, накопленные Россией за всю

419 Геллер М., Некрич А. Указ. соч. Т. 1. С. 125; Берниггам М. Указ. соч. С. 323-326.

420 См. статьи А. Мосякина: Огонек. М. 1989. №№ 6-8. Наше наследие. М. 1991. № 2 и № 3.

ее историю — и именно эти богатства помогли советской власти выиграть войну против русского народа.

Газета «Нью-Йорк тайме» сообщала, например, что только за первые восемь месяцев 1921 г. США импортировали золота на 460 миллионов долларов, из них 102,9 миллионов приходится на фирму, основанную Шиффом — «Кун, Леб и Ко.»⁴²¹ (причем ее импорт золота учитывался отдельно от компании «Гаранта Траст» — ср. у Саттона в гл. 9).

Золото поступало не только из России, ибо банкам Соединенных Штатов задолжали все воевавшие страны.

Однако из России — «величайшего трофея, который когда-либо знал мир» — поток золота был наиболее мощным, учитывая, что оно декларировалось как привозимое из Швеции, Франции, Голландии и других стран — так как прямые поставки золота в США от большевиков осложнялись из-за их дипломатического непризнания.

В документах проф. Саттона показано, что Госдепартамент нашел для этого удобную уловку, допуская возможность «незнания»(!) американскими фирмами советского происхождения ввозимых ценностей.

Однако американские газеты не раз описывали (как и проф. Саттон в гл. 9) механизм «отмывания» награбленного большевиками золота: оно переплавлялось в Скандинавии и ввозилось в США с новыми клеймами.

В частности, «директор шведского Монетного двора заявил, что в этом году [то есть с 1.1. по 22.4.1921. — М.Н.] они переплавили 70 тонн золота стоимостью около 42 миллиона долларов США, и большая часть этого золота ушла в США в уплату за товары.

На переплавленное золото ставились клейма шведского Монетного двора. Количество большевицкого золота, находящегося в настоящее время в стокгольмских банках, оценивается в сумму более 120 миллионов долларов США»⁴²², — сообщил он.

Не случайно именно в 1921 г., с началом советского нэпа, золото хлынуло в США небывалым потоком. «Нью-Йорк тайме» выносит на первую полосу заголовок «Золотой потоп в Пробирной палате» и сообщает:

«В результате непрерывного потока золота со всех краёв земли, сейфы правительственной Пробирной палаты оказались до отказа набиты золотом в брусках, полосах и монетах, ... в результате чего она была вынуждена приостановить прием и спасовать перед тем количеством, которое банкиры собирались вывалить перед ней для переплавки и сертификации...»⁴²³.

В итоге, если в 1913 г. золотой запас США составлял 1,9 миллиарда долларов, то в 1927 г. он увеличился до 4 миллиардов.

«Нью-Йорк тайме» сообщает и о прибытии 29 апреля 1921 г. «советского золота» в Париж на 10 миллионов долларов — «первой из нескольких партий согласно контракту, подписанному в Москве французской делегацией».

Коммунистическая газета «Интернасьональ», сообщила ранее о поставке во Францию 200 ящиков золота стоимостью более 50 миллионов долларов и высказала мнение, что Франция стала перевалочной базой для поставок советского золота в Швейцарию и Англию⁴²⁴.

Таким образом, все главные демократические страны — в нарушении собственных же законов и уважения права частной собственности — соучаствовали в ограблении России интернационалистами-большевиками.

На зарубежные рынки были выброшены даже иконы, церковные чаши, кресты и ризы — происхождение их было очевидно, но нередко они выставались в фешенебельных витринах...

421 New York Times. 1921. Aug. 23. P. 19; Aug. 24. P. 19

422 Ibid. April 24. P. 18.

423 Ibid. April 29. P. 1.

424 New York Times. 1921. April 30. P. 4; April 9. P. 2.

«Торговлю с людоедами» и скупку награбленного благословила и католическая Церковь. Она вступила с большевиками в свои переговоры, надеясь на утверждение в России католичества на руинах Православия.

«Любое государство, христианское хоть по имени, пропади у него священная лжица из собора, поставит на ноги всю полицию, и бодрствующий закон найдет святотатцу кару»⁴²⁵, — писал И. Шмелёв в 1928 году. Но для России бывшие ее союзники применяли иное понимание закона.

Западные суды отказывали в исках владельцам русских торговых фирм, разрешая коммунистической власти продавать награбленные у них товары с их же торговыми клеймами. Вот что означала фраза французского премьера Клемансо в Версале: «России больше нет»...

Шмелёв: «Мир изменил союзнице-России, изменил низко и жестоко. Мир не только легко забыл, что для него сделала Россия своей кровью, но даже пробовал отрицать, что она сделала. Мы знаем множество случаев этого мирового бессердечия, чтобы не сказать — бесчестия. Этот десяток лет прохождения нашего по свету дал нам ужасный опыт и такое познание “добра и зла”, что уж лучше бы было не познавать»⁴²⁶.

В любом цивилизованном государстве скупка награбленного и ворованного — незаконна; имущество подлежит возврату законному владельцу. Вернутся ли в Россию эти ценности? Во всяком случае, как сказал И. Шмелёв: «...не забудем этого никогда. Не смеем».

Не забудем и о размахе концессий: большевики, выгнав и уничтожив своих капиталистов, ради сохранения своей власти были готовы сдавать в аренду чужим организаторам-капиталистам не только недра (добычу золота, угля, цветных металлов), но и огромные территории; в 1920 г. Ленин (тайным соглашением!) был готов передать Америке «для экономической утилизации» всю Камчатку⁴²⁷ (этому помешали претендовавшие на эти же территории японцы, которые поэтому поддержали там антибольшевицкие выступления).

Проф. Саттон в своих работах, на основании документов, приходит к выводу, что и позже лишь с помощью западного (прежде всего американского) капитала большевики восстановили экономику («индустриализация») — на 95% благодаря западной технологии.

В США эти финансисты были столь могущественны, что в сделках с большевиками обходились и без дипломатического признания СССР (оно состоялось лишь в 1933 г.).

Позже, многие из тех фирм сочли необходимым показать себя в глазах общества антибольшевиками. О закулисной же их деятельности Саттону удалось узнать только из правительственной документации, «которая была в течение 50 лет недоступна для опубликования».

5. Антисталинская оппозиция 1930-х годов

Судя по «золотому потоку» в Нью-Йорке, прибыли Уолл-стрита были огромны. Однако, помимо сиюминутного обогащения на вызванной большевиками российской разрухе, Уолл-стрит имел в России и долгосрочную политику.

Говоря словами Саттона (гл. II): «Синдикат финансистов с Уолл-стрита расширил свои монопольные амбиции до глобального масштаба.

Гигантский российский рынок надлежало захватить и превратить в техническую колонию, которая будет эксплуатироваться немногими мощными американскими финансистами и подконтрольными им корпорациями» — «при помощи централизованного социалистического правительства».

Поначалу Уолл-стрит вполне мог быть доволен большевицким правительством. Особенно теми его деятелями, кто шёл навстречу в раздаче концессий и заказов.

Одно время председателем Главконцесскома — был Троцкий. И если вспомнить его слова: «Что нам здесь нужно, так это организатор наподобие Б. Баруха» — то, похоже, он

425 Шмелев И. Душа родины. Париж. 1967. С. 198.

426 Там же. С. 215.

427 Ленин В. Собр. соч. 4-е изд. 1950. Т. 31. С. 437.

был не прочь взять на себя эту роль щедрого раздатчика госзаказов капиталистам.

(Сталин в 1926 г. заметил о рвении Троцкого, что его планы гигантских строек «должны сообразовываться с нашими ресурсами», с чем Троцкий «явно не считается»⁴²⁸.)

В первые годы большевицкой власти на ответственную работу в области внешней торговли и дипломатии назначались революционеры, побывавшие в эмиграции и имевшие опыт общения и связи с соответствующими заграничными кругами (об этом говорит состав аппарата таких наркоматов).

Но, с другой стороны, и капиталисты могли использовать те же личные связи в своих целях, надеясь на особое отношение к себе со стороны тех государственных деятелей Советской России, которых они совсем недавно финансировали.

Вероятно, не исключались и новые денежные услуги (описанный проф. Саттоном случай с получением личных 25.000 долларов масона-февралиста Ломоносова, утраченных вследствие Октябрьского переворота, — безобидный, но показательный: член президиума ВСНХ Ломоносов приехал в США как глава советской Комиссии по закупке железнодорожной техники).

Судя по тому, что в 1935 г. в полузабытом кремлевском сейфе покойного Свердлова были обнаружены золотые монеты царской чеканки на сумму 108.525 рублей, 705 золотых изделий с драгоценными камнями и заграничные паспорта, 7 чистых и 7 заполненных⁴²⁹ — даже высшие большевицкие лидеры не были лишены забот о своем будущем на случай краха своего режима.

(Заметим, что брат Свердлова, З.А. Пешков, был влиятельным французским политиком по особым поручениям).

Однако, большевицкое руководство было неоднородно. После смерти Ленина обострилась борьба за власть, а в ней как оружие использовались не только «идеологические уклоны» противников, но и то, что еще недавно было их преимуществом: связь с западными влиятельными кругами.

До этих аргументов дошло в 1930-е годы на серии процессов против антисталинской оппозиции.

Эти процессы западные советологи часто называют «началом государственного антисемитизма в СССР». Действительно, нельзя не видеть, что среди репрессированных оказалось множество членов партии еврейского происхождения.

Думается, это обстоятельство имеет важное значение в понимании причин происшедших чисток. Однако, вряд ли тут правильно видеть именно антисемитизм, то есть расовую ненависть к евреям.

Причин столь большого числа евреев в числе репрессированных, по нашему мнению, три, и они взаимосвязаны:

во-первых, евреев было много в числе «старой революционной гвардии», которая своим авторитетом стремилась ограничить личную власть Сталина;

во-вторых, евреи, как более последовательные интернационалисты преобладали в числе идейных противников нового сталинского курса на построение социализма в одной стране;

в-третьих, определенную роль тут сыграли планы Сталина в международной политике, которые были несовместимы с еврейским составом аппарата.

И поскольку, таким образом, еврейская составляющая в компартии приобретает характер важного политического фактора, без которого не понять смысла событий в эту эпоху — мы должны рассмотреть все эти обстоятельства.

Тем более, что они имеют отношение к основной теме данного труда проф. Саттона, являясь ее своеобразным отзвуком.

428 Стенограмма пленума ВКП(б), апрель 1926 г. С. 110 // Цит по: Троцкий Л. Портреты революционеров. М. 1991. С. 170.

429 Куда хотел бежать Свердлов? // Источник. М. 1994. № 1, С. 34.

Проф. Саттон не согласен с Черчиллем, что «евреи сыграли очень большую роль» в большевицкой революции (Приложение 3). Так ли это — можно судить хотя бы по списку видных революционеров, проехавших через Германию с Лениным (Приложение 5).

Вероятно, мало чем отличался от него по составу и упомянутый в книге Саттона «длинный и таинственный список» лиц, сопровождавших Троцкого.

(В своих воспоминаниях он не называет имен даже тех своих спутников, которые были сняты с парохода в Галифаксе — среди них известные Мельничанский и Чудновский; а из революционеров, находившихся в то время в Нью-Йорке, Троцкий упоминает только наиболее известные фигуры, как Бухарин, Коллонтай, Володарский, С.С. Зорин — брат А. Гомберга; был там и старый знакомец Троцкого Л. Дейч — все они вскоре оказались в России.)

Разумеется, по мере резкого роста партии с 1917 г., когда в нее вступили сотни тысяч простых людей, процент евреев сильно уменьшился.

Но тут важно не столько количество, сколько качество: какие посты занимали эти евреи, какие решения принимали для всей страны, какие были от этого результаты. Ведь один человек во главе тоталитарного режима по влиянию пересиливает всех остальных.

В этой связи вспомним, какое влияние имел тот же Троцкий: главный руководитель Октябрьского переворота, нарком иностранных дел, нарком по военным делам и бесспорный создатель (безжалостно-карательными средствами) Красной армии, один из лидеров Третьего Интернационала, председатель Реввоенсовета республики, имевший чистые бланки с подписью Ленина, заранее одобрявшей все возможные решения Троцкого.

Троцкий также возглавлял секретную Комиссию по конфискации церковных ценностей. Он был подлинным мотором большевицкой революции (особенно когда уже был болен Ленин), без него все могло быть совершенно иначе.

Другой ключевой фигурой первых послереволюционных лет был Свердлов. «Та работа, которую он делал один в области организации, выбора людей, назначения их на ответственные посты... будет теперь под силу нам лишь в том случае, если на каждую из крупных отраслей, которыми единолично ведал тов. Свердлов... вы выдвинете целые группы людей» 430 — писал Ленин.

Таковую же оценку Свердлову давали Троцкий, и историк-меньшевик Б. Николаевский.

После смерти Свердлова и Ленина бесспорными лидерами партии и государства остались Бронштейн-Троцкий, Радомысльский-Зиновьев (глава Исполкома Коминтерна, в период болезни Ленина возглавлял правительство), Розенфельд-Каменев (председатель Совета труда и обороны, еще при Ленине председательствовал на заседаниях Политбюро) — и значительно ниже по известности стоял грузин Джугашвили-Сталин (генеральный секретарь ЦК партии, что поначалу рассматривалось, как аппаратно-чиновничья должность).

Впрочем, и сам Ленин, как теперь пишут еврейские исследователи, тоже был по материнской линии (Бланк) еврейского происхождения⁴³¹... Горький как-то спросил Ленина: жалеет ли он людей? Ленин ответил: «Умных жалею. Умников мало у нас... Русский умник почти всегда еврей, или человек с примесью еврейской крови»⁴³².

В результате, уже по ленинскому критерию отбора таких «умников», пригодных для дела компартии, их оказалось очень много на ответственных постах, доходя до 80-90% в наркоматах финансов, иностранных дел и внешней торговли (см., например, приведенный проф. Саттоном список Советского бюро в Нью-Йорке).

Они преобладали в числе комиссаров гражданской войны и затем в руководстве карательных органов, правда, дополняясь латышами, поляками и др. Убийство Царской семьи, что имеет для русских людей особое значение, «куруировал» Свердлов, организовал на месте и возглавил Я.Х. Юровский...

430 Ленин В. ПСС. 5-е изд. Т. 8. С. 79.

431 Штейн М. Ульяновы и тайны родословной и псевдонима.

432 Горький М. Владимир Ленин // Русский современник. 1924. № 1. С. 241.

Разумеется, все они давно отошли от национальных еврейских традиции отцов и дедов. Однако, и к русской культуре не приобщились. Более того, как писал совсем не антисемит, а либерал и бывший марксист Г.П. Федотов — еврейство было силой, «которая в эту эпоху вливалась в русскую интеллигенцию, усиливая ее денационализированную природу и энергию революционного напора...

Освобожденное духовно с 1880-х годов из черты оседлости силой европейского «просвещения» еврейство оказалось «максимально беспочвенно, интернационально по сознанию и необычайно активно...

Его ненависть к царской и православной России не смягчается никакими бытовыми традициями. Еврейство сразу же занимает в русской революции руководящее место»⁴³³.

Для более же простых людей, чем проф. Федотов, все это выливалось и в более простую формулу: советская власть была для них еврейской властью. На это не могли закрывать глаза и честные евреи, выпустившие в 1923 г. в Берлине примечательный сборник «Россия и евреи».

В обращении «К евреям всех стран!» они отметили, что «Советская власть отождествляется с еврейской властью, и лютая ненависть к большевикам обращается в такую же ненависть к евреям»⁴³⁴.

«Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе красной армии...

Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск в Слуцк.

Русский человек видит теперь еврея и судьей и палачом...»; «а все еврейство в целом... на нее [революцию] уповает и настолько себя с ней отождествляет, что еврея-противника революции всегда готово объявить врагом народа»⁴³⁵ (И.М. Бикерман).

Примечательно, что авторы сборника отмежевались от евреев-большевиков как предателей интересов и России, и еврейства. Они предупредили, что рано или поздно коммунистический режим падет, и это грозит еврейству трагическими последствиями:

«Непомерно рьяное участие евреев-большевиков в угнетении и разрушении России — грех, который в самом себе носит возмездие...»; за это «евреи неминуемо должны... в будущем жестоко поплатиться как за попытку в ложно понятых собственных интересах способствовать сохранению строя, оказавшегося таким гибельным для России»⁴³⁶.

Это в значительной мере было причиной еврейских погромов в годы гражданской войны. Лозунг «Бей жидов, спасай Россию!» стал для многих самоочевидным рецептом борьбы. В этой связи в июле 1918 г. Ленин подписал специальный Декрет о наказании за антисемитизм:

«Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона...»⁴³⁷.

(Вот чем объясняется и требование Ленина, чтобы Троцкий в своей антирелигиозной кампании выдвигал впереди себя декоративную фигуру Калинина — см. Приложение 6).

К середине 1930-х годов — накануне чисток — эта проблема в партии еще более обострилась, особенно после страшной коллективизации, ответственным за которую многие сочли наркомзема Я.А. Яковлева (Эпштейна).

Хотя более важное значение имели карательные органы, организовавшие искусственный голод.

Напомним, что в 1934 г. евреи занимали в этих органах все ответственные посты: гла-

433 Федотов Г. Лицо России. Париж. 1988. С. 113.

434 К евреям всех стран! // Россия и евреи. Берлин. 1923. С. 6.

435 Там же. С. 22, 74.

436 Там же. С. 6, 134-135.

437 Известия. 1918. М. 27 июля.

вой НКВД был Г. Ягода (с 1924 г. — заместитель председателя ОГПУ), его первым заместителем был Я.С. Агранов (Соренсон), начальником ГУЛага — М. Берман, начальником контрразведки — С. Урицкий, начальником иностранного отдела — А. Слуцкий при заместителях Б.Д. Бермане и С.М. Шпигельгласе; таковы были и многие начальники концлагерей, как, например, знаменитого Беломорканала — С. Фирин, Н. Френкель, Л. Коган, Я. Раппопорт, С. Жук⁴³⁸.

В это же время Гамарник возглавлял Политуправление Красной армии; Л. Каганович — Комиссию партийного контроля, в которую входили заместители Ярославский (Губельман) и Петере, члены — Беккер, Брике, Генкин, Гроссман, Давидсон, Левин, Меерзон, Пospelов (Фейгельсон), Рабичев, Рубинштейн, Френкель, Хавкин, Шарангович, Кахиани, Шадунц.

В комиссии советского контроля, возглавлявшейся Куйбышевым, заместительницей была Землячка (Залкинд), членами — Беленький, Анцелович, Гайстер, Розенман, Бауэр, Вейнбаум, Венгерова, Геммервердт, Гиндин, Гладштейн, Гольдич, Дейч, Карлик, Киссис, Соме, Манфред, Меламед, Розит, Трилиссер, Фейгин, Межлаук, Назаретян и Хаханьян.

Аналогичное положение было в печати и в наркомате «просвещения», кадры которого выпестовал еврей и масон Луначарский. Борьбою против Церкви руководил Е.М. Ярославский (Губельман), член ЦК ВКП(б), бессменный глава «Союза воинствующих безбожников».

А. Кац дополняет картину в сфере советской разведки, которую возглавляли М.А. Трилиссер (1921-1929), А.Х. Артузов-Фраучи (1929-1934), А.А. Слуцкий (1934-1938), Шпигельглас (1938); «среди евреев-резидентов отметим А. Шустера в Лондоне, В. Кривицкого в Нидерландах, А Орлова в Испании, Б. Рыбкина в Финляндии», П. Гутцайта в США, Б. Бермана и Б. Гордона в Германии, Эрдмана в Риме, Рейсса в Швейцарии, героев испанской войны — Л. Штерна и Н.А. Эйтингона; ценных агентов М. Аксельрода, Я. Райха, А. Дейча, Г. Смолку и др.

То же в дипломатическом ведомстве: «Еврей-большевики составляли костяк Наркомата иностранных дел. Два из трех заместителей Литвинова [Валлаха] — Сокольников (Бриллиант) Г.Я. и Карахан Л.М. были евреями.

Евреи возглавляли важнейшие отделы Наркомата: 1, 2, 3-й Западные, 1-й Восточный, консульский, печати и информации, экономический. Аппарат этих и других отделов почти полностью был укомплектован большевиками-евреями.

В 1920-1930-е годы евреями были послы в Германии (Иоффе А.А., Суриц Я.З.), Англии (Розенгольц А., Майский И.М.), Италии (Штейн Б.Е.), Австрии (Петровский А.М.), Японии (Юренев К.К.), Румынии (Островский М.С.), Испании (Розенберг М.), Латвии (Бродовский С.И.), Литве (Карский М.А.), Уругвае (Минкин А.Е.), Турции (Карахан Л.М.), Китае (Иоффе А.А.).

...В те годы еврей-большевики наиболее полно отвечали требованиям ЦК ВКП(б) по профессиональным качествам и преданности большевизму» 439 (вспомним замечание Ленина об «умниках»).

Кац резюмирует: «В целом, евреи большевики верой и правдой служили ВКП(б), способствуя ее авторитету и власти над советским народом. Трудно сказать, как без них сложилась бы диктатура Сталина....

Существовали целые пласты общества, где влияние евреев было особенно важно... это прежде всего сфера идеологии: политуправление армии и флота, культпросвет с важнейшим из искусств — кино, коммунистические Университеты и Академии.

Здесь они были непревзойденными в марксизме-ленинизме говорунами — редакторами центральных и местных газет и журналов, лекторами, журналистами, агрессивно и не

438 Сведения в этом и следующем абзаце, за отсутствием обобщающих данных у еврейских авторов, приводим по книге: Иванов А. Логика кошмара. М. 1993.

439 Кац А. Евреи. Христианство. Россия. С. 327— 334.

без таланта утверждающими политику центральных органов ВКП(б)»⁴⁴⁰.

Учтем и такое замечание Каца: «Впервые в истории возникла лавина смешанных русско-еврейских браков, особенно среди интеллигенции, партийных функционеров и партийной элиты.

Партийцы, очевидно, равнялись в этом деле на Политбюро, члены которого — Бухарин, Молотов, Рыков, Ворошилов, Андреев, Киров, Калинин, Ежов и др. — поголовно имели жен-евреек. По-видимому, они этим подчеркивали свою революционность»⁴⁴¹.

Таким образом, картина становится еще более однозначной — что важно в свете нижеследующих соображений.

Ибо вторая причина — почему оказалось много евреев в числе противников сталинского курса — связана не только с их количеством в «старой гвардии» и их ведущим положением на верхах, но и с их позицией в тогдашнем идейном споре, разделившем партию.

Внешне он шел между сторонниками Троцкого, считавшими «невозможной победу революции в России без победы мировой интернационалистической революции», которую следует развивать по линии Коминтерна, — и сторонниками Сталина, тоже верившими в мировую революцию, но взявшими курс на построение и укрепление социализма сначала в одной стране, России, «без чего мировая революция невозможна».

Ибо они поняли, что сохранить власть можно, лишь перевшись на самый многочисленный — русский народ — и хотя бы как-то учитывая его интересы.

Если верить попавшим к немцам в 1930-е годы постановлениям Политбюро ВКП(б), то уже в 1934 г. цели Сталина были следующими: «ВКП(б) должна временно отказаться от самого своего идейного существа для того, чтобы сохранить и укрепить свою политическую власть над страной.

Советское правительство должно на время перестать быть коммунистическим в своих действиях и мероприятиях, ставя себе единственной целью быть прочной и сильной властью, опирающейся на широкие народные массы в случае угрозы извне» (Постановление Политбюро ВКП(б) от 24 мая 1934 г.)⁴⁴².

Даже если эти документы были списаны информатором неточно или были подброшены немцам специально, для зондажа — это в чем-то похоже на последующие действия Сталина.

Пойти же по этому пути можно было, лишь реабилитировав историю российской государственности, русский патриотизм и национальные традиции русского народа — в разном отношении к этому и состояла внутренняя суть пролеглавшего в партии водораздела.

Это подтверждается многочисленными высказываниями Троцкого о «термидорианском строе» Сталина, который «без знания иностранных языков — был неотделим от русской почвы»; никто «не верит более в революционную роль Сталина!».

И Троцкий делал вывод: «Коминтерн уже труп. Его покидают с одного конца патриоты, с другого — интернационалисты»; из последних должна быть создана «новая международная организация, которая отбросит назад Коминтерн и нанесет смертельный удар авторитету советской бюрократии на ее национальных позициях в СССР»⁴⁴³.

Таким образом, противоречие между троцкистами и сталинистами было не только в очередности этапов и задач, связанных с мировой революцией, но и в отношении к русскому народу. У Троцкого отсутствовали малейшие признаки понимания русского национального чувства. Даже в Царь-пушке и Царь-колоколе в Кремле он видел «тяжелое московское варварство»⁴⁴⁴.

И вспоминая суждение Федотова, можно понять, что описанный выше еврейский

440 Там же. С. 328.

441 Там же. С. 320.

442 Цит. по: Николаевский Б. Тайные страницы... С. 415-416.

443 См., напр.: Троцкий Л. К истории русской революции. М. 1990. С. 314; Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 146. 158.

444 Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 75.

стержень существовавшего партийно-государственного аппарата уже по своим духовно-психологическим качествам не был склонен к назревшему национал-большевицкому решению.

Такие аппаратчики автоматически становились на сторону Троцкого и его соратников (уже в отношении к Брестскому миру, который они воспринимали не как «передышку», а как «измену делу мировой революции»). Вообще, как отмечал З. Фрейд, ассимилированное еврейство во всех странах космополитично, ибо подсознательно чувствует свою причастность к влиятельному народу, рассеянному по всему миру.

В сборнике «Россия и евреи» также затрагивается этот аспект: «единственную причину участия евреев в революционном движении... было бы неправильно искать только в беспорядках и в тяжелом экономическом положении еврейских масс в черте еврейской оседлости...

Существуют причины и другого рода, которые следует искать уже не во внешнем гнете и не в беспорядках, а в процессах, происходящих внутри самого еврейства», — считал И.О. Левин. — Так, в Баварии и Венгрии, где коммунистам удалось на короткое время захватить власть, «количество евреев-участников... огромно... число евреев-руководителей большевистского движения в Венгрии доходило до 95% ...

Между тем правовое положение евреев в Венгрии было прекрасным, никаких ограничений в правах евреев там уже давно не существовало и, наоборот, евреи в Венгрии в культурном и экономическом отношении занимали положение, при котором антисемиты уже могли говорить о еврейском засилии».

И Левин продолжал: «На наш взгляд, объяснение... следует искать как в характере большевистского движения, так и в специфических особенностях культурного уровня еврейского народа...

Конечно, не случайно то, что евреи, ...не связанные в своем большинстве никакими традициями с окружающим их миром, часто в этих традициях видевшие не только бесполезный, но и вредный для развития человечества хлам, оказались в такой духовной близости к этим революционным идеям»⁴⁴⁵.

Заметим, что объяснение этому (достаточно простое) надо искать в связи с исторической религиозной судьбой еврейства в целом. Этот феномен уже давно логично и убедительно рассмотрен в православной историософии -но это выходит за рамки нашей темы⁴⁴⁶.

Сталин в своих чистках, чувствуя непригодность имевшегося партаппарата для решения назревших проблем, руководствовался лишь прагматическими потребностями удержания власти.

Как писал даже Р. Медведев об этой замене евреев «новой прослойкой людей, большей частью крестьянского происхождения», — «это была реакция огромной славянской страны на интернациональные космополитические эксперименты 20-х и 30-х годов, которые игнорировали национальный фактор.

Сталин просто поднял эту новую прослойку к власти: он не создал ее. Без всякого преувеличения можно рассматривать чистки 1936-1938 годов как один из последних этапов гражданской войны в России»⁴⁴⁷.

Разумеется, исход этого этапа «гражданской войны» был важен и для Уолл-стрита. Ознакомившись выше с методами и масштабом действий «мировой закулисы», трудно себе представить, что она лишь безучастно наблюдала за внутрипартийной борьбой в СССР, не пытаясь повлиять на ее исход в пользу тех людей, которых считала более полезными себе.

При этом, надо полагать, вновь оказались важны старые личные связи революционе-

445 Россия и евреи. С. 125-133.

446 Изложение основной концепции православного отношения к этой проблеме см. в других наших работах (Миссионеры с рю Пюто... // Назаров М. Заговор против России. 1993; в журнале: Православная беседа. М., 1995, №3, 5-6, а также в послесловии к предыдущему выпуску в серии «РИ» (Шубарт В. Европа и душа Востока.)

447 Медведев Р. О Сталине и сталинизме. Оксфорд. 1979. С. 112.

ров-эмигрантов с заграницей, куда в 1929 г. был выслан Троцкий.

Он, видимо, не случайно стал главной фигурой сталинских обвинений — и как вождь «старой гвардии», и как приверженец «перманентной революции», а также и по своим личным особенностям.

Всех его контактов с западным миром мы не знаем, но стоит отметить хотя бы некоторые его родственные и личные связи, которые, с одной стороны, создавали ему поддержку на Западе, с другой стороны — делали из него удобную мишень для сталинских обвинений в «двурушничестве», «связях с капиталистами» и работе на них. (При этом сам Сталин любил о себе подчеркивать, что не жил в эмиграции.)

Дядя Троцкого, банкир-миллионер Абрам Львович (Лейбович) Животовский, был членом специального консорциума «Русско-Азиатского банка», сотрудничал с «Америкэн Металл Компани» и нью-йоркским «Нэшнл Сити Бэнк»; представителем его фирмы в Японии был знаменитый английский агент Сидней Рейли (З. Розенблум, родившийся в семье русских евреев).

У Абрама Животовского известны как предприниматели и биржевые дельцы еще три брата: Тевель (Тимофей), Давид, Илларион. Абрам и Давид, возможно, были масонами (они открывают список 385 лиц, имевших в 1909 г. отношение к делу масона кн. Д.О. Бебутова).

Сын Тевеля, т.е. один из кузенов Л. Троцкого, был женат на сестре лидера меньшевиков Ю.О. Мартова (Цедербаума), высланного в 1920 г. в эмиграцию. После октябрьского переворота все братья эмигрировали в Стокгольм и затем осели в разных странах (Франция, США), «пытаясь наладить контакты между Советской республикой и коммерческими кругами Запада»⁴⁴⁸.

(Примечательно, что в своей автобиографии, изданной в 1930 г., Троцкий ни разу не упомянул фамилии Животовских!)

Земляками Троцкого из Елисаветградского уезда Херсонской губернии были также следующие известные большевицкие деятели и иностранные бизнесмены⁴⁴⁹:

Г.Е. Зиновьев (Овсей Гершон Аронов Радомысльский; «к началу 1920-х гг. ... собрал вокруг себя немалое число родственников и земляков, что вызвало недовольство со стороны части партийной организации Петрограда»).

В.К. Таратута (Арон Шмуль Рефулов, женившийся ради денег для партии на богатой купчихе, член ЦК РСДРП(б), затем один из руководителей ВСНХ и Внешторгбанка СССР, т.е. «Роскомбанка» — см. у Саттона).

Яков Моисеевич Шатуновский (член Петроградского Совета, начальник политчасти Главного Управления учебных заведений, сотрудник Реввоенсовета).

Григорий Натанович Мельничанский (сотрудник Профинтерна и Коминтерна, член Президиума Госплана и Комиссии внешних сношений при ВЦСПС).

Е.Ф. Розмирович (ур. Майш, стала председателем следственной комиссии Верховного Трибунала ВЦИК, затем женой посла СССР в США А.А. Трояновского; ее сестра-революционерка Е.Г. Майш-Бош в начале 1920-х гг. была чем-то вроде гражданской жены Г. Пятакова).

Братья Гомберги⁴⁵⁰, упоминаемые проф. Саттоном. Александр Гомберг — американский бизнесмен, литературный агент Троцкого в США, секретарь, переводчик и консультант миссии американского Красного Креста в России в 1917 г., в 1927 г. становится экспертом по России в «Чейз Нэшнл Бэнк», сотрудничал и был знаком с К. Радеком, Зиновьевым, Каменевым и его женой, Бухариным, Раковским, Пятаковым, Крестинским, судебные процессы над антисталинской оппозицией в 1930-е годы затронули многих его друзей.

Сергей Гомберг — псевдоним «С.С. Зорин», в 1906 г. эмигрировал в США, откуда

448 См.: Островский А. О родственниках Л.Д. Троцкого по материнской линии // Из глубины времен. СПб. 1995. № 4.

449 См.: Иванова И. Лев Троцкий и его земляки // Там же.

450 Также по данным книги: Libbey James. Alexander Gumbere and Soviet-American Relations 1917-1933. Kentucky. 1977.

вернулся с Троцким, в СССР один из референтов Зиновьева, в 1924 г. стал членом ЦК РКП(б). Вениамин Гомберг — член ЦИК на первом съезде Советов в 1917 г., при большевиках руководитель Русско-германской торговой кампании и Всесоюзного химического синдиката, чьим зарубежным партнером была «ИГ Фарбениндустри».

Американские миллионеры Хаммеры: Юлиус — один из основателей компартии США и сотрудник Советского бюро в Нью-Йорке; его сын Арманд в особом представлении не нуждается, разве что стоит добавить, что в годы нэпа он через маскировочное «окно» в Эстони, пробитое Тартусским мирным договором для экспорта большевиками золота, вывез из России в США и на западные рынки огромное количество русских музейных ценностей 451.

Следует также учесть, что Л.Б. Каменев был женат на сестре Троцкого — Ольге Давидовне.

Исследовательница этой темы И. И. Иванова отмечает, что, таким образом, все три лидера антисталинской оппозиции — Зиновьев, Каменев и Троцкий — были земляками; кроме того, все вышедшие из этого уезда «представители революционной элиты имели зарубежные связи» — прежде всего с США⁴⁵².

О наличии этих связей показывает попытка заступничества Трояновского за братьев А. Гомберга в СССР — Вениамина и «Зорина», связанных с антисталинской оппозицией.

Когда за границу был выслан сам Троцкий, он там не нуждался в деньгах и имел мощную охрану; причем с ним поддерживали контакты многие его агенты в СССР (они были выявлены после захвата в 1936-1938 гг. чекистами архивов Троцкого у его сына в Париже).

В этом кругу вращались многие осужденные оппозиционеры. Немало их находилось за границей на дипломатической работе или ездили туда (Радек, Раковский, Крестинский, Пятаков, Бухарин, Бессонов, нарком внешней торговли А.П. Розенгольц и др.), так что у них были возможности и политических контактов, и коммерческих дел (Розенгольца на процессе обвинили в финансировании оппозиции через нелегальные заграничные сделки).

Нелегальные связи с западными кругами, бесспорно, поддерживал Бухарин. В 1936 г. он встречался в Париже с меньшевиками Б.И. Николаевским и Ф.И. Даном, информируя их о состоянии внутрипартийной борьбы в СССР.

Выступая на одном из эмигрантских собраний в Праге, по свидетельству масонки Е.Д. Кусковой, Бухарин сделал масонский знак, «давая знать аудитории, что есть связь между нею и им, что прошлая близость не умерла»⁴⁵³.

И как стало известно лишь недавно, Бухарин, вернувшись из этой заграничной поездки, летом 1936 г. тайно встречался с послом США в СССР У. Буллитом «в поезде по пути в Петроград, во время которой Бухарин ему рассказал, что Сталин ведет тайные переговоры с немцами» (известно от секретаря американского посла⁴⁵⁴).

(Буллит фигурирует и в книге проф. Саттона в числе сторонников признания большевиков в годы гражданской войны.)

Стоит отметить и возможность масонских связей, которые, в отличие от партийных, отличаются большей неустареваемостью — из-за мистического ритуала «посвящения» и приносимой клятвы с угрозой смертельной кары за ее нарушение.

Так, есть сведения, что Троцкий вступил в масонство в парижской эмиграции⁴⁵⁵ (в своей автобиографии он лишь описывает, что около года изучал масонство в тюрьме).

Трудно сказать, насколько точны подобные утверждения относительно Ленина — хотя немало революционеров в эмиграции вступали в ложи по конъюнктурным причинам (Н. Свитков включает Ленина в свой известный и в целом достоверный список без указания ис-

451 См.: Мосякин А. Антикварный экспортный фонд // Наше наследие. М. 1991. № 2. С. 40.

452 Иванова И. Указ. соч. С. 76-89.

453 Берберова Н. Указ. соч. С. 98, 248.

454 См.: Фельштинский Ю. Разговоры с Бухариным. М 1993. С. 17.

455 Хасс Л. Масонство в Центральной и Восточной Европе. Вроцлав. 1982 // Цит. по: Иванов А. Указ. соч. С. 25.

точников информации.)

Если судить только по масонским (которые становятся доступны очень редко) и близким к ним источникам, то из большевиков и связанных с ними лиц масонское посвящение в свое время получили:

- И.И. Скворцов-Степанов (первый нарком финансов) и
- Г.И. Петровский (уже в марте 1914 г. они, с согласия Ленина, «по-братски» брали деньги на революцию у масонов П.П. Рябушинского, издававшего влиятельную газету «Утро России», и А.И. Коновалова⁴⁵⁶),
- Луначарский (нарком просвещения),
- К. Радек (руководящий сотрудник наркомата иностранных дел и член Исполкома Коминтерна, зав. отделом международной информации ЦК),
- С.П. Середа (нарком земледелия),
- Ю.В. Ломоносов (член президиума ВСНХ),
- Н.В. Некрасов (бывш. министр Временного правительства, при большевиках сотрудник ЦСПО),
- Максим Горький с женой и приёмным сыном З.А. Пешковым (этот брат Свердлова стоял очень высоко в масонстве Антанты, выполняя много доверительных поручений, в том числе в Сибири при правлении Колчака).

На этом фоне было бы интересно найти объяснение тому, почему в Советской России была использована масонская символика в качестве⁴⁵⁷ государственной — пятиконечная звезда (пентаграмма).

Ведь символ — это отображение некоего духовного содержания (о значении пентаграммы скажем в конце).

И не может быть, чтобы большевицкие вожди, вводя эти символы, не поинтересовались их происхождением — а вышеперечисленные большевики-масоны просто не могли их не знать (прежде всего Троцкий, сделавший ее символом Красной армии).

Даже если считать звезду древним символом, то удивляет, как мог попасть в советский герб столь редкий в геральдике «молот», прочно узурпированный масонством (см. далее), в частности как символ власти мастера ложи, откуда возникло масонское выражение «власть молота» в значении «власть мастера в открытой ложе».

Может быть, не в последнюю очередь этой символикой объяснялось то, что «сразу же после революции 1917 г. французские масоны высказались за установление отношений с Москвой....

«Великая ложа» и «Великий Восток» в 1924 г. ходатайствовали о принятии СССР в Лигу наций... в надежде, скорее иллюзорной, что им удастся осуществить в России триумф масонских принципов»⁴⁵⁸, — пишет французский историк масонства.

Правда, в 1922 г. тот же Троцкий на IV Конгрессе Коминтерна заклеил масонство как «буржуазное явление», но это никогда не мешало ему пользоваться помощью тех же буржуа — как раньше для революции, так и потом для восстановления разрушенного ею хозяйства...

Выше мы привели лишь несколько разрозненных указаний на то, что за процессами 1930-х годов и обвинениями оппозиционеров в «терроре» и «работе на капиталистические разведки» с целью «свержения социалистического строя», могли скрываться и реальные факты связей с границей.

Некоторые из заявлений обвиняемых в какой-то мере похожи на правду, например, признание Раковского, друга Троцкого, о подготовке «дворцового переворота» с целью «восстановления капиталистических отношений... через открытый шлюз для внешней торговли..., через широко открытые двери для концессионных капиталов.

456 Катков Г. Февральская революция. С. 214-215; Минувшее. Париж. 1987. № 4. С. 142, 145-147.

457 Lennhoff E., Posner O. Internationales Freimaurerlexikon. S. 664-665.

458 Chevallier P. Histoire de la franc-maçonnerie française. Paris. 1975. P. 210

Бухарин, отрицая связи с разведками, признал эти цели в качестве своих теоретических убеждений⁴⁵⁹.

Взгляды Бухарина называли «правыми» — но, конечно, не в смысле ориентации на русскую национальную традицию; его антирусские высказывания достаточно известны. Бухарин был «правым» в смысле сочетания социализма с рыночными отношениями в экономике; такими же «правыми» были Рыков, Томский.

Это не противоречило «построению социализма в одной стране», тем более что Сталин потом использовал некоторые их тезисы.

Поэтому причину репрессии над бухаринцами, видимо, следует видеть в том, что они, опасаясь личной диктатуры Сталина, приняли сторону троцкистов-интернационалистов, составлявших основную часть антисталинской оппозиции.

Зиновьев же и Каменев, по его мнению Троцкого, органично вписывались в ряды интернационалистов — все «должно было враждебно противопоставить их той волне самобытности, которая угрожала ... смыть Октябрьскую революцию»⁴⁶⁰.

Но они, будучи сначала союзниками Троцкого, предали его — а потом по логике событий настал и их черед, ибо они по всей своей сути были несовместимы с «самобытным термидором» Сталина.

Разумеется, сталинские чистки, помешали осуществлению начатой Уолл-стритом политики — превратить СССР в свою подконтрольную колонию.

Однако в 1930-е годы «мировая закулиса» была вынуждена стерпеть внутривнутрипартийную победу Сталина и не ссориться с ним. Ибо СССР был нужен ей для другой, более важной цели: для разгрома неожиданно возникшего главного врага «мировой закулисы» — фашизма.

Ведь все это участие Уолл-стрита в укреплении СССР в 1920-1930-е годы происходило на фоне возрастания в Западной Европе национальной реакции на победу «мировой закулисы» в первой мировой войне, и эта реакция нравилась западным демократиям гораздо меньше, чем коммунизм.

Эти новые авторитарные режимы в Европе предложили альтернативную (корпоративную) общественную модель, отменявшую паразитическую роль банков и финансируемых ими партий — что грозило нарушить глобальные демократические планы банкиров...

Это движение в то время объединяли под названием «фашизм» — но до второй мировой войны это слово не имело того расистского значения, которое ему придают сегодня, распространяя и на гитлеровский национал-социализм.

В фашистском движении еще до Гитлера участвовали католическая Церковь (католическое социальное учение) и видные европейские экономисты; во всех демократических странах росли партии фашистского типа, а фашистские государства демонстрировали быстрые экономические успехи, опираясь на широкую поддержку народа.

(Впрочем, уже в итальянском фашизме были сильны языческие, нехристианские черты — что и обрекло его в конечном счете на поражение.)

Для «мировой закулисы» стало ясно, что справиться с этим движением можно только силой — то есть путем новой всеевропейской войны.

Для этого необходимо было представить своим народам убедительный военный повод, то есть агрессора, чтобы оправданным ударом по нему разбить все европейское национально-корпоративное движение. А агрессора надо было взрастить.

Родоначальник фашизма Муссолини мало годился на эту всеевропейскую роль. Еще меньше — генерал-христианин Франко и сдержанный профессор Салазар.

Однако, неуравновешенный Гитлер (его нацизм отличался от классического фашизма именно расовой теорией) был весьма обнадеживающей точкой приложения сил — именно

459 Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока», рассмотренному военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2-13 марта 1938 г. М. 1938. С. 369, 186.

460 Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 208.

он из всех авторитарных режимов 1930-х годов получил наибольшие кредиты Уолл-стрита.

(Этот феномен не оставили без внимания и демократические авторы, хотя умолчали о закулисной сути этого явления⁴⁶¹).

«Мировая закулиса» выбрала для этой роли Гитлера и с учетом того, чьими руками будет осуществлен его будущий разгром.

Ибо антиславянская направленность книги «Майн кампф» (1924) давала надежду, что именно агрессия Гитлера против славян станет поводом для войны и будущей расправы. (Показательно, что США признали СССР через 10 месяце» после прихода к власти Гитлера.)

Этой цели служило и Мюнхенское соглашение 1938 г., развязавшее Гитлеру руки для экспансии на Восток за счет принесения в жертву Чехословакии. Так в шахматах жертвуют фигуру, чтобы подтолкнуть противника в ловушку и поставить мат.

(Р. Б. Локарт тогда сразу утешил друга Масарика: Чехословакия сдастся Гитлеру лишь временно, скоро мы ее вернем.)

Б. Николаевским приведено много документальных фактов, что Сталин надеялся на союз с национал-социалистической Германией еще с 1934 г., поскольку это устраняло бы для СССР опасность втягивания в назревавшую войну.

Поэтому в политике антисталинской оппозиции (ориентированной на западные демократии) — и соответственно в чистке аппарата — сыграл роль еще и этот фактор, о котором Бухарин информировал посла США.

Николаевский так пишет об этой причине чистки: «Расправлялись со всеми, относительно кого могла возникнуть мысль, что они не примут идеи соглашения с гитлеровской Германией...

Расправы особенно усилились, когда два крупнейших резидента НКВД за границей, работавшие в тесном контакте с аппаратом, не просто порвали с НКВД, но и начали выступать с разоблачениями в зарубежной печати. Это были Рейсе и Кривицкий...

Оба они были евреями, и очевидно, что на их решение повлияли планы Сталина вступить в союз с воинствующим антисемитом Гитлером»⁴⁶². По той же причине во главе МИДа Литвинов был заменен русским Молотовым.

Заклучение пакта между СССР и Германией в августе 1939 г. было логично.

Известный советолог Л. Фишер в переписке с Николаевским отметил: «Соглашение с Западом для СССР означало войну [против Германии], в то время как соглашение с Гитлером означало отсутствие войны в течение какого-то времени»; то есть Сталин «мечтал направить гитлеровскую экспансию на Запад»⁴⁶³, превратить войну во внутриевропейскую «разборку» и выиграть время, заодно вернув захваченные Польшей земли.

Таким образом, Сталин вновь нарушил планы Запада — европейская война началась не по самому простому и дешевому, мюнхенскому сценарию: Гитлер сначала занял почти всю Европу.

Но при исходных геополитических целях Гитлера — расширение Германии за счет славянских земель — столкновение между нею и СССР рано или поздно должно было произойти.

Тем более, что Сталин настаивал на включении в советскую зону влияния Финляндии, Румынии, Болгарии и Проливов в Средиземное море, на что Гитлер пойти не мог. Поэтому Сталин, разумеется, тоже готовился к будущей войне с Германией, но Гитлер его опередил.

В конечном счете, расчет тех кругов, кто финансировал Гитлера и устроил Мюнхенское соглашение, оправдался...

После нападения Германии на СССР Сталину вновь пришлось ориентироваться на за-

461 См., напр.: James Pool and Suzanne Pool. Who Financed Hitler. The Secret Funding of Hitler's Rise to Power 1919-1933. New York. 1978; Э. Саттон тоже посвятил этой теме книгу: Wall Street and the Rise of Hitler. Seal Beach, California. 1976.

462 Николаевский Б. Тайные страницы... С. 196-197.

463 Там же. С. 496.

падные демократии и объяснять им причины своего национал-большевицкого поворота лишь как прагматические:

«Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию»⁴⁶⁴ — говорил Сталин Гарриману, уполномоченному президента США Рузвельта.

Таким образом, праздник 9 мая как «День победы над фашизмом», помимо победы советской армии над внешним врагом, означает — если вдуматься в его буквальное название — победу «мировой закулисы» над своим главным тогдашним врагом: ценою славянской крови.

Нередко говорят: другого выхода у Сталина не было. Не было — как у коммуниста.

Православный же патриот во главе Российского государства постарался бы создать подлинный нравственный оплот противостояния планам «мировой закулисы» в союзе с такими корпоративными государствами, как Испания, Португалия, Австрия (при канцлере Дольфусе), быть может и с Италией (с оказанием на нее корректирующего давления), и, разумеется, с большинством славянских, балканских и восточноевропейских народов, опасавшихся нацистской экспансии. Но это опять-таки другая тема.

Можно сказать, что чистки и процессы 1930-х годов, были своеобразным отзвуком описанной проф. Саттоном первой «российско-американской революции» 1917-1921 годов.

Саттон тоже отмечает: «Эти вымученные пародии на судебные процессы, почти единодушно отвергнутые на Западе, могут пролить свет на намерения Троцкого», ибо «Троцкий сумел создать себе поддержку от интернационалистов-капиталистов».

Но об истоках зарубежных связей оппозиционеров Сталин, разумеется, предпочел умолчать, ибо при расследовании этого скомпрометированной оказалась бы вся большевицкая партия, начиная с Ленина, пришедшая к власти на деньги врагов России.

Сталин сам был причастен и к большевицкой государственной измене в годы первой мировой войны, и к геноциду крестьянства в годы коллективизации. И в дальнейшем он не превратился из Савла в Павла (за которого его нередко выдают не слишком последовательные патриоты).

Он не вернул страну к Истине и к подлинному патриотизму, а лишь использовал его внешние традиционные черты для укрепления собственной власти. Марксистская идеология продолжала оставаться «единственно верной», культ вождя утверждался под лозунгом: «Сталин — это Ленин сегодня».

Это не означало и ослабления репрессий против народа, стоивших жизни все новым миллионам людей по принципу — «Лес рубят, щепки летят».

Даже если вопрос поставить так: пошла ли объективно на пользу русскому народу национальная мутация большевизма, начавшаяся этими процессами и заявившая о себе в последующее десятилетие в связи с войной? — то польза тут была не благодаря Сталину, а благодаря сопротивлению самого русского народа, подспудно пересилившего беснования интернационалистов.

При несправедливых режимах надо всегда разделять интересы власти и интересы народа. Иногда они невольно совпадают, как, например, в защите целостности государства.

Однако национал-большевизм потом и помешал воссозданию подлинного русского патриотизма, ставя его под удар обвинений в «сталинизме» и т. п., сужая исторический и духовный кругозор его носителей. Партия же в целом до конца держалась своей ложной боготорческой идеологии, не жалея ради нее своего народа.

Но и утверждать, как это долго делали левые либералы на Западе и затем советские потомки репрессированных партийцев, что главным — и чуть ли не единственным! — палачом народа был Сталин, «искаживший учение Ленина» — это значит обелять ленинско-троцкистскую «гвардию», которая с 1917 года совершила наиболее жестокие преступления против русского народа.

464 Цит. по: Там же. С. 204.

Эмигрант В.Л. Бурцев, в связи со сталинскими процессами 1930-х годов, выпустил книгу с подзаголовком «По поводу 20-летнего юбилея предателей и убийц», в которой писал о подсудимых:

«Историческая Немезида карала их за то, что они делали в 1917-18 гг. и позднее... Навероятно, чтобы они были иностранными шпионами из-за денег. Но они, несомненно, всегда были двурушниками и предателями — и до революции, и в 1917 г., и позднее, когда боролись за власть со Сталиным... Не были ли такими же агентами... Ленин, Парвус, Раковский, Ганецкий и другие тогдашние ответственные большевики?»

В этих процессах Сталин «не проявил никакого особенного зверства, какого бы все большевики, в том числе и сами ныне казненные, не делали раньше...

Сталин решился расправиться с бывшими своими товарищами», ибо «чувствует, что в борьбе с Ягодами он найдет оправдание и сочувствие у пострадавших народных масс. В России... с искренней безграничной радостью встречали известия о казнях большевиков...»⁴⁶⁵.

Понятен поэтому восторг одного старого офицера, который сказал тогда: «Я счастлив. Тюрьмы полны евреями и большевиками» (эту фразу передают многие авторы, например, Р. Медведев и Л. Разгон).

На фоне этих цитат можно поправить и слова проф. Саттона, что «современная Россия продолжает царский антисемитизм». Это верно лишь в том смысле, что национально мыслящие русские люди всегда относятся к евреям так, как евреи относятся к России.

6. Духовная общность двух Интернационалов и теория конвергенции

Но почему же все-таки «мировая закулиса» сочла коммунистическую диктатуру в СССР, ставившую себе цель мировой революции, меньшей опасностью по сравнению с фашизмом, не отвергавшим частной собственности?

На что надеялся Уолл-стрит, поддерживая большевиков в 1920-1930-е годы, несмотря на знаменитое ленинское обещание повесить капиталистов на той «веревке», которую они сами для этого дают?

Видимо, это разногласие «мировая закулиса» надеялась преодолеть в рамках своей долгосрочной глобальной стратегии.

Проф. Саттон показывает, что в начале XX в. у нее возникла «программа захвата власти», состоявшая в том, что «Правительства всего мира... должны быть социализированы, но верховная власть должна оставаться в руках международных финансистов» (гл. 11).

Для иллюстрации возможного совмещения банкирской космополитической идеологии с коммунистической приведем несколько цитат из «Манифеста коммунистической партии» Маркса-Энгельса: «Законы, мораль, религия — все это... не более как буржуазные предрассудки».

«Рабочие не имеют отечества... Национальная обособленность и противоположности народов все более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни».

У коммунистов была и сходная цель объединения мира под одним правительством; разница лишь в том, что капиталисты предназначали в мировые правители себя, а коммунисты — себя...

Не противоречит этому и идея «перманентной мировой революции» Троцкого, цель которой можно видеть по его восторженным отзывам о США: «Я оказался в Нью-Йорке, в сказочно-прозаическом городе капиталистического автоматизма, где на улицах торжествует эстетическая теория кубизма, а в сердцах — нравственная философия доллара.

Нью-Йорк импонировал мне, так как он полнее всего выражает дух современной эпохи... Цифры роста американского экспорта за время войны поразили меня. Они предопределяли ... решающую мировую роль Соединенных Штатов после войны...

465 Бурцев В. Преступление и наказание большевиков. Париж. 1938. С. 3-7.

Я уезжал в Европу с чувством человека, который только одним глазом заглянул внутрь кузницы, где будет выковываться судьба человечества. Я утешал себя тем, что когда-нибудь вернусь»⁴⁶⁶.

Того же Троцкий хотел и для Европы: «...лозунг Соединенных Штатов Европы — без монархий и постоянных армий — стал бы в указанных условиях объединяющим и направляющим лозунгом европейской революции»⁴⁶⁷.

Разумеется, Ленин и Троцкий считали, что банкиры, космополитизируя мир, «бессознательно» содействуют мировой коммунистической революции. Банкиры же полагали, что революционеры, разрушая мир христианских ценностей, работают на установление всемирной власти денежной олигархии.

Но в представлениях об обществе будущего их идеологии во многом совпадали, как и во враждебном отношении к «реакционной» православной России. Ленин лишь выражал свою ненависть к ней иными, чем Шифф, — «классовыми» терминами:

«Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман... Пролетариат же не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а напротив... поддерживает все, ведущее к слиянию наций».

«Может великорусский марксист принять лозунг национальной, великорусской, культуры? Нет... Наше дело — бороться с господствующей, черносотенной и буржуазной национальной культурой великоруссов»⁴⁶⁸.

Во всяком случае, ситуация была очевидна для 1920-х годов, которую описал проф. Саттон: «Революция и международные финансы не так уж противоречат друг другу, если в результате революции должна установиться более централизованная власть.

Международные финансы предпочитают иметь дело с централизованными правительствами. Менее всего сообщество банкиров хочет пустить экономику на самотек и децентрализовать власть» (гл. 11).

На фоне этих выводов понятно, что не только теорией были такие высказывания русских религиозных философов, как, например, парижанина В.Н. Ильина:

«Совершенно нецелесообразным представляется... противопоставление революции капитализму и буржуазному строю. Так как золотой телец, «мамона» — финансовый капитал, есть тоже представитель идеи чистой власти, то отсюда связь революции с «мамоной» не смотря на видимость борьбы.

В сущности, нужно говорить так: и революция и мамона являются двумя ликами одной и той же идеи чистой власти, ее феноменологией... Теперь совершенно ясно, почему современная буржуазия, капитализм и масонство так тесно связаны с лоном революции, почему они это лоно поддерживают и питают...»⁴⁶⁹.

Это питание даже на межгосударственном уровне продолжалось до 1940-х годов. В результате в годы второй мировой войны в компартии окрепла не только национал-большевицкая часть (к патриотической обороне Сталин призвал даже уцелевших епископов и назначил Патриарха), но и интернационалистическая, которой было доверено установить контакты с теми же западными «союзными» кругами ради «ленд-лиза».

Немалую роль в этом сыграл созданный в 1941 г. «Еврейский антифашистский комитет».

В первые годы войны США, по их данным, поставили «братскому режиму» в СССР 14,5 тысяч самолетов, 7,5 тысяч танков, на 1 миллиард долларов боеприпасов, 475 тысяч тракторов и тягачей, 30 тысяч металлорежущих станков, 2 тысячи локомотивов, более 300 тонн цветных металлов, резину (в которую было обуто три четверти колёсного транспорта), 2 миллиона тонн продовольствия, одежду...

466 Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 307, 317.

467 Троцкий Л. К истокам русской революции. 1990. С. 139.

468 Ленин В. ПСС. 5-е изд. 1961. Т. 24. С. 120-122, 133.

469 Ильин В. Религия революции и гибель культуры. Париж. 1987. С. 11-12.

Без американской помощи Сталин не удержался бы после сокрушительных поражений 1941 года. Таким образом, «мировая закулиса», преследуя свои цели, вновь спасла коммунистический режим в России, а десятки миллионов русских жизней спасли демократию в Европе.

И если 1917-1933 годы были этапом «российско-американской совместной революции», вызвавшим реакцию в виде процессов 1930-х годов, то 1941-1945 годы стали уже этапом «совместной войны». И она также вызвала аналогичную реакцию в виде внутренней борьбы и новых чисток.

Послевоенную борьбу между национал-большевиками и интернационалистами Сталин сначала использует лишь для взаимного истребления подозрительных и «отработавших» кадров с обеих сторон.

Но эта борьба усугубилась симпатиями советских евреев к Израилю, созданному решением Совета Безопасности ООН (при активном участии СССР).

Стихийные приветственные демонстрации во время визита в Москву Голды Меир, вызвали у Сталина недоверие к евреям 470, — пишет И.Б. Шехтман.

И если учесть высокий процент евреев в советской интеллигенции, то планы Сталина провести уже действительно еврейскую чистку приобретают правдоподобные объяснения.

Началась подготовка к новому процессу над «шпионами», еврейские авторы утверждают, что были подготовлены материалы, оправдывающие депортацию евреев на Дальний Восток, но этому помешала смерть вождя.

Многие признанные на Западе исследователи считают, что диктатору помогли умереть те, от кого он хотел избавиться. «Гипотеза об убийстве Сталина основана на серьезных доводах»⁴⁷¹, — пишет М. Геллер.

Очевидно то, ближайшие соратники Сталина, обреченные на заклятие, имели для этого особые причины, — считает Авторханов: «из 11 членов Политбюро пять оказались еврейскими родственниками (Молотов, Маленков, Ворошилов, Хрущев, Андреев), один — евреем (Каганович), один «полуевреем» (Берия)»⁴⁷²; для них было естественно — защищаться.

Послевоенная «холодная война» между коммунизмом и капитализмом наметилась, однако, еще накануне антиеврейской кампании — поскольку коммунизм в России, особенно после реабилитации русского патриотизма в годы войны, все больше переставал быть слабым, интернационалистическим.

«Мировая закулиса» увидела, что недооценила ни агрессивного глобального потенциала коммунистической идеологии, ни национальных особенностей России, которую оказалось «легче убить, чем повалить».

Лишь с этого времени и началось противостояние Запада Советскому Союзу, но не столько коммунизму, сколько возможности воссоздания на его месте исторической России.

США выразили это в «Законе о порабощенных нациях» (1959)⁴⁷³, определив своего врага как «русский коммунизм» и официально обязавшись поддерживать против него все сепаратистские движения среди народов СССР.

Разногласия же «мировой закулисы» с марксистской идеологией и в этот период не были принципиально несовместимыми (вспомним активность А. Хаммера). К тому же молодое поколение партийных функционеров возрастало на зависти к материальному уровню Запада и с комплексом неполноценности перед ним.

Это было неизбежным следствием экономически неэффективной системы, основанной на очевидной лжи и несвободе — что вело к невольной идеализации противоположного строя. В годы «перестройки» именно эти иллюзии, умело манипулируемые с Запада, помог-

470 Шехтман И. Советская Россия, сионизм и Израиль // Книга о русском еврействе. Нью-Йорк. 1968. С. 333-334.

471 Геллер М. Вехи 70-летия. Лондон. 1987. С.67-68.

472 Авторханов А. Загадка смерти Сталина. Франкфурт-на-М. 1976. С. 154.

473 Текст см. в сборнике: Радио Свобода в борьбе за мир... Москва-Мюнхен. 1992. (Сост. М. Назаров).

ли «мировой закулисе» разрушить СССР и укрепиться во всех его обломках.

В 1970-е годы проф. Саттон ставил вопрос: «Может ли капитализм быть тезисом, а коммунизм антитезисом для достижения цели революционных групп и их финансистов — синтезировать эти две системы в какую-то еще неизвестную мировую систему?».

Для обозначения этого синтеза как цель «холодной войны» возникла идея «конвергенции» капитализма с коммунизмом в нечто среднее.

В действительности же после крушения коммунистического лагеря, произошла конвергенция в одну сторону: коммунистического общества в западное.

Но и западное общество все более обнаруживает умело маскируемые тоталитарные черты, в основном вследствие использования новых средств контроля — это, видимо, и должно стать тем «третьим», к которому издавна стремятся банкиры: всемирной космополитической тоталитарной демократией.

После крушения коммунистической системы шансы для такого объединения мира стали вполне реальны, ибо силе долларовых бумажек ничего материально сравнимого не противостоит. Правительство США открыто провозгласило идеологию «Нового мирового порядка» под своим господством.

Его идеолог ф. Фукуяма называет это «концом истории», а уже знакомый нам Ж. Аттали описывает этот «торговый строй» как общество, предельно атомизированное, но и предельно подконтрольное банкирам посредством электронной техники.

С помощью этой техники будут делаться (по-прежнему «из ничего») и сами деньги: нажатием банкирского пальца на клавишу компьютера. А пользоваться ими — продавать и покупать — сможет уже лишь лояльный индивидуум, удостоенный чести быть занесенным во всемирный компьютер...

Усиление активности «мировой закулисы» по унификации мира и подавлению в нем очагов возможного сопротивления (и альтернативных общественных моделей) мы видим на примерах спровоцированной войны против Ирака, блокады расчлененной православной Сербии, наконец, в активном вмешательстве в России, где у власти с 1991 г. поставлены неофевдалистские силы, создающие бездуховное общество, которое обеспечивает контроль над ним мировой финансовой олигархией.

Таким образом, мы вынуждены возразить против мнения проф. Саттона, что: «Финансисты имели один мотив — власть — и поэтому помогли любому политическому инструменту, который обеспечил бы им доступ к власти: будь то Троцкий, Ленин, царь. Колчак, Деникин — все они получали помощь в большей или меньшей степени».

Нельзя не видеть, что «мировой закулисе» была приемлема далеко не всякая власть в России, ибо не всякая обеспечила бы неограниченное господство их денег.

Выше уже отмечено, какой была их «помощь» Колчаку и Деникину. Православный же Царь никак не хотел обеспечивать им доступ к власти — поэтому и была ими сокрушена монархия. Это отразилось и в меморандуме Томпсона Ллойд-Джорджу: «Демократическая Россия стала бы величайшим военным трофеем, который когда-либо знал мир».

Нельзя не видеть, что «мировая закулиса» все сделала против православной власти, затем отдала предпочтение красным перед белыми в гражданской войне, а затем (в своей «советологии») троцкистам-интернационалистам перед национал-большевиками в 1930-е годы.

Лишь необходимость использовать СССР для разгрома фашизма заставила «закулису» в годы войны примириться с национальной мутацией коммунизма, но после победы над фашизмом (русской кровью) объявление «холодной войны» было логично.

Как и позже подталкивание «десталинизации» в сторону интернационализма (что привело к новым репрессиям против Церкви), сведение коммунистических преступлений только к репрессиям против «своих», соответствующее направление горбачевской «перестройки» и экономическая оккупация России в неофевдалистскую эпоху Ельцина.

Наблюдая за логикой действий Запада, И.А. Ильин это предвидел уже в 1950-е го-

ды⁴⁷⁴: «Если что-нибудь может нанести России, после коммунизма, новые, тягчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании — демократический строй».

Это «значит вернуться к пустому фразерству Временного правительства и повторить гибельный эксперимент того времени в новом несравненно худшем виде». С провозглашения демократии начнется «внедрение в Россию мировой закулисы», которая бросит на это огромные деньги.

«Среди обнищавшего, напуганного и беспомощного русского населения инфильтрация разольется неудержимо, все политические и социальные высоты будут захвачены тихой сапой и скоро все республиканские правительства будут служить «одной великой идее»: безыдейной покорности, безнациональной цивилизации и безрелигиозного псевдобрательства».

Враги России «не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом «терпимости» — безбожие, под видом «республики» — покорность закулисным мановениям, и под видом «федерации» — национальное обезличие...

Им нужна Россия с убывающим народонаселением...

Им нужна Россия безвольная, погруженная в несущественные и нескончаемые партийные распри...

Им нужна Россия расчлененная, по наивному «свободолюбию» согласная на расчленение и воображающая, что ее «благо» — в распадении...

Но единая Россия им не нужна», — предупреждал полвека назад идеолог белого Зарубежья.

Все это мы теперь видим воочию. Как и то, что для выполнения этих планов для Запада наиболее приемлемыми оказались бывшие коммунистические вожди, пережившие в демократов.

Именно они стали президентами как РФ, так и других «независимых государств», нарезанных на российском теле по большевицкой антирусской прихоти.

Это понятно: такими президентами-марионетками Западу легче манипулировать извне, ибо они благодарны уже за то, что западные менторы предали забвению все их преступления над Россией.

Точнее: все их совместные преступления над Россией, которую они по-прежнему совместно стремятся выдать за «тюрьму народов».

Соппротивление же своей власти они теперь преодолевают по-демократически: целенаправленным разложением народной нравственности.

Противостоять этому может только возрождение русского национального самосознания — которое и воспринимается ими как главный враг: «Русский национализм может стать большей угрозой миру, чем был коммунизм»⁴⁷⁵ — откровенно заявил Сорос (Шифф нашего времени).

Лишь нежелание посткоммунистических вождей вскрывать истинный масштаб преступлений партии Ленина сделало возможным выдвижение ее остатка в качестве главной оппозиции против нынешней олигархии -когда люди сравнивают нынешний произвол с недавним тоталитарным «порядком».

И «мировая закулиса» успешно использует этот, казалось бы, отработавший свое коммунизм в новых целях: некоммунистическая оппозиция в неофевралистской России выгодна Западу, ибо при всей своей справедливой критике «семибанкирщины» она затемняет суть всего происшедшего в XX в. и даже помогает неофевралистскому режиму обелять себя как «меньшее зло» в сравнении с кровавой большевицкой историей.

Это наглядно проявилось на президентских выборах 1996 года.

474 Ильин И.А. Наши задачи. Париж. 1956. Т. 1 и Т. 2.

475 Сегодня. М. 1994. 15 марта.

Да и есть ли принципиальная духовная разница между неокommунистической оппозицией и неофевралистской властью? Ее нет, как не было и в 1917 году.

Об этом, с одной стороны, свидетельствуют постоянные перебеги коммунистических функционеров к кормушкам в лагере власти. А с другой стороны — и при «антикоммунисте» Ельцине в центре столицы все еще лежит труп ее разрушителя и богоборца.

Пассажиры «запломбированных» вагонов и парохода Троцкого возлегают у святых стен Кремля (в их числе царевубийцы Свердлов и Войков, глава «Союза воинствующих безбожников» Губельман, марионетка Уолл-стрита Джон Рид).

Масонские пентаграммы все еще оскверняют и Кремль, и нашу армию. А в выходящих учебниках и книгах вроде «Очерков истории российской внешней разведки» (М., 1996) под редакцией «академика» и главы российского МИДа Е.М. Примакова прославляются те самые его предшественники-соплеменники — Слуцкие, Трилиссы и Ко., которые похищали и убивали белых патриотов-эмигрантов.

Таким образом, в 1990-е годы духовные потомки коммунистов-интернационалистов вместе с потомками банкирских династий «мировой закулисы» устроили русскому народу новую «российско-американскую совместную революцию» с теми же целями и жертвами (наше население уменьшается ежегодно на полтора миллиона человек).

Эту новую революцию врагам исторической России удалось осуществить новым — информационно-денежным оружием и под старыми лозунгами «светлого будущего».

7. Тайна и явь беззакония

В чем же смысл этого нового «светлого будущего», к порогу которого мы подошли?

То есть, что нам готовит «Новый мировой порядок» США, символически изображенный на однодолларовой банкноте в виде масонской пирамиды власти с надписью: «Новый порядок на века»?

На этот вопрос есть ответ: нам готовят «конец истории».

Но он будет не таким, каким его трактует идеолог мондиализма Ф. Фукуяма как «окончательную общественную модель» американского типа.

Конец истории давно описан в откровении Священного Писания: в результате отступления людей от Бога готовится торжество на земле сатанинской «тайны беззакония» (2 Фес. 11), которая, противясь Божественному закону жизни, временно и обманно восторжествует на земле в пришествии антихриста, окончив земную историю согласно закону смерти.

Таким образом, мы разделяем именно ту, оспариваемую проф. Саттоном точку зрения, что «большевицкая революция... отражает многовековую религиозную борьбу между христианством и «силами тьмы»» (прил 2.). И это относится ко всем этапам революции с Февраля 1917 г.

Причины ее заключались не только в «грехах» России, которые отмечают западные и советские историки. Да, грехи, особенно начиная с раскола русского общества Петром I, сыграли свою роль.

Однако, нельзя не видеть, что одной из главных причин революции стали не грехи, а достоинства России и ее последнего Царя.

Россия была последним «белым пятном» истинных христианских ценностей в эпоху наступавшей капиталистической цивилизации, разлагающей мир. На религиозном языке этот процесс разложения христианского мира называется апостасией — отступлением людей от Божественной Истины.

А власть, сопротивляющаяся апостасии, отождествляется с тем «Удерживающим», о котором апостол Павел говорил как о последней преграде воцарению антихриста (2 Фес. 2, 7-8).

И если рассмотреть историю Нового времени, то очевидно (об этом на своем языке писал и Маркс), что этим «Удерживающим» была православная Россия во главе с Русским Царем — Помазанником Божиим.

Поэтому его свержение и убийство было ритуальным, переломным моментом истории,

— независимо от того, сознавали это или нет сами убийцы.

Быть может, этот религиозный уровень проблемы не всем читателям покажется уместным в данной документальной книге — но без него не понять даже подлинного смысла ежедневной сводки новостей.

Нам же следует осознать смысл происшедшего с нами во всем XX веке, чтобы понять историческое призвание России и то, за какую Россию вновь идет борьба сейчас.

Эта тема является основной целью нашего альманаха «Русская идея», преломляясь в разных аспектах; к другим его выпускам мы и относим наших читателей⁴⁷⁶.

Сейчас же вкратце отметим, что с православной точки зрения могут быть два принципиально разных типа общества:

1) общество, сознающее смысл жизни как исполнение Божия замысла о человеке, воспитывающее его к духовному совершенству и тем самым спасающее его для жизни вечной — такова цель.» православной монархии;

2) общество, игнорирующее Божественный замысел и управляющее людьми посредством опоры на людские пороки, для господства над преходящим миром земным — что предлагал сатана Христу в пустыне.

В «русской» революции 1917 г. столкнулись эти две концепции, и с сокрушением удерживающей России человечество вступило в предапокалипсическую эпоху. Продолжительность ее нам знать не дано.

Однако в библейском примере с городом Ниневия нам дано понять, что судьба мира зависит от поведения людей: если мы сможем осознать свои ошибки и грехи, покаяться в них и извлечь уроки для возвращения к Истине — земная история будет продолжаться.

Если человечество окажется уже неспособно к этому и продолжит свое скольжение вниз — то конец истории наступит скоро.

Пока что после падения власти КПСС произошло не преодоление коммунистического режима в сторону воссоздания исторической России, а запланированная «мировой закулисой» конвергенция этого режима в сторону западной постхристианской демократии — системы, сознательно и свободно (в отличие от насильственного коммунизма) выбравшей путь тайны беззакония.

И для этого имелись не только личные эгоистические причины у западных и перекресившихся советских политиков. Их объединяет и духовная связь, ибо при всем былом противоборстве капитализма и марксизма они изначально имели один и тот же идеал: контролируемое унифицированное материалистическое общество.

Разница была лишь в методах контроля и унификации. Большевицкие материалисты надеялись этого достичь тотальной отменой личной свободы человека, — но это оказалось утопией, ибо человек по своей духовной природе нуждается в свободе и всегда будет оказывать стихийное сопротивление такому эксперименту, обрекая его на крах и делая такое государство уязвимым.

Тогда как либерально-демократические материалисты сделали ставку на эксплуатацию человеческой свободы — как свободы человеческих пороков — представляющих собой более эффективное (ибо «добровольное») средство закабаления посредством денег и их СМИ.

Эта «свобода» (свобода от Божественной Истины) была целью называемых «буржуазных» революций на Западе: они тоже были этапами на пути к господству все той же «мировой закулисы».

Совершенно оправданно один из персонажей книги проф. Саттона, ведя в США агитацию в пользу признания власти большевиков, утверждал что российская революция лежит в

476 Другие издания «РИ» перечислены в конце данной книги, они есть в главных российских библиотеках. См. также статьи: Историософия смутного времени // Вече. Мюнхен. 1992. № 46; Запад, коммунизм и русский вопрос // Москва. М., 1995. № 6; статьи о смысле истории: Православная беседа. М., 1994. № 5; 1995. № 3, 5-6; 1996. № 5; 1997. № 6.

том же русле, что и американская, создавшая США как независимое от монархической Англии масонское государство.

Идейное родство коммунистической и капиталистической систем проявилось и в их общей символике — пятиконечной звезде, которая, согласно масонскому словарю, «относится к общепринятым символам масонства», имеет связь с традицией каббалы и «восходит к «печати Соломона», которой он отметил краеугольный камень своего Храма».

«Молот» из советского герба также означает у масонов инструмент построения Храма⁴⁷⁷. В масонстве вся символика происходит от Храма Соломона, с воссозданием которого связывается построение масонского «светлого будущего», своеобразного «рая на земле».

Согласно же христианскому преданию, возникшему до масонства, в восстановленном Храме Соломона восседает антихрист как всемирный правитель.

Быть может, эта символика была принята большевиками непродуманно, подражательски, но образ родства между масонством и коммунизмом получился впечатляющий: ведь и коммунисты претендовали на построение похожего «светлого будущего». Только в их терминологии оно называлось не «Новым мировым порядком», а «Новым миром».

Будучи убежденным республиканцем, проф. Саттон не согласится с таким выводом. Но его книга — хотел того автор или не хотел — вскрывает олигархическую сущность западных демократий.

На этом фоне тем более невозможно согласиться с ним в оценке российской монархии: разве при ней было возможно такое всевластие финансовой олигархии, как в демократическом «обществе, истинно свободном для индивидуума», которое проф. Саттон противопоставляет и царской России и большевикам?

Завершая это послесловие, подчеркнем и наш практический вывод из книги американского профессора: если Россия возродится, она должна будет предъявить Западу счет за все наши страдания в XX веке, по крайней мере нравственный счет.

Конечно, большинства потерь, как и сотни миллионов жертв, в земной мир уже не вернуть. Но зло должно быть названо злом — для того, чтобы дать всем людям в мире возможность последнего выбора пути добра, иначе продолжение катастрофы ждет уже всех.

Должны быть четко определены и носители зла. В постхристианских демократиях масонство, сыграв свою роль «тарана старого мира», уже выполнило свое историческое предназначение. Оно, конечно, по-прежнему влиятельно, но существует скорее по инерции.

Масонство было лишь инструментом антихристианской «закулисы», которая сейчас имеет более эффективный инструмент глобального воздействия: станок для печатания долларов — в виде пряника, и военную мощь НАТО — в виде кнута.

Сейчас на Западе обращают на себя внимание закулисные организации нового типа, объединяющие самих власть имущих.

Таковы созданный в 1921 г. в США банкирскими династиями и масонством «Совет международных отношений» (сейчас в нем важные роли играют Д. Рокфеллер и Г. Киссинджер), основанное в 1954 г. в Европе теми же кругами более широкое общество «Бильдерберг» и созданная в 1972 г. З. Бжезинским и Рокфеллером «Трехсторонняя комиссия» (для представителей от США, Европы, Японии).

Все они представляют собой три переплетающихся ветви одного дерева, корнящегося в США, ствол которого образуют еврейские банки.

В деле восстановления России нашему народу в лице этих структур противостоит противник, не брезгающий никакими средствами и имеющий гораздо большую мощь, чем в 1917 году. Поэтому его изучение должно, стать главной задачей российской национальной безопасности.

Разумеется, пока что русские патриоты могут «это» делать лишь по личной инициативе — и хорошо, если у кого-то есть такие возможности в государственных службах. Но в наших руках есть и мощное оружие против этого противника: правда о его роли в «рус-

477 Lennhoff E., Posner O. Op. cit. S. 483. 809. 1192-1193, 664-665.

ской» революции.

Уже сейчас в России есть силы, способные воспринять и утвердить в общественном мнении ту принципиальную позицию, которую наш народ сразу после революции выразил устами своего законного возглавления в русском Зарубежье (см. Приложение 7).

Вспомним тот официальный протест-предупреждение «от имени будущей освобожденной России» против величайшего преступления XX века — разрушения исторического Российского государства ставленниками «мировой закулисы».

Уже тогда от имени нашего народа всему миру было четко заявлено, что все результаты этого преступления «будут юридически ничтожны» — сколько бы стран ни согласились узаконить это преступление и сколько бы времени с тех пор ни прошло.

Такие преступления не имеют срока давности, ибо от них зависит дальнейшая судьба мира.

Беззаконие — вот ключевое слово и для оценки революции, и для отношения революционеров к русскому народу, и для отношения западных демократий к преданной ими России.

«Тайна беззакония» стала явью — но в этом и единственный положительный смысл революции: имея доказательство от обратного, мы теперь в состоянии опознать силы зла и лучше организовать сопротивление им.

Москва, январь 1998 г.

www.wakeupnow.info